UNIVERSITY OF TORONTO DUPL
3 1761 00290024 9

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1966

РУССКІЕ ПРОПИЛЕИ

ТОМЪ 4

МАТЕРІАЛЫ
ПО ИСТОРІИ
РУССКОЙ МЫСЛИ
И
ЛИТЕРАТУРЫ

СОБРАЛЪ И ПРИГОТОВИЛЪ КЪ ПЕЧАТИ
М. ГЕРШЕНЗОНЪ

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

МОСКВА
ИЗДАНІЕ М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ
1917

8456.2
4.27
40

ANALYZED

АРХИВЪ
Н. П. ОГАРЕВА

I

PG
3201
G4E
E.4

LIBRARY
OCT 20 1966
UNIVERSITY OF TORONTO

1133679

Типо-литографія Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°, Пименовская ул., соб. д.
Москва — 1917.

Предисловіе.

„Архивъ Н. П. Огарева“ составляютъ бумаги, 1) уцѣлѣвшія, послѣ отъѣзда Огарева за-границу, въ его пензенскомъ имѣніи с. Старомъ Акшенѣ, перешедшемъ къ его шурину, Н. М. Сатину, 2) привезенныя Н. А. Огаревой туда-же при ея возвращеніи въ 1876 году изъ-за границы, 3) хранившіяся у покойнаго проф. А. А. Герцена въ Лозаннѣ и переданныя имъ имъ въ 1902 году. Настоящій томъ обнимаетъ время съ конца 40-хъ годовъ до окончательнаго распаденія Лондонскаго гнѣзда Герценовъ и Огаревыхъ, т.-е. до 1865 г.; весь остальной матеріалъ составитъ содержаніе слѣдующаго тома.

О Герценѣ и Огаревѣ писано такъ много, что основныя черты и даты ихъ біографій можно считать достаточно извѣстными. Но документы, печатаемые здѣсь, вводятъ насъ въ самое горнило ихъ жизни; словно на фантастической сценѣ они сызнова живутъ свою неподдѣльную жизнь, переживаютъ во второй разъ публично все то, что̀ когда-то во плоти изживали скрытно отъ всѣхъ. Между сценой и нами смерть провела таинственную грань; стоя за чертою, мы въ благоговѣйномъ молчаніи смотримъ, какъ совершаются роковыя вины и строятся судьбы, какъ малые соблазны неодолимо влекутъ обреченную жертву, и какъ въ самой гибели, въ безвыходной тѣснотѣ страданій, человѣческій духъ тѣмъ жарче горитъ немеркнущимъ огнемъ тоски, надежды и боли, чуя ложь воплощеннаго міра и правду иную. Въ участи Герцена, Огарева и Н. А. Огаревой полностью оправдались слова Гёте о небесныхъ силахъ:

Ihr führt ins Leben uns hinein,
Ihr lasst den Armen schuldig werden,
Dann überlasst ihr ihn der Pein:
Denn alle Schuld rächt sich auf Erden.

Но такъ лишь отъ колыбели до гроба; намъ же, зрителямъ завершенной жизни, ясны въ ней не только вина и кара, но и просвѣтляющій смыслъ ея, невыразимый.

Perlstein № 24 1928

Первыя страницы этого тома заняты письмами Огарева къ А. А. Тучкову и дочерямъ послѣдняго. Тучковъ былъ сосѣдъ Огарева по пензенскому имѣнію и давнишній его пріятель. Имя Тучкова у насъ мало извѣстно, хотя о немъ немало писано (см. „Воспоминанія“ Н. А. Огаревой, „Политическія и общественныя идеи декабристовъ“ В. И. Семевскаго и его же статью въ сборникѣ „Крестьянскій строй“ 1905 года, мою статью въ „Вѣстникѣ Европы“ за августъ 1900 г.). Въ 1848 году, когда начинается переписка Огарева съ дочерью Тучкова, Наталіей Алексѣевной, онъ уже окончательно разошелся со своей первой женой, Маріей Львовной. Такимъ образомъ біографически сближеніе Огарева съ Н. А. Тучковой непосредственно примыкаетъ къ исторіи его первой любви и женитьбы, о чемъ я подробно разсказалъ въ „Образахъ прошлаго“.

Приношу искреннюю благодарность В. Ф. Ходасевичу за добрую помощь въ настоящей работѣ.

I.

1838—1865.

1.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову.

[20 марта 1838 г.]

Гдѣ вы, что вы, любезный другъ? Доѣхали ли? Сказали ли наконецъ: „Ну слава Богу, вотъ я и дома!"? Мнѣ бы хотѣлось, чтобы мое письмо и пропущенная газета съѣхались съ вами въ Яхонтовѣ и чтобы, послѣ привѣта семейства, вы нашли привѣтъ друга.

Я люблю начинать мои письмы съ дѣла, потому что имѣю странную привычку забыть объ немъ если откладываю до послѣдней страницы. А дѣло вотъ въ чёмъ. Если вы найдете мнѣ Управляющаго, то все же погодите отставлять Баймаковскаго прикащика до окончанія межеванья, потому что онъ одинъ, яко туземецъ, хорошо знаетъ Географію, Статистику и Исторію деревни Баймакова; потомъ съ—вы знакомы съ Гжею Цейдлеръ—она требуетъ съ меня деньги за владѣніе землею; я отъ этаго не прочь, если ея требованія справедливы; но знаменитый прикащикъ Баймакова, знающій всѣ обстоятельства до него относящіяся какъ свои пять пальцевъ, утверждаетъ, что ея требованіе несправедливо. Мнѣ заглазно трудно рѣшить кто правъ, кто виноватъ, прикащикъ ли изъ усердія къ моей пользѣ или Гжа Цейдлеръ изъ усердія къ моему вреду; а я вы знаете человѣкъ честный какъ большая часть людей: своего не даю, чужаго не хочу. Вы меня много бы одолжили, призвавъ моего прикащика и разпросивъ о дѣлѣ. Мнѣ совѣстно тревожить васъ моими пустяками—но въ этомъ виноваты вы, потому что захотѣли помочь мнѣ по дружбѣ и добротѣ душевной.—Еще прошу совѣта: опасно или нѣтъ отпустить на волю моего стараго Управляющаго и пока оставить его на мѣстѣ или нѣтъ. Мнѣ совѣстно, что я тяну дѣло, а между тѣмъ боюсь, чтобы воля не имѣла худаго вліянія на судьбу моихъ денегъ и крестьянъ; а иногда думаю, что онъ былъ бы, какъ вольный, вдвое

аккуратнѣе и отчетливѣе, чтобы не терять мѣста. Какъ вы думаете? Конечно я могу его отпустить послѣ перемѣны—ну, а если Управ. Закревскаго откажется? Помогите совѣтомъ—я признаю въ себѣ рѣшительную неспособность управлять людьми и великую способность безотчетно имъ ввѣряться; въ припадкѣ послѣдняго разположенія духа, я обѣщалъ дать ему вольную.—

Ну, да довольно объ этомъ. Боюсь, чтобъ вы меня не разругали за болтовню; за глупость въ подобныхъ дѣлахъ ругайте сколько хотите. Что вамъ сказать о Москвѣ, которую вы такъ недавно оставили? Она стала гораздо грязнѣе и только. Весенній воздухъ меня радуетъ; мнѣ уже кажется, что поля зелены и я ѣду на Кавказъ. Мнѣ ужасно хочется на Кавказъ. Ясное утро, горы да степи, да чувство грустное и сладкое вмѣстѣ все это меня радуетъ. Я ворчу на себя что не могу жить иначе какъ внутри самаго себя, съ моими ощущеніями или съ общими идеями, а не могу не сознаться, что всякая другая сфера для меня несносно тяжела. И такъ мѣсяца черезъ два, я буду фантазировать на Машукѣ и ломать голову надъ Феноменологіей духа, а въ Сентябрѣ можетъ съѣдимся, вы мнѣ разкажете что вы подѣлывали, какъ провели время полное дѣятельности, а я разкажу вамъ моимъ вялымъ языкомъ о томъ, что я передумалъ и сколько выпилъ скверной вонючей воды.—Корсаковъ [1] отправился въ наши стороны; мнѣ грустно, что я рѣдко съ нимъ видѣлся, я люблю его отъ души; но я такъ мало увѣренъ въ себѣ, что мнѣ казалось будто ему скучно со мною (но это: entre ns soit dit). Страница къ концу, а стрѣлки хотятъ сойтись на 12 часахъ. Прощайте. Жена вамъ кланяется. Пишите, хотя изрѣдка.

Tt à vs

Н. Огаревъ.

20 Марта.

Rappelez nous au souvenir de Mme Toutchkoff.

Что же ваши коммиссіи. Я заказалъ Bellot.

---

[1] [Григ. Алекс. Римскій-Корсаковъ, сосѣдъ и другъ Тучкова, сынъ М. И. Римской-Корсаковой; о немъ см. „Воспоминанія“ Н. А. Огаревой и нашу „Грибоѣдовскую Москву“.]

2.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову.

[Середина 1840-хъ гг.]

Voici le second jour que je suis sur pieds, cher ami, c. à d. que je quitte la chambre. Ce matin j'ai été chez votre père. J'ai vu votre soeur, j'ai lu la lettre que vous lui avez écrite. Je ne savais que dire—j'avais envie de pleurer. Que ns sert donc de vous donner des avis quand votre douleur est plus grande que ce qu'on peut imaginer de consolations et de conseils! J'avais seulement le désir de vs serrer la main en signe d'affection, de vs faire sentir que votre chagrin me serre le coeur—et rien de plus; je n'ose dire rien de plus.—Que mes affaires n'aillent pas vous embêter, cher ami—dites à mes intendants qu'ils m'écrivent directement et plus souvent,—laissez l'influence de votre nom, mais ne vous laissez pas inquiéter par quoi que ce soit. Certes ce qui me ferait un véritable chagrin c'est de vous donner un instant d'ennui, qui viendrait s'ajouter à des douleurs, que j'aurais voulu voir se calmer. Cher ami, brave ami—que puis je faire pour vous?—je vs suis bien attaché en vérité.—Ces jours ci j'ai eu une triste nouvelle, dont je ne puis vs faire part à présent et depuis j'ai toujours quelque chose qui me pèse sur le coeur. Je suis triste. Et puis votre lettre de tantôt!.. ouf!.. Il faut de la force, ami, sans quoi la vie paraitrait bien mesquine. Trève de doléances. Parlons de sucres. J'ai envoyé mon confiseur chez votre père, mais cette engence mércantile peut friponner et non acheter. Ensuite ayant été malade je n'ai pu aller partout où je voulais; je me mettrai en dix dès que vs enverrez un nouveau transport. Dites moi quand vs comptez en expédier encore—je tacherai de préparer les acheteurs.—Je vs ai envoyé une lampe que j'ai pris la liberté de payer dix roubles plus cher que vous ne l'aviez assigné, parce que j'ai pensé qu'une lampe en bronze véritable vous durerait plus qu'une en composition qui est bientôt abimée; je l'ai payée 70 roubles. Les bougies coutent 49 R.—la réparation de la montre coute 12 R. en tout 131 R. Quant aux deux cahiers de musique je ne sais pas encore ce que cela vaut et les trois autres m'appartenaient et je voulais que vos demoiselles les aient en mémoire d'un homme qui les aime beaucoup. Les livres vous seront expédiés en Février avec mes paysans—

ne pouvant quitter la maison je n'ai pu en faire le choix. Adieu, cher ami, soyez donc plus tranquille—mes respects à Madame Toutchkoff—adieu.

Salut et amitié.

Le 14 Janv. N. Ogareff.

[Переводъ.]

Вотъ уже второй день, какъ я на ногахъ, милый другъ, т. е. выхожу изъ комнаты. Нынче утромъ я былъ у вашего отца. Видѣлъ вашу сестру, прочелъ письмо, которое вы ей написали. Я не зналъ, что сказать,—хотѣлось плакать. Къ чему давать вамъ совѣты, когда ваше горе больше, нежели сколько можно придумать утѣшеній и совѣтовъ? У меня было одно желаніе—пожать вамъ руку въ знакъ привязанности, дать вамъ почувствовать, что ваша печаль заставляетъ мое сердце сжиматься,—и больше ничего; больше я ничего не рѣшаюсь сказать.—Не утруждайте себя моими дѣлами, милый другъ—скажите моимъ управляющимъ, чтобы они писали прямо мнѣ и почаще,—сохраните вліяніе своего имени, но не тревожьтесь ни о чемъ. Конечно, мнѣ было бы поистинѣ грустно къ вашимъ страданіямъ, которыя я хотѣлъ бы видѣть утихающими, прибавить хоть одинъ непріятный мигъ. Милый другъ, мужественный другъ,—что я могу сдѣлать для васъ?—я поистинѣ очень привязанъ къ вамъ.—На дняхъ узналъ я грустную новость, которой сейчасъ не могу подѣлиться съ вами,—и съ той минуты все время на сердцѣ у меня какая-то тяжесть. Я грущу. Да еще послѣднее ваше письмо!.. уфъ!.. Нужна сила, другъ мой, не то жизнь покажется очень противной. Но оставимъ сѣтованія. Поговоримъ о сахарѣ. Я послалъ своего кондитера къ вашему отцу, но это торгашеское отродье можетъ надуть, а не купить. Кромѣ того изъ-за болѣзни я не смогъ сходить всюду, куда хотѣлъ; какъ только вы пришлете новый транспортъ, я разорвусь на 10 частей. Скажите, когда вы разсчитываете прислать еще—я постараюсь приготовить покупщиковъ.— Я послалъ вамъ лампу, за которую рѣшился заплатить на десять рублей больше, чѣмъ вы назначили, ибо полагалъ, что лампа изъ настоящей бронзы продержится у васъ дольше, чѣмъ поддѣльная, которая проживетъ недолго; я за нее заплатилъ 70 рублей. Свѣчи стоятъ 49 р.—починка часовъ стоитъ 12 р., всего 131 р. Что касается двухъ тетрадей нотъ, то я еще не знаю, сколько онѣ стоятъ; прочія три принадлежали мнѣ, и я хотѣлъ бы, чтобы ваши барышни приняли ихъ на память о человѣкѣ, который ихъ очень любитъ. Книги будутъ вамъ посланы въ февралѣ съ моими мужиками—такъ какъ я не выходилъ изъ дому, то и не могъ сдѣлать выбора. До свиданія, милый другъ, будьте же болѣе спокойны.—Поклонъ госпожѣ Тучковой.—До свиданія.

Привѣтъ и дружба.

14-го Янв. Н. Огаревъ.

3.

Н. П. Огаревъ—Н. и Е. Тучковымъ.

3 Octobre [1848 r.]

Je vous ai écrit plusieurs fois, Mesdemoiselles, mais hier mes lettres m'ont été renvoyées de Petersbourg et si vous m'accusiez d'avoir oublié votre amitié ce serait donc parfaitement à tort. J'ai passé de bien bons jours dans votre société et je m'en souviens bien souvent. Il n'y a qu'un souvenir qui me fasse de la peine, c'est que je ne vous ai jamais vues aussi gaies, qu'on pourroit l'être à votre âge. J'espère que le voyage vous aura fait du bien. Créez vous donc des occupations; il y a tant de bonnes et belles choses dans la vie que c'est vraiment un péché de ne pas aimer la vie. Maintenant que vous aurez vu tant d'objets d'art, tant de beaux lieux, tant de mouvement dans la société humaine, j'espère que vous prendrez interêt à la vie et à l'humanité. Certes si vous souffrez pour des je ne sais quoi, ou si vous vous attristez sur les petites misères de la vie humaine, vous ne parviendrez jamais ni à prendre interêt au monde réel, ni à vous créer quelque activité qui vous fasse vivre. Il n'y a qu'à s'adonner à de petites souffrances pour se sentir isolé, incapable d'agir et d'aimer l'existence. Je vous assure que je n'excuse pas les petites souffrances. Je pardonne et j'estime les grandes souffrances, car elles sont peut-être le resultat de grandes convictions et ne peuvent mener qu'à beaucoup d'activité et donnent un prix à la vie. Quant aux petites misères on s'y résigne, mais on ne s'y complait pas. Si je fais de la morale, je vous en demande mille pardons; c'est que je ne puis voir de sang-froid que vos jeunes existences au lieu de se développer naturellement soient faussées par de fausses tristesses et ensuite parce que—je vous le répete,—parce que la morale est dans la nature des choses.

J'espère donc que dans votre voyage un vif intérêt aux choses humaines vous aura porté à des occupations réelles et que vous nous reviendrez rajeunies, c. à d. aussi jeunes et actives d'esprit et de coeur que vous pouvez l'être à votre âge, à l'âge où l'esprit est naturellement porté à se developper. J'espère que vous m'écrirez vos impressions de voyage, pas pour me décrire les objets que vous aurez vus, car je les connois, mais pour me dire les impressions que ces objets vous auront faites. J'espère encore que vous m'ecrirez parce que vous

savez mon amitié pour vous et que vous ne voudrez pas me laisser longtemps sans savoir ce que vous devenez. Racontez moi aussi comment vous aurez trouvé Mme Herzen.

Quant à ma propre personne, vous saurez d'après ma lettre à votre papa que je suis toujours absorbé par nos intérêts provinciaux ou villageois plutôt. Savez vous que je veux à toute force devenir riche, mais riche à millions. C'est une idée fixe et pourtant je ne suis pas cupide.

Adieu, Mesdemoiselles, amusez vous, prenez un peu part à la civilisation européenne et ecrivez moi aussi souvent que vous le voudrez.

[На оборотѣ: Mesdemoiselles Hélène et Nathalie.]

[Переводъ] [1].

3 октября.

Я нѣсколько разъ писалъ вамъ, сударыни, но вчера мои письма вернулись ко мнѣ изъ Петербурга; слѣдовательно, если бы вы стали обвинять меня въ томъ, что я забылъ вашу дружбу, это было бы полной несправедливостью. Я провелъ очень хорошіе дни въ вашемъ обществѣ и часто вспоминаю о нихъ. Меня огорчаетъ только одно воспоминаніе, именно, что я ни разу не видѣлъ васъ такими веселыми, какъ можно быть въ вашемъ возрастѣ. Надѣюсь, что путешествіе было вамъ на пользу. Итакъ, старайтесь найти себѣ занятіе; въ жизни такъ много хорошаго и прекраснаго, что по-истинѣ—грѣхъ не любить жизни. Теперь, послѣ того какъ вы видѣли столько произведеній искусства, столько красивыхъ мѣстъ, столько движенія въ человѣческомъ обществѣ, въ васъ, надѣюсь, зародится интересъ къ жизни и человѣчеству. Но если вы будете страдать изъ-за пустяковъ, если васъ будутъ повергать въ печаль мелкія непріятности человѣческой жизни, вамъ никогда не удастся ни заинтересоваться дѣйствительностью, ни создать себѣ дѣятельность, которая наполняла бы вашу жизнь. Какъ только человѣкъ предался мелкимъ страданіямъ,—онъ чувствуетъ себя отрѣзаннымъ отъ всѣхъ, неспособнымъ дѣйствовать и любить жизнь. Увѣряю васъ, я считаю мелкія страданія непростительными. Я извиняю и уважаю великія страданія, потому что они, можетъ быть,—слѣдствіе высокихъ убѣжденій и неминуемо ведутъ къ могучей дѣятельности и придаютъ цѣнность жизни. Мелкія же невзгоды надо терпѣть безропотно, но носиться съ ними не слѣдуетъ. Тысячу разъ прошу у васъ прощенія за то, что читаю вамъ нравоученіе; но я не могу хладнокровно видѣть, какъ ложная грусть

[1] [Изъ этого письма нѣсколько строкъ, совершенно искаженныхъ,—у Пассекъ, 1-е изд., т. III, стр. 93.]

грозитъ исказить ваше юное существованіе, которое должно, напротивъ, развиваться естественно,—и во-вторыхъ, нравственность, какъ я уже говорилъ вамъ,—въ природѣ вещей.

Итакъ, надѣюсь, что въ вашемъ путешествіи живое участіе къ человѣческимъ дѣламъ пробудило въ васъ серьезные интересы и что вы вернетесь къ намъ помолодѣвшими, т.-е. настолько молодыми и бодрыми умомъ и сердцемъ, какъ можно быть въ вашемъ возрастѣ, когда умъ естественно стремится къ развитію. Надѣюсь, что вы напишете мнѣ ваши путевыя впечатлѣнія, не для того, чтобы описывать вещи, видѣнныя вами, потому что я ихъ знаю, но для того, чтобы разсказать мнѣ о впечатлѣніяхъ, которыя эти вещи произвели на васъ. Вы напишете мнѣ, надѣюсь, еще и потому, что знаете мою дружбу къ вамъ и не захотите долго оставлять меня безъ извѣстій о васъ. Разскажите мнѣ также, въ какомъ состояніи вы нашли г-жу Герценъ.

Что до моей собственной особы, то изъ моего письма къ вашему отцу вы узнаете, что я все еще погруженъ въ наши уѣздныя, или вѣрнѣе, деревенскія дѣла. Знаете ли вы, что я во что бы то ни стало хочу нажить богатство, притомъ милліонное. Эта мысль засѣла во мнѣ гвоздемъ,—а между тѣмъ я вовсе не жаденъ.

До свиданія, сударыни, веселитесь, пріобщитесь нѣсколько къ европейской цивилизаціи и пишите мнѣ такъ часто, какъ вамъ захочется.

[На оборотѣ: M-lles Еленѣ и Наталіи.]

4.

Н. П. Огаревъ—Н. и Е. Тучковымъ.

Il y a une occasion et j'écris. Je pense que votre père est déjà parti, c'est pourquoi je ne lui écris pas; mais à vous. Voyons! Il y a une chose qui m'inquiète: Mlle Michel n'a-t-elle pas l'intention de revenir? J'ai eu un frisson à cette idée. Quel conseil voulez vous donc me demander? Ecrivez moi à la 1-re occasion. Et quelle est la prière dont vous me parlez? Je ne me rappelle pas. Ecrivez moi je vous prie quelques mots; c'est un plaisir pr moi que les quelques lignes que vous m'écrirez mes chères amies. Moi—je passe tristement ces jours ci. Ma malade ne va ni mieux ni pire. Cela sera une longue et épuisante maladie. Pauvre amie! je souffre horriblement de la voir souffrir et rien ne prend en fait de médicaments. Nathalie H. m'ecrit au sujet d'un certain argent, Mademoiselle Hélène! Est ce pressant. Dites le moi.—Que vous dirai-je donc, mes chères amies, encore?.. Un fait psychologic: Je

me suis mis avec ardeur à l'étude de la médecine et je prends sur mon sommeil pour travailler, car il arrive rarement que je puisse quitter la malade sans être sûr de la retrouver plus mal à ma rentrée... Non! assez! je voudrais plutôt vous parler que vous écrire. Adieu!

Mon shakehands à vous et à papa. Mes respects à maman.

[Переводъ.]

Есть оказія, и я пишу. Я думаю, вашъ отецъ уже уѣхалъ, вотъ почему я не пишу ему, но пишу вамъ. Вотъ что! Одна вещь меня тревожитъ: нѣтъ ли у M-lle Michel [1] намѣренія вернуться? При одной мысли объ этомъ я содрогнулся. Какого же совѣта вы намѣрены у меня требовать? Напишите мнѣ съ первою же оказіей. И что это за просьба, о которой вы говорите? Я не помню. Пожалуйста, напишите мнѣ нѣсколько словъ; нѣсколько строкъ, которыя вы, милые друзья, мнѣ напишете, для меня удовольствіе. Самъ я провожу эти дни печально. Больной моей [2] ни лучше, ни хуже. Это будетъ продолжительная и изнуряющая болѣзнь. Бѣдный другъ! я ужасно страдаю, видя, какъ она страдаетъ, а лѣкарства не приносятъ никакой пользы. Mademoiselle Елена, Наташа Г[ерценъ] мнѣ пишетъ относительно нѣкоторыхъ денегъ! Это спѣшно? отвѣтьте мнѣ.—Что еще скажу вамъ, милые мои друзья?.. Событіе психологическое: я съ горячностью принялся изучать медицину, и чтобы работать, отнимаю время у сна, потому что рѣдко могу оставить больную безъ увѣренности, что по возвращеніи найду ее въ худшемъ состояніи... Нѣтъ! довольно! я предпочелъ бы говорить съ вами, нежели вамъ писать. До свиданія!

Жму руки вамъ и вашему отцу. Маменькѣ кланяюсь.

5.

Н. П. Огаревъ — Н. А. Тучковой.

J'ai lu votre lettre, très chère amie, avec tout l'interêt dont je suis capable. Ne confondez pas les mots: interêt et compassion, car je n'ai pas de compassion pour mes amis, mais je les aime tout simplement et

[1] [Бывшая гувернантка Тучковыхъ.]

[2] [Графъ. Е. В. Салiасъ де-Турнемиръ (извѣстная писательница Евгенія Туръ) 1815—1892), урожд. Сухово-Кобылина, родственница Огарева, близкая съ нимъ съ дѣтства; ей посвящено его стих., вѣроятно 1840 г., „Вы были дѣвочкой..." (Къ ***). Теперь она съ дѣтьми и гувернанткой гостила у Огарева въ Акшенѣ по его приглашенію, о чемъ см. ниже, въ замѣткахъ Н. А. Огаревой („Изъ зеленой книги".]

ce qui les touche me touche. Je n'ai pas de compassion pour les personnes dont la santé baisse l'activité morale libre; mais je partage leurs sensations.—Que puis je donc vous répondre ou plutot vous dire? Je vous parlerai franchement, comme je ne l'ai pas encore fait: je trouve au fond que vous avez raison. Moi—j'aime la vie parce que j'aime la gravité (важность) de la vie et j'aime le plaisir; mais je sais que ce dernier n'est peut-être pas à atteindre car il n'en existe pas qui puisse répondre à l'intensité de la soif du bonheur. Peut-être que l'époque où nous vivons nous donnera souvent un profond désespoir quant aux choses graves. Mais quant même, chère amie, je pense (et peut être que j'ai lieu de souffrir plus que vous... qu'en sais-je?.. au moins je trouve ma dose de souffrance très saturante) je pense donc que tant que la vie est encore pleine et forte—je lutterai—et c'est pour cela que j'existe. Quand je me verrai incapable d'agir et de penser, impuissant à lutter—je ne voudrais pas vivre; mais je peserai bien avant de mourir si vraiment tout ce qu'il y a d'humain en moi est épuisé,—je respecte la vie comme une chose sacrée et je veux faire valoir ses droits.—Mais si vous me demandez si je suis heureux ou si j'ai l'espoir de l'être—je vous dirai mille fois non. C'est la force qui m'empèche de mourir. Voilà ma profession de foi sur ce chapitre. Je tacherai d'accelerer tant que possible le jour de notre entrevue. Vrai—j'ai un désir immense de vous voir et un regret immense de ce que les circonstances nous séparent et remarquez que ces circonstances sont assez ou ont été assez insurmontables — comme tout ce qui vient du hasard, c. à d. d'une nécessité qui ne dépend pas de nous.

Mme Sailhas va enfin mieux depuis 2 jours et j'espère que bientôt je pourrai aller vous voir, ce qu'elle désire faire aussi; car elle partage parfaitement le sentiment de ce que les amis de nos amis sont nos amis et toute autre idée de la part de mes amis envers elle ne pourrait que lui faire beaucoup de peine. Si ce n'était cela, chére amie, je ne lui aurais jamais parlé de ce que vous vous êtes intéressée à sa santé.

Dites moi quels livres H. vous propose de lire, peut être que je pourrai ajouter à la liste. Il y a une chose que je ne sais pas assez bien: quelle est la tendance de votre esprit? quels objets attirent votre désir de savoir?..

Je vous serre la main ainsi qu'à Mlle Hélène. Du courage! mes amies,—c'est tout ce que je puis vous crier avec desespoir quelquefois et quelquefois avec une foi sans bornes dans l'avenir.

Adieu!

[Переводъ.]

Я прочелъ ваше письмо, дорогой другъ, со всѣмъ интересомъ, на какой только я способенъ. Не смѣшивайте словъ: интересъ и состраданіе, потому что состраданія къ моимъ друзьямъ у меня нѣтъ, но я просто люблю ихъ, и то, что́ ихъ касается, касается меня. У меня нѣтъ состраданія къ людямъ, здоровье которыхъ подавляетъ свободную нравственную дѣятельность; но я раздѣляю ихъ чувства.—Что же я могу вамъ отвѣтить, вѣрнѣе—сказать? Я буду говорить съ вами откровенно, какъ еще никогда: въ сущности я нахожу, что вы правы. Я люблю жизнь, потому что люблю важность жизни и люблю наслажденіе; но я знаю, что послѣднее, можетъ быть, недостижимо, потому что нѣтъ такого наслажденія, которое отвѣчало бы напряженной жаждѣ счастія. Можетъ быть, время, въ которое мы живемъ, часто будетъ приводить насъ въ глубокое отчаяніе относительно важныхъ вещей. Однако, милый другъ, я думаю (и можетъ быть, у меня есть основанія страдать больше, чѣмъ страдаете вы... почемъ я знаю?.. по крайней мѣрѣ я считаю, что доза моего страданія очень достаточна) итакъ, я думаю, что поскольку жизнь еще полна и сильна—я буду бороться—и ради этого-то я и существую. Когда я увижу, что неспособенъ дѣйствовать и мыслить, безсиленъ бороться,—я не захочу жить; но прежде чѣмъ умереть, я хорошенько взвѣшу, все ли человѣческое во мнѣ изсякло,—я смотрю на жизнь, какъ на вещь священную, и хочу уважать ея права.—Но если вы меня спросите, счастливъ ли я или надѣюсь ли быть счастливымъ,—я вамъ тысячу разъ отвѣчу—нѣтъ. Умереть мнѣ мѣшаетъ сила. Вотъ каково мое убѣжденіе относительно этихъ вещей. Я постараюсь какъ только можно ускорить нашу встрѣчу. Право, мнѣ безгранично хочется васъ видѣть, и я безгранично грущу, что обстоятельства насъ разлучаютъ; и замѣтьте, что эти обстоятельства суть или были достаточно непреодолимы—какъ все, проистекающее изъ случайности, т. е. изъ неизбѣжности, отъ насъ не зависящей.

Г-жа Саліасъ, наконецъ, уже 2 дня чувствуетъ себя хорошо, и я надѣюсь, что вскорѣ смогу навѣстить васъ, что́ и она желаетъ сдѣлать; ибо она вполнѣ раздѣляетъ то чувство, что друзья нашихъ друзей суть наши друзья, и со стороны моихъ друзей всякое иное къ ней отношеніе могло бы только весьма огорчить ее. Если бы не это, милый другъ, я бы никогда не сталъ ей говорить, что вы интересуетесь ея здоровьемъ.

Скажите мнѣ, какія книги совѣтуетъ вамъ прочесть Г[ерценъ] [1]; можетъ быть, я бы могъ что-нибудь прибавить къ этому списку. Я

---

[1] [См. письмо А. И. Герцена къ Н. и Е. Тучковымъ—у Пассекъ, III, стр. 95—96.]

не достаточно хорошо знаю одну вещь: каково направленіе вашего ума? какіе предметы привлекаютъ вашу любознательность?..

Жму руку вамъ и M-lle Еленѣ. Смѣлѣе, друзья мои,—вотъ все, что я могу вамъ крикнуть иногда съ отчаяніемъ, иногда съ безграничною вѣрой въ будущее.

До свиданія!

6.

Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой.

Le 7 Decemb. [1848 r.]

Hier je n'ai pas pu vous écrire, chère amie. J'avois des visites. Votre père m'a dit dans sa lettre qu'il m'envoie une lettre de vous, mais il n'en a rien été. Du 5 au 6 en desespoir de cause j'ai proposé à Mme S. un souper et force champagne. C'est mauvais pour la maladie générale, mais j'ai pensé que peut-être cela rehausseroit les nerfs. Eh bien! j'ai réussi, elle va mieux, quoique selon moi ce n'est qu'une apparence. Moi j'ai été très gris et fort gai (mais ce n'était aussi qu'une apparence). Enfin le résultat est que Mme S. est plus calme (quoique je craigne un peu la fièvre) et pour moi, pour le moment c. à d., il y a absence de lutte. Ce dont je suis d'autant plus satisfait que je me sens passablement malade. Mais je tacherai de me retablir au plus vite pour aller vous voir et si je ne me sens pas mieux mercredi je vous ferai dire et alors venez vous absolument. D'une manière ou d'autre mais je dois vous voir.

J'ai reçu votre lettre par le juif. Merci, merci, chère amie. Elle m'a fait tant de bien cette lettre que j'en ressens encore l'influence. Et pourtant j'y vois que vous souffrez. Mais il y a tant d'amitié pour moi dans cette lettre (je crois à peu près autant que j'en ai pour vous, si l'on peut mesurer l'affection)—que cela m'a fait un bien inoui. Que nous ayons fait un pas dans l'amitié je n'en doute pas; pourquoi avez vous donc cru que ça me ferait rire? Je l'ai bien compris quand nous sommes allés chez Korsakoff, et je le comprends encore mieux depuis que je ne vous vois pas, parce que j'ai le plus intime besoin de vous voir. Ainsi c'est dit: notre amitié doit réellement devenir immense. J'ai écrit aux Herzen et je leur ai exprimé le désir de les voir de manière que j'aie autour de moi—vous, eux et Granovsky et qu'alors je n'ai besoin de personne de plus pour être heureux personellement.

On m'interrompt. Qu'est ce? Mme S. va plus mal ce matin et non à cause des attaques de nerfs, mais faiblesse, frisson, chaleur, transpiration, respiration genée. Ecoutez: si cela dure je ne pourrai pas pourtant la laisser seule ne fut ce que par sentiment d'hospitalité. Et comment faire pour que vous vinssiez? Il y a aujourd'hui —26°!

Vous regrettez l'année passée, l'année de jeunesse, dites-vous, où vous avez été heureuse d'insouciance. Quant à moi par egoisme je ne regrette pas l'autre année. J'aime l'autre année, mais je ne la regrette pas, parce que je vous aime mieux cette année ci. Est-ce parce que vous n'êtes plus enfant et moi étant vieux il s'établit plus d'égalité dans notre manière de voir, je n'en sais rien; je crois que c'est plutôt parceque moi-même, guéri par l'âge de toutes les affections fantastiques, je prends plus à coeur les affections où il y a toutes les données réelles pour qu'elles existent. Malgré les peines qui vous troublent, vous avez developpé en vous tous les élements sympathiques qui m'attachoient à vous l'autre année, à vous enfant encore, dont j'étois à peu près la première gouvernante; vous les avez vraiment developpés et vous n'êtes plus une enfant, et je vous aime mieux cette année-ci, et c'est pourquoi, quoique je vous voie souffrir cette année, j'aime l'autre année, mais je ne la regrette pas. La sympathie que j'ai pour vous me fait trop de bien pour que je regrette le passé.

Vous avez eu un mouvement de haine en lisant ma lettre. Pourquoi, chère amie? Mes peines ne sont pas éternelles et si vous saviez combien je suis absurde et coupable moi-même dans tout ca, vous auriez eu plutôt un sentiment de pitié pour mon individu, c. à d. pitié avec mécontentement ou dédain. Je dis seulement *plutôt* parceque je compte trop sur votre amitié pour croire que vous puissiez effectivement avoir pour moi un sentiment de mepris même si j'avois commis quelque chose de mauvais; mais je dis plutôt parceque ça auroit été plus naturel qu'un sentiment de haine. Ce dernier est trop sacré pour le dépenser pour aussi peu de chose. Si je ne vous dis pas tout ce que j'ai sur le coeur, c'est que je n'aimerai pas à le faire par écrit; autrement, M-lle Consuelo, sachez que je n'ai nul envie de vous taire quelque secret que j'aie. Confiance entière. Prenons cela pour devise. Confiance c'est un mauvais mot: Offenherzigkeit—voilà le terme juste. Si vous faites tant que de *désirer* de me dire ce que vous avez sur le coeur faites le sans regretter et sans vouloir mourir. Est-ce donc mieux de porter une peine à soi seule? Et certes vous savez parfaitement que tout ce que vous ayez

à me dire sera reçu avec une entière sympathie et je me fais fort de porter vos peines et les miennes avec tout le calme, que j'éprouve, quoique malade et je ne sais trop pourquoi, dans ce moment où je vous écris. C'est une étrange disposition que celle dans laquelle je me trouve maintenant. Vrai—j'ai un malaise de corps jusqu'à une sensation de faiblesse ou fatigue—et j'ai un calme de coeur et d'esprit comme si j'étois heureux; je me sens le coeur et l'esprit si remplis de je ne sais quoi—d'énergie, de bonté, de tendresse. O oui! chère amie, je me sens encore vivre tout vieux que je suis et donc j'aurais toujours assez de force pour porter nos peines—les votres avec interêt et les miennes froidement.

Le soir. Je ne veux pas aller dormir avant de vous dire quelques mots. La journée s'est passée assez tristement. J'avois le spleen. Le soir Mme S. a été bien malade, c. à d. une attaque de nerfs et puis elle sent une forte douleur à la poitrine. Elle me fait une peine affreuse et en même temps au fin fond de moi-même je me sens *irrité*. Vous concevez facilement cet état. Mais ne lui en voulez pas et dites encore: tu l'as voulu Georges Dandin.—Quant à ma santé je crois que je vais mieux. Demain j'attends le médecin qui passera quelques jours et puis je viendrai chez vous. Comme c'est long! Ce ne sera donc pas cette semaine-ci. Et il fait si froid. Tout cela me met au desespoir. J'ai pensé aujourd'hui: „mais il est possible que cela soit une faiblesse impardonnble que de ne pas pouvoir s'en aller voir une personne qu'on aime de crainte de quitter une personne malade mais qui ne peut pas me tenir de près!" Et pourtant... je me perds dans les differences du bien et du mal. Tout ce que je sais, c'est que je veux vous voir et que votre absence m'est pénible.—Je me sens un peu brisé. Je vais me coucher. Adieu! chère amie, je vous serre la main.

Le 8, mais à 7 heures du matin. Me voici déjà sur pieds. Quelqu'un part pour chez vous ce matin. Je vais prier votre père de m'envoyer un livre aujourd'hui même ou demain, ainsi de grâce quelques mots de réponse. Si je ne vous vois pas, du moins que j'aie les à peu près de la correspondance. Dites moi quand et où nous nous verrons si par exemple Mme S. va trop mal? Vrai! décemment je ne pourrai faire autrement que de rester à la maison. Ferez vous en sorte que vous vinssiez? Pour un an, un jour ou une heure—comme il vous plaira, pourvu que je puisse vous voir. Même si je n'ai pas l'occassion de beaucoup vous parler, au moins je m'assurerai par mes propres yeux de

votre existence.—Vous avez la liberté de la correspondance, dites vous? Est-ce bien vrai? Toutefois je vous reexpédie votre musique. Si quelqu'un lisait mes lettres, je ne pourrai plus écrire. Cette pensée me paralyserait. Ce que j'ai à vous dire s'adresse uniquement de moi à vous. Ce n'est pas égoïsme que de ne pas montrer mes lettres, c'est tout simplement un devoir envers ma liberté individuelle à moi.—A propos d'égoïsme! Vous me parlez de ma générosité et d'un égoïsme respectable. Ne me faites pas mieux que je ne suis, chère amie, d'autant plus que si même j'étais plus mauvais que je ne le suis, comme je ne pourrai rien y changer—je n'irai pas me livrer à l'inutilité du repentir. Vous voulez me croire bon et vous croire vous même mauvaise! Allez donc, Mlle Consuelo! ça ne se peut pas. Ou bien vous dites de partager avec vous le péché de l'égoïsme. Ah ça—j'accepte. C'est à dire voilà comment: au fond nous sommes bons tous les deux, mais nous avons un égoisme si sympathique l'un à l'autre que chacun de nous excusera l'autre quoiqu'il fasse. Savez vous que c'est vrai?—Mon programme n'est pas encore fait en détail, mais vous ne me répondez pas assez catégoriquement sur ma 1-re lettre, où je vous en parlais, c. à d. vous ne me dites pas ce que vous voulez—de l'encyclopédie ou de la spécialité? Ou peut-être pour le moment rien? Vous voulez vivre—vivre de votre souffrance? Me direz vous enfin ce que c'est? (mais sans conditions). Vous devez le faire. Je ne sais comment vous prouver que vous devez me dire tout. A qui parlerez vous donc si ce n'est à moi? Remarquez que le sort nous isole à deux dans ce pays.—Adieu, chère amie, de grâce un petit mot de vous.

[Переводъ.] [1]

7 декабря [1848 г.]

Вчера не удалось написать вамъ, милый другъ. У меня были посѣтители. Вашъ отецъ сообщилъ мнѣ въ своемъ письмѣ, что посылаетъ мнѣ письмо отъ васъ, но никакого письма не оказалось. Между 5 и 6 ч. я съ отчаянія предложилъ г-жѣ С[аліасъ] ужинъ и много шампанскаго. Это вредно въ отношеніи общей болѣзни, но я думалъ, что это, можетъ быть, нѣсколько укрѣпитъ нервы. И точно, мой разсчетъ оправдался: ей лучше, хотя на мой взглядъ это только видимость. Я былъ весьма подъ хмѣлькомъ и очень веселъ (но и это

[1] [Искаженные отрывки—у Пассекъ, III, стр. 106—107.]

была лишь видимость). Въ общемъ результатъ тотъ, что г-жа С[аліасъ] покойнѣе (хотя я немного опасаюсь лихорадки), и я—разумѣю, пока—избавленъ отъ борьбы. Я тѣмъ болѣе радъ этому, что чувствую сильное недомоганіе. Но постараюсь какъ можно скорѣе выздоровѣть, чтобы поѣхать къ вамъ, если же мнѣ въ среду не будетъ лучше, то я извѣщу васъ, и тогда непремѣнно пріѣзжайте вы. Такъ или иначе, но я долженъ васъ видѣть.

Я получилъ ваше письмо, посланное съ евреемъ. Благодарю, благодарю, милый другъ. Оно такъ утѣшило меня, что я до сихъ поръ подъ его вліяніемъ. Между тѣмъ я вижу изъ вашихъ словъ, что вы страдаете. Но въ этомъ письмѣ столько дружбы ко мнѣ (думается, почти столько же, сколько во мнѣ ея—къ вамъ, если только привязанность можно мѣрить), что это подѣйствовало на меня необыкновенно благотворно. Что мы сдѣлали шагъ въ дружбѣ, это для меня несомнѣнно; но почему же вы думали, что я буду смѣяться надъ этимъ? Я это ясно понялъ во время нашей поѣздки къ Корсакову и понимаю еще яснѣе съ тѣхъ поръ, какъ не вижу васъ, такъ какъ чувствую глубочайшую потребность васъ видѣть. Итакъ, рѣшено: наша дружба должна въ самомъ дѣлѣ стать безграничной. Я писалъ Герценамъ и выразилъ имъ желаніе видѣть ихъ такимъ образомъ, чтобы около меня были—вы, они и Грановскій, и тогда мнѣ никого больше не нужно для моего личнаго счастья.

Меня прервали. Что это? Г-жѣ С[аліасъ] сегодня хуже—не нервный припадокъ, а слабость, ознобъ, жаръ, испарина, стѣсненное дыханіе. Слушайте: если это будетъ продолжаться, я все-таки не смогу оставить ее одну, хотя бы только по чувству гостепріимства. И какъ сдѣлать, чтобы вы пріѣхали? Сегодня—26°!

Вы жалѣете о прошломъ годѣ, о годѣ юности, какъ вы его называете, когда вы были счастливы беззаботностью. Я лично не жалѣю о прошломъ годѣ—изъ эгоизма. Я люблю прошлый годъ, но не жалѣю о немъ, потому что въ этомъ году люблю васъ лучше. Не знаю, потому ли вашъ и мой способъ смотрѣть на вещи становятся болѣе сходными, что вы уже не ребенокъ, а я старъ, но думаю—скорѣе потому, что я самъ, исцѣленный возрастомъ отъ всѣхъ фантастическихъ привязанностей, ближе принимаю къ сердцу тѣ привязанности, въ которыхъ есть всѣ реальныя данныя для ихъ существованія. Несмотря на огорченія, волнующія васъ, вы развили въ себѣ всѣ симпатическіе элементы, которые въ прошломъ году привлекали меня къ вамъ,—тогда еще ребенку, котораго я былъ почти первой гувернанткой; вы дѣйствительно развили ихъ, и теперь вы уже не дѣвочка, и я васъ лучше люблю въ этомъ году. Вотъ почему, хотя я и знаю, что въ этомъ году вы страдаете,—я люблю прошлый годъ, но не жалѣю о немъ. Симпатія, которую я питаю къ вамъ, слишкомъ благотворна для меня, чтобы я жалѣлъ о прошломъ.

При чтеніи моего письма въ васъ шевельнулась ненависть. Почему, мой другъ? Мои мученія не вѣчны, и если бы вы знали, насколько я самъ глупъ и виноватъ во всемъ этомъ, вы бы скорѣе почувствовали жалость ко мнѣ, т.-е. жалость, соединенную съ досадою или презрѣніемъ. Я говорю только: *скорѣе*, потому что слишкомъ надѣюсь на вашу дружбу, чтобы вѣрить, что вы дѣйствительно были бы способны питать презрѣніе ко мнѣ, даже если бы я сдѣлалъ что-нибудь дурное; но говорю: скорѣе, потому что такая жалость была бы болѣе естественна, чѣмъ ненависть. Послѣднее чувство слишкомъ священно, чтобы тратить его на такой вздоръ. Если я не говорю вамъ всего, что у меня на сердцѣ, то лишь потому, что мнѣ не хочется говорить объ этомъ письменно; а то, знайте, m-lle Consuela, что у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты скрывать отъ васъ какую бы то ни было тайну. Полное довѣріе! примемъ это за девизъ. Довѣріе—дурное слово: Offenherzigkeit—вотъ настоящее выраженіе. Если ужъ вамъ *хочется* сказать мнѣ, что у васъ на сердцѣ,—говорите, не казня себя и не желая себѣ смерти. Развѣ лучше страдать одиноко? И вѣдь вы хорошо знаете, что все, что вы скажете мнѣ, будетъ принято съ полнымъ сочувствіемъ, и я ручаюсь, что перенесу и вашу, и мои горести со всѣмъ спокойствіемъ, какое я—хотя и больной,—чувствую въ себѣ, самъ не знаю почему, и въ эту минуту, когда пишу вамъ. Я нахожусь теперь въ странномъ расположеніи духа. Право,—физически я чувствую себя дурно до слабости или усталости, а между тѣмъ во мнѣ такое душевное и умственное спокойствіе, точно я счастливъ; сердце и умъ такъ полны—не знаю чего: энергіи, доброты, нѣжности. Да, милый другъ, хотя я старъ, но чувствую себя еще живымъ, стало у меня хватитъ силъ, чтобы нести наши горести—ваши съ участіемъ, мои—равнодушно.

Вечеръ. Не хочу ложиться спать, не сказавъ вамъ нѣсколькихъ словъ. День прошелъ довольно уныло. У меня былъ сплинъ. Вечеромъ г-жа С[аліасъ] почувствовала себя очень худо: нервный припадокъ и сильная боль въ груди. Она меня страшно огорчаетъ, и въ то же время въ самой глубинѣ души я *золъ*. Вы легко поймете это состояніе. Но не сердитесь и скажите еще разъ: tu l'as voulu Georges Dandin.—Что до моего здоровья, то мнѣ, кажется, лучше. Завтра жду доктора, который пробудетъ нѣсколько дней, а потомъ я пріѣду къ вамъ. Какъ долго! Это будетъ не на этой недѣлѣ. Къ тому же очень холодно. Все это приводитъ меня въ отчаяніе. Я нынче подумалъ: „можетъ быть, непростительная слабость—не видаться съ любимымъ человѣкомъ изъ боязни оставить человѣка больного, но не могущаго удержать меня около себя". И все-таки... я теряюсь въ различіяхъ между добромъ и зломъ. Знаю только, что хочу васъ видѣть, и что ваше отсутствіе для меня мучительно.—Чувствую себя слегка разбитымъ. Иду спать. До свиданія, милый другъ, жму вашу руку.

8-го, но въ 7 часовъ утра. Вотъ, я уже на ногахъ. Сегодня утромъ къ вамъ кто-нибудь поѣдетъ. Хочу просить вашего отца прислать мнѣ какую-нибудь книгу сегодня же или завтра; итакъ, очень прошу отвѣтить нѣсколько словъ. Если я не вижу васъ, то по крайности пусть у меня будетъ что-то вродѣ переписки. Скажите мнѣ, когда и гдѣ мы увидимся, ежели, къ примѣру, г-жѣ С[аліасъ] станетъ ужъ очень плохо. По совѣсти-то я не смогу поступить иначе, какъ остаться дома. Не сможете ли вы пріѣхать? На годъ, на день, на часъ—какъ вамъ будетъ угодно, только бы я смогъ васъ увидѣть. Если даже мнѣ не удастся много вамъ сказать, я по крайней мѣрѣ собственными глазами удостовѣрюсь въ вашемъ существованіи.—Вы говорите, что можете переписываться свободно? Такъ ли это? На всякій случай возвращаю вамъ ваши ноты. Если кто-нибудь читалъ мои письма, я больше не смогу писать. Эта мысль будетъ меня парализовать. То, что́ я хочу вамъ сказать, идетъ исключительно отъ меня къ вамъ. Нежеланіе показывать свои письма вовсе не эгоизмъ, это просто долгъ по отношенію къ моей личной свободѣ. — Кстати объ эгоизмѣ! Вы мнѣ говорите о моемъ благородствѣ и простительномъ эгоизмѣ. Не дѣлайте меня лучше, чѣмъ я на самомъ дѣлѣ, милый другъ, тѣмъ болѣе, что если бы даже я былъ хуже, чѣмъ я есть, то не будучи въ состояніи ничего здѣсь измѣнить, я не сталъ бы предаваться безполезному раскаянію. Вы хотите считать меня хорошимъ, а себя самое дурной! Что вы, M-lle Consuela, это невозможно! Съ другой стороны, вы предлагаете раздѣлить съ вами грѣхъ эгоизма. А, это—я принимаю. Другими словами вотъ какъ: собственно, оба мы хорошіе, но въ насъ есть по эгоизму, изъ которыхъ каждый столь симпатиченъ другому, что мы другъ другу простимъ, что бы мы ни сдѣлали. Знаете? это вѣрно.—Программа моя еще не разработана подробно, но вы мнѣ не отвѣчаете достаточно категорически на 1-е мое письмо, въ которомъ я вамъ о ней разсказывалъ, т.-е. вы не говорите мнѣ, что вамъ угодно: энциклопедія или спеціальность? Или, можетъ быть, въ настоящее время ничего? Вы хотите жить—жить своимъ страданіемъ? Скажете ли вы мнѣ, наконецъ, что́ это (но безъ условій). Вы должны это сдѣлать. Я не знаю, какъ вамъ доказать, что вы должны мнѣ говорить все. Кому же вы скажете, если не мнѣ? Смотрите, какъ судьба насъ вдвоемъ уединяетъ въ этомъ краю.— До свиданія, милый другъ, умоляю васъ—хоть словечко.

7.

Н. П. Огаревъ — Н. А. Тучковой.

Le 11 Décembre [1848 r.]

Je voulais commencer à vous écrire encore hier, chère amie, après avoir reçu votre lettre, mais je me suis contenté de lire plusieurs fois la votre. J'étais abimé de fatigue: toute la matinée la neuralgie, le soir Mme Sailhas s'est trouvée mal ce qui a duré plus de 4 heures. Imaginez vous que j'ai menti hier: elle me demanda si j'ai une lettre de vous et pour échapper à toutes questions et etcetera j'ai bravement répondu que non. Voyez si après ça vous pouvez m'estimer. Mais je vous assure que je tiens tellement à avoir pour moi seul votre lettre que j'aimais mieux mentir (aussi je ne regrette pas de l'avoir fait) que répondre par des bétises ou des grossièretés, surtout c'eut été desastreux dans le cas d'une attaque de nerfs. Mais voyons votre lettre, il faut que je me dépeche, car il ne me reste plus longtemps jusqu'au paroxisme et déjà je sens une inquiétude vague au dessus de l'oeil.

Si elle m'a fait plaisir votre lettre je n'ai pas besoin de le dire, ce n'est que trop clair, car elle m'en a fait un immense. Comment voulez vous que je ne vous nomme pas Mlle Consuela? Vous dites que je suis fort (permettez moi de placer ici un (?)) et que je n'ai pas besoin de consolation. Qu'en savez vous? c. à d. je me trompe, ce n'est pas la consolation après un tel ou tel malheur dont j'ai besoin—c'est vrai; tous mes malheurs se réduisent aux petites proportions de désagréments. Mais j'ai besoin dans la vie d'arrêter sur quelques personnes un regard d'affection de manière que leur vue me repose et c'est ce que je nomme consolation. Dans ce cas, chère amie, que ce soit vous qui vous plaigniez ou moi, c'est égal: votre existence dans ce monde me fait du bien et je continuerai de vous appeler Mlle Consuela. Quand je pense à la proposition de suicide, vous concevez donc que c'est très naturel qu'il me vienne l'idée égoïste de demander: et moi donc que ferai-je? Ce que j'ai écrit aux Herzen, est parfaitement vrai et je le repète: rien ne me manquera. C'est plutôt à vous, chère amie, qu'il pourroit encore y avoir un vide dans la vie quant-même; mais pas à moi. Si les circonstances s'arrangeroient à ce que nous soyons ensemble à Yachontovo ou ici sans que les Herzen viennent vous me suffiriez encore; je n'aurois pas senti l'isolement; quoique ce soit un sentiment que je ne craigne pas,

que parfois même j'aime, toujours est ce que l'isolement ne remplit pas la vie—et on a besoin de consolation, ce qui me porte de nouveau à vous nommer Mlle Consuela. Je vous donnerai d'autant plus ce nom; que vous me promettez de venir à toute force cette semaine ci; venez, nous trouverons toujours le temps de causer, pourvu que vous vous reveilliez de bonne heure. Oui, venez, bonne amie, remplissez le devoir de votre nom. J'oublierai jusqu'à mon mal de tête.

Maintenant voyons ce qu'il faut faire par rapport à votre soeur: mais démontrez lui fort amicalement, avec autant de bonté que vous avez d'affection pour elle,—l'inviolabilité de la correspondance et que ce n'est pas votre faute que je vous sois plus attaché qu'à elle, que parconséquent je voudrois dire à vous ce que je ne veux pas que d'autres sachent. Rien qu'à dire qu'à telle heure de la journée on a pensé ou senti ou fait une certaine chose, que peut être on ne voudroit pas que l'état de l'ame (employons encore ce terme très chrétien) soit connu par d'autres que la personne à qui l'on écrit. Tout cela est si naturel. Mais dites tout cela avec affection et elle ne s'effarouchera pas. Elle vous aime bien, je le sais et c'est la meilleure personne du monde. Il faut l'amuser, la distraire, la marier—absolument. Ensuite elle est si gracieuse qu'elle aura du succès dans le monde et elle revivra. Elle a encore l'enfantillage de croire que c'est s'abaisser que d'aimer le plaisir, mais tout cela tient à la différence des natures; il n'y a ni mieux ni moins bien. On est tel ou tel et voilà tout.

Quant à votre femme de chambre vous avez assez bien fait; mais ne faites pas trop, vous pourriez la lancer un peu trop loin, car elle a la tête légère. Ne vous perdez pas non plus en paroles dont on puisse faire des cancans mal digérés. Ça ferait de la peine à votre père.

L'arrivée d'Алекс. Степ. m'a interrompu et voilà que mon mal de tête recommence, ça va durer 5 à 6 heures. Imaginez vous que dans le paroxysme je puis à peine coordonner une pensée quelconque, ça me fait mal. Mais autant que l'oeil peut supporter j'anatomise un chien mort. Le mal est insupportable. Mais ne vous inquiétez pas en amie; ce n'est qu'une fièvre intermittante. Je vous dis en amie, parceque c'est un enfantillage encore de vouloir être homme. Restez femme, cela vaut mieux, car ce qu'il y a de vraiment beau et délicat, je ne sais comment vous expliquer, ce qui est dans la nature humaine comme le parfum dans la fleur,—se nomme féminin. Restez femme; si vous entendez sous ce titre la capacité révoltante de gener tout ce qu'on aime, c'est autre

chose. Restez femme, mais ne soyez pas absurde. L'absurdité se rapporte tout aussi bien à l'homme qu'à la femme; l'éducation oblige celle ci à en échapper moins, rien de plus. Mais vous, chère amie, vous avez l'esprit et le coeur trop bien placés pour être absurde, ainsi vous pouvez sans crainte garder (d'ailleurs l'inévitable) caractère de la femme.

Merci pour l'air styrien, gardez les notes en ma mémoire. Merci pour avoir été gaie le soir où nous sommes allés chez Korsakoff.—A propos de celui-ci, je suis enchanté de ce qu'il soit venu. Il n'est pas méchant, chère amie, soyez en sûre, tout ce qu'il fait c'est de ne pas avoir de mesure dans son caprice; c'est un trait barbare et tatare; mais il a du coeur et c'est pour cela que ses actions chagrinent ceux qui l'aiment.

Je ne vous envoie pas le programme; nous en reparlerons. Je veux envoyer la lettre aujourd'hui même et je voudrois dire beaucoup encore, mais cela me fait mal d'écrire. Je ne me porte bien que depuis le soir jusqu'à environ onze heures du matin.

Adieu! Venez chez moi, oui, je vous en supplie. Cela me fera un bien infini, Mlle Consuela. Je vous serre la main. A revoir, n'est ce pas?—J'ai joué l'adagio de la sonate en D-moll et le final de la Somnambule. La valse de Chopin m'est bien difficile. J'ai perdu l'habitude de déchiffrer (que je n'avais pas d'ailleurs, d'autant plus de mérite à perdre une chose qu'on n'avait pas). L'autre jour j'étais triste et j'ai joué. Je n'aime pas à jouer devant d'autres. Mais j'étais si triste qu'il me fallait de la musique—ou votre visite—et j'ai joué tant bien que mal, c. à d. plus mal que d'ordinaire et ça m'a fait du bien. Vous me demanderez pourquoi j'étais triste? je n'en sais rien. Il y a cette bétise dans mon caractère que je suis triste par nature ou plutôt dès le jeune âge par tout le milieu où j'ai respiré; aussi mes accès de gaieté n'etaient que des orgies. C'est l'influence de l'époque.

Non! Il m'est impossible d'écrire. Adieu! encore une fois la main—et venez.

Le soir. Je viens effectivement de trouver dans l'enveloppe de la lettre de papa votre billet. Merci, chère amie, pour la proposition. Venez donc me soigner un peu. Venez (au plus) nous soigner.

[Переводъ.]

11-го декабря [1848 г.]

Милый другъ, получивъ ваше письмо, я еще вчера собрался писать вамъ, но удовольствовался тѣмъ, что нѣсколько разъ перечелъ ваше письмо. Я былъ въ изнеможеніи, все утро невральгія, а вечеромъ г-жа Саліасъ почувствовала себя дурно, и это длилось больше 4-хъ часовъ. Представьте, вчера я солгалъ: она спросила меня, не получалъ ли я письма отъ васъ, и чтобы избѣжать всякихъ вопросовъ и прочаго, я храбро отвѣчалъ: нѣтъ. Подумайте, можете ли вы послѣ этого уважать меня. Но увѣряю васъ, я такъ хочу, чтобы письмо ваше принадлежало одному мнѣ, что предпочелъ солгать (и не раскаиваюсь, что это сдѣлалъ), нежели отвѣчать глупостями или грубостями, тѣмъ болѣе, что во время нервнаго припадка это было бы губительно. Но обратимся къ вашему письму; мнѣ надо спѣшить, потому что пароксизмъ недалекъ, и я уже чувствую смутное безпокойство надъ глазомъ.

Мнѣ нѣтъ нужды говорить, доставило ли мнѣ радость ваше письмо; это и безъ того слишкомъ ясно—оно мнѣ доставило радость безмѣрную. Какъ это вы хотите, чтобы я васъ не называлъ M-lle Consuela? Вы говорите, что я силенъ (позвольте мнѣ здѣсь поставить (?)) и что я не нуждаюсь въ утѣшеніи. Что вы объ этомъ знаете? т. е. ошибаюсь, послѣ каждаго отдѣльнаго несчастія я не нуждаюсь въ утѣшеніи,—это такъ; всѣ мои несчастія сводятся къ маленькимъ непріятностямъ. Но мнѣ нужно, чтобы въ жизни я могъ съ любовью останавливать взглядъ на нѣкоторыхъ людяхъ, видъ которыхъ меня успокаивалъ бы; вотъ это-то я и зову утѣшеніемъ. Поэтому, милый другъ, безразлично, кто жалуется, вы или я: ваше присутствіе въ мірѣ для меня благо, и я буду по прежнему звать васъ M-lle Consuela. Когда я вспоминаю ваши слова насчетъ самоубійства,—поймите, очень естественно, что мнѣ приходитъ эгоистическая мысль спросить: а что же я буду дѣлать? То, что я написалъ Герценамъ—сущая правда, и я это повторяю: мнѣ больше ничего не будетъ надо. Скорѣе у васъ, милый другъ, еще можетъ при всѣхъ условіяхъ образоваться пробѣлъ въ жизни, но не у меня. Если обстоятельства сложатся такъ, что мы вмѣстѣ очутимся въ Яхонтовѣ или здѣсь, но Герцены не пріѣдутъ, то съ меня будетъ довольно васъ; я не буду ощущать одиночества; хоть я и не боюсь этого чувства и порой даже люблю его, все-таки одиночествомъ жизнь не заполнишь, нужно утѣшеніе,—и это опять заставляетъ меня называть васъ M-lle Consuela. Я тѣмъ болѣе дамъ вамъ это прозваніе, что вы мнѣ обѣщаете приложить всѣ усилія, чтобы пріѣхать на этой недѣлѣ; пріѣзжайте, мы всегда найдемъ время поболтать, только бы вы пораньше вставали. Право, милый другъ, пріѣзжайте, оправдайте свое прозваніе. Я забуду даже свою головную боль.

Посмотримъ теперь, что́ дѣлать съ вашей сестрой; объясните ей самымъ дружескимъ образомъ, со всей любовью, которую вы къ ней питаете,—что такое неприкосновенность переписки; объясните, что не ваша вина, если я болѣе привязанъ къ вамъ, чѣмъ къ ней; что, слѣдовательно, я хотѣлъ бы говорить вамъ вещи, о которыхъ не хочу, чтобы ихъ знали другіе; что даже когда хочешь сказать, что въ такомъ-то часу подумалъ, почувствовалъ или сдѣлалъ что-нибудь,—все-таки можно не хотѣть, чтобы состояніе души (употребимъ еще разъ этотъ христіаннѣйшій терминъ) стало извѣстно кому-нибудь кромѣ того, кому пишешь. Все это такъ естественно. Но скажите все это любовно, и она не станетъ дуться. Я знаю, она васъ очень любитъ, при томъ это самый лучшій человѣкъ въ мірѣ. Надо ее веселить, развлекать, выдать замужъ,—во что бы то ни стало. Къ тому же она такъ изящна, что будетъ имѣть успѣхъ и оживетъ снова. Она еще настолько ребенокъ, что думаетъ, будто любовь къ удовольствіямъ есть паденіе, но все это зависитъ отъ особенностей характера; нѣтъ ни лучшаго, ни худшаго. Люди бываютъ такими или иными, вотъ и все.

Относительно своей горничной вы поступили правильно; но будьте сдержанны, вы можете завести ее слишкомъ далеко, потому что она легкомысленна. Точно такъ же, будьте осторожны въ выборѣ словъ; они могутъ подать поводъ къ пустымъ сплетнямъ, а это огорчило бы вашего отца.

Пріѣздъ Алекс. Степ. прервалъ меня, и вотъ головная боль опять начинается; это протянется часовъ 5—6. Представьте себѣ, во время пароксизма я едва могу управиться съ какой бы то ни было мыслью, мнѣ отъ этого больно. Но пока глазъ можетъ вынести, я вскрываю мертвую собаку. Боль невыносимая. Но вы не безпокойтесь, милая моя подруга; это просто перемежающаяся лихорадка. Я говорю вамъ: подруга, потому что хотѣть быть мужчиной—это тоже ребячество. Оставайтесь женщиной, это лучше, потому что то, что́ поистинѣ прекрасно и нѣжно, не знаю какъ вамъ это объяснить, что́ въ человѣческой природѣ то же, что въ цвѣткѣ запахъ,—то зовется женственнымъ. Оставайтесь женщиной; если вы понимаете подъ этимъ словомъ возмутительную способность стѣснять все, что́ любишь,—тогда дѣло другое. Оставайтесь женщиной, но не будьте вздорны. Вздорность одинаково свойственна и мужчинѣ, и женщинѣ; воспитаніе заставляетъ женщину не такъ избѣгать вздорности, больше ничего. Но у васъ, милый другъ, слишкомъ хороши умъ и сердце, чтобы вамъ быть вздорной, такъ что вы можете безбоязненно сохранить (впрочемъ, его и не избѣжать) характеръ женщины.

Спасибо за штирійскую пѣсню. Сохраните ноты на память обо мнѣ. Спасибо за то, что вы были веселы въ тотъ вечеръ, когда мы ѣздили къ Корсакову.—Кстати о немъ, я страшно радъ его пріѣзду. Онъ не плохой человѣкъ, милый другъ, увѣряю васъ; всѣ его по-

ступки—отъ его безмѣрнаго самодурства; эта черта варварская и татарская; но у него есть сердце, и потому его поступки огорчаютъ тѣхъ, кто его любитъ.

Я вамъ не посылаю программы; мы о ней снова поговоримъ. Хочу отправить письмо сегодня же, и мнѣ хотѣлось бы сказать еще много, но писать больно. Я чувствую себя хорошо только съ вечера приблизительно часовъ до одиннадцати утра.

До свиданія! Право, пріѣзжайте ко мнѣ, умоляю васъ. Для меня, M-lle Consuela, это будетъ безконечное счастіе. Жму вашу руку. До свиданія,—правда?—Я сыгралъ adagio изъ D-moll'ной сонаты и финалъ Сонамбулы. Вальсъ Шопена для меня довольно труденъ. Я разучился читать ноты (чего, впрочемъ, и никогда не умѣлъ, но тѣмъ бо́льшая заслуга—потерять то, чѣмъ и не обладалъ). Вчера мнѣ было грустно, и я игралъ. Я не люблю играть при другихъ. Но мнѣ было такъ грустно, что мнѣ необходима была музыка—или вашъ пріѣздъ—и я игралъ ни плохо, ни хорошо, т. е. хуже обыкновеннаго, и это облегчило меня. Вы спросите, почему мнѣ было грустно? Этого я рѣшительно не знаю. Въ характерѣ моемъ есть эта глупость: я грустенъ отъ природы, или вѣрнѣе съ юности, благодаря всей средѣ, въ которой я жилъ; а веселость проявлялась у меня только въ кутежахъ. Тутъ вліяніе эпохи.

Нѣтъ! Не могу писать. До свиданія! еще разъ, вашу руку,—и пріѣзжайте.

Вечеръ. Въ самомъ дѣлѣ, въ конвертѣ письма отъ вашего отца я только что нашелъ вашу записку. Спасибо, милый другъ, за предложеніе. Пріѣзжайте немножко за мной поухаживать. Пріѣзжайте (тѣмъ болѣе) поухаживать за нами.

8.

Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой.

[Вѣроятно, не посланное письмо.]

12 Декабря [1848 г.]

Сей часъ пилъ кофій случайно передъ зеркаломъ и смотрѣлся. Corpo di bacco какой я уродъ! Одна Наташа могла меня полюбить. За что? Не знаю самъ. За то что я люблю глубоко и страстно? Однако я жертвую любовью къ женщинѣ любви къ богатству, или чертъ знаетъ къ чему. За чтоже меня любить. Уменъ я что ли? Да я лучшіе соображенія ума отдаю за ничто—за бутылку вина отъ простаго до самаго тонкаго. Какой же во мнѣ толкъ? Спосо-

бенъ ли я на большую дѣятельность въ человѣческомъ мірѣ? Можетъ быть да, а можетъ быть и нѣтъ. Это не рѣшено, потому что до сихъ поръ я не имѣлъ духа бросить все ложное и отдать самаго себя за правду. Я даже не люблю спорить за правду и равнодушно отхожу отъ человѣка противнаго мнѣнія. А между тѣмъ будь у меня сила—я былъ бы жестокъ. Я это знаю лучше чѣмъ другіе, потому что въ этомъ случаѣ мои сны больше дѣйствительности. Въ дѣйствительности оной я ничего не могу дѣлать и уступаю мерзавцамъ; въ дѣйствительности иной я безъ всякаго разкаянія готовъ раздавить человѣка какъ муху. Я это глубоко сознаю, хотя можетъ этому никто не повѣритъ. Что же я такое? Пошлякъ, плутъ или хорошій человѣкъ? Можетъ одно изъ трехъ, можетъ всего вмѣстѣ понемногу. Во всякомъ случаѣ уродливъ нравственно, а зеркало показываетъ уродливость физически. За чѣмъ же ты меня любишь? за что? Чертъ знаетъ за что, а знаю, что ты меня любишь. Знаю, что и я люблю тебя страстно. Но чѣмъ же я это доказалъ? Забылъ ли я богатство? Забылъ ли я пьянство? Нѣтъ! Я не говорю о лучшихъ страстяхъ: свобода моя и свобода міра идетъ напереди всего. Но сталъ ли я хорошимъ человѣкомъ отъ того, что люблю свободу, или отъ того, что я люблю тебя?—Ни чуть! Что же я такое? Уродъ нравственной и физической. Чего же я хочу? Жить безконечно—въ наукѣ, въ искусствѣ, въ обществѣ—всего болѣе (по опыту) въ скверныхъ наклонностяхъ. Тутъ мало разумнаго и много нелѣпаго. Что же изъ меня выйдетъ?

13 Декабря. Я думаю, моя Consuela, не льзя сдѣлать горче анализа самаго себя, какъ я вчера сдѣлалъ. Но къ чему поможетъ анализъ? Перемѣнюсь ли я въ чемъ нибудь? Едва ли! Дай мнѣ иную среду—а! это другаго рода. Если все направлено къ такой дѣятельности, которая мнѣ задушевна, то я являюсь даже очень хорошимъ человѣкомъ. Можетъ быть за эту возможность ты меня и любишь. А быть тѣмъ, чѣмъ бы я могъ быть при настоящихъ данныхъ—я не имѣю ни силы, ни выдержки, отъ того что я все таки не совсѣмъ хорошій человѣкъ. А больно въ этомъ признаться. Ужъ не пора ли закончить все и на твоей груди закрыть глаза на всегда? Нѣтъ! жить хочется! Еще надежды не покинули. Жить—свободно съ тобой и съ ними—для моей личности больше ничего не нужно; это дало бы мнѣ счастье. А до иныхъ данныхъ не знаю доберусь ли. Думаю, что еслибъ съ насъ сняли тягость настоящаго положенія, то мы были бы оба способны къ хорошей дѣятельности.

9.

Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой.

Le 15 Dec. soir [1848 г.]

Il parait donc que je dois vous écrire sans cesse, chère amie. Je ne peux pas m'en défendre. C'est devenu une nécessité de mon existence. Je viens de passer une journée atroce. J'ai mis des sangsues; ceci ne servit rien. Mais *on* est venue me proposer des soins. J'ai battu froid en diable. Je me suis enfermé à clef plusieurs fois et enfin à 10 heures du soir j'ai prétendu que je veux dormir et j'ai laissé partir mon monde sans égard à son déplorable état. Ecoutez—c'est absurde. Je deviens *mauvais* à force de fausse position. Je dois en finir le plus vite possible. Mais aussi il faut être obtus pour ne pas voir à quoi s'en tenir. Je suis maussade d'une manière atroce. Et pourtant j'aurais voulu vous dire tout autre chose. Vous parler de ce qui réellement peut intéresser vous ou moi et je suis si maussade, que j'en suis incapable. Cette femme me vole mes instants de bonheur où je puis penser seul à quoi je veux; et elle croit qu'elle a du dévouement pour moi et moi pour elle aucun. Dame! dirai-je avec cette dame, dont elle a parlé l'autre jour.— Non! je ne veux pas vous écrire aujourd'hui. Tout cela ne vaut pas la peine qu'on en parle et c'est mal à moi de vous inquiéter par ma mauvaise humeur. Pardon! Permettez moi de m'imaginer que vous me tendez la main. Cela me tranquillisera et je vais me coucher. Adieu, Mlle Consuela!

Le 16 Dec. matin. En me levant j'avais l'envie de déchirer ce que je vous ai écrit hier. Mais pourquoi? Nous sommes tellement isolés respectivement qu'il faut que notre vie journalière soit connue l'un à l'autre. Nous nous allégerons nos peines par écrit un certain laps de temps encore. Quand passera-t-il ce temps? Il me tarde d'être auprès de vous. Avez vous reçu ma lettre d'hier? aurai-je bientôt une réponse? Je ne peux pas souffrir tranquillement mon mal si vous ne m'écrivez pas. Et comment les affaires s'arrangent elles? Venez vous pour 3 jours? Tout cela m'inquiète et devient une idée fixe. Mais je ne suis pas homme pour rien: à l'instant je m'en vais me mettre à l'ouvrage. Je ne veux pas perdre la force de travailler dans quelques circonstances que je me trouve. Je m'en vais m'occuper de la maladie de Mme S. Vous ne pouvez pas vous imaginer comme elle m'a été utile en physiologie et pa-

thologie. Dans 2 mois j'ai appris plus que dans 2 ans. Je vois plus clair dans beaucoup de choses. Mais c'est drole que tout ça m'occupant, au milieu de nerfs malades et de tubercules des poumons,—je pense à votre lettre qui n'arrivera pas de si long-temps! A revoir!

Dans la journée. Je suis parvenu à me tenir isolé qu'on soit malade ou non.—Je voulois vous demander une chose: pourquoi ne m'avez vous pas dit ce que vous vouliez me dire? Pourquoi vous ne vous sentiez pas malheureuse, disiez vous? Non! chère amie, je vous supplie, parlez tout de bon. Ce n'est pas curiosité de ma part, c'est un besoin intime de savoir ce qui se passe en vous. Je n'ai pas insisté croyant que cela vous gêneroit, mais il me faut savoir..... Non! si cela vous est pénible à dire, dites le quand vous voudrez, quand vous croirez que cela vous rendra la vie plus légère,—seulement sans arrière pensée et franchement. Franchement—vous le faites toujours, mais sans l'arrière pensée que vous savez. Mais pas d'énigmes entre nous, chère amie, je vous en supplie. Nous sommes trop ervachsen pour craindre quoi que ce soit et parler en énigmes, et ensuite je pense que nous sommes trop attachés l'un à l'autre pour pouvoir le faire.

Plusieurs fois dans la journée il me vient en idée: comment une idée aussi ridicule que de penser pouvoir aimer (et même plus que d'amitié) Mme S. a-t-elle un beau jour pu traverser mon cerveau? Le ridicul me blesse par un point, mais ceci me blesse effectivement. Et ensuite pourquoi lui ai-je par cette ridicule erreur rendu la vie plus dure qu'elle ne l'étoit? C'est tout simplement mauvais. Là dessus vous-même, chère amie, vous ne tacherez pas de me disculper j'éspère; mais vous me pardonnerez et le ridicul et le mauvais de la chose. Vous me le pardonnerez n'est-ce-pas? Il faut que vous me le disiez. Parce que si quelque chose peut diminuer votre amitié pour moi.... eh bien! j'en serai *parfaitement* malheureux.

Le soir. Une nouvelle importante, mais *à condition* de ne pas la communiquer à *personne* des votres (sans quoi vous me rendrez tout à fait malhonnete). *Quand* et sous *quelle forme* on pourra la communiquer vous le saurez à temps. Venons au fait: Mme S. s'est décidée de partir dès que je serai bien portant. Elle me fait pitié la pauvre, mais je m'empresserai de guérir. Maintenant tout ce que je désire c'est que Granovsky ne vienne pas, sans quoi elle veut qu'il la reconduise à Moscou et ce seroit encore 3 semaines d'agonie. Les enfants restent chez moi en attendant le printemps. Chere amie, vous m'aiderez à les soigner un peu.

Je vous en prie. Payez avec moi les pots cassés par amitié. Je commencerai par renvoyer Mlle Lise, et vous me permettrez d'amener les enfants chez vous. Ne croyez pas qu'ils vous tombent tout à fait sur les bras. Je les soignerai aussi et je leur donnerai leçon. D'ailleurs j'aime beaucoup Marie, qui a pour moi un attachement prononcé.—Or maintenant tout ce que je comprends le mieux, c'est que dans 15 jours peut être je pourrai être auprès de vous et partager mon temps entre Akchéno et Yachontowo au préjudice du premier. Mais je ne sens pas encore tout à fait bien aujourd'hui la joie qui m'anime, parceque probablement nous n'y sommes pas encore au départ et ensuite parce que la douleur physique m'a complètement abimé ce soir. Mais je m'en vais guérir bientôt; la volonté même y contribuera. Adieu, chère amie, à demain. Je vous serre la main. Je m'inquiète;—il me semble que vous êtes triste ou quoi aujourd'hui. Dites-moi ne vous est il pas arrivé quelque desagrément de plus? Je rêve au moyen d'expédier quelqu'un chez vous, parcequ'il y a trop long-temps que je n'ai pas de vos nouvelles. Revez bien—vous qui aimez les rêves. Adieu!

Le 17 Dec. soir. De toute la journée je ne vous ai pas écrit, chère amie. Je ne trouvai pas en moi de bonnes paroles. J'étais maussade, quoique j'aie assez travaillé et peu souffert grâce à une médecine que je me suis fait venir après force lectures et combinaisons. Pourquoi donc maussade? Qu'en sais-je? Pourtant toutes les affaires vont bien, c. à d. qu'on me promet (avec une conscience de dévouement qui me fait pitié) de partir dès que je serai bien portant, et moi—est-ce la médecine ou la force de volonté—je garantis d'être quitte de la maladie dans deux jours. Ensuite on m'écrit que Granovsky est à Orel, donc il n'y aura rien pour attendre. Elle me fait de la peine puisqu'elle est bien malheureuse, je crains le voyage pour la santé; mais le principe diabolique de l'égoïsme prévaut en moi; d'ailleurs je n'aurois pas trouvé de forces pour un dévouement stupide; je serois parti si elle ne partait pas. Je n'ai pas besoin de vous recommander encore une fois *le silence complet* sur toutes ces choses. Je parle avec vous comme avec moi-même et je ne veux pas que quiconque excepté connaisse ni les circonstances, ni mes defauts, ni même mes qualités.—Mlle Lise part avec.—Eh bien? le but est atteint et pourtant elle me fait beaucoup de peine la pauvre femme. Je prends sur moi un air glacial, mais souvent j'aurois voulu venir à son aide et la consoler par de bonnes paroles. Mais je crains: elle ne partiroit pas et je garde l'air d'un homme que rien

n'emeut. — Demain Mr. Basil Platoff, frère d'Alexis, vous portera cette lettre; je lui dirai de m'envoyer la réponse tout de suite. Je ne peux pas rester sans avoir des novelles de vous. Venez toujours pour les 3 jours si faire se peut.—J'ai une vague inquiétude qui me poursuit; il me parait que vous souffrez à l'heure qu'il est de je ne sais quoi. Voilà du romantisme, direz vous. Peut-être! mais ça n'en est pas moins vrai. J'attendrai votre lettre plus que le messie; celui-ci par exemple je ne l'attends pas du tout.—Adieu! Mlle Consuelo, tirez moi de cette vague inquiétude par quelques lignes.

Le 18 Dec. Matin. Je vous écris pour clore la lettre, puisqu'elle doit partir aujourd'hui. J'en suis parfaitement mécontent de cette lettre. Il me parait qu'il y régne un ton sec, qui certes n'existe pas au fond de mon coeur, surtout de moi à vous, et pourtant cette fatale existence formée de fausses positions et de haine me l'a donné malgré moi. Quand je serai libre vous ne retrouverez plus en moi cette disposition d'esprit. En tout cela j'ai comme une ombre de remords d'avoir par une étourderie sans nom fait tant de mal à une femme, déjà sans ça malheureuse. Mais le remord s'oublie et la vie se développe. Ce n'est pas fatalité, mais bien la logique des causes et des effets, seule divinité abstraite, implacable et infaillible dans l'univers.—Demain j'aurai de vos nouvelles. J'attendrai avec une inquiète impatience. Une lettre de vous— et toute cette secheresse de coeur qui régne en moi maintenant disparaitra.—Si vous ne venez pas envoyez moi une lettre aux Herzen. Je vais leur écrire ces jours ci. J'enverrai la petite feuille, qui m'a entrainé dans une critique du romantisme, mais savez vous je crois que ce n'est pas romantique, c'est tout simplement féminin. Je n'ai rien à y redire. Il y a je ne sais quoi de gracieux dans ces expressions enfantines de souvenirs et de sentiments bien sérieux peut-être. Adieu, chère amie, je vous serre la main. A bientôt, à bientôt! et pour longtemps. — Certes vous ne montrerez pas à Mme S. que vous sachiez qu'elle ait quelque intention de partir — si vous la voyez; ça la blesserait profondement et justement. Mais que voulez vous? Vous taire quelque chose est trop pénible pour moi. Quand je pense que vous n'êtes pas loin, je sens que je ne suis pas isolé. Adieu! De grâce écrivez moi.

[Переводъ.]

15-е дек., вечеръ [1848 г.]

Кажется, милый другъ, я долженъ писать вамъ все время. Я не могу этому противиться. Это стало необходимостью для моего существованія. Я провелъ ужасный день. Я поставилъ піявки; это нисколько не помогло. Но ко мнѣ пришли и предлагаютъ за мной ухаживать. Я былъ дьявольски холоденъ. Я нѣсколько разъ запирался на ключъ и наконецъ въ 10 часовъ вечера притворился, что хочу спать, и отпустилъ свиту, не обращая вниманія на ея плачевное состояніе. Послушайте: это нелѣпо. Я становлюсь *гадокъ* въ силу своего ложнаго положенія. Необходимо съ этимъ покончить какъ можно скорѣе. Но съ другой стороны, надо быть тупицей, чтобы не понимать положенія дѣлъ. Я раздраженъ до крайности. Но я хотѣлъ бы поговорить съ вами совсѣмъ о другомъ. Поговорить съ вами о томъ, что можетъ по настоящему интересовать васъ или меня,—а я такъ раздраженъ, что не способенъ на это. Эта женщина крадетъ у меня счастливыя минуты, когда я могу наединѣ думать о чемъ хочу; а она считаетъ, что она приноситъ жертву ради меня, а я ради нея—никакой. Чортъ возьми!—скажу я вмѣстѣ съ той дамой, о которой она на-дняхъ говорила.—Нѣтъ! я не хочу сегодня писать къ вамъ. Не сто́итъ труда обо всемъ этомъ говорить, а кромѣ того мнѣ больно тревожить васъ своимъ дурнымъ расположеніемъ. Виноватъ! Позвольте мнѣ вообразить, что вы мнѣ протягиваете руку. Это меня успокоитъ, и я пойду спать. До свиданія, M-lle Consuela!

16-е дек., утро. Вставая, я хотѣлъ разорвать то, что написалъ вамъ вчера. Но зачѣмъ? Мы такъ отдѣлены другъ отъ друга, что нужно, чтобы наша повседневная жизнь была намъ обоюдно извѣстна. Еще нѣкоторое время мы будемъ письменно облегчать другъ другу печали. Когда это время кончится? Я не дождусь, когда буду возлѣ васъ. Вы получили мое вчерашнее письмо? скоро ли я получу отвѣтъ? Я не могу спокойно переносить боль, если вы мнѣ не пишете. А какъ идутъ дѣла? Вы пріѣдете на 3 дня? Все это меня тревожитъ и становится неотвязной мыслью. Но я человѣкъ не пропащій: сію минуту принимаюсь за работу. Въ какихъ бы обстоятельствахъ я ни находился, я не хочу терять работоспособность. Иду заниматься болѣзнью г-жи С[аліасъ]. Вы представить себѣ не можете, какъ она была мнѣ полезна по физіологіи и патологіи. Въ 2 мѣсяца я изучилъ больше, чѣмъ въ 2 года. Многое стало мнѣ гораздо яснѣе. Но забавно, что занимаясь всѣмъ этимъ, погруженный въ изученіе нервныхъ болѣзней и туберкулеза легкихъ,—я думаю о вашемъ письмѣ, которое такъ долго не прійдетъ. До свиданія!

Днемъ. Я достигъ того, что держусь въ сторонѣ, все равно, больна она или нѣтъ.—Я хотѣлъ у васъ спросить одну вещь: почему

вы мнѣ не сказали того, что̀ хотѣли сказать? Почему вы, по вашимъ словамъ, не чувствовали себя несчастной? Нѣтъ, милый другъ, умоляю васъ, говорите все. Это съ моей стороны не любопытство, это внутренняя необходимость знать все, что въ васъ происходитъ. Я не настаивалъ, думая, что это васъ стѣснитъ, но я долженъ знать... Нѣтъ! Если вамъ тяжело объ этомъ говорить, скажите, когда захотите, когда вамъ покажется, что это облегчитъ вамъ жизнь,—но только безъ задней мысли и искренно, — искренно-то вы дѣлаете всегда, — но безъ задней мысли, которую вы знаете. Но никакихъ загадокъ между нами, милый другъ, умоляю васъ. Мы слишкомъ ervachsen, чтобы бояться чего бы то ни было и говорить загадками, а кромѣ того я думаю, что для этого мы слишкомъ близкіе люди.

По нѣскольку разъ въ день мнѣ приходитъ въ голову: какимъ образомъ въ одинъ прекрасный день въ мой мозгъ могла проникнуть смѣшная мысль, будто я могу любить г-жу С[аліасъ] (даже болѣе, нежели дружески)? Я не очень боюсь быть смѣшнымъ, но это меня серьезно огорчаетъ. И еще—зачѣмъ я этой смѣшной ошибкой сдѣлалъ ея жизнь тяжелѣе, чѣмъ прежде? Это просто дурно. Въ этомъ и вы, милый другъ, надѣюсь, не станете меня оправдывать; но вы мнѣ простите и комизмъ, и вину моего поступка. Вы мнѣ простите, не такъ ли? Вы мнѣ должны это сказать. Потому что если что-нибудь можетъ уменьшить вашу дружбу ко мнѣ... что жъ! я отъ этого стану *окончательно* несчастенъ.

Вечеръ. Важная новость, но *подъ условіемъ* не сообщать ее *никому* изъ вашихъ (иначе я по вашей милости окажусь совершенно безсовѣстнымъ). *Когда* и въ *какой формѣ* можно будетъ ее сообщить, вы узнаете со временемъ. Дѣло вотъ въ чемъ: г-жа С[аліасъ] рѣшила уѣхать, какъ только я буду себя хорошо чувствовать. Мнѣ ее, бѣдную, жалко, но я постараюсь вылѣчиться. Все, чего я теперь хочу, это чтобы Грановскій не пріѣзжалъ, а то она хочетъ, чтобы онъ отвезъ ее въ Москву—и это будетъ еще 3 недѣли агоніи. Дѣти остаются у меня до весны. Милый другъ, вы мнѣ немного поможете смотрѣть за ними. Пожалуйста. Помогите мнѣ во имя дружбы исполнить долгъ. Начну съ того, что отошлю M-lle Lise, а вы мнѣ позволите привезти дѣтей къ вамъ. Не думайте, что они цѣликомъ сядутъ вамъ на шею. Я тоже буду за ними смотрѣть и учить ихъ. Впрочемъ, я очень люблю Машеньку, которая ко мнѣ замѣтно привязана.—Итакъ, лучше всего я теперь понимаю то, что черезъ 15 дней я вѣроятно смогу быть возлѣ васъ и дѣлить время между Акшеномъ и Яхонтовымъ, въ ущербъ первому. Но воодушевляющую меня радость я чувствую сегодня еще не совсѣмъ хорошо, потому что отъѣздъ еще, кажется, довольно далекъ и потому что физическая боль въ нынѣшній вечеръ совершенно свалила меня съ ногъ. Но я скоро вылѣчусь; самое желаніе поможетъ. До свиданія, милый другъ, до завтра. Жму вашу руку. Я въ безпокойствѣ;—мнѣ кажется, что бы

сегодня грустны или что-то въ этомъ родѣ. Скажите, не случилось ли съ вами еще какой непріятности? Я мечтаю, какъ бы послать къ вамъ кого-нибудь,—отъ васъ слишкомъ давно нѣтъ вѣстей. Мечтайте же, вы, любительница мечтаній. До свиданія!

17-е дек., вечеръ. Цѣлый день я вамъ не писалъ, милый другъ. Не находилъ въ себѣ хорошихъ словъ. Я былъ раздраженъ, хотя довольно поработалъ и не особенно чувствовалъ боль, благодаря одному лѣкарству, которое я себѣ выписалъ послѣ долгихъ книжныхъ розысковъ и соображеній. Почему раздраженъ? Я почемъ знаю? Однако дѣла идутъ хорошо, т.-е. мнѣ обѣщаютъ уѣхать (съ такимъ сознаніемъ самопожертвованія, что жалко смотрѣть), какъ только я буду себя хорошо чувствовать, а я—благодаря лѣкарству или силѣ воли—ручаюсь, что буду здоровъ черезъ 2 дня. Затѣмъ, мнѣ пишутъ, что Грановскій въ Орлѣ, значитъ, ждать не придется. Она меня огорчаетъ, потому что очень несчастна; боюсь, что дорога ей повредитъ; но дьявольскій принципъ эгоизма во мнѣ сильнѣе; впрочемъ, я бы и не нашелъ въ себѣ силъ для дурацкаго самопожертвованія; я бы самъ уѣхалъ, если бъ не уѣзжала она. Мнѣ нѣтъ нужды еще разъ просить васъ о *полнѣйшемъ молчаніи* насчетъ всѣхъ этихъ вещей. Я съ вами говорю, какъ съ самимъ собой, и не хочу, чтобы хоть кто-нибудь посторонній зналъ о моихъ дѣлахъ, о моихъ недостаткахъ и даже о моихъ достоинствахъ.—M-lle Lise ѣдетъ съ нею.—Итакъ, цѣль достигнута, но все-таки мнѣ очень жаль эту несчастную женщину. Я напускаю на себя холодность, но часто мнѣ хочется ей помочь и утѣшить ее ласковыми словами. Да боюсь: она не уѣдетъ; и вотъ, дѣлаю видъ человѣка, котораго ничѣмъ не проймешь. Завтра Василій Платовъ, братъ Алексѣя, привезетъ вамъ это письмо; я ему скажу, чтобы онъ переслалъ мнѣ отвѣтъ тотчасъ же. Я не могу оставаться безъ вѣстей отъ васъ. Все-таки, если можно, пріѣзжайте на обѣщанные 3 дня.—Меня мучитъ смутное безпокойство; мнѣ кажется, что вы сейчасъ отчего-то страдаете. Романтизмъ, скажете вы. Можетъ быть! Но тѣмъ не менѣе это такъ. Буду ждать вашего письма, больше, чѣмъ мессію; положимъ, я его не жду вовсе. До свиданія! M-lle Consuela, избавьте меня нѣсколькими строчками отъ этого безпокойства.

18-е дек., утро. Пишу вамъ, чтобы заключить письмо: оно отправится сегодня. Я совсѣмъ не доволенъ этимъ письмомъ. Мнѣ кажется, въ немъ много сухости, которой, конечно, нѣтъ въ моемъ сердцѣ, особенно по отношенію къ вамъ; но все-таки это злосчастное существованіе, состоящее изъ ложныхъ положеній и злобы, навязало мнѣ эту сухость помимо меня. Когда я буду свободенъ, вы не найдете во мнѣ такого настроенія. И ко всему этому, на мнѣ лежитъ какая-то тѣнь раскаянія въ томъ, что по непростительному легкомыслію я причинилъ столько зла женщинѣ, несчастной и безъ того. Но угрызенія совѣсти забываются, и жизнь идетъ своимъ чередомъ. Тутъ

не неизбѣжность, а логика причинъ и слѣдствій, единственное въ мірѣ абстрактное, неумолимое и непогрѣшимое божество.—Завтра я получу вѣсти отъ васъ. Буду ждать съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ. Одно письмо отъ васъ — и вся сердечная сухость, которая теперь во мнѣ господствуетъ, исчезнетъ.—Если вы не пріѣдете, пришлите мнѣ письмо для Герценовъ. На дняхъ я буду имъ писать. Я перешлю листокъ, вызвавшій меня на критику романтизма, но знаете?— я думаю, что это не романтично, а просто по-женски. Мнѣ нечего на это возразить. Есть что-то очаровательное въ такихъ дѣтскихъ проявленіяхъ памяти или, можетъ быть, чувствъ болѣе серьезныхъ. Прощайте, милый другъ, жму вашу руку. До скораго, скораго свиданія! и продолжительнаго.—Вы, конечно, не покажете г-жѣ С[аліасъ], что знаете о ея намѣреніи уѣхать,—если вы ее увидите; это ее глубоко и справедливо уколетъ. Да что дѣлать? что-нибудь скрыть отъ васъ для меня слишкомъ мучительно. Когда я думаю, что вы не далеко, я чувствую, что не одинокъ. До свиданія. Умоляю, пишите мнѣ.

10.

Н. П. Огаревъ — Н. А. Тучковой.

Le 20 Dec. [1848 г.]

Minuit. A l'instant je viens de ravoir la liberté et la solitude et la première chose que je fais, c'est de vous écrire, chère amie. Vous me devenez de jour en jour plus indispensable.—Après votre départ je me suis senti horriblement seul. Seul—n'est pas le mot, parceque je suis habitué à rester seul; mais je me suis senti privé de la présence d'une amitié qui me fait vivre. La pensée même que toute mon affection pour vous ne vous est plus présente me fait du mal. Pourtant je ne suis pas devenu méchant. Je me suis mis à déchiffrer Chr. Colomb—le départ et le duo et j'avais une immense tristesse au fond du coeur. Outre que vous n'étiez plus là, je sentais que vous alliez souffrir. Quelle absurde existence! et pourtant la vie est belle et nous n'aurions pas le courage de refaire la notre? Comment? céder et mourir? Non! cette idée me répugne pour vous encore plus ,que pour moi. Il me semble qu'il faut absolument que vous soyez heureuse et que votre vie soit remplie. Quant à moi—je doute que ma vieille jeunesse soit aussi heureuse qu'elle auroit pu l'être, mais elle le sera toujours assez pour vivre, et malgré cela l'idée de la mort ne me fait ni chaud ni froid. Aussi

je vous rappelle la promesse et pour vous convaincre davantage je vous en fais une aussi: c'est que si vous ne tenez pas la votre, je vous suis le jour même où j'apprendrai que vous n'existez pas. Ainsi bon gré mal gré vous devez subir ma société. Mais mieux vaut refaire la vie que la céder. J'ai des idées là dessus que peut être je vous dirai un jour. Au fait je n'ai pas envie de mourir, mais aussi je ne veux pas vivre si vous cédez la vie au lieu de la refaire. Tout cela devient une conviction pour moi, ainsi je ne manquerai en rien de faire ce que je dis.—Je continue la relation de la journée: j'ai senti une fatigue extrême et j'ai dormi une grande partie de l'après midi. La petite Marie est tombée malade; mais c'est peu de chose. Je l'ai soignée, je l'ai fait rire et cette occupation m'a fait du bien. Puis je me suis retiré chez moi; j'ai placé la chaise comme elle devait l'être et je me suis assis devant et j'ai passé une demi-heure à penser à je ne sais quoi. J'étais heureux et désolé en même temps. Ensuite j'ai tenu société à Mme S. Elle n'a pas eu d'attaque de nerfs. Mais je me tais sur ce chapitre; je ne veux plus rien dire de méchant. Elle partira et tout sera fini. Je pousse même *le sacrifice* jusqu'au point de ne pas la laisser partir s'il fait tout aussi froid; car il faut que je vous dise que l'air froid est si irrespirable pour les éthyques, qu'il peut bien changer le mal chronique en une phtisie galoppante. Eh bien! pour ne pas commettre de meurtre, je prolongerai ce triste état pour 15 jours; mais s'il fait moins froid—je ne changerai pas une syllabe à sa decision, je ne ferai pas cadeau d'un jour, malgré toute la peine qu'elle me fait. Ce seroit trop inutile.— Elle veut essayer d'aller chez vous le 24. Je crois que c'est assez utile d'essayer de l'air avant un long voyage. Mais je ne sais si je dois essayer de l'accompagner chez vous. J'ai peur d'une récidive qui m'éloigneroit encore une fois de vous et de la liberté. Aujourd'hui je n'ai pas souffert pourtant. Donc peut-être j'irai chez vous. J'en ai trop le désir.

Que faites vous donc à l'heure qu'il est? Comment avez vous fini cette journée? Pauvre amie! Et vous vous imaginez être méchante! Non, Mlle Consuelo, vous ne l'êtes pas. Vous n'êtes que blessée dans votre droit et aigrie. Mais j'ai bien vu que vous êtes bonne. Vous êtes trop humaine pour être méchante.—Adieu, jusqu'à demain! je vous serre la main. Si vous saviez comme vous me manquez! Ça devient tout à fait une douleur.— Je copierai le thème du duo avant de vous envoyer le Colomb; je veux le savoir jouer par coeur. Il me poursuit toute la journée.

21 Dec. Matin. Bonjour, chère amie. Me voici levé et habillé comme si j'allais vous attendre. Ma première pensée vous appartient. Puis je me mettrai à travailler. J'ai envie de travailler aujourd'hui, précisement parceque ma tête n'y est pas au travail. Il faut que je me force pour ne pas perdre l'habitude et le souvenir de ce que j'ai déjà appris. Je suis encore indécis, mais je pense que l'étude de la nature sera absolument ma spécialité. La litérature m'échappe; je n y porte aucun interêt. La construction du vers m'a completement échapé depuis 2 ans ou plus. Mais une chose m'occuppe: réduire le problème de la vie à ses plus simples éléments et armé de ce matérialisme détroner entièrement toute idée mystique. C'est une chose qui m'anime quand j'y pense,—elle m'anime de haine pour le monde historique et d'amour pour la réalité. Avec cela si j'ai quelque capacité j'ai l'espoir de faire du progrès ou au moins de la propagande. J'ai un amour propre démesuré. C'est un défaut que vous ne me connaissiez pas et que je cache soigneusement en vrai jésuite. Mais il ne m'empèche pas d'avoir une estime sans bornes pour la liberté d'autrui et une grande capacité d'affection.—J'ai aussi beaucoup d'égoïsme, par exemple—j'ai un désir extrême de vous expédier aujourd'hui cette lettre—non pas tant pour vous faire plaisir, que pour avoir une lettre de vous, car il me faut votre présence ou vos lettres, sans quoi la vie me devient triste. Demain j'écrirai aux Herzen. Je leur parlerai de vous; je demanderai à Nathalie une lettre pour vous. Vous donner des moments de calme et de contentement me devient un but.

Oui, je vais vous expédier cette lettre ce matin même, pourvu que vous m'écriviez par le même message. Je veux savoir comment vous êtes arrivée, si tout est en paix ou en lutte, si vous êtes triste et méchante, ou calme et patiente, ce que vous faites, à quoi vous pensez etc.... Si je pouvais venir bientôt chez vous je serais heureux; je crois que je me déciderai à le faire, advienne que pourra de mon mal de tête; mais je ne pourrai le faire que le 26 ou le 27, pas avant; M. d'Etienne est parti pour revenir le 24 et je dois l'attendre. Jusque là encore une lettre de vous, entendez vous, Mlle Consuelo? Adieu! Je vous serre la main. C'est absurde—mais je finis d'écrire avec le même sentiment comme si je me separais de vous. Je vous écrirai chaque jour. Adieu! Je vous écrirai chaque jour, parceque je ne puis faire autrement.

[Переводъ.]

20-е дек. [1848 г.]

Полночь. Сейчасъ я снова обрѣлъ свободу и уединеніе; первымъ дѣломъ пишу къ вамъ, милый другъ. Вы день ото дня становитесь для меня все необходимѣе.—Послѣ вашего отъѣзда я почувствовалъ себя страшно одинокимъ. Одинокимъ—это не то слово, потому что я привыкъ къ одиночеству; но я почувствовалъ, что лишился живительной дружбы. Мнѣ больно отъ одной мысли, что вся моя привязанность къ вамъ перестаетъ быть для васъ осязательной. Но я не сталъ золъ. Я принялся разбирать Хр. Колумба—отъѣздъ и дуэтъ, и безконечная грусть была у меня въ глубинѣ души. Кромѣ того, что васъ уже не было здѣсь, я чувствовалъ, что вамъ предстоитъ страдать. Что за нелѣпое существованіе! и все-таки жизнь прекрасна,—и у насъ не будетъ смѣлости передѣлать нашу жизнь? Какъ, уступить и умереть? Нѣтъ! эта мысль мнѣ противна въ примѣненіи къ вамъ еще болѣе, чѣмъ въ примѣненіи ко мнѣ. Мнѣ кажется, совершенно необходимо, чтобы вы были счастливы и чтобы ваша жизнь была полна. Относительно меня самого—я сомнѣваюсь, чтобы моя старческая молодость была такъ счастлива, какъ могла бы быть, но все же она всегда будетъ достаточно счастлива для того, чтобы продолжать жить, и все-таки мысль о смерти меня нисколько не тревожитъ. Кромѣ того, напоминаю вамъ ваше обѣщаніе, а чтобы еще болѣе убѣдить васъ, самъ даю обѣтъ: если вы не сдержите своего обѣщанія, я въ тотъ же день, какъ узнаю, что васъ уже нѣтъ, послѣдую за вами. Значитъ, такъ ли, иначе ли, а вамъ приходится выносить мое общество. Но лучше возсоздать жизнь, чѣмъ ее уничтожить. У меня есть на этотъ счетъ мысли, которыя я, быть можетъ, когда-нибудь вамъ выскажу. Право, у меня нѣтъ желанія умереть, но съ другой стороны, я не хочу жить, если вы уйдете изъ жизни, вмѣсто того, чтобы ее возсоздать. Все это становится моимъ убѣжденіемъ, и ничто не удержитъ меня отъ исполненія моихъ словъ.—Продолжаю докладъ о томъ, что было днемъ: я окончательно изнемогъ и послѣ полудня почти все время проспалъ. Машенька захворала, но не сильно. Я сталъ за ней ухаживать, смѣшилъ ее, и занятіе это меня облегчило. Потомъ я ушелъ къ себѣ; я поставилъ кресло такъ, какъ оно должно стоять, и усѣлся передъ нимъ. Полчаса я провелъ, думая неизвѣстно о чемъ. Счастіе и отчаяніе владѣли мной одновременно. Потомъ я занималъ г-жу С[аліасъ]. У нея не было нервнаго припадка. Но тутъ я молчу; не хочу больше говорить злыхъ вещей. Она уѣдетъ, и все будетъ кончено. Я довожу жертву даже до того, что не позволю ей уѣхать, если будетъ все такъ же холодно. Надо вамъ сказать, что холодный воздухъ такъ вреденъ для слабогрудыхъ, что легко можетъ превратить хроническую бо-

лѣзнь въ скоротечную чахотку. Ну, что жъ! чтобы не быть убійцей, я продлю это печальное состояніе еще на 15 дней; но если станетъ не такъ холодно, я не измѣню ни іоты въ своемъ рѣшеніи, я не пожертвую больше ни одного дня, не смотря на все сожалѣніе, которое она мнѣ внушаетъ. Это было-бы слишкомъ безполезно.—Она хочетъ попытаться поѣхать къ вамъ 24-го. Я думаю, что очень полезно подышать воздухомъ передъ долгимъ путешествіемъ. Но не знаю, надо ли мнѣ пытаться сопровождать ее къ вамъ. Боюсь рецидива, который еще разъ отдалитъ меня отъ васъ и свободы. Сегодня я совсѣмъ здоровъ. Поэтому, можетъ быть, поѣду къ вамъ. Ужъ очень хочется.

А вы что сейчасъ дѣлаете? Чѣмъ кончили нынѣшній день? Бѣдный другъ! И вы думаете, что вы злы! Нѣтъ, M-lle Consuela, вы не злы. Вы только оскорблены въ своихъ правахъ и раздражены. Но я отлично видѣлъ, что вы добрая. Вы слишкомъ человѣчны, чтобы быть злой.—До свиданія, до завтра! жму вашу руку. Если бъ вы знали, какъ мнѣ васъ не хватаетъ! Это становится совершенно мучительно.—Прежде чѣмъ отослать вамъ Колумба, я спишу тему дуэта; хочу умѣть играть его наизустъ. Онъ меня преслѣдуетъ весь день.

21-е дек., утро. Здравствуйте, милый другъ. Вотъ, я всталъ и одѣлся, точно жду васъ. Первая мысль моя—о васъ. Потомъ примусь за работу. Мнѣ сегодня хочется работать, именно потому, что моя голова не склонна работать. Надо себя пересилить, чтобы не отвыкнуть и не забыть уже выученное. Я еще не рѣшилъ, но думаю, что изученіе природы окончательно станетъ моей спеціальностью. Литература отъ меня отходитъ; къ ней у меня нѣтъ никакого интереса. Стихотворство меня окончательно покинуло 2 года тому назадъ, а то и болѣе. Но вотъ что меня занимаетъ: свести проблему жизни къ простѣйшимъ началамъ и, вооружившись этимъ матеріализмомъ, окончательно развѣнчать всякую мистику. Мысль эта меня волнуетъ, когда я о ней думаю,—волнуетъ ненавистью къ историческому міру и любовью къ дѣйствительности. Такимъ образомъ, если только у меня есть какія-нибудь способности, я надѣюсь способствовать прогрессу или хотя бы вести пропаганду. У меня безмѣрное самолюбіе. Это грѣхъ, котораго вы за мной не знали и который я тщательно скрываю, какъ истинный іезуитъ. Но онъ мнѣ не мѣшаетъ безгранично уважать чужую свободу и быть весьма способнымъ къ привязанности. Во мнѣ, кромѣ того, много эгоизма, напримѣръ, у меня есть чрезвычайное желаніе отправить вамъ сегодня это письмо—не столько чтобы доставить вамъ удовольствіе, сколько чтобы получить письмо отъ васъ, потому что мнѣ необходимы или ваше присутствіе, или ваши письма; безъ этого жизнь становится для меня грустна. Завтра буду писать Герценамъ. Я съ ними поговорю о васъ; попрошу у Наташи, чтобы она вамъ написала. Доставлять вамъ минуты покоя и удовлетворенія становится моей цѣлью.

Да, я пошлю вамъ это письмо сегодня же утромъ, чтобы вы мнѣ отвѣтили съ тѣмъ же посланнымъ. Я хочу знать, какъ вы доѣхали; спокойно ли все или въ волненіи; печальны ли вы и злы, или спокойны и терпѣливы; что вы дѣлаете, о чемъ думаете и т. д... Я былъ бы счастливъ, если бы могъ сейчасъ поѣхать къ вамъ; думаю, что рѣшусь это сдѣлать, будь что будетъ съ головной болью; но я не смогу этого сдѣлать раньше 26-го или 27-го; Степанъ уѣхалъ, онъ вернется 24-го, и я долженъ его дождаться. Но до тѣхъ поръ—еще одно письмо отъ васъ, слышите, M-lle Consuela? До свиданія! Жму вашу руку. Это вздоръ—но я кончаю писать съ такимъ чувствомъ, точно разстаюсь съ вами. Буду вамъ писать каждый день. До свиданія! Буду вамъ писать каждый день, потому что не могу иначе.

11.

Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой.

Passé Minuit, donc le 22. Merci pour votre bonne lettre, chère amie. Jamais cette écriture d'écolière ne me gênera. Et pourquoi le dire? Vous savez bien que je suis heureux quand j'ai une lettre de vous. Pauvre amie! Vous souffrez, mais je ne vous rends pas votre promesse et vous savez pourquoi. D'ailleurs d'après ma dernière lettre—vous devez savoir que ça reviendroit au même et encore une fois je vous en donne ma parole. To be or not to be, dit Hamlet; eh bien! le *to be* pour moi c'est vous voir; le *not to be* c'est savoir que je ne vous verrai jamais. Pardon! je crains de devenir génant. Mais non! je ne vous generai pas, seulement alors ne me génez pas à mon tour de faire comme je l'entends. Pourtant je ne veux pas croire à ce triste avenir. Je veux que vous viviez et je veux vivre et si je contribue pour une fraction quelconque à vous soulager la vie je serai content. Je viendrai du moins vous aider à savoir avec le peu de connaissances que je possède. Vraiment peu, chère amie; j'ai beaucoup vécu par le coeur et par l'intelligence—mais en alchimiste. Il y a du rêve dans ma science. Quant au coeur—il ne rêve plus: mon attachement pour vous est une réalité.—Vous convenez donc bien que la vie est belle et vous dites même que vous êtes heureuse. Si mon amitié pour vous a pu jetter une parcelle de bonheur au milieu de votre existence—j'en suis content, je suis content que j'existe, Mlle Consuelo.—Non! il faut je crois que je cesse d'écrire

aujourd'hui. Je suis trop disposé à la tendresse. Pourtant j'ai passé une affreuse journée. Mme S. a été malade et malheureuse et moi j'ai employé toutes mes forces à me contraindre, car malgré qu'elle me fasse de la peine, je puis à peine surmonter un sentiment de rage concentrée, que j'ai pris l'habitude d'avoir envers elle. C'est un tourment que vous ne connaissez pas par bonheur! Il fallait tout faire: il fallait consoler—j'ai menti. Elle a le talent de me mettre au pied du mur, où je dois dire une vérité qui l'auroit assommée, ou mentir. Que voulez vous que je fasse? J'ai pris le parti d'être humain, malgré tout le désir d'anéantir sur place. Ensuite un moment il m'a paru que je recommence à avoir de la sympathie pour elle, parce qu'elle a témoigné d'une manière si vraie de l'intérêt et de la sollicitude pour vous, que je n'ai pas osé être méchant.— Mais j'ai été méchant toute la journée pas à cause d'elle; il y a eu encore d'autres raisons qui ont provoqué ma méchanceté jusqu'à en avoir un petit accès de la neuralgie que vous savez. Vous qui craignez que votre visite ou votre lettre ne me donne un accès de mon mal, sachez donc que toute la journée votre lettre a été ma consolation. Je crois que je la sais par coeur à force de l'avoir lue.— Votre romantisme à propos du changement de logement des Herzen m'a fait une impression si sympathique de jeunesse et d'affection que j'en ai été ému. Si vous aimiez à peu près de même mon laboratoire, que je voudrois ne pas quitter depuis, j'aurais été bien heureux. Mais excusez cette folie; grondez moi si elle vous gêne.

Il est déjà 2 heures. Je dois aller dormir. J'ai beaucoup à écrire demain. Je donnerai toute la journée aux correspondances. Certes je commencerai par vous. Dès que j'ouvre les yeux, je veux vous écrire et je ne puis me décider à me mettre au lit sans vous avoir écrit. Non! chère amie, vivons, je vous en prie: vous dites qu'il y a de la souffrance dans le bonheur; je suis encore plus résigné: je trouverai du bonheur même dans la souffrance. Il n'y a qu'une seule souffrance morale que je n'admets pas—c'est si quelqu'un s'avise d'empiéter sur ma liberté; mais celle ci je ne la céderai pas et voilà tout, et puis je continuerai à vivre.—Vivons, je vous en supplie, les choses peuvent changer un jour, en attendant que notre amitié vous aide! Tendez moi la main. Adieu! dormez en paix, revez bien!—J'aurais tant voulu vous donner du calme! Vous en avez besoin, chère amie. Mais vous êtes si loin et je ne réussis qu'à me donner du calme à moi-même en pensant à vous en donner. C'est que je ne sais comment cela se fait, mais par-

fois je me sens si heureux, que cela me donne du calme. Il y a longtemps que je n'ai pas connu cette sensation.—Adieu! Merci pour votre bonne amitié, Mlle Consuelo!

Le 22 matin. Je me reveille tard et cela m'enrage. C'est beaucoup de temps perdu. Je regarde par la fenêtre. Une belle journée, beaucoup de soleil. C'est beau pourtant. Ça dispose à l'activité. Mais je sais que dans 2 heures mon activité sera paralysée, mon humeur plus ou moins maussade et au lieu de travailler le coeur réjoui, je me forcerai à l'ouvrage pour échapper aux ennuis, dont l'arrière pensée me poursuivra. Savez vous l'idée qui me vient en tête? Je crois que la seule femme, avec laquelle j'aurais pu habiter sous le même toit, seroit vous, parceque nous avons un égal respect pour la liberté d'autrui, une estime de tout égoïsme bien entendu, et pas de ces petitesses désagréables qui font que vous êtes obsedé par des soins, persecuté par une affection, qui tend à s'emparer à son profit de toute votre personne, une affection sans *aucune considération humaine.* Probablement je me suis levé du pied gauche, parceque je sens en moi un fiel à toute épreuve; pas contre elle pourtant; elle est trop à plaindre. Elle croit à un grand dévouement, à une abnégation de soi-même vis-à-vis de moi. Je lui abandonne cette idée, c'est toujours une consolation.—Chère amie! Exercez en vous la faculté d'être logique, puisque déjà vous l'avez cette faculté. Etre logique sans crainte de souffrir, sans aucune crainte et sans aucune miséricorde. Vous ne pouvez vous imaginer combien cela est nécessaire. J'ai trouvé que tous les égoïsmes étroits, dont la personnalité fait le principe, sont illogiques et cette observation ne fait qu'accroitre mes haines. J'aurais voulu pendre les trois quarts de la population aujourd'hui. Mais ce n'est pas en vous parlant pourtant que je veux exprimer tout le fiel que je ressens. Je m'en vais le faire dans d'autres lettres et puis une fois calmé je reviendrai à vous—de nouveau avec une amitié sans bornes, une affection qui me donne du calme et du bonheur. A revoir.

Dans la journée. Bonne et chère amie, à l'instant je viens de recevoir votre lettre. Merci, merci!.. et la chanson du mousse! je vais la jouer toute la soirée la chanson du mousse.—Et vous avez pleuré en lisant ma lettre! elle vous a donné un instant de joie! et vous souscrivez aujourd'hui: Consuella! Merci, merci pour tout cela! Si vous m'aimez autant je croirai à la possibilité de mon bonheur personnel. Si vous m'aimez autant que je vous aime, oui! je suis sûr de mon bonheur personnel et je ne veux pas que nous mourions. J'aurai foi dans l'avenir...

Pardon! je suis si content que je crois que je deviens de nouveau romantique. Je vais écrire maintenant aux Herzen, et à vous de nouveau ce soir. Je crains que quelqu'un n'entre et ne m'empêche. Je ne sais ce que j'ai, je me sens heureux. Merci, Mlle Consuella.

Passé minuit. A peu près deux heures et elle vient de me quitter. Ouf! Vraiment je ne reste que pour ne pas lui faire de la peine. J'ai perdu tout à fait ma méchanceté depuis que je sens avec bonheur votre amitié me remplir la vie. J'ai joué la chanson du mousse et le duo. Mon piano est diablement abimé; je ne pouvais jouer comme je l'aurais voulu. Une valse bourdonnait à mes oreilles; j'ai taché de la mettre en ordre pour la transcrire et vous l'envoyer. Mais décidement je ne puis faire de la musique quand elle est là. Malgré toute ma disposition à la bonté ça m'enrage. Eh bien! une autre fois. Enfin je suis seul et je puis librement penser à vous et vous écrire. Chère amie, demain votre père aura une lettre de moi et vous pas. Peut être que ça vous fera de la peine, mais je ne pouvais faire autrement; je vous l'expliquerai plus tard pourquoi. Cette lettre vous sera remise par Mme S. Au moins je puis en tout temps compter sur elle que le cachet d'une enveloppe de lettre lui est sacré. Elle viendra donc chez vous et moi pas. J'en souffre et vous en souffrirez. Mais je crains une récidive. Si je pouvais rester malade à Yachontovo je ne l'aurais pas craint, mais il aurait fallu reconduire... et une récidive ce ne seroit qu'une plus longue séparation. L'âge me fait calculateur. Mais si Stillmark vient ces jours ci, je viendrai quant même. Votre absence est une trop grande douleur. J'ai écrit aux Herzen, mais je ne leur ai rien dit de bon. Je ne voulais pas trop leur écrire, je tenais plutôt à avoir une lettre d'eux et à envoyer à Natalie la feuille de lierre.—Comment? Mlle Michel revient? je ferai diablement de l'opposition.

Comme j'étais ennuyé cette soirée. Je voulais penser à vous et on m'empéchait. Il y a eu des lettres. Une lettre de la soeur de Mme S. à elle. Elle a voulu me la lire. Imaginez vous que ce nom bourdonnait encore agréablement à mes oreilles par habitude, mais pas un signe d'émotion. Quand quelque chose est terminé en moi—c'est sans traces. Je suis content de moi sur ce chapitre. Mais n'est ce pas une sécheresse de coeur? Non, non! je n'ai pas de sécheresse de coeur. Bien loin de là! Ce n'est que la capacité de la négation. Imaginez vous que la lecture de la lettre m'ennuyait—tout simplement.

Vous me demandez ce qu'il faut donc pour mon bonheur?—Vivre et

m'aimer, me donner toute votre amitié. Rien de plus. Je n'ai nulle envie de m'en aller, c. à d. de vous quitter. Ce n'est pas par bonté que je vous dis que je vous suivrai, si...; ce n'est que par égoisme, parce que je ne voudrai plus vivre. Eh bien! vivez donc cent ans, j'ai dit tout simplement la vérité. Non! dio santo! je crois que je vous aime trop. J'ai envie de déchirer cette lettre, j'ai peur de vous géner. Quoique vous disiez, je suis plus vieux que vous. A vous le bonheur et je serai content si je vous vois heureuse ou si je tombe à coté de vous à une barricade.

Ne m'envoyez pas le Colomb. Je viendrai le déchiffrer avec vous. En attendant j'ai assez de la chanson du mousse et du duo. La valse me poursuit toujours. Je ne sais d'où elle est, si je me la rappelle ou si c'est une fantaisie. Je crois que c'est l'un et l'autre. Quand Mme S. ira chez vous, je l'écrirai.

Je ne sais si je suis heureux ou si je souffre. Ces sentiments se confondent en moi. Mais cet état me plait. Je n'ai pas envie d'aller me coucher.

J'aime à vous écrire long-temps, à dire quelques paroles et puis faire une pause, pendant laquelle je rêve à je ne sais quoi.

La valse me poursuit. Elle est bannale, mais elle a quelque chose d'entrainant. Comment cela se fait-il que vous et la musique vous êtes inséparables dans ma pensée? Si je fais ou je rêve de la musique je pense à vous, et si je pense à vous je rêve de la musique.

Mais il faut bien vous quitter pour aujourd'hui. Je me sens fatigué. Si pendant le sommeil je rêve de la musique je ne regretterais pas d'aller dormir. Adieu! Je vous serre la main. A demain matin. Si vous saviez comme je n'ai pas envie de vous quitter, c. à d. de cesser de vous écrire! — Adieu donc!

Le 23 matin. Je vous ai vue en songe, mais souffrante. Que vous arrive-t-il donc? Drole de question pour un homme qui ne croit pas aux rêves!.. Avant de m'endormir hier j'ai encore relu votre lettre. J'ai pensé à toutes nos fausses positions, qui vous découragent. Ne vous laissez pas aller au désespoir, ne vous découragez pas. Attendez un peu. Il faut que je vous sauve, il *me* le faut et je le veux à tout prix. Ma fausse position va finir bientôt; de ce coté je suis tranquil. Quant à votre fausse position envers Hélène, mais ne vous en faites donc pas un monstre, chère amie. C'est un pur enfantillage. Gardez là dessus votre égoïsme. Cette fausse position passera avec l'apparition d'un

chevalier. La véritable fausse position c'est vous savez laquelle. Eh bien! il faut en finir avec la position mais pas avec la vie.

Vous voulez que je vous apprenne à souffrir sans vous plaindre. Non! je ne le puis. La plainte c'est le droit de l'opprimé. Quant à moi, certes il ne se passera pas 3 semaines sans que vous me voyez. Cela m'est tout aussi impossible qu'à vous, si ce n'est plus. Mon bonheur personnel, Mlle Consuelo, pour que j'y crois il faut que je crois au votre. Si vous êtes heureuse, je le suis aussi

Cette lettre partira avec Mme S. aujourd'hui ou demain. Je tacherai que cela soit aujourd'hui. Je veux que vous l'ayez, que vous ne soyez pas seule, que ma lettre me remplace avec toute la franche tendresse que je vous porte. Donnez moi votre main, amie. Attendez encore un peu avec patience. Bientôt nous ne nous quitterons presque pas. Peut-être que pour moi, ce sera le meilleur temps de ma vie. Adieu! à revoir!

Vers les midi. Elle ne part pas aujourd'hui, mais demain. Donc vous n'aurez la lettre que demain. Cela me fait de la peine. Je vais au moins tacher d'entretenir Mme en bonne santé, pour qu'elle puisse aller chez vous au moins demain.

2 heures de la nuit. Décidement, mon amie, le jour où je n'ai pas de lettre de vous, je ne vaux pas le sou. L'ennui me prend à la gorge et je n'ai pas la force de le supporter. Tout le monde m'ennuie. Le triste devoir de tenir société me pèse. Je tiens société en me taisant de manière à ce que les autres se taisent aussi. Il parait même que je ne fais de bien à personne par ma présence. L'idée seule que mon absence ferait un mal positif me retient au salon, encore est-ce parce-qu'il ne me reste plus long-temps à pratiquer ce triste devoir de bonté. C'est demain que vous recevrez cette lettre. Je dirai à Mme Sailhas de renvoyer les chevaux à Kamenka le soir même. Vous donnerez donc la réponse à Θедя pour qu'il la donne au cocher, pour que celui ci me l'envoye de suite. Donc après demain à mon reveil à peu près j'aurais de vos nouvelles. Je viendrai moi-même le 27 coute qui coute. Je ne puis exister sans vous voir. C'est assez de faire le sacrifice que de ne pas aller demain de crainte d'une recidive. Le mal est passé, mais il me reste une vague inquiétude dans ce maudit nerf. D'ailleurs non! il y a aussi de l'égoisme dans ce que je reste. Il me semble que je me reposerai pendant deux jours en restant seul. Si vous saviez ce qu'il y a de fatigue, de lutte avec moi-même et d'ennui (pour ne pas dire plus) dans ma tête—vous me pardonneriez la phrase que je viens de dire.

J'ai écrit le commencement de la mazourka, qui me vient de je ne sais où, mais c'est très connu. Demain—si je suis seul—j'écrirai le reste.

J'ai beaucoup à vous parler, beaucoup!—Au diable Stillmark et la santé. Si je suis malade a Yachontovo, j'y resterai—et voilà tout. Bon gré malgré il faut qu'elle attende des journées moins froides; eh bien! ce sera une bénédiction si je tombe malade chez vous: je resterai tout le temps avec vous.

Je ne suis pas disposé à ecrire aujourd'hui. Тоска! Il n'y a pas de terme équivalent en français. J'aime mieux terminer ma lettre demain matin.—Adieu! Tendez moi la main. Il me le faut aussi cela; c. à d. que vous me tendiez la main. A cette idée je me sens plus tranquil. Dormez paisiblement, chère amie, ma bonne Mlle Consuella.

Le 24 Matin.—22°! Il parait qu'elle ne partira pas. Ce sera désolant. J'enverrai donc cette lettre, si elle ne va pas, par un exprès. Il est temps que vous ayez de mes nouvelles et que j'aie une lettre de vous. Toujours est-ce que je tacherai de venir le 27.

Maintenant je vais prendre congé de vous, Mlle Consuella! Ecrivez moi. Ne m'oubliez pas. Vos lettres me sont indispensables. Ne vous découragez pas. J'ai foi dans votre avenir. Tout ce qui est en mon pouvoir et même plus que je ne puis—je le mettrai à vous rendre la vie plus douce et plus libre. Je resterai dans ce pays tant que vous y resterez; je vivrai tant que vous vivrez. Je suis votre ami à vie et à mort. Adieu! Je vous serre toutes les deux mains. Ainsi—à la semaine prochaine. Je vous verrai et je serai heureux.

Ma lettre part avec Mme S. de grâce écrivez moi aujourd'hui avec Ѳедя. Le 27 je viens.

[На оборотѣ: Mademoiselle de Toutchkoff.]

[Переводъ.]

Послѣ полуночи, слѣдовательно 22-го. Спасибо, милый другъ, за ваше хорошее письмо. Никогда вашъ школьническій почеркъ меня не затруднитъ. И зачѣмъ это говорить? Вы отлично знаете, какъ я бываю счастливъ, получивъ ваше письмо. Бѣдный другъ! Вамъ тяжело, но я не освобождаю васъ отъ даннаго обѣщанія, и вы знаете почему. Впрочемъ, послѣ моего послѣдняго письма—вы должны знать, что это приведетъ къ тому же, и я еще разъ даю вамъ слово, что это такъ. To be or not to be, сказалъ Гамлетъ; ну, что жъ! *to be* значитъ для меня видѣть васъ; *not to be*—это значитъ знать, что я

васъ не увижу никогда. Виноватъ! боюсь сдѣлаться вамъ помѣхой. Да нѣтъ! я не стану вамъ мѣшать, но за то ужъ и вы не мѣшайте мнѣ поступать по-своему. Однако я не хочу вѣрить въ это грустное будущее. Я хочу, чтобы вы жили, и хочу жить, и буду доволенъ, если хоть сколько-нибудь смогу облегчить вамъ жизнь. Я по крайней мѣрѣ помогу вамъ знать, съ помощью тѣхъ небольшихъ знаній, которыми самъ обладаю. Правда, ихъ немного, милый другъ; я многое пережилъ сердцемъ и умомъ, но точно алхимикъ. Въ моей наукѣ есть грезы. А сердце—оно уже не грезитъ: моя привязанность къ вамъ есть дѣйствительность.—Итакъ, вы согласны, что жизнь прекрасна, и сами говорите, что счастливы. Если моя дружба къ вамъ могла внести въ ваше существованіе хоть крупицу счастія—я радъ, я радъ, что существую, M-lle Consuela. — Нѣтъ! Думаю, что сегодня мнѣ надо перестать писать. Я слишкомъ склоненъ къ нѣжности. Между тѣмъ, я провелъ день ужасно. Г-жа С[аліасъ] была больна и жалка, а я употреблялъ всѣ усилія чтобы сдержаться, потому что несмотря на то, что мнѣ ее жаль, я едва могу побороть чувство напряженнаго бѣшенства, которое привыкъ къ ней питать. Это пытка, которой вы къ счастію не знаете! Надо было дѣлать все: надо было утѣшать—я лгалъ. У нея талантъ ставить меня въ безвыходное положеніе, такъ что я или долженъ сказать ей убійственную правду, или солгать. Что прикажете дѣлать? Я предпочелъ быть гуманнымъ, несмотря на все желаніе убить ее на мѣстѣ. Потомъ мнѣ на минуту показалось, что во мнѣ опять просыпается симпатія къ ней, потому что она выказала такой искренній интересъ къ вамъ и такую о васъ заботливость, что я не рѣшился быть злымъ. Но я былъ золъ цѣлый день, и вовсе не изъ-за нея; случились еще нѣкоторыя обстоятельства, вызвавшія во мнѣ такое раздраженіе, что отъ этого у меня былъ легкій припадокъ невральгіи, которую вы знаете. Вы вотъ боитесь, какъ бы вашъ пріѣздъ или ваше письмо не вызвали у меня припадка моей болѣзни,—знайте же, что цѣлый день ваше письмо было мнѣ утѣшеніемъ. Я увѣренъ, что знаю его наизустъ, столько разъ я его перечелъ.—Вашъ романтизмъ, вызванный тѣмъ, что Герцены перемѣнили квартиру, произвелъ на меня такое милое впечатлѣніе своей юностью и сердечностью, что я былъ взволнованъ. Если бы вы хоть приблизительно такъ же любили мою лабораторію—какъ бы хотѣлъ я не покидать ея, какъ былъ бы я счастливъ. Но простите этотъ порывъ; выбраните меня, если онъ вамъ непріятенъ.

Уже 2 часа. Надо идти спать. Завтра мнѣ предстоитъ много писать. Весь день посвящу письмамъ. Конечно, начну съ васъ. Стоитъ мнѣ открыть глаза, какъ я уже хочу писать къ вамъ, и я не могу рѣшиться лечь въ постель, не написавъ къ вамъ. Нѣтъ! милый другъ будемъ жить, прошу васъ: вы говорите, что въ счастіи есть страданіе; я смирился еще болѣе: я стану находить счастіе въ самомъ страданіи. Есть только одно нравственное страданіе, котораго я не

принимаю: это если кто-нибудь покушается на мою свободу; но ея я не отдамъ, вотъ и все, а потомъ буду продолжать жить. Будемъ жить, умоляю васъ, все можетъ измѣниться, а пока пусть наша дружба поддержитъ васъ! Дайте руку. До свиданія! спите спокойно, пусть вамъ снятся хорошіе сны!—Какъ бы я хотѣлъ дать вамъ покой! Онъ нуженъ вамъ, милый другъ. Но вы такъ далеко, что я могу только дать его самому себѣ, думая о томъ, какъ дать его вамъ. Дѣло въ томъ, что я не знаю, какъ это происходитъ,—но иногда я чувствую себя до того счастливымъ, что это меня успокаиваетъ. Давно уже я не испытывалъ этого чувства.—До свиданія! Спасибо вамъ за вашу добрую дружбу, M-lle Consuela!

22-го, утро. Просыпаюсь поздно, и это меня бѣситъ. Значитъ, потеряно много времени. Смотрю въ окно. Чудный день, яркое солнце. Это все-таки хорошо. Это располагаетъ къ дѣятельности. Но я знаю, что черезъ 2 часа моя дѣятельность будетъ парализована, расположеніе духа станетъ болѣе или менѣе скверно, и вмѣсто того чтобы работать съ радостнымъ сердцемъ, я буду заставлять себя работать, чтобы избавиться отъ печалей, которыя въ глубинѣ души будутъ меня томить. Знаете ли, что мнѣ приходитъ въ голову? Я думаю, единственная женщина, съ которой я могъ бы жить подъ одной крышей,—вы, потому что у насъ есть одинаковое уваженіе къ чужой свободѣ, уваженіе ко всякому разумному эгоизму, и совсѣмъ нѣтъ этой непріятной мелочности, отягощающей человѣка заботами и преслѣдующей его привязанностью, которая пытается завладѣть всѣмъ его существомъ, *безъ всякаго уваженія къ человѣческой личности.* Должно быть, я всталъ съ лѣвой ноги, потому что чувствую, какъ желчь во мнѣ кипитъ изъ-за всякаго пустяка; однако, вовсе не противъ нея; она слишкомъ жалка. Она думаетъ объ огромномъ самопожертвованіи, о какомъ-то самоотреченіи ради меня. Я ей предоставляю такъ думать, все-таки это утѣшеніе. Милый другъ! Развивайте въ себѣ способность быть логичной, благо эта способность есть уже въ васъ. Быть логичной безъ малѣйшаго страха передъ страданіемъ, безъ малѣйшаго страха и безъ малѣйшей жалости. Вы представить себѣ не можете, какъ это необходимо. Я открылъ, что всякій узкій эгоизмъ, котораго принципъ—личность, нелогиченъ, и это наблюденіе только увеличиваетъ мою ненависть. Я бы сегодня хотѣлъ повѣсить три четверти современнаго человѣчества. Но не въ разговорѣ съ вами хочу я излить всю желчь, которую въ себѣ ощущаю. Сдѣлаю это въ другихъ письмахъ, а потомъ, успокоившись, вернусь къ вамъ—опять съ безграничной дружбой, съ чувствомъ, которое даетъ мнѣ покой и счастіе. До свиданія.

Днемъ. Добрый и милый другъ, сейчасъ получилъ я ваше письмо. Спасибо, спасибо!.. и Chanson du mousse! весь вечеръ буду играть Chanson du mousse.—И вы плакали, читая мое письмо! оно дало вамъ мгновеніе радости! и вы сегодня подписываетесь: Consuela!

Спасибо, спасибо за все это! Если вы меня такъ любите, я стану вѣрить, что личное счастіе для меня возможно. Если вы меня любите такъ же, какъ я люблю васъ—да! тогда я увѣренъ въ своемъ личномъ счастіи и не хочу, чтобы мы умирали. У меня будетъ вѣра въ будущее... Простите! я такъ радъ, что, кажется, опять становлюсь романтикомъ. Сейчасъ сажусь писать Герценамъ, а вамъ опять буду писать вечеромъ. Боюсь, кто-нибудь войдетъ и мнѣ помѣшаетъ. Не знаю, что со мной, но чувствую себя счастливымъ. Спасибо, M-lle Consuela.

Послѣ полуночи. Еще нѣсколько часовъ, и она уѣзжаетъ. Уфъ! право, я остаюсь только чтобы не огорчать ея. Я окончательно растерялъ всю свою злобу, съ тѣхъ поръ какъ съ радостью чувствую, что ваша дружба наполняетъ мою жизнь. Я сыгралъ Chanson du mousse и дуэтъ. Мое фортепіано дьявольски разстроено, я не могъ играть такъ, какъ хотѣлъ бы. Въ ушахъ у меня звучалъ одинъ вальсъ; я попытался уловить его, чтобы записать и отправить вамъ. Но пока она здѣсь, я рѣшительно не могу заниматься музыкой. Несмотря на все мое желаніе быть добрымъ, это меня бѣситъ. Не бѣда! въ другой разъ. Наконецъ, я одинъ и могу свободно думать о васъ и писать вамъ. Милый другъ, завтра вашъ отецъ получитъ отъ меня письмо, а вы нѣтъ. Можетъ быть, это васъ огорчитъ, но я не могъ поступить иначе. Впослѣдствіи я вамъ объясню, почему. Письмо это будетъ вамъ доставлено г-жей С[аліасъ]. Во всякомъ случаѣ я могу разсчитывать, что печать на конвертѣ письма для нея священна. Итакъ, она поѣдетъ къ вамъ, а я нѣтъ. Я отъ этого страдаю, и вы тоже будете страдать. Но я боюсь рецидива. Если бы я могъ остаться и хворать въ Яхонтовѣ, я бы не боялся, но прійдется ее сопровождать назадъ... и рецидивъ только превратится въ еще болѣе долгую разлуку. Возрастъ дѣлаетъ меня разсчетливымъ. Но если Штильмаркъ пріѣдетъ на этихъ дняхъ, я все-таки пріѣду. Ваше отсутствіе—слишкомъ большое горе. Я написалъ Герценамъ, но не сказалъ имъ ничего хорошаго. Мнѣ не особенно хотѣлось писать къ нимъ, я бы предпочелъ получить письмо отъ нихъ и послать Наташѣ вѣточку плюща.—Какъ? M-lle Michel возвращается? Я буду чертовски протестовать.

Какъ скучно мнѣ было сегодня вечеромъ. Я хотѣлъ думать о васъ, а мнѣ мѣшали. Привезли письма. У г-жи С[аліасъ] письмо отъ сестры. Она захотѣла его мнѣ прочесть. Поймите, это имя и до сихъ поръ по привычкѣ ласкаетъ мнѣ слухъ, но не возбуждаетъ ни намека на какое-либо чувство [1]. Если что-нибудь во мнѣ кончается, то безслѣдно. Въ этомъ отношеніи я собой доволенъ. Но, можетъ быть, это душевная сухость? Нѣтъ, нѣтъ! я вовсе не сухъ. Ничего подоб-

[1] [А. В. Сухово-Кобылина, красавица, въ которую Ог. когда-то былъ влюбленъ; см. ниже.]

наго! Это только умѣніе отказываться. Поймите, что чтеніе этого письма было мнѣ скучно,—только и всего.

Вы спрашиваете, что же нужно дѣлать для моего счастія?—Жить и любить меня, дарить мнѣ всю вашу дружбу. Больше ничего. У меня нѣтъ никакого желанія удалиться, т.-е. покинуть васъ. Не изъ доброты говорю я, что послѣдую за вами, если... но исключительно изъ эгоизма, потому что больше не захочу жить. Итакъ, живите еще сто лѣтъ, я просто сказалъ правду. Нѣтъ! dio santo! Кажется, я васъ слишкомъ люблю. Мнѣ хочется разорвать это письмо, я боюсь надоѣсть вамъ. Что ни говорите, я старше васъ. Вамъ—счастье, а я буду радъ, если увижу васъ счастливой или если паду рядомъ съ вами на баррикадѣ.

Не присылайте мнѣ Колумба. Я пріѣду разбирать его съ вами. Пока съ меня довольно Chanson du mousse и дуэта. Вальсъ меня преслѣдуетъ непрестанно. Я не знаю, откуда онъ, вспоминаю я его, или это фантазія. Думаю, что и то, и другое. Когда г-жа С[аліасъ] уѣдетъ къ вамъ, я его напишу.

Не знаю, счастливъ я или страдаю. Эти чувства во мнѣ смѣшиваются. Но такое состояніе мнѣ нравится. Мнѣ не хочется идти спать.

Я люблю долго писать вамъ, сказать нѣсколько словъ, и потомъ сдѣлать перерывъ, во время котораго я мечтаю, самъ не знаю, о чемъ.

Вальсъ меня преслѣдуетъ. Онъ баналенъ, но въ немъ есть что-то очаровательное. Какъ происходитъ, что вы и музыка въ моихъ мысляхъ нераздѣлимы? Если я играю или представляю себѣ музыку, я думаю о васъ, и если думаю о васъ, то представляю себѣ музыку.

Но надо на сегодня разстаться съ вами. Я усталъ. Если мнѣ будетъ сниться музыка, я не пожалѣю, что пошелъ спать. До свиданія! Жму вашу руку. До завтрашняго утра. Если бъ вы знали, какъ мнѣ не хочется разставаться съ вами, т. е. переставать писать къ вамъ!—Но прощайте!

23-го, утро. Я видѣлъ васъ во снѣ, но вы были печальны. Что съ вами? Забавный вопросъ со стороны человѣка, который не вѣритъ въ сны!.. Вчера, прежде чѣмъ лечь спать, я еще разъ перечелъ ваше письмо. Я передумалъ о всѣхъ нашихъ ложныхъ положеніяхъ, которыя заставляютъ васъ падать духомъ. Не приходите въ отчаяніе, не падайте духомъ. Подождите немного. Я долженъ спасти васъ, это нужно *мнѣ*, и я хочу этого во что бы то ни стало. Мое ложное положеніе приходитъ къ концу; съ этой стороны я спокоенъ. Что касается вашего ложнаго положенія по отношенію къ Еленѣ, то не преувеличивайте его, милый другъ. Это чистѣйшее ребячество. Храните въ этомъ отношеніи свой эгоизмъ. Это ложное положеніе минуетъ съ появленіемъ перваго же рыцаря. Настоящее ложное положеніе вы знаете, въ чемъ заключается. Ну что-жъ, надо покончить съ этимъ положеніемъ, а не съ жизнью.

Вы хотите, чтобы я научилъ васъ страдать безъ жалобъ. Нѣтъ!

этого я не могу. Жалоба—право угнетеннаго. Что до меня, то, конечно, не пройдетъ 3 недѣль, какъ вы меня увидите. Иначе для меня такъ же невозможно, какъ и для васъ, если не больше. Личное мое счастіе, чтобы я въ него вѣрилъ, M-lle Consuela, заключается въ томъ, чтобы я вѣрилъ въ ваше. Если вы счастливы, то и я тоже.

Это письмо отправится съ г-жей С[аліасъ] сегодня или завтра. Постараюсь, чтобы это было сегодня. Я хочу, чтобы вы его получили, чтобы вы не были одиноки, чтобы мое письмо замѣнило меня со всей дружеской нѣжностью, какую я къ вамъ питаю. Дайте руку, другъ. Потерпите еще немного. Скоро мы почти не будемъ разставаться. Можетъ быть, для меня это будетъ лучшее время за всю мою жизнь. Прощайте, до свиданія!

Полдень. Она ѣдетъ не нынче, а завтра. И только завтра вы получите письмо. Это меня огорчаетъ. Во всякомъ случаѣ я постараюсь, чтобы эта дама была здорова и могла къ вамъ уѣхать хотя бы завтра.

2 часа ночи. Право, милый другъ, въ тотъ день, когда я не получаю письма отъ васъ, я никуда не гожусь. Тоска хватаетъ меня за горло, и я не въ силахъ бороться съ ней. Всѣ меня раздражаютъ. Необходимость общаться съ людьми тяготитъ меня. Я сижу молча,—такъ что другіе тоже молчатъ. Кажется даже, что мое присутствіе никому не доставляетъ удовольствія. Одна мысль о томъ, что мое отсутствіе могло бы вызвать подлинную болѣзнь, удерживаетъ меня въ гостинной,—да и то лишь потому, что мнѣ остается недолго упражняться въ этой печальной обязанности: быть добрымъ. Вы получите это письмо завтра. Я скажу г-жѣ Саліасъ, чтобы она отослала лошадей въ Каменку въ тотъ же вечеръ. Вы дадите отвѣтъ Ѳедѣ для передачи кучеру, который тотчасъ перешлетъ его мнѣ. Итакъ, только послѣзавтра, проснувшись, получу я вѣсти отъ васъ. Что бы ни случилось, 27-го пріѣду самъ. Я не могу жить, не видя васъ. Довольно и той жертвы, что изъ опасенія рецидива я не поѣду завтра. Боль прошла, но въ этомъ проклятомъ нервѣ осталось у меня легкое безпокойство. Впрочемъ, нѣтъ! въ томъ, что я остаюсь, тоже есть эгоизмъ. Мнѣ кажется, что я отдохну, если пробуду два дня одинъ. Если бы вы знали, сколько у меня въ головѣ усталости, борьбы съ самимъ собой и тоски (чтобы не сказать больше)—вы бы простили мнѣ эти слова.

Я написалъ начало мазурки, пришедшей ко мнѣ неизвѣстно откуда, но оно очень избито. Завтра — если буду одинъ—напишу остальное.

У меня есть многое, что надо сказать вамъ, многое!—Къ черту Штильмарка и здоровье. Если я заболѣю въ Яхонтовѣ, я тамъ останусь—и все тутъ. Но такъ или иначе, надо, чтобы она дождалась болѣе теплыхъ дней; что жъ! если я заболѣю у васъ, это будетъ благословеніе: я пробуду все время съ вами.

Я нынче не расположенъ писать. *Тоска!* По-французски нѣтъ равнозначащаго слова. Лучше буду продолжать это письмо завтра утромъ.—До свиданія! Дайте руку. Это мнѣ тоже необходимо; т. е. чтобы вы дали мнѣ руку. При мысли объ этомъ я успокаиваюсь. Спите мирно, милый другъ, добрая моя M-lle Consuela.

24-го. Утро.—22°! Кажется, она не уѣдетъ. Это будетъ ужасно. Но если она не поѣдетъ, я пошлю это письмо съ нарочнымъ. Пора вамъ получить отъ меня вѣсти, а мнѣ—письмо отъ васъ. Во всякомъ случаѣ я постараюсь пріѣхать 27-го.

Пока я съ вами прощаюсь, M-lle Consuela! Пишите мнѣ. Не забывайте меня. Ваши письма мнѣ необходимы. Не отчаивайтесь. Я вѣрю въ ваше будущее. Все, что́ въ моихъ силахъ, и даже больше, чѣмъ я могу,—я употреблю на то, чтобы сдѣлать вашу жизнь болѣе пріятной и свободной. Я останусь въ этомъ краю, пока будете оставаться вы; буду жить, пока вы будете жить. Я вашъ другъ въ жизни и въ смерти. До свиданія! Жму обѣ руки ваши. Итакъ—до будущей недѣли. Я васъ увижу и буду счастливъ.

Письмо мое отправляется съ г-жей С[аліасъ]. Умоляю, пишите мнѣ нынче же, съ Ѳедей. 27-го пріѣду.

[На оборотѣ: Mademoiselle Натаѣи Тучковой.]

12.

Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой.

Le 24 Soir [дек. 1848 г.]

Seul! seul! comprenez vous toute la valeur de ce mot, chère amie? C'est immense! c'est la liberté!—Pourtant on m'a gaté la journée; il y a eu Marsheff et Rayner qui sont arrivés; puis Nadine Gemtchoujnikoff. Les enfants m'ont peu empéché parce que j'ai un sentiment de tendresse pour les enfants, j'aime à les gater, c. à d. à leur rendre la vie légère; ils auront tout le temps de souffrir en grandissant. Mais enfin à onze heures du soir j'étais parfaitement seul. Ce sentiment de liberté m'a tellement saisi que je n'ai pu rien faire. Je voulais jouer du piano, impossible! Je me suis mis dans l'S, comme nous y étions assis le matin, je m'imaginais que vous êtes là et que je vous conte le sentiment de liberté qui me remplit. Si vous y étiez réellement! Vous et moi nous avons la soif de liberté dans chaque nerf; c'est pourquoi nous nous entenderons toujours. — Maintenant vous avez reçu ma lettre et vous

m'avez déjà écrit probablement, et probablement Ѳедя s'est déjà mis en route et demain j'aurai votre écriture d'écolière.—Pourquoi est ce que je vous écris? Il n'y aura pas d'occasion d'ici au 27, et le 27 je serai près de vous Mais c'est plus fort que moi. Enfin c'est la seule manière de vous parler quand vous n'y êtes pas.—J'irai roder dans les chambres et je finirai par me mettre au piano. C'est aussi une manière de causer avec vous.

Eh bien! j'ai fini par faire la mazourka à peu près comme je l'entends. Demain je l'écrirai. Il me manque cependant le talent de comprendre les sons en les écoutant en moi-même; mais bien ou mal, j'ecrirai comme je pourrai, parce que ça me rappellera des heures que j'ai passées avec vous, quoique vous n'y étiez pas et bonne ou mauvaise la pièce vous est dédiée, Mlle Consuella. Mais je vous dirai adieu pour aujourd'hui. Il est tard. Et je n'ai pas envie de m'en aller dormir; tout est si beau aujourd'hui. Je regarde par la fenêtre; un clair de lune superbe sur la neige. Cet aspect a la faculté de me donner un sentiment de bonheur et de souffrance dont j'ai du regret à me séparer. Et ce sentiment de liberté, de la liberté d'exister à son gré, de penser à vous et de rever de musique sans que personne empèche... Je me sens jeune jusqu'au bout des ongles. Adieu, Mlle Consuella, votre main s'il vous plait. J'aurois voulu du Champagne!..

Le 25, matin. Cela s'est fait juste comme je l'ai voulu: à mon reveil j'ai eu votre lettre. Ma bonne Mlle Consuella, je savais que je vous ferais de la peine en ne venant pas et en n'écrivant pas l'autre jour; mais vous savez que je n'ai pu le faire autrement. J'en souffre tout autant; aujourd'hui plus qu'hier, parceque je sens plus aujourd'hui que je vous ai fait de la peine ne fut ce que pour un instant et je sens moins vivement le bonheur de l'indépendance, pour le moment au moins.—Vous voulez que je sois heureux et que mon bonheur ne soit pas relatif. Comment voulez vous qu'il ne soit pas relatif? Je ne puis plus m'imaginer du bonheur sans vous et sans le votre.—Pardon d'avoir mesuré notre amitié. Je ne le ferai plus.—Il me parait que je vais devenir triste aujourd'hui tout en étant heureux d'avoir une lettre de vous.—Merci pour avoir pensé à moi en faisant de la musique là-bas, loin d'ici.—Je crois que j'irai demain chez vous et non après demain.—Je verrai. Je ne voudrois pas retomber malade parceque cela ne ferait qu'éloigner le moment où je pourrai m'installer chez vous. Merci pour ma chambre. Eh bien! Mlle Consuella, j'y serai tout à fait heureux.

Dans l'avant-soirée. J'ai passé toute la journée au piano. Il parait qu'effectivement j'en ai été sévré trop long-temps. J'ai dechiffré un tas de notes; la sonate en fis-moll, la sonate en D, l'andante de Thalberg, la sonate en C-moll et la chanson du mousse. Je redeviens reveur. Mon livre reste ouvert sans que je lise; la science n'occupe pas la pensée. Je n'existe que dans la musique. Encore si je savais manier l'instrument! Eh! qu'est-ce que cela fait? Je jouis—et voilà. Demain je vous verrai. Je ne veux pas attendre jusqu'à après demain.

Minuit. Pauvre amie! votre lettre me désole. Que faire? comment vous rendre le courage? Je me serais déchiré en mille morceaux si cela pouvoit remedier. Je sais ce qui s'est passé, quoique Mme S. m'a prié de ne pas vous dire qu'elle m'en a fait part, mais cela ne fait rien. J'enrage. Comment? même ma triste intimité vous sera otée peut-être. En ce cas j'aime moi-même tout aussi bien mourir. Mourons ou fuyons. Je préfère le dernier. Vous n'avez rien à craindre de moi; je vous amenerai chez Nathalie H.—Le sommeil me fuit. Je voudrois vous écrire et je ne le puis. J'enrage!—Demain ou plutôt aujourd'hui je serai chez vous et peut-être que je n'aurai pas le temps de vous parler seul, au moins j'aurai le temps de vous donner ces quelques mots. Après tout pourtant peut-être que le cas n'est pas aussi grave que je me le représente et que les choses rentreront au moins dans l'ordre habituel. Et puis tristes ou gais nous resterons à nous consoler réciproquement et le bonheur n'est pas impossible. Du moins pour moi ce sera tout.—Pauvre amie! j'enrage et vous souffrez, et quand j'y pense j'enrage encore plus.—Répondez moi, dites moi ce que vous voulez faire, je suis toujours à vos ordres, dès que votre décision serait inévitable. Mais je ne vous rends pas la parole et je vous renouvelle la mienne plus que jamais. Adieu! je veux partir demain aussi-tôt possible.

Le 26. Bonjour, chère Mlle Consuella. Je me reveille un peu tard. Je m'en vais m'habiller, déjeuner et partir. Je vous verrai donc!

[Переводъ.]

24-го, вечеръ [дек. 1848 г.]

Одинъ! одинъ! понимаете ли вы, милый другъ, весь смыслъ этого слова? Это огромно! это свобода! — Однако, день мнѣ испортили; пріѣхали Маршевъ и Рейнеръ; потомъ Надежда Жемчужникова. Дѣти мнѣ мало мѣшали, потому что къ дѣтямъ у меня есть нѣжность, я

люблю ихъ баловать, т.-е. облегчать имъ жизнь; у нихъ будетъ довольно времени страдать, когда они выростутъ. Но наконецъ, въ одиннадцать часовъ вечера, я остался совершенно одинъ. Ощущеніе свободы настолько мной завладѣло, что я ничего не могъ дѣлать. Хотѣлъ играть на фортепіано—невозможно. Я усѣлся на S, какъ мы сиживали по утрамъ, воображалъ, что вы здѣсь, и что я вамъ разсказываю о наполняющемъ меня чувствѣ свободы. Ахъ, если бы вы здѣсь были на самомъ дѣлѣ! У насъ съ вами свободы хочетъ каждый нервъ; вотъ почему мы всегда будемъ понимать другъ друга.— Теперь вы получили мое письмо, вѣроятно уже написали мнѣ, и вѣроятно Ѳедя уже поѣхалъ, такъ что завтра я получу чаше школьническое писаніе.—Съ какой стати я вамъ пишу? Оказіи не будетъ до 27-го, а 27-го я буду съ вами. Но это сильнѣе меня. Наконецъ, это единственный способъ говорить съ вами, когда васъ здѣсь нѣтъ.— Пойду бродить по комнатамъ и кончу тѣмъ, что сяду за фортепіано. Это тоже способъ говорить съ вами.

Такъ! мнѣ удалось, наконецъ, сдѣлать мазурку почти такъ, какъ я ее слышу. Завтра я ее напишу. Но у меня нѣтъ дара отчетливо улавливать звуки, слушая ихъ въ самомъ себѣ; но худо ли, хорошо ли, я напишу, какъ сумѣю, потому что это напомнитъ мнѣ часы, проведенные съ вами, хотя бы васъ здѣсь и не было,—и хороша ли она, плоха ли—пьеса посвящена вамъ, M-lle Consuela. Но на сегодня я вамъ скажу до свиданія. Поздно. А я не хочу идти спать; сегодня все такъ прекрасно. Смотрю въ окно; на снѣгу великолѣпный лунный свѣтъ. Это зрѣлище имѣетъ свойство вызывать во мнѣ такое ощущеніе счастія и муки, что грустно съ нимъ разставаться. И это чувство свободы, свободы существовать по собственной волѣ, думать о васъ и слышать воображаемую музыку безъ помѣхи съ чьей бы то ни было стороны... Я чувствую себя молодымъ до кончиковъ ногтей. До свиданія, M-lle Consuela, пожалуйста—вашу руку. Мнѣ бы хотѣлось шампанскаго!..

25-го, утро. Случилось точь въ точь какъ я хотѣлъ: проснувшись, я получилъ ваше письмо. Добрая моя M-lle Consuela, я зналъ, что огорчу васъ тѣмъ, что не пріѣхалъ и не написалъ вамъ намедни; но вы знаете, что я не могъ поступить иначе. Я страдаю отъ этого совершенно такъ же; сегодня больше, чѣмъ вчера, потому что сегодня я сильнѣе чувствую, что огорчилъ васъ, хотя бы на мгновеніе, и не такъ живо ощущаю счастіе независимости, по крайней мѣрѣ въ эту минуту.—Вы хотите, чтобы я былъ счастливъ и чтобы счастіе мое не было относительно. Какъ вы хотите, чтобы оно не было относительно? Я больше не могу представить себѣ счастія безъ васъ и безъ вашего счастія.— Простите, что я измѣрилъ нашу дружбу. Больше я этого не буду дѣлать.— Кажется, я сегодня буду грустенъ, хотя и счастливъ, что получилъ письмо отъ васъ. Спасибо, что вы думали обо мнѣ, занимаясь музыкой тамъ, вда-

лекѣ отсюда. — Думаю, что поѣду къ вамъ завтра, а не послѣ-завтра.—Тамъ видно будетъ. Я не хотѣлъ бы опять заболѣть, потому что это только отдалитъ моментъ, въ который я смогу явиться къ вамъ. Спасибо за мою комнату. Да, M-lle Consuela, я въ ней буду совершенно счастливъ.

Подъ вечеръ. Весь день я провелъ за фортепіано. Кажется, я слишкомъ долго былъ отъ него оторванъ. Я разобралъ груду нотъ; fis-moll'-ную сонату, r-major'ную сонату, andante Тальберга, C-moll'ную сонату и Chanson du mousse. Я опять становлюсь мечтателемъ. Книга моя раскрыта, но я ее не читаю; наука не занимаетъ моей мысли. Я существую только въ музыкѣ. Если бы только я умѣлъ къ тому же управлять инструментомъ! Э, какая бѣда? Я наслаждаюсь—и довольно. Завтра я васъ увижу. Не хочу ждать до послѣ-завтра.

Полночь. Бѣдный другъ! ваше письмо меня огорчаетъ. Что дѣлать? Какъ возвратить вамъ мужество? Я разорвался бы на тысячу кусковъ, если бы это могло помочь. Я знаю, что произошло, хотя г-жа С[аліасъ] просила меня не говорить вамъ, что она мнѣ это сообщила; но это неважно. Я въ бѣшенствѣ. Какъ? даже моя грустная дружба, можетъ быть, будетъ у васъ отнята? Въ такомъ случаѣ я самъ предпочитаю умереть. Умремъ или бѣжимъ. Я предпочитаю послѣднее. Вамъ нечего меня бояться; я отвезу васъ къ Наташѣ Г[ерценъ].—Сонъ отъ меня бѣжитъ. Я хотѣлъ бы писать вамъ и не могу. Я въ бѣшенствѣ!—Завтра или, скорѣе, сегодня я буду у васъ, но возможно, что не смогу поговорить съ вами наединѣ; во всякомъ случаѣ найду время передать вамъ эти нѣсколько словъ. Однако, въ концѣ-концовъ возможно, что дѣло не такъ плохо, какъ я себѣ представляю, и что все, по крайней мѣрѣ, придетъ въ обычное состояніе. И тогда, грустные или веселые, мы по прежнему будемъ утѣшать другъ друга; счастье не невозможно. По крайней мѣрѣ, для меня это будетъ все. — Бѣдный другъ! я бѣшусь, а вы страдаете, и когда я объ этомъ думаю—я бѣшусь еще больше. — Отвѣтьте мнѣ, скажите, что вы намѣрены дѣлать, я всегда въ вашемъ распоряженіи, какъ только ваше рѣшеніе станетъ неизбѣжно. Но я не возвращаю вамъ вашего слова и болѣе, чѣмъ когда-либо, подтверждаю данное мной. До свиданія! хочу ѣхать завтра какъ можно раньше.

26-го. Здравствуйте, милая M-lle Consuela. Я всталъ нѣсколько поздно. Сейчасъ одѣваюсь, завтракаю и ѣду. Итакъ, я васъ увижу!

13.

Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой.

Entre le 1 et le 2 janvier 1849. Nous sommes arrivés à une heure de la nuit après avoir erré en route. Maintenant il est 3 heures et je me sens fatigué. Pendant le trajet j'ai dormi, chanté et plaisanté avec Marie comme si j'étais l'homme le plus gai du monde, mais je n'ai presque pas parlé avec Mme. Il paroit qu'en général elle se retient de toute explication et des inquisitoires. Ça reviendra encore.—En effet je ne me sens pas triste. Est ce la perspective de vous revoir pour longtemps, est-ce un sentiment de bonheur inexplicable que j'éprouve au fond—je n'en sais rien; mais la vie me paroit devenir belle et riche comme elle ne l'a jamais été. La pensée que vous avez peut-être passé la journée dans des desagréments ou bien tristement—cette pensée seule me trouble. Mais j'ai regagné la légereté de caractère de mes jeunes années, où tout le mal me semblait passager et le bonheur stable et je crois au présent et à l'avenir comme un homme qui commence à vivre. A quoi crois-je? Qu'est ce que j'attends?.. Non! je veux fermer les yeux devant ces questions aujourd'hui. Je ne puis me mettre face à face avec mon diable, je n'en ai pas le courage. Je veux m'endormir avec le sentiment, l'espoir de bonheur et rêver. Voilà où j'en suis, chère Mlle Consuella! Est-ce bien ou non? qu'en sais-je? Tout ce que je sais, c'est que si je vous ai fait quelque bien en voulant le faire, en voulant remedier à votre tristesse, remedier immensement,—vous, vous m'avez sauvé sans le savoir.—A demain matin. Je suis trop fatigué.—Serrez moi bien la main, comme tantôt. Dites moi: pouvez vous être heureuse? J'écris dans mon laboratoir, j'y couche, je n'en voudrais pas sortir. Addio!

Le 2, midi. Je redeviens méchant et triste. Tout le monde m'ennuie à mort. Aujourd'hui je me sens vraiment isolé, chère amie, et rien pour me consoler. Si je pouvois vous voir pour un instant—c'est tout ce que j'aurois demandé pour ces huit jours et j'aurois été content. Je me suis retiré et enfermé dans mon laboratoire. Il faut pourtant que je prenne sur moi la ferme resolution de ne pas me laisser aller à ce sentiment de tristesse, si naturel d'ailleurs, et à ce mécontentement intérieur qui m'irrite à chaque instant. Il faut être fort et attendre même les mauvaises choses sans sourciller. Est ce donc si difficile d'être fort

moralement quand on se sent une base de bonheur, dont on ne doute pas?—J'ai pensé hier en route qu'il nous manque à tous les deux une chose, que nous devons absolument nous donner à force de travail, de patience, d'énergie. C'est l'harmonie intérieure. Je dis qu'elle nous manque parce que souvent nous nous laissons abbattre. Ensuite quand un sentiment ou une idée nous entraine, nous perdons l'équilibre dans la vie et il résulte une irritabilité qui n'est pas la force, mais—si j'ose m'exprimer—un mal nerveux. J'appelle harmonie l'ensemble consonnant de toutes les facultés de concevoir, de sentir et d'agir. Est-ce chose possible que d'y atteindre? Ou bien est ce un idéal trop orgueilleux de la vie humaine que je me fais? Une utopie individuelle?—Certes c'est la réalisation de l'utopie sociale qui doit donner à chaque individu la possibilité d'atteindre cette utopie individuelle, qui pourtant est—quoiqu'on en dise—le but final de la société; mais les gens forts de notre malheureux siècle ne doivent ils pas anticiper? Ne doivent ils pas conquérir cette harmonie malgré les souffrances, qui sont le milieu où nous existons?—Chère amie! C'est bien que vous n'ajoutez pas foi à ce que je suis un homme sans principes, sans quoi vous auriez souri de cette tentative de se créer une vie un peu plus profondément morale que la moralité de chaque jour, cette moralité qui se traine dans la rue en cherchant à cacher vices et vertus quand la majorité ne les accepte pas. Parole—je suis un homme profondement moral et je crois que la vie est une chose trop grave pour qu'on puisse la traiter en plaisantant soit en la passant à s'enivrer, soit en en faisant une espèce de parade, où l'on estimerait toutes les opinions excepté la sienne propre, l'opinion vraie (et il n'y a pas donc d'autre opinion vraie pour l'individu que la sienne propre, acceptée sans hypocrisie, et jusqu'à ce qu'un avis contraire ne prédomine). La vie est une chose grave et éminement morale. La pensée, le sentiment, l'action, la science et le bonheur—voilà les éléments, qu'il faut combiner dans une harmonie si parfaite que l'individu puisse se placer au dessus de la souffrance inévitable dans notre siècle. Les anciens avaient dans l'art le sentiment de la mesure, de la proportion—et c'est ce qui fait le *beau*. Je demande dans la vie ce sentiment de mesure (Maass) qui en fait combiner tous les éléments en un tout harmonieux, afin que la vie soit belle. Oui! c'est un devoir de rendre la vie belle (изящною) même si elle étoit tragique.—Le système nerveux est fait de manière que les nerfs sensibles reçoivent les impressions du dehors et réagissent—de là resulte

sensation; les nerfs moteurs reçoivent une impression du cerveau et réagissent—de là une action, une expression de la pensée, c. à d. une volonté. L'homme est fait pour recevoir toutes les impressions de l'univers, les combiner dans sa pensée, et d'après cette combinaison se créer une volonté qui puisse se développer dans la vie et en faire un tout harmonique; c'est comme le théme poursuivi et développé dans tous ses rapports avec tous les sons possibles pour créer *une* symphonie. Je ne sais pas si je me laisse bien comprendre. Tout ce que je sais, c'est que c'est profondement moral ce que je dis ou ce que je veux dire. Je ne sais pas non plus si cette disgression, dissertation ou quoi—ne vous ennuie. Non, pardon, chère amie, je sais qu'elle ne vous ennuie pas, premièrement parce que c'est mon rêve intime, secondement parcequ'il y a de la vérité, troisièmement parceque vous savez, que si même j'aurois eu assez de force pour me créer la symphonie de ma vie—le son, l'accord, la mélodie—(nommez comme vous le voulez)—les plus indispensables—c'est vous. Autrement je brise le musicien avant qu'il ait fini la musique.—Diable! il me parait que j'écris dans un style romantique. C'est ridicul. Pourtant cela vient du coeur.

Plus tard. Ce n'est que de la théorie, me direz vous et quand on est tourmenté dans la pratique on n'y suffit plus, on n'a pas le courage de son projet. C'est encore vrai. Mais donnons nous donc ce courage, Mlle Consuella; que notre union soit un soutien continuel dans la marche de l'un et l'autre vers l'idéal, c. à d. vers le perfectionnement. Qu'en dites vous? Je vais faire mon plan d'études pendant ce temps. Dites moi franchement si tout ce que je dis là vous fera rire d'incrédulité ou si cela vous donnera quelqu' enthousiasme de la vie? Dites le moi, car j'ai le besoin intime de vous aimer et de vous être *utile*.

Mr. d'Etienne, Jean et le soupçon de médecin nommé Basil s'en vont demain tous les trois chez vous. Je dirai qu'on me renvoie la reponse de suite, si Mr. d'Et. reste trop long-temps. Ecrivez moi tout ce qui s'est passé. Tachez de maintenir la paix 1) par affection, 2) par raisonnement, 3) par l'amiable. Il n'y a pas d'autre issue jusqu'à présent. Pas d'enfantillage; du sérieux calme et un abord franc et *aimant*—c'est la meilleure diplomatie je crois, parce qu'elle est honnête, même s'il y entre du calcul.—Je vous demande du calme, chère amie, pour vous épargner bien du tourment, et ensuite parcequ'il y a de la dignité dans le calme. Ne blessez pas par des petitesses et soyez calme et ferme dans le reste et affectueuse, alors vous *persuaderez* peut être.—A

ce soir! J'ai peine à cesser de causer avec vous, chère et bonne amie.

Avant soirée. Il me parait qu'on veut partir de si grand matin qu'on m'empecherait d'écrire. Mais je tiendrai bon et je me leverai à l'heure qu'on voudra pour pouvoir écrire encore ce soir. Je donnerai à Jean la Juive, et je vais écrire quelques mots à papa. — Je viens de jouer la Juive, ç. à. d. mon air favori. Jouez le—je l'aime infiniment.

La nuit. Enfin je suis libre. J'ai passé la soirée comme vous pouvez vous l'imaginer, c. à. d. à m'ennuyer, mais sans irritation. Il ne reste donc plus que quelques jours et le temps est propice. Le sort parait vouloir arranger à l'amiable ce qui autrement auroit demandé un éclat. J'ai lu une partie de la soirée à haute voix le roman de Nékrasoff et j'ai regardé d'un oeil un peu louche la malheureuse couverture qui je crois seule peut lutter avec le sort et retarder de quelques jours le départ. Mais c'est une plaisanterie! Je tacherai d'aider le sort au préjudice de la couverture. Tous ses petits cadeaux me font mal. Il y a quelque chose de lache dans la pitié et il y en a encore plus dans le contraire. Allez mettre de l'harmonie dans ces sortes de choses!—Mais assez sur ce chapitre. Le livre touche à la fin. Je vous dirai quelques mots sur le roman de Nécrassoff et Stoudnitzky (il est donc fait à deux). J'ai lu plusieurs chapitres. Un canevas admirable. Mais il y a trop de choses ennuyeuses. Des détails sans fin et plus des détails de décors que de caractères. La mise en scène est plus vive et plus minutieusement arrangée que les personnages. Je ne sais ce qui en sera, mais ce que j'ai lu pourroit être réduit à moitié et gagneroit en énergie. D'ailleurs je ne crois pas à un roman fait *à due.*

Maintenant occupons nous de nous mêmes, c. à. d. je veux m'occuper de vous. C'est une vraie douleur que de ne pas être près de vous. Pourtant je sens un calme, qui me rend la vie moins dure. Je suis heureux et j'ai une foi dans l'avenir, que je ne saurais m'expliquer. C. à d. que je ne puis m'expliquer ni cette foi, ni cet avenir. Chère amie! pour mon bonheur ou pour mon malheur, vieillissant d'âge, je redeviens jeune en moi-même et mes meilleurs rêves me reviennent, et j'y crois! A quoi bon?— A quoi bon?.. Cette idée me rend subitement à une tristesse involontaire. Mais je ne serai pas triste, je ne veux pas être triste, ne vous inquiétez pas de moi. Je saurai prendre de la vie ce qu'elle pourra me donner et je serai parfaitement heureux. Il m'a paru un instant que je recommencerai à faire des vers. Ce métier m'a donné du bonheur dans la vie! Je lui suis reconnaissant. Mais je lui ai dit adieu. Je pense trop

pour faire une oeuvre d'art, et je ne trouve plus en moi le désir de dire ce que je sens, en donnant aux paroles le rhytme et la rime. Cependant j'aime encore le rhytme comme le bruit d'une fontaine. L'oreille l'écoute avec ravissement et l'on peut si bien rêver en l'écoutant. Le rhytme—c'est la *mesure* dont je vous parlais tantôt; il en donne bien l'idée. Mais en surplus il m'arrive d'avoir *eine Scheu* de dire ce que je sens. Non! je ne veux plus faire des vers! Mon travail appartiendra à la science, et le sentiment se manifestera dans la vie. Il y a et il y aura de la poésie dans ma vie, mais je ne ferai pas de vers.—Voilà que je voulais parler de vous et je ne parle que de moi. Mais à qui voulez vous que je *me raconte* si ce n'est à vous? Et il faut bien *se raconter*, sans quoi la vie s'éteint. Que votre amitié prenne donc sur elle le devoir d'écouter tout ce qui se passe en moi,—cela me rendra heureux.—En écrivant je savoure un verre de vin. J'ai une mortelle envie de me griser un peu; mais je crains de ne pas me reveiller à temps. Aujourd'hui ça n'auroit pas été pusillanime si je me grisois. Il y a de la pusillanimité à se griser parce qu'on souffre. J'aime à me croire plus de fiérté que ça. Mais boire quand on peut porter à un enthousiasme sans borne quelque pensée intime qui vous remplit de bonheur,—oui! on peut le faire. Je me le permetterai toujours.

Mais je termine pour aujourd'hui. Non! attendez! encore une chose: mes lettres sont à peu près un journal. J'attends des votres la même chose. Si je ne vous vois pas, il faut au moins que je sache à peu près chaque instant de votre vie. Donnez moi ce bonheur: souffrante, triste, méchante, ou heureuse et calme—il faut que je sache; chaque pensée fugitive—tout... Je demande peut-être trop, Mlle Consuella. Faites comme vous le voulez. Mais pourquoi donc trop? Est ce que je ne suis pas votre seul ami ici? Mais non! je ne demande rien, rien. Faites autant que cela peut vous donner un soulagement dans votre existence. Adieu! Dans 3 heures je me leverai et vous dirai encore quelques mots. Tendez moi la main. Si j'étais chrétien je vous aurais prié de me bénir. Mais comme je ne le suis pas, je prise tout autant un bon shakehands et un regard sympathique. Adieu!

7 heures du matin, lundi. Me voici déjà levé, je veux vous dire bonjour pour vous dire adieu, chère amie, puis écrire à papa et me recoucher peut-être. Parlons affaires: Mr. d'Etienne doit retourner demain; s'il change d'avis il enverra. Ne laissez donc pas manquer l'occasion de m'écrire. Parlez moi de tout. Dites quand et comment je dois vous

écrire encore. J'attends votre lettre comme un affamé sa nourriture.—Savez vous que je changerai de manière d'écrire, c. à d. j'écrirai en russe. Vs pouvez continuer le français s'il vous est plus familier; mais je m'embarasse quelquefois, et j'aime mieux parler russe.—Mme S. a oublié son Télémaque, renvoyez le par l'occasion. Il parait que le départ ne sera pas différé.—Mon air favori dans la Juive se trouve page 122 (Rachel quand du seigneur la grace tutelaire). Puis vous y trouverez une quantité de belles choses. Faites attention à la prière (choeur) des Juifs. Adieu, Mlle Consuella! Soyez calme. Dites: pouvez vous avoir une foi dans l'avenir comme moi j'en ai? Peut elle vous venir cette foi ou non?—Adieu! Je vous serre la main, votre petite main amie et je voudrois, je me sens disposé à commettre la lacheté que vous savez. A propos s'il m'arrivoit effectivement de commettre cette lacheté en votre présence, ne vous moquez pas de moi. Parfois ça fait tant de bien et pourquoi avoir honte de ce qui est quant même—noblement humain?—Addio!

[На оборотѣ: Mademoiselle Natalie.]

[Переводъ.]

Между 1 и 2 января 1849. Проплутавъ дорогой, мы пріѣхали въ часъ ночи. Теперь 3 часа, и я чувствую себя усталымъ. Дорогой я спалъ, пѣлъ и шутилъ съ Машенькой, точно я самый веселый человѣкъ на свѣтѣ,—но почти не говорилъ съ M-me. Кажется, она въ общемъ воздерживается отъ всякихъ объясненій и инквизиторскихъ допросовъ. Это еще впереди.—Я въ самомъ дѣлѣ не чувствую грусти. Оттого ли это, что мнѣ предстоитъ снова и долго видѣться съ вами, оттого ли, что въ глубинѣ души я ощущаю неизъяснимую радость, — рѣшительно не знаю; но мнѣ кажется, будто жизнь становится прекрасной и богатой, какъ никогда. Меня тревожитъ единственно мысль о томъ, что, быть можетъ, вы провели день въ непріятностяхъ или очень грустно. Но я снова обрѣлъ легкость, которая свойственна была моему характеру въ мои молодые годы, когда всякое горе мнѣ представлялось преходящимъ, а счастіе постояннымъ; и вотъ, я вѣрю въ настоящее и будущее, какъ человѣкъ, только начинающій жить. Во что вѣрю? Чего жду?.. Нѣтъ, сегодня я хочу закрыть глаза на эти вопросы. Я не могу остаться съ глазу на глазъ со своимъ дьяволомъ, на это у меня не хватаетъ смѣлости. Я хочу уснуть съ ощущеніемъ счастія, съ надеждой на него,—и видѣть сны. Вотъ до чего я дошелъ, M-lle Consuela! Хорошо это или нѣтъ? почемъ я знаю? Все что́ я знаю, это то, что если я сдѣлалъ

вамъ сколько-нибудь добра, желая его сдѣлать, желая облегчить вашу грусть, облегчить чрезвычайно,—то вы, вы спасли меня, сами того не зная.—До завтрашняго утра. Я слишкомъ усталъ.—Крѣпко пожмите мнѣ руку, какъ тогда. Скажите: можете вы быть счастливы? Я пишу въ своей лабораторіи, я здѣсь ложусь, не хочу уходить отсюда. Addio!

2 часа дня. Я опять становлюсь золъ и грустенъ. Всѣ надоѣли мнѣ до смерти. Сегодня я чувствую себя по истинѣ одинокимъ, милый другъ, и ничто не можетъ утѣшить меня. Если бы я могъ на минуту увидѣть васъ—вотъ все, чего я могъ бы просить за эти восемь дней, и былъ бы доволенъ. Я ушелъ и заперся у себя въ лабораторіи. Однако нужно твердо рѣшить не поддаваться чувству грусти, весьма впрочемъ естественному, и внутреннему неудовольствію, которое меня раздражаетъ ежеминутно. Надо быть сильнымъ и ждать даже самыхъ скверныхъ вещей, не морщась. Но развѣ такъ трудно быть нравственно сильнымъ, если чувствуешь, что въ тебѣ заложено счастье, въ которомъ не сомнѣваешься.—Вчера дорогой я думалъ, что намъ обоимъ не хватаетъ одной вещи, которую мы во что бы то ни стало должны добыть трудомъ, терпѣніемъ, энергіей. Это внутренняя гармонія. Я говорю, что намъ ея не хватаетъ, потому что мы часто отчаиваемся. Поэтому, когда какая-нибудь мысль или чувство насъ захватываетъ, мы теряемъ равновѣсіе въ жизни, что̀ ведетъ къ раздражительности, которая есть вовсе не сила, а—позволю себѣ такъ выразиться—нервная болѣзнь. Гармоніей я называю согласную дѣятельность всѣхъ способностей—мыслить, чувствовать и дѣйствовать. Возможно ли добиться ея? Или же я создаю слишкомъ гордый идеалъ человѣческой жизни, индивидуальную утопію?—Конечно, это—осуществленіе соціальной утопіи; она должна дать возможность каждому индивидууму достигнуть этой личной утопіи, которая—что бы ни говорили—есть завершительная цѣль общежитія; но въ нашъ злосчастный вѣкъ не должны ли сильные люди опередить прочихъ? Не должны ли они завоевать эту гармонію, несмотря на страданія, составляющія сферу, въ которой мы живемъ?—Милый другъ! Хорошо, что вы не вѣрите, будто я человѣкъ безъ принциповъ; иначе вы улыбнулись бы передъ этой попыткой создать для себя жизнь съ нѣсколько болѣе глубокой моралью, чѣмъ мораль повседневная, которая влачится въ грязи, стараясь скрыть пороки и добродѣтели, отвергнутые большинствомъ. Честное слово,—я человѣкъ глубоко нравственный, и я думаю, что жизнь слишкомъ серьезна, чтобы можно было шутить съ нею, безразлично, опьяняясь ли или превращая ее во что-то вродѣ парада, на которомъ уважаютъ всѣ мнѣнія, кромѣ своего собственнаго, мнѣнія истиннаго (а для индивидуума истинное мнѣніе—только собственное, составленное безъ лицемѣрія и хранимое до тѣхъ поръ, пока его не вытѣснитъ взглядъ противоположный). Жизнь—вещь серьезная и чрезвычайно нравствен-

ная. Мысль, чувство, дѣйствіе, знаніе и счастіе—вотъ начала, которыя должно сочетать въ такую полную гармонію, чтобы индивидуумъ могъ возвыситься надъ страданіемъ, въ нашъ вѣкъ неизбѣжнымъ. Въ искусствѣ древнихъ было чувство мѣры, пропорціи—оно-то и составляло *прекрасное*. Я требую въ жизни этого чувства мѣры (Maass), которое соединяетъ всѣ составныя части въ одно гармоническое цѣлое, чтобы жизнь была прекрасна. Да! нашъ долгъ сдѣлать жизнь изящною, даже если бы она была трагична. — Нервная система устроена такъ, что чувствительные нервы получаютъ впечатлѣніе извнѣ и на него реагируютъ, что̀ и вызываетъ чувство; нервы двигательные получаютъ впечатлѣніе изъ мозга и на него реагируютъ, что̀ и вызываетъ дѣйствіе, проявленіе мысли, т.-е. волю. Человѣкъ созданъ для того, чтобы воспринимать всѣ впечатлѣнія міра, сочетать ихъ въ своей мысли и изъ этого сочетанія создавать волю, такъ, чтобы она могла въ жизни развиваться и образовать жизнь вполнѣ гармоническую; это похоже на то, какъ тема проводится и развивается во всѣхъ своихъ направленіяхъ при помощи всѣхъ возможныхъ звуковъ, для того, чтобы образовать *единую* симфонію. Не знаю, понятно ли я говорю. Знаю одно: то, что̀ я говорю̀ или хочу сказать, — глубоко нравственно. Я такъ же точно не знаю, не скучно ли вамъ читать этотъ экскурсъ, диссертацію или какъ еще назвать. Нѣтъ, простите, милый другъ, я знаю, что вамъ это не скучно, во-первыхъ потому, что это моя затаенная мечта, во-вторыхъ потому, что въ ней есть истина, въ-третьихъ потому, что вы знаете, что если бы даже у меня было довольно силы, чтобы создать изъ своей жизни симфонію, то самымъ необходимымъ звукомъ, аккордомъ, мелодіей (называйте какъ хотите) были бы вы. Иначе я убью музыканта, прежде чѣмъ онъ кончитъ свою музыку.—Чортъ возьми! Мнѣ кажется, что я пишу въ романтическомъ стилѣ. Это смѣшно. Однако, это исходитъ изъ сердца.

Позднѣе. Это только теорія, скажете вы мнѣ, а когда на практикѣ мучишься, то пасуешь предъ нею, не хватаетъ мужества ее осуществить. Это тоже вѣрно. Но дадимте другъ другу это мужество, M-lle Consuela; пусть нашъ союзъ будетъ постоянной поддержкой въ нашемъ обоюдномъ стремленіи къ идеалу, т.-е. къ совершенствованію. Что вы на это скажете? Тѣмъ временемъ я составлю планъ занятій. Скажите мнѣ откровенно, заставляютъ ли васъ мои слова недовѣрчиво смѣяться, или же они придаютъ вамъ нѣкоторое воодушевленіе? Скажите мнѣ это, потому что у меня есть внутренняя потребность любить васъ и быть вамъ *полезнымъ*.

Степанъ, Иванъ и крошка-лѣкарь по имени Василій завтра всѣ трое ѣдутъ къ вамъ. Я скажу, чтобы мнѣ сейчасъ же переслали отвѣтъ, если Степанъ пробудетъ у васъ слишкомъ долго. Напишите мнѣ обо всемъ, что̀ случилось. Старайтесь сохранить миръ 1) при помощи любви, 2) при помощи благоразумія, 3) при помощи друже-

любія. Другого выхода пока нѣтъ. Никакого ребячества; спокойная серьезность и прямодушіе, *любовное* обхожденіе — это, по моему, наилучшая тактика, потому что она благородна, даже если къ ней прибѣгаютъ изъ разсчета.—Я требую отъ васъ спокойствія, милый другъ, чтобы оберечь васъ отъ страданій, а кромѣ того потому, что въ спокойствіи есть достоинство. Не раздражайте въ мелочахъ, будьте спокойны, тверды въ остальномъ и будьте сердечны, тогда, можетъ быть, вы сумѣете *убѣдить*.—До вечера! Мнѣ больно прервать бесѣду съ вами, милый и добрый другъ.

Подъ вечеръ. Кажется, они хотятъ уѣхать такъ рано, что не дадутъ мнѣ написать вамъ. Но я буду твердъ и встану въ какомъ угодно часу, чтобы написать сегодня вечеромъ еще. Я отдамъ Ивану Жидовку и напишу нѣсколько словъ вашему отцу.—Я только что игралъ Жидовку, т.-е. мою любимую арію. Играйте ее—я ее люблю безконечно.

Ночь. Наконецъ, я свободенъ. Я провелъ вечеръ такъ, какъ вы можете себѣ представить, т.-е. скучая, но безъ раздраженія. Остается всего нѣсколько дней, а время милостиво. Кажется, судьба хочетъ мирно разрѣшить то, что̀ иначе потребовало бы взрыва. Часть вечера я читалъ вслухъ романъ Некрасова и нѣсколько подозрительно покосился на злосчастную обложку, которая одна, я думаю, можетъ бороться съ судьбой и на нѣсколько дней отсрочить отъѣздъ. Но это шутка! Я постараюсь помочь судьбѣ наперекоръ обложкѣ. Всѣ эти маленькіе подарки причиняютъ мнѣ боль. Есть что-то подлое въ жалости, а еще больше въ противоположномъ. Вотъ и вносите гармонію въ такія вещи!—Но довольно объ этомъ. Книга приходитъ къ концу. Я вамъ скажу нѣсколько словъ о романѣ Некрасова и Студницкаго (вѣдь онъ написанъ ими вдвоемъ) [1]. Я прочелъ нѣсколько главъ. Канва великолѣпна. Но слишкомъ много скучнаго. Безконечныя подробности и больше подробностей описательныхъ, чѣмъ относящихся къ характерамъ. Дѣйствіе живѣе, чѣмъ дѣйствующія лица, и подробнѣе разработано. Не знаю, что̀ будетъ дальше, но то, что̀ я прочелъ, могло бы быть сокращено на половину и оттого выиграло бы въ энергіи. Впрочемъ, у меня нѣтъ вѣры въ романъ, который писанъ *a duo*.

Теперь займемся нами самими, т.-е. я хочу заняться вами. Истинное горе—не быть возлѣ васъ. Однако я испытываю спокойствіе, которое дѣлаетъ для меня жизнь не такой жестокой. Я счастливъ и необъяснимо вѣрю въ будущее. Т.-е. я не могу объяснить себѣ ни этой вѣры, ни этого будущаго. Милый другъ! къ счастію или къ несчастію моему, старѣя годами, я въ душѣ опять молодѣю, и лучшія мои мечты ко мнѣ возвращаются, и я въ нихъ вѣрю! Зачѣмъ? Зачѣмъ? Эта мысль мгновенно повергаетъ меня въ невольную пе-

[1] [Романъ Некрасова и Станицкаго „Три страны свѣта".]

чаль. Но я не буду печаленъ, я не хочу быть печальнымъ, не безпокойтесь обо мнѣ. Я сумѣю взять у жизни то, что она сможетъ мнѣ дать, и буду совершенно счастливъ. Одну минуту мнѣ показалось, что я снова начну писать стихи. Это занятіе дало мнѣ счастіе въ жизни! Я ему благодаренъ. Но я съ нимъ распростился. Я слишкомъ много думаю, чтобы создать художественное произведеніе, и не чувствую больше въ себѣ желанія говорить о томъ, что чувствую, придавая словамъ ритмъ и риѳму. Однако, я еще люблю ритмъ, какъ журчанье ручья. Ухо слушаетъ его съ упоеніемъ, и слушая его такъ хорошо мечтается. Ритмъ—это *мѣра*, о которой я давеча вамъ говорилъ, онъ даетъ о ней вѣрное представленіе. Но въ концѣ-концовъ на меня нападаетъ eine Scheu говорить о томъ, что я чувствую. Нѣтъ! не хочу больше писать стихи! Мой трудъ будетъ принадлежать наукѣ, а чувство проявится въ жизни. Въ жизни моей есть и будетъ поэзія, но я не буду писать стиховъ.—Однако, я хотѣлъ говорить о васъ, а говорю только о себѣ. Но кому же, по вашему, я долженъ *разсказывать себя*, какъ не вамъ? А *разсказывать себя* необходимо, безъ этого жизнь гаснетъ. Пускай же ваша дружба возьметъ на себя обязанность выслушивать то, что происходитъ во мнѣ,—это сдѣлаетъ меня счастливымъ.—Я пишу и потягиваю вино изъ стакана. У меня смертная охота немножко напиться; но боюсь не проснуться во-время. Сегодня не было бы малодушіемъ, если бы я напился. Малодушно напиваться оттого, что страдаешь. Я хочу думать, что моя душа болѣе горда. Но пить, когда можно довести до безграничнаго восторга сокровенную мысль, наполняющую васъ счастіемъ,—да! это можно дѣлать. Я всегда буду разрѣшать себѣ это.

Но на сегодня довольно. Нѣтъ! постойте! еще одна вещь: мои письма—почти дневникъ. Отъ вашихъ я жду того же. Если я васъ не вижу, то надо, по крайней мѣрѣ, чтобы я зналъ почти каждое мгновеніе вашей жизни. Дайте мнѣ это счастіе: страдаете ли вы, печальны ли, сердиты или счастливы и спокойны—надо, чтобы я это зналъ; каждую мелькнувшую мысль—все... Можетъ быть, я требую слишкомъ многаго, M-lle Consuela. Дѣлайте, какъ хотите. Но почему слишкомъ много? Развѣ я здѣсь не единственный другъ вашъ? Но нѣтъ, я не требую ничего, ничего. Поступайте такъ, чтобы вамъ легче было жить. До свиданія! Чрезъ 3 часа я встану и скажу вамъ еще нѣсколько словъ. Дайте руку. Если бы я былъ христіаниномъ, я бы попросилъ васъ перекрестить меня. Но такъ какъ я не христіанинъ, то для меня совершенно то же значатъ доброе рукопожатіе и дружескій взглядъ. До свиданія!

7 часовъ утра, понедѣльникъ. Вотъ, я уже всталъ и хочу, милый другъ, поздороваться съ вами, чтобы сказать до свиданія; потомъ буду писать вашему отцу, а потомъ, можетъ быть, лягу опять. Поговоримъ о дѣлахъ: Степанъ долженъ вернуться завтра; если онъ

передумаетъ, то отошлетъ. Не упускайте же случая написать мнѣ. Говорите со мной обо всемъ. Скажите, когда и какъ я долженъ вамъ снова написать. Я жду вашего письма, какъ изголодавшійся ждетъ пищи. — Знаете, я измѣню способъ писанія, т.-е. буду писать по-русски. Вы можете продолжать писать по-французски, если это вамъ привычнѣе. Но я иногда затрудняюсь и предпочитаю говорить по-русски.—Г-жа С[аліасъ] забыла своего Телемака, верните его при оказіи. Кажется, отъѣздъ не будетъ отложенъ. — Моя любимая арія изъ Жидовки находится на 122 страницѣ (Rachel quand du seigneur la grace tutelaire). Кромѣ того, вы тамъ найдете не мало хорошихъ вещей. Обратите вниманіе на молитву (хоръ) евреевъ. До свиданія, M-lle Consuela! Будьте спокойны. Скажите: можете ли вы вѣрить въ будущее, какъ я вѣрю? Можетъ ли къ вамъ прійти эта вѣра, или нѣтъ?—До свиданія! Жму вашу руку, вашу маленькую дружескую руку, и я хотѣлъ бы, я чувствую, что расположенъ сдѣлать низость, вы знаете—какую. Кстати, если бы мнѣ дѣйствительно случилось сдѣлать эту низость въ вашемъ присутствіи, не смѣйтесь надо мной. Иногда это даетъ много радости, — и зачѣмъ стыдиться того, что все-таки благородно и человѣчно?—До свиданія!

[На оборотѣ: Mademoiselle Наталіи].

14.

Н. П. Огаревъ — Н. А. Тучковой [1].

Теперь по русски! Вообразите себѣ половина третьяго, т. е. ночи. Только сей часъ ушла. Жертва вечерняя длилась ужасно долго. Я изъ силъ выбился, и еслибъ не фортопьяно, на которыхъ со скуки началъ фантазировать на сколько могу—я бы съ ума сошелъ. А сегодня опять ужасно много говорить съ вами. Сегодня письмо отъ Герцена, письмо отъ Наташи. Письмо отъ Наташи къ вамъ. Я не удовлетворился письмомъ Герцена и вспомнивъ данное мнѣ право—прочелъ письмо Наташи. Пожалуйста не дѣлайте недовольнаго лица. Ну! простите меня просто. Я не выдержалъ—вспомните, что вы и они для меня такъ много значите—всё! Я не читалъ письма къ вашей сестрѣ. Я читалъ только ваше. Мнѣ кажется я имѣю на это право, потому что люблю васъ также какъ Наташа васъ любитъ—нѣтъ! больше! Я не знаю сколько я васъ люблю—это невыразимо.

[1] [Отрывки — у Пассекъ, III, стр. 107 и д.]

Какъ я благодаренъ Наташѣ за письмо къ вамъ; и письмо и она мнѣ были такъ симпатичны, такъ симпатичны—ну! какъ вы сами.—За чѣмъ у насъ, т. е. у Наташѣ, у васъ и у меня жажда свободы совпадаетъ съ желаніемъ уединенія? Неужли въ самомъ дѣлѣ и хорошіе люди такъ мѣшаютъ жить? Вѣдь это—жалко, другъ мой, а правда! Да за чѣмъ же хорошіе люди этаго не понимаютъ? Вѣдь еслибъ мы съ вами жили вмѣстѣ, такъ просто иной разъ сказалъ бы: Mlle Consuela! хочу остаться одинъ, и вамъ показалось бы это тоже совсѣмъ просто и ни сколько не оскорбительно. А хорошіе люди косо посмотрятъ какъ имъ это скажешъ. Два рода людей, говорилъ нѣкогда Гофманъ: Gute Leute und schlechte Musikanten, und schlechte Leute aber gute Musikanten. Мы schlechte Leute, мы ни съ кѣмъ, кромѣ насъ, не уживемся. А музыки въ насъ много, право много!—Хотѣлъ сказать много, а сказалъ мало... Усталъ! 4-й часъ. Еслибъ она знала сколько она у меня отнимаетъ!—Скажите: получили сегодня мое письмо? никакихъ продѣлокъ не было? Это всегда меня тревожитъ. Люди поступаютъ съ нами какъ беззубыя собаченки: знаешъ, что они съ нами не совладаютъ, а все того гляди укусятъ.—Въ субботу, много въ воскресенье она непремѣнно ѣдитъ. Черезъ недѣлю я у васъ—черезъ недѣлю! какъ долго!—Прощайте! до завтра! дайте ручку.

4-е Генв. утро. Знаете ли, что съ тѣхъ поръ какъ я отъ васъ пріѣхалъ я ничего не дѣлаю, кромѣ того, что пишу къ вамъ и играю на фортепьяно, а остальное время сплю? Вечеромъ *хожу къ должности*....—Сегодня стану писать Герцену. Его письмо грустно, болѣе чѣмъ грустно, въ нёмъ слышно совершенное уныніе. Я этимъ недоволенъ. Я недоволенъ философіей его письма. Есть вещи, о которыхъ не льзя говорить. На примѣръ: о томъ, что міръ такъ устроенъ, что человѣкъ отъ болѣзни можетъ умереть. Съ безпокойнымъ участіемъ читалъ я разсказъ о болѣзни Таты и мнѣ вдругъ пришло на мысль: „Пофилософствуй! умъ вскружится!“... и т. д.

Отъ чего же мнѣ повѣяло философіей Фамусова изъ письма Герцена? Онъ виноватъ или я? Это меня злитъ. Потомъ: „Знаешъ, что я начинаю думать въ противуположность громкимъ сентенціямъ, что именно отдѣльные люди и бываютъ хороши, а человѣчество никуда не годно. Вотъ отъ чего Евангеліе и говоритъ о ближнемъ, а не о суммѣ суммарумъ.“—Вотъ что: это романтизмъ! Да кто же его просилъ давнымъ давно не отстать отъ громкихъ сентенцій *des Geistes* въ противуположность природы? Вѣдь я не знаю иныхъ сентенцій какъ сентен-

ціи Германской метафизики о духѣ, развивающемся въ человѣчествѣ, въ противуположность природѣ стоящей на одномъ мѣстѣ. Духъ штука неопредѣленная и романтическая. Шеллингъ назвалъ его: *das Schwebende*. Я не знаю лучшей критики на слово: духъ, какъ это наивное опредѣленіе посредствомъ неопредѣленности. И чтоже мудренаго, что только отдѣльные люди бываютъ хороши? Разумѣется если мы посмотримъ съ точки зрѣнія добра и зла, то найдемъ только отдѣльныхъ людей хорошими, точно также какъ найдемъ съ точки зрѣнія изящнаго только отдѣльныхъ людей красивыми. Чтоже это доказываетъ? Ровно ничего. Человѣчество не знаетъ ни добра ни зла; это абстрактное общее названіе суммы людей; различія намъ представятся только тогда, когда мы средь этой суммы будемъ выбирать и сравнивать единицы. Это очень естественно. Но надо замѣтить, что ужъ самая идея суммы показываетъ однородность слагаемыхъ, и не льзя у человѣчества отнять *единства натуры*. Порода собакъ тоже имѣетъ единство, органическое единство, т. е. какая бы ни была сумма собакъ, все собаки, и вновь родятся только собаки. Это родъ. Я не придаю и человѣчеству инаго романтическаго единства. Его единство также органическое единство рода; но сущность то этаго единства: *сознаніе*, сущность, способная къ развитію; отъ этаго и не отниметъ ученый другъ—никакъ не отниметъ у человѣчества солидарности въ прогрессѣ. А съ моральной точки зрѣнія добра и зла я не знаю хорошо или худо человѣчество, да и знать не хочу. Это все равно, что спросить хороша или дурна вселенная. Общее равнодушно къ моральной точкѣ зрѣнія, потому что не подчиняется ничему, никакой точкѣ зрѣнія, а все захватываетъ въ себя. Капля жидкости, въ которой развились инфузоріи—вотъ абстрактное равнодушное общее; а движеніе, жизнь—это отдѣльности, это инфузоріи. А между тѣмъ общее имѣетъ вотъ какой важный смыслъ: имѣя общее сознаніе вселенной, мы убѣждены, что міръ никогда не разрушится, ничтожество невозможно; имѣя общее сознаніе *человѣчества*—мы убѣждены въ прогрессѣ. За чѣмъ же метафизическое отчаяніе о дѣлахъ міра сего?

Боже ты мой! милая Mlle Consuela! только проснулся и сталъ писать вамъ quasi Германскую диссертацію, которая вѣдь собственно назначена была для Герцена и вѣроятно надоѣлъ вамъ. Вы еще полны письмомъ Наташи, ея любовью къ вамъ. Я думаю вамъ въ эту минуту хорошо жить! Сторона чувства сильнѣй захватываетъ человѣка

чѣмъ метафизика. Скажите вѣдь вамъ хорошо жить? Довольно вашей симпатіи къ Наташѣ, чтобъ жить было хорошо и умирать бы не хотѣлось!—У меня больше чѣмъ когда нибудь ожила мечта (à la Маниловъ), что будущая осень застанетъ насъ 4-хъ въ Акшенѣ. Мнѣ хотѣлось бы хотя на нѣсколько дней этой полноты симпатіи и любви. Можетъ въ жизни лучшей минуты не будетъ, развѣ на баррикадѣ. Не забудьте, что если намъ суждено погибнуть на баррикадѣ, то я съ вами *a due* хочу погибнуть; т. е. хотѣлъ бы... Да! въ минуту смерти я хотѣлъ бы совсѣмъ полной жизни!—

До свиданья! будетъ писать! Что я въ самомъ дѣлѣ не работаю. Сей часъ примусь за дѣло.—А сегодня будетъ письмо отъ васъ!—Какъ мнѣ на васъ посмотрѣть хочется! Это такъ хорошо когда можно смотрѣть на васъ, симпатичная Mlle Consuela!

Ночь. Здравствуйте! И вотъ оно пришло письмо отъ васъ. Хотите знать, что я дѣлаю? Сей часъ откупорилъ бутылку Шампанскаго и пью одинъ за ваше здоровье. Мнѣ сегодня это нужно, потому что мнѣ хорошо на сердцѣ; а если и было что скучное въ продолженіи длиннаго дня, то вино поможетъ забыть и сознавать только то что хорошо. Сей часъ стану перечитывать ваше письмо. За чѣмъ же у васъ глаза болятъ? Другъ мой! я съ вами стану много говорить о вашемъ здоровьи. Оно мнѣ нужно.

Перечелъ ваше письмо. Mercі—въ особенности за страницу, писанную 1 Января. Отъ чего же мнѣ такъ хорошо, когда вамъ безъ меня грустно? Знать, что вамъ безъ меня грустно—понимаете ли, что это для меня счастье! Какъ же вы сомнѣваетесь, что вы оживили меня, утѣшили меня? Совсѣмъ это во мнѣ не гордое чувство того, что будто бы „je vous ai fait du bien"; я ожилъ, потому что чувствую, что вы меня много любите. Вотъ я отъ чего ожилъ! Знаете ли какъ мнѣ нужно чтобъ вы меня много любили? Еслибъ этаго не было, я бы, не смотря ни на какія хозяйственныя дѣла, уѣхалъ бы чортъ знаетъ куда, уѣхалъ бы убитый горемъ и не надо бы мнѣ было въ жизни ничего. А теперь я живу и чувствую, что мнѣ хорошо и тепло на семъ свѣтѣ, и жить хочется и я счастливъ. Намъ надо разлучаться какъ можно рѣже и не на долго. Если мнѣ теперь хорошо, такъ это потому, что я знаю, что скоро буду съ вами. Будь моя воля,—я никогда бы съ вами не разстался. Чего я въ день не передумаю? Иной разъ я съ вами у Герцен., другой разъ я васъ спасаю отъ всѣхъ и мы сидимъ вдвоемъ не знаю гдѣ, въ какой странѣ, но

такъ дружно, такъ хорошо. И чувствуешь, что глупо грезить, а оторваться невозможно.

Сегодня вечеромъ я былъ золъ, вѣроятно потому что вмѣсто того, чтобъ уйти писать къ вамъ, оставался съ Mme S. и завелъ съ нею споръ, т. е. discussion, гдѣ чувствовалъ себя жесткимъ и не могъ остановиться. Съ какой то радостью накидывалъ на себя видъ человѣка чёрствaго, положительнаго, эгоиста outré. Это скверно! Вѣдь я знаю, что я не черствъ и въ сущности добрякъ. Но злоба эгоизма давала мнѣ желаніе *язвить*. Ужасно гнусно это! Кромѣ васъ я никому бы не признался. А потомъ я сѣлъ къ клавиру, думалъ о васъ и о музыкѣ (пусть это будетъ нераздѣльно) и мысль моя перелетѣла совсѣмъ въ иной міръ. Я не игралъ, но облокотился на фортопьяно и закрылъ глаза, и вдругъ мнѣ представилась весна и лѣсъ. Я вспомнилъ мысль, которая давно вертится у меня въ головѣ. Это лирическая поэма. Содержаніе вотъ какое: Съ разсвѣтомъ я иду въ лѣсъ. Все начинаетъ мало по малу пробуждаться. Солнце, листья, цвѣты, покрытыя росою, птицы, насѣкомые. И я иду среди этаго пробуждающагося міра. Сколько картинъ и звуковъ! Постепенно наступаетъ полдень; жарко. Я отдыхаю въ тѣни. Сквозь деревъ видно синее небо, въ которомъ взоръ тонетъ; а кругомъ все звуки, всѣ мельчайшія голоса, которыя только могутъ быть слышны въ лѣсу. Потомъ буря. Буря въ лѣсу—вы не знаете что это такое! А потомъ тишина, позднее солнце и благоуханіе. Наконецъ я выхожу изъ лѣсу въ лунную ночь. Путь оконченъ. Видна унылая деревня. Все тихо торжественно и пустынно. Давно я вожусь съ этой мыслью. Думалъ сдѣлать просто—стихотвореніе (а какое это глупое слово: стихотвореніе!); потомъ думалъ сдѣлать ode-symphonie для музыки. Подумалъ о Іоганнисѣ [1],—и сказалъ самъ себѣ: нѣтъ! Развѣ я самъ сдѣлалъ бы музыку, еслибъ умѣлъ! И въ результатѣ почувствовалъ свое безсиліе. Не думайте, чтобъ я отказался отъ искуства, потому что предаюсь наукѣ, нѣтъ! причина реальнѣе: мой талантъ исчезъ. Вышерѣченную поэму я переживу въ дѣйствительности нынѣшнимъ лѣтомъ, а ничего не напишу. Вѣдь жить тоже une oeuvre d'art! А между тѣмъ я отдалъ бы пол-жизни для того, чтобъ быть музыкантомъ! То есть отдалъ бы всю жизнь прожитую—безъ васъ. Теперь же я ни клочка изъ жизни не отдамъ.

---

[1] [Московскій музыкантъ, пріятель Огарева.]

Вы меня видѣли во снѣ! И вамъ хорошо было! Если вы меня видѣли такимъ какъ я живу внутренно, вамъ вѣрно хорошо было, потому что вы должны были чувствовать необъятную привязанность къ вамъ, а это всегда хорошо, когда симпатично. Замѣтьте, что мы почти въ одно и тоже время (т. е. 1-го Января) писали другъ къ другу: „serrez moi la main comme tantôt".—Mlle Consuela! если намъ вмѣстѣ было бы не хорошо, то было бы изъ чего проклянуть жизнь и удавиться, потому что даже не изъ чего было бы хлопотать о порядочной смерти.

Вино начинаетъ производить вліяніе. Я желалъ бы съ вами a due, хоть разъ въ жизни, пить до той степени, когда языкъ развязывается.—Я не знаю о чемъ я думаю—о васъ или о вашемъ письмѣ. У васъ иногда бываетъ взглядъ такой симпатичный, что я его забыть не могу. Передъ нашимъ разставаньемъ—я помню этотъ взглядъ. Въ немъ столько было дружбы—что мнѣ показалось: еслибъ я умеръ въ эту минуту, я умеръ бы съ сознаніемъ, что моя послѣдняя минута была минута счастья.

Кстати: сегодня прочелъ комедію Тургенева [1]. Тутъ столько наблюдательности, таланта и граціи, что я убѣжденъ въ будущности этаго человѣка. Онъ создастъ что нибудь *важное* для Руси. А потомъ онъ васъ любитъ. Позвольте глотокъ за его здоровье!—Кончилъ также первую часть романа Некрасова [2]. Тамъ послѣдняя сцена—прощаніе Каютина съ Полинькой. Боже ты мой! какъ это хорошо, другъ мой! Какъ это изъ сердца и изъ жизни вырвано! Какъ это просто, живо! Mme S. читала; я сидѣлъ къ ней спиной и потому не думалъ о ней; слушалъ и заплакалъ. Она этаго не видѣла—слава Богу! А я заплакалъ, отъ того, что это такъ юношески хорошо. Я вамъ самъ прочту это. Я будто самъ былъ Каютинъ и любилъ Полиньку и будто мнѣ было лѣтъ 20.—Да чтожъ? Я развѣ хуже бы могъ любить теперь въ 35?.. Во мнѣ еще много жизни и любви... Ну! да что объ этомъ. Пожалуй грустно станетъ. Сколько ни будь во мнѣ жизни, а все же я старъ, т. е. не субъективно, а объективно. А до сихъ поръ я, со всѣмъ запасомъ любви, который признаю въ себѣ, не умѣлъ любить ни одной симпатичной женщины. Любилъ часто, не долго... Одну любилъ долго, но тутъ виной моя фантазія

[1] [Ком. „Гдѣ тонко, тамъ и рвется", посвященная Н. А. Тучковой и напечатанная въ 11-ой книгѣ „Современника" за 1848 г.]

[2] [„Три страны свѣта".]

и удивительная изящность, т. е. красота женщины. Я говорю о *Душенькѣ* [1]. А симпатіи между нами ни на грошъ, кромѣ ея дружбы ко мнѣ—можетъ изъ благодарности. Все это прошло ксчастію!

А скажите: въ самомъ дѣлѣ вы ко мнѣ имѣете столько дружбы, что я и Наташа часто для васъ смѣшиваются въ одно лицо?—За чѣмъ этотъ вопросъ?—Чортъ знаетъ! Мнѣ слишкомъ нужно, чтобъ вы меня любили.—За чѣмъ вы не со мной пьете? Перо глупо. А теперь я столько сказалъ бы, сколько можно сказать въ послѣднюю минуту жизни.

Mlle Consuela! Si je pouvois me divorcer d'avec ma femme, il faudrait nous marier;—votre père auroit été tranquille *et vous auriez été complètement libre* [2]. Вѣдь объ этомъ не шутя можно подумать; надо же вамъ быть свободной и слѣдственно счастливой. А я... это все равно! Безъ всякихъ *пожертвованій*—я буду счастливъ совсѣмъ, когда вы будете свободны.—Кажется я говорю ужасную глупость. Ну! чтожъ? Улыбнитесь дружески, посмѣйтесь—и то хорошо.

Онъ, т. е. вашъ отецъ писалъ мнѣ ужасно грустное письмо, тѣмъ грустнѣе, что онъ старается быть не грустнымъ. Я чувствую, что я его люблю. Но за чѣмъ же внутреннее сознаніе своего человѣческаго достоинства заставляетъ приходить къ заключенію, что—сколько бы тяжело ни было,—примиряющихъ тенденцій мало. Il faut battre en brèche ou combattre à mort. Я понимаю какъ St Just взводилъ на эшафотъ лучшихъ друзей, а между тѣмъ сердце надрывается. Попробуемте еще его успокоивать нѣкоторое время. А потомъ я серьозно возмусь за прежнее предложеніе. Олинька — какъ хочетъ!—

Дайте мнѣ сѣсть противъ васъ въ моей лабораторіи. Дайте мнѣ вашу руку, дайте сказать вамъ, что люблю васъ безмѣрно, взглянуть на васъ и быть счастливымъ. Или быть ужасно несчастнымъ! Вздоръ какой! Я рѣшительно васъ такъ люблю, что ужасно счастливъ.

Скоро 5 часовъ и я лягу. Усталъ. Пора.—Дайте въ самомъ дѣлѣ ручку—comme tantôt.

Прощайте! будьте счастливы.

Только хотѣлъ лечь—позвали—маленькая Мари больна. Кажется крупозное воспаленіе глотки, впрочемъ незначительно. Сей часъ же

---

[1] [Душенька Кобылина, сестра Е. В. Салiасъ.]

[2] [„M-lle Консуэла! еслибъ мнѣ удалось развестись съ моей женой, намъ надобы обвѣнчаться; тогда вашъ отецъ былъ бы спокоенъ, а вы были бы совершенно свободны".]

ставлю ей піявки и пройдетъ. А? каково? Бутылку выпилъ и незамѣтно!

6 Января. Утромъ рано. Вчера вечеромъ я къ вамъ не писалъ, потому что былъ не разположенъ, потому что провелъ самый странный день какой только можно. Всю ночь провозившись съ Машенькой (ставилъ ей піявки; у ней жаба, теперь лучше) къ утру мнѣ захотѣлось ѣсть. Я спросилъ ѣсть и шутя помянулъ о Шампанскомъ. Mme S. захотѣлось пить и напиться. Я уговаривалъ, но не устоялъ. Характеръ и безъ того слабый, но въ этомъ случаѣ и подавно. Согласился и выпили мы 2 бутылки. Разумѣется она была пьяна, а я нѣтъ. Мнѣ было скучно и гадко. Насилу въ 10 часовъ утра я её спровадилъ спать и самъ бросился въ постель и спалъ до вечера. Глупо провелъ вечеръ и около полуночи опять пошелъ спать. Сегодня проснулся въ 6-мъ часу. Сегодня я пошлю къ вамъ это письмо и письма Герцена съ журналами Корсакова, которые увезъ ненарочно; и маменькѣ напишу изъ учтивости. Сегодня же посылаю въ Инсаръ за подорожной! Видите дѣло идётъ къ развязкѣ. Въ субботу и воскресенье её не будетъ здѣсь. Все что вы пишете о дѣтяхъ справедливо. Но ей въ самомъ дѣлѣ трудно теперь ихъ взять съ собой; а если бы я сталъ просить взять ихъ и слѣдственно намекнулъ бы на *вѣчную разлуку*, то рискую выдать болѣзнь и она никакъ не уѣдитъ. Я впрочемъ сказалъ, что если она не уѣдитъ я уѣду. Она говоритъ, что, вслѣдствіе опъяненія, не помнитъ нашего разговора; рѣшительно отказывается понять, что ей пріѣзжать опять ко мнѣ не за чѣмъ. Придется объяснить въ свое время; теперь главное дѣло, чтобъ уѣхала.

Ну! да что объ этомъ! надоѣло! Во вторникъ я навѣрно у васъ. Если дѣтей не льзя будетъ вести, оставлю дома. Если можно, то постарайтесь только устроить, чтобъ Jenny могъ брать соленыя ванны; а съ остальнымъ воспитаніемъ какъ нибудь устроимся. Вымаливаю у васъ немного терпѣнья и помощи. Во вторникъ я съ вами! Понимаете ли вы—*какъ* я счастливъ! Дайте вашу ручку. Крѣпко жму её. Ну! да какъ же вамъ сказать сколько я счастливъ! Еслибъ вы меня видѣли, вы бы это угадали.

Хотѣлъ одно мѣсто вычеркнуть въ письмѣ, потому что вы скажете, что я или съ ума сошелъ или глупъ. Но не вычеркиваю, потому что не хочу хитрить съ вами и скрывать отъ васъ что нибудь. Сердиться вамъ на меня все же не за что, потому что откро-

венно и сильно люблю васъ и готовъ все на свѣтѣ сдѣлать для вашего счастія.—

Попробую написать мазурку. Я не доволенъ ею, но такъ и быть. Она ваша и потому посылаю вамъ её.

Мазурку написалъ. Сей часъ посылаю къ вамъ. Маменькѣ не пишу. Кланяйтесь и ей и Mlle Hélène.—Что ваши глаза? Это меня безпокоитъ. Прощайте! спѣшу. Посылаю къ вашему отцу въ Пензу.—Напишите мнѣ. Жду вашего письма. Дайте ручку. Addio.

15.

Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой [1].

7 Дек. [2].

Утро. Меня озабочиваетъ участь моего письма. Попало ли оно къ вамъ въ руки, или не попало ли туда куда не слѣдуетъ? Алексѣй Степан. какъ то глупо его отправилъ. Ну! что бы ни случилось, я на все готовъ. Я такъ счастливъ что кажется нѣтъ несчастія, съ которымъ бы я не совладалъ.—Сегодня видѣлъ васъ во снѣ. Не помню хорошенько что и какъ; но я чувствовалъ во снѣ, что мнѣ *счастье везетъ*. Другъ мой! Съ развитіемъ нашей дружбы для меня въ самомъ дѣлѣ наступила эпоха новая. Не смѣйтесь! Такое чувство личнаго счастія мнѣ было до сихъ поръ неизвѣстно. Я даже началъ вѣрить въ мою звѣзду, если можно выразиться такимъ слогомъ.—За что же это противурѣчіе? Вѣрю въ счастье, а боюсь, чтобъ чего нибудь не случилось, чтобы что нибудь внезапное, глупое не разрушило его; не то чтобъ разрушило, а помѣшало бы нѣкоторое время спокойно сознавать все наслажденіе симпатіи. Я больше скажу: я увѣренъ, что когда нибудь придетъ время, гдѣ намъ станутъ мѣшать, захотятъ разлучить насъ; это будетъ время мужественныхъ рѣшеній—и у насъ довольно силы, чтобъ перенести испытанія. Но теперь бы не хотѣлось. Дайте вздохнуть отрадно, а потомъ, Messieurs, я готовъ на всякую борьбу. Говорятъ у меня нѣтъ характера, но это еще мы увидимъ — кто кого. — Простите, carissima signorina, такую выходку.

---

[1] [Отрывокъ — у Пассекъ, III, стр. 107.]

[2] [Описка, вмѣсто 7 января.]

Что мнѣ дѣлать, когда—нѣтъ нѣтъ, а вдругъ и отыщешь на днѣ души осѣвшее чувство ненависти.—Mlle Consuela, я кажется золъ отъ того, что давно васъ не видалъ. Увижу и стану добръ. За что злиться на людей когда самъ бываешь счастливъ. А послѣ завтра я буду свободенъ!

Вечеромъ. Спѣшу вамъ добавить нѣсколько словъ и отослать съ вашими мужиками.—Ваше письмо мнѣ истинный другъ и со мной не разлучается. Merci! Въ воскресенье она ѣдитъ въ ночь; во вторникъ я у васъ.—Вчера я вамъ послалъ письмо огромное съ письмомъ Наташи Герценъ и разными ненужными книгами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ письмо для отсылки вашему отцу въ Пензу. Алекс. Степан. такъ глупо разпорядился, что я боюсь, что книги съ письмомъ къ вамъ также отправятся въ Пензу. Это будетъ жестоко скверно. Въ такомъ случаѣ вы ничего не знайте, что̀ въ письмѣ, а я ужъ буду себя отстаивать на сколько есть энергіи. Слышите? Понимаете? Если это случилось — это неимовѣрно глупо и я готовъ Ал. Ст. зарѣзать.—Отвѣчайте ради Бога поскорѣе—получили ли вы все что тамъ есть и отвѣчали ли мнѣ. Я шлю вамъ письмо съ вашими мужиками, а отвѣта на мое—не имѣю.—Отвѣчайте поскорѣе.—Если еще въ Пензу не послали, то спросите же то что вамъ слѣдуетъ: пакетъ съ книгами. А если послали и увезли, то, если можно воротить употребите всѣ способы и деньги; а если не льзя, то такъ тому и быть. Это будетъ тяжко, но мнѣ ни за какое несчастіе не страшно, потому что я... я чувствую себя сильнѣй враговъ и вражды. Addio! спѣшу. Отвѣчайте поскорѣе. Дайте руку, дайте мнѣ ее съ такой полной симпатіей, какую вы только можете ко мнѣ чувствовать. Мнѣ это нужно. Что бы ни было—во вторникъ я у васъ. Если *же нужно* и она бы по какому нибудь случаю еще не уѣзжала,—я брошу все и приѣду. Addio!—

Ночью. Простите меня за эту безумную страницу. Оставляю вамъ её на потѣху. Наконецъ получилъ и вашъ отвѣтъ давича. Какъ гора съ плечъ свалилась! Да! да я могу быть нѣсколько времени безмятежно счастливъ. Какъ это хорошо, Mlle Consuella! Боже ты мой какъ я васъ люблю! Какъ мнѣ благодарить васъ за ваши письмы? Да какъ благодарить? Я съ ними счастливъ и чувствую, что это для васъ лучшая благодарность.—Даже и несчастная мазурка то моя вамъ понравилась!! Теперь ужасно поздно. Mme S. поужинавъ заснула на кушеткѣ. Я въ это время написалъ вальсъ, который при семъ посылаю.

Мнѣ онъ довольно нравится. А впрочемъ хорошъ ли худъ ли—онъ вашъ. Да мнѣ кажется, что что̀ я ни дѣлаю все ваше. Счастливъ ли я, смѣюсь ли я, или заплачу—все ваше.—Вѣлено укладываться. Стало въ воскресенье я свободенъ. А она въ отчаяніи. Мнѣ иной разъ самому кажется это скверно. Да вѣдь еслибъ она осталась, ей бы еще хуже было! Нѣтъ! право! жертвы никуда не годятся. А! вы посмѣялись на счетъ *свадьбы*. Другъ мой! А вѣдь вы не правы. Равнодушный фактъ, который спасаетъ отъ притѣсненія людскаго—ничего не значитъ. Мы слишкомъ хорошо понимаемъ вещи, чтобы насъ что нибудь могло стѣснить. Вѣдь я бы не заявилъ никакихъ правъ на вашу особу; вы были бы совсѣмъ свободны, только съ вами былъ бы *другъ*. А я! да мнѣ ничего больше не надо. Любить я уже вѣрно больше не буду. А случилось бы—я бы сказалъ—и только. А вы любили бы кого хотѣли. Вѣдь я васъ такъ люблю, что мнѣ ваше счастье дороже моего. Да вѣдь я и былъ бы счастливъ, потому что ваша дружба мое неотъемлемое достояніе. Ergo—мы были бы совершенно свободны.

16.

Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой.

9 Января. Ночь [1849 г.]

Я золъ, Consuela di mi alma, золъ какъ давно не бывалъ. Она не уѣхала сегодня. У ней angina (т. е. воспаленіе горла, простуда горловая). Болѣзнь—дрянь, ничего не значитъ. Но она не виновата. Въ самомъ дѣлѣ не льзя ѣхать. Да вѣдь надо же какъ нарочно, чтобъ это случилось—и я золъ. Я не могъ преодолѣть себя. Я показывалъ что я золъ. Сегодня былъ Штильмаркъ и Гофманъ; въ этомъ прошолъ день; а вечеромъ, посмѣявшись почти молча, я ушолъ въ лабораторію, легъ или прилегъ совсѣмъ одѣтый и заснулъ. Въ 1-мъ часу просыпаюсь—её уже нѣтъ. Ушла къ себѣ. Я не запирался, ergo правъ. Но я чувствую, что она тоже зла должна быть (если не мечтаетъ о самопожертвованіяхъ) и захочетъ по неволѣ уѣхать завтра. Просто выгнать её—скиѳство и эгоизмъ, котораго я себѣ бы не простилъ. Если она захочетъ уѣхать во вторникъ, то вы не встревожтесь, если я явлюсь только въ среду. Но если дѣло идетъ въ долгій ящикъ—

то мое почтенье,—я уѣзжаю къ вамъ во вторникъ. Оставляю ей le champ libre и возвращаюсь въ Акшено только тогда когда ея не будетъ. Какой бы оборотъ дѣло ни приняло—мнѣ все равно. Я буду *гуманенъ* до не льзя; но если обстоятельства намѣрены захватить весь мозгъ моей жизни—то извините Mme la Comtesse,—я дѣлаюсь неумолимъ какъ чортъ знаетъ кто, и могутъ вокругъ меня умирать 100 тысячь разъ, что это меня не тронетъ, а только взбѣситъ. Мнѣ надо къ вамъ, Consuela, мнѣ надо къ вамъ, иначе я стану еще злѣй, чѣмъ думаю.

Ну! дайте мнѣ отдохнуть съ вашимъ письмомъ, теперь моимъ единственнымъ другомъ. Я плакалъ надъ этимъ другомъ — спасибо вамъ за это! это ужасно хорошо, и золъ я или нѣтъ, а мнѣ легко, свѣтло и тепло на душѣ. Не станемте спорить о бо́льшей и меньшей привязанности другъ къ другу. Я не знаю *какъ* вы меня любите. Я знаю только, что я васъ *всячески* люблю. Право! мнѣ стыдно что то скрывать передъ вами, какъ будто изъ учтивости. Вѣдь я васъ никакой любовью оскорбить не могу. Вы вольны любить меня какъ хотите и я васъ тоже. Любовь не оскорбляетъ и я извиняться не хочу. Тревожить васъ — сохрани меня мои святые — чтобъ я когда нибудь подумалъ! Мнѣ слишкомъ хорошо при той дружбѣ, которую вы мнѣ даете. Consuela! право не примите этаго за пошлую декларацію, это было бы только ридикюльно. Я такъ просто, откровенно, какъ хорошій человѣкъ, говорю вамъ что всячески люблю васъ— что это мое счастіе. А вы какъ хотите.—Вы для меня—Америка (не правдали смѣшно!) т. е. новая страна, которой я не зналъ въ жизни: т. е. любовь къ женщинѣ дѣйствительно симпатичной. Для меня довольно того чувства, которое вы мнѣ даете, даже еслибъ вы любили другаго иначе. А впрочемъ—чортъ знаетъ—можетъ это и неправда, ну! да все равно: я счастливъ самъ въ себѣ съ той любовью, съ которой я думаю о васъ. Satis! Я ничего инаго не требую отъ жизни для личнаго удовлетворенія, для исключительнаго личнаго удовлетворенія. Понимаете ли вы, что вы мнѣ дали новую жизнь, Consuela, и вотъ почему я у васъ этаго имени никогда не отниму. Понимаете ли вы, что я страшно счастливъ. Я съ горя никогда не плачу. А теперь я готовъ плакать съ какимъ то страннымъ наслажденіемъ. И право это не бутылочка бургонскаго, которую я припасъ,— виною этому. Я её припасъ (о малодушіе!) для того, чтобъ имѣть рѣшимость говорить вамъ все что̀ у меня на сердцѣ. А счастливъ я и опять

могу плакать—совсѣмъ по мимо бутылочки. Я такъ просто и чистосердечно счастливъ, что я даже *радъ*.—Нѣтъ! представьте себѣ, что я знаю, что я для васъ дорогъ, и не сдуру какъ это случилось, а потому что вы меня дѣйствительно знаете со всѣми моими качествами и недостатками, со всѣмъ хорошимъ и дурнымъ, что во мнѣ ворочается, представьте себѣ: ну! и чувствуете ли какъ я счастливъ?

Мнѣ много съ вами говорить придется. Да дайте мнѣ одинъ часъ, одну минуту откровенности a due (я готовъ пить для этаго)—да я отдамъ всю остальную жизнь... и баррикады—нѣтъ! совѣстно сказать это—и баррикады. Да это вздоръ! Ни я ни вы не отдадимъ баррикадъ, потому что вмѣстѣ будемъ тамъ.—Вотъ этаго то я еще въ жизни никогда не чувствовалъ, что есть женщина, которая съ наслажденіемъ умретъ со мной на баррикадѣ! Какъ это хорошо!— Чортъ знаетъ! — я и злиться пересталъ. И богъ съ ними съ этими людьми, которыхъ любовь и ненависть будутъ насъ преслѣдовать,—отъ души желаю имъ счастія—и отъ души презираю ихъ; только не тронь же они меня. Я лучше ихъ, да! лучше ихъ, даже когда сдѣлаю мерзость, а они будутъ только очень добры.

А знаете ли какъ мнѣ хорошо, что вы до сихъ поръ къ Наташѣ [1] не писали, а ко мнѣ писали?—Скверное чувство можетъ быть, а есть оно. Да нѣтъ! и не скверное. Неправда! Если бъ она читала эти строки, она первая протянула бы мнѣ руку.

Неужто я до сихъ поръ *искалъ* (о романтизмъ!) кого любить! А вѣдь теперь я чувствую *реальность* чувства, какъ прежде чувствовалъ ложь (хотя и не сознавался). Чутья я не могу отнять у себя.

Consuela! только чтобъ все это не тревожило васъ. Я говорю вамъ, что мнѣ ничего не надо, что я счастливъ. Если я пишу, все что у меня на сердцѣ, это потому, что слишкомъ уважаю васъ, что [бы] не придти съ вами ins Klare.

Вотъ я и не пишу къ вамъ, Mlle! Вѣдь это и меня шокировало. Да чортъ знаетъ! я не смѣлъ! Видите ли, что мнѣ надо *пить*, чтобъ писать вамъ совсѣмъ откровенно. Страшное малодушіе! Боюсь я что ли васъ оскорбить или чтобъ вы меня какъ нибудь не оскорбили? Чортъ знаетъ!—А вѣдь все это такъ просто, и такъ хорошо, и такъ не должно никого стѣснять, что за чѣмъ бы кажется умалчивать?

---

[1] [Н. А. Герценъ.]

Aimez moi d'une tendresse féminine, какимъ бы то чувствомъ ни было—какъ брата или отца (я боюсь, что я слишкомъ старъ, чтобъ любить меня иначе). Я вамъ на столько вѣрю, что въ васъ женственность—будетъ женственность, а не глупая привязчивость какой-то изуродованной воспитаніемъ сентиментальной институтки.

„Lisez! car je n'ai pas le temps de parler!" — Я *хочу васъ слушать*, только хочу слушать вашу душу, т. е. вашу мысль и ваше чувство.

Consuela! въ самомъ дѣлѣ—я все же скажу, если вамъ это письмо не нравится—простите меня, т. е. не то, что простите, а не подумайте, чтобъ я васъ стѣснялъ чѣмъ нибудь. Вѣдь я просто счастливъ!

Если я пріѣду не во вторникъ вечеромъ, а въ среду къ обѣду, то не тревожтесь. Я избѣгаю скиѳства. Но если это избѣганье можетъ продолжиться, то я готовъ, чтобъ все погибло, кромѣ моей воли—и буду какъ только скоро можно.

Ну! дайте руку, Consuela! comme tantôt! Я такъ счастливъ, что я не пожалѣю умереть, когда въ самомъ дѣлѣ возму вашу руку и взгляну на васъ.

Послушайте! если переписка покажется странной, присылайте мнѣ что хотите (т. е. будто есть *дѣло!!!* ну! и кланяйтесь дома, эдакъ съ агрементами). Напишите мнѣ еще разъ; только скорѣе; хоть нѣсколько словъ. Хочется до пріѣзда имѣть ихъ, les toucher comme vous dites.

17.

Н. П. Огаревъ и Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ.

[1849 г.]

[Рукою Огарева:]

2 Февраля. Давно сбирались докончить начатое письмо, но не писалось. Наконецъ пришло и ваше письмо. Наташа! мнѣ надо объясниться съ тобой прямо: мы любимъ другъ друга. Впрочемъ ты кажется и безъ того это поняла, за что я тебѣ благодаренъ. Теперь пусть моя Наташа къ тебѣ пишетъ, а я докончу въ весьма серьезномъ практическомъ смыслѣ.

[Рукою Н. А. Тучковой:]

Кажется Огаревъ все сказалъ за меня и за себя, я только прибавлю что очень была счастлива когда получила ваше письмо, все хочется къ вамъ, моя Натали; хочется уѣхать съ Огаревомъ и Hélène взять съ собой, ей нельзя здѣсь оставаться. Когда будетъ то что я желаю, не знаю, но вы не разлюбите, мнѣ ваша любовь просто нужна.

Вотъ опять беру перо. Огаревъ усталъ и заснулъ, я люблю глядеть на него когда онъ спитъ. Помнете какъ вы дорогой спали на моемъ плечѣ, я этого никогда не забуду. Я пишу въ его комнатѣ, мы называемъ это *быть zu Hause*. Скажите отъ чего я такъ счастлива, отъ того ль что вы это желали, моя Tata? Скажите мнѣ за что меня любитъ Огаревъ, я этого понять не могу, но знаю что любитъ. Огаревъ удивится когда проснется, я думала писать несколько словъ, а теперь не хочется съ вами разстаться. Серьозно, когда мы будемъ вмѣстѣ, или вы пріѣзжайте, или мы къ вамъ, а безъ васъ нельзя быть. Не могу хорошо отвѣчать на ваше письмо, потому что такъ много на душѣ что на бумагѣ не помѣститься, я люблю читать и перечитывать ваши письмы, я лучше понимаю и живу когда ихъ читаю. Письмы Огарева съ вашими не разлучны, я какъ ребенокъ ихъ складываю и опять разкладываю. Вы надо мной не смейтесь, я говорятъ нынче рабячусь иногда. И Алек. Иван. [1] мое письмо ни показывайте, вѣдь онъ будетъ шутить надо мной, а это больно отъ него. Скажите ему что крѣпко жму руку ему и люблю все по старому. Теперь, прощайте, Огаревъ скажетъ что мало мѣсто оставила ему. Обнимаю васъ крѣпко, крѣпко, да такъ неловко, пріѣду въ Парижъ чтобъ показать какъ. Сашу [2] тоже за меня разцалуйте. Merci за печатку, она мнѣ многое, хорошее напомнила.

Если случится, скажите что нибудь отъ меня Тург. [3]. Мнѣ досадно что онъ съ вами не сошелся. Emmѣ [4] кланяйтесь, а Spini [5] напишите что мнѣ хотѣлось бы въ Италію и на него взглянуть.

---

[1] [А. И. Герценъ.]

[2] [Сынъ Герценовъ, Александръ.]

[3] [И. С. Тургеневъ.]

[4] [Жена Гервега.]

[5] [Итальянскій журналистъ, пріятель Герцена, знакомый Тучковыхъ по ихъ заграничной поѣздкѣ 1848 г.]

[Рукою Огарева:]

Наташа! Мнѣ ужасно хорошо жить, безъ arrière pensée какой бы то ни было границы. Вотъ этимъ то и хорошо, что реально.

Теперь къ дѣлу, Наташа: выхода два—просто уѣхать, или вступить въ легальные пути развода и женитьбы. Первое проще и откровеннѣе, но все же должно оскорбить отца и друга. Второе лучше по всей обстановкѣ отношеній съ близкими и не близкими людьми. Еслибъ М. Л. была инаго вѣроисповѣданія или позволила бы мнѣ безпрепятственно искать легальной сепараціи въ мою пользу (а для нея это должно быть довольно все равно) то дѣло можно привести къ концу. Мы не таились и тотчасъ сказали Ал. Ал. [1] и на дняхъ ѣдимъ въ Птрбргъ. Похлопочи весьма осторожно около М. Л. и напиши мнѣ какъ можно скорѣе адрессуя въ контору Языкова для передачи мнѣ. Какъ ты о семъ думаешь? Я готовъ на всё—похлопочи же за насъ, но не такъ, чтобъ кто нибудь могъ мнѣ мѣшать въ моихъ хлопотахъ о дѣлѣ. Понимаешъ, что нужно бо́льшую discrétion, потому что здѣсь найдутся враги порядочные. За симъ, милая Наташа, надо бы кончить это письмо и писать къ Александру; но такъ хочется еще и съ тобой поговорить, пожать тебѣ руку за твое милое письмо. Я счастливъ, cara sorella, больше я ничего ясно не умѣю формулировать на эту минуту; отъ этаго крѣпко обнимаю тебя и чувствую на сколько ты рада.

[На перегибѣ полу-листка, рукою Огарева: Н а т а ш ѣ.]

18.

А. Я. Панаева—М. Л. Огаревой [2].

Парголово. 1848. Августа 3.

Виновата тысячу разъ виновата, я знаю, что я глупо поступила, но что дѣлать за лѣнилась. Я здорова, холера пролетѣла не задѣвъ ни меня и никаго, кто мнѣ дорогъ, развѣ потому что число ихъ такъ

[1] [Алексѣй Алексѣевичъ Тучковъ, отецъ Нат. Ал.]

[2] [Это письмо помѣщается не въ очереди, а въ связи съ двумя нижеслѣдующими, чтобы не прерывать психологической нити романа, который разыгривался между Огаревымъ и Н. А. Тучковой.]

мало, что и рукъ ни стоило ломать. Иванъ Иваночь ѣдетъ сегодня въ городъ и напишетъ Огареву письмо. Я очень, очень безпокоюсь объ тебѣ, право не знаю какъ бы мнѣ устроить дѣло избавивъ тебя отъ непріятностей по случаю сего дѣла. Трудно, очень трудно теперь ладить тебѣ съ нимъ, они обобрали тебя, посуливъ тебѣ спокойствіе, ты теперь въ денежныхъ отношеніяхъ хуже чѣмъ прежде была. Какое благородство! вотъ это chevalerie XIX вѣка! Я страшно зла на твоего мужа, много я знаю и собираю объ немъ свѣденій, и еслибы ты была женщина съ характеромъ и съ могучимъ здоровьемъ, то я бы тебѣ поразсказала бы его подвиги. Друзья смотрятъ на него, какъ на натуру богатую, а я смотрю на него какъ на человѣка богато одареннаго всѣми слабостями, не исключая и пороковъ. Я всегда слыла за женщину рѣзскую и не умолимую, но что же мнѣ дѣлать если я прежде всего гляжу на человѣка просто; если онъ не погубилъ ни чей жизни, ни кого не притѣснилъ, тому я только прощаю всѣ возможныя слабости. Человѣкъ пока вредитъ самому себѣ для меня уважителенъ, до какой бы точки онъ не дошелъ разврата, но если онъ прикрываясь чужими достоинствами топчитъ въ грязь ему близскихъ людей, то я гляжу на нихъ какъ на набѣлѣныхъ женщинъ сидящихъ у окнъ и съ наглую улыбкую обращаютъ вниманіе всѣхъ. Нѣтъ меня не провѣдутъ фразы, я ищу въ человѣкѣ дѣло и дѣло!

У насъ гоститъ Марья Александровна съ мужемъ Андрюшей и съ сыномъ. Она все худѣетъ и хвораетъ. Некрасовъ также пасмуренъ, М-me Межевичъ попрежнему возиться съ глазами, Ксененька [1] такой же лѣньтяй. Я же постоянно полнѣю и мои формы принимаютъ *аноцероскія* размѣры. Я ужасно полюбила Парголово и очень часто вспоминаю Сократиньку [2], котораго я очень и очень люблю. Прощай, пожалуйста думай ка, что дѣлать тебѣ съ Огаревымъ? Я буду на дняхъ говорить съ однимъ дѣловымъ человѣкомъ объ тебѣ, что онъ посовѣтуетъ напишу. До свиданія.

Eudoxie.

Будь покойна, я заставлю Иванъ Иваныча переписаться съ Огаревымъ.

---

[1] [Ксенофонтъ Максимовичъ Воробьевъ.]

[2] [Сократъ Воробьевъ, художникъ, 1817—1888, братъ Ксенофонта, второй, „гражданскій“ мужъ М. Л. Огаревой.]

19.

Н. А. Некрасовъ — М. Л. Огаревой.

Здравствуйте добрая и горемычная Марья Львовна! Ваше положеніе такъ насъ тронуло, что мы придумали мѣру довольно хорошую и рѣшительную. Если вамъ она понравится, то я ручаюсь за Тютчева [1] какъ за самого себя. Довѣренность пишите на имя Коллежской Секретарши Авдотьи Яковлевой Панаевой, и прибавьте фразу—*съ правомъ передовѣрія кому она пожелаетъ*. Потомъ пишите, что Панаева или тотъ кому она довѣритъ, могутъ подавать за васъ просьбы и дѣйствовать во всемъ, съ такою же свободою, какъ бы вы сами. А въ концѣ прибавьте—*въ томъ что сдѣлаетъ по сему дѣлу Панаева или ее повѣренный я споритъ и прекословить не буду*.

Покрайней мѣрѣ мы можемъ вамъ теперь же обѣщать, что Тютчевъ приведетъ это дѣло въ порядокъ и ясность—устроитъ такъ, что вы будете получать свой доходъ *въ опредѣленные сроки*,— и если вы пожелаете взять свой капиталъ, то сдѣлаетъ по этому все что будетъ нужно и возможно.

Будьте здоровы; цѣлую ваши ручки. Сократу поклонъ.

весь вашъ
Н. Некрасовъ.

20.

А. Я. Панаева и Н. А. Некрасовъ—М. Л. Огаревой.

Марта 15—1849.

Огаревъ въ Петербургѣ, я съ нимъ говорила объ дѣлѣ твоемъ, кажется, все кончиться благополучно. Онъ продаетъ свое имѣніе, чтобъ выплатить тебѣ капиталъ весь вдругъ, что будетъ очень хорошо для тебя. Неписала же я потому тебѣ такъ давно, что желала дать тебѣ отвѣтъ объ твоемъ дѣлѣ. Напиши мнѣ если чего ты желаешь сказать еще по этому дѣлу?

---

[1] [Н. Н. Тютчевъ, державшій, вмѣстѣ съ М. А. Языковымъ, комиссіонную контору въ Петербургѣ.]

Я очень занята была это время, къ веснѣ окончу все и еслибы у меня были деньги то пріѣхала бы къ тебѣ посмотрѣть какъ ты живешь и что дѣлаешь. Но, увы!!!.. Ты пишешъ мнѣ не охладѣлали я къ верховой ѣздѣ! увы!!! опять тѣ же препятствія, ненашто ѣздить... Я разполагаю ѣхать нынешное лѣто къ своимъ двоюроднымъ братьямъ, къ Валеріану и Ипполиту, Сократъ ихъ знаетъ, хочу пожить у нихъ, если небудетъ скучно.

Что дѣлаетъ Сократъ? здоровъ ли онъ? помнитъ ли обо мнѣ, а я объ немъ очень очень часто говорю съ Некрасовымъ, которой возвращается домой въ 12 часовъ утра уже наготовѣ и производитъ скандалъ въ домѣ. Всѣ люди дивяться перемѣнѣ его, бывало ложился 7 вечера и вставалъ 6 утра, а теперь поночамъ его собаками несыщешъ... Ксенофонтъ молчитъ; письмо твое получилъ но причину непишетъ о своемъ упорномъ молчаніи къ вамъ.—Я думаю, что это одна лѣность и больше ничего.

Ты мнѣ пишешъ, что думаешъ ѣхать въ Америку: зачѣмъ?: что ты будешъ тамъ дѣлать? Если въ степи для природы, такъ, но для людей я не думаю, чтобъ стоило такую дорогу совершить. Прощай, пиши мнѣ побольше, какъ время проводишь, уже третій годъ пошолъ какъ мы разстались съ тобой. Обнимаю тебя и Сократа...

[Рукою Некрасова:]

Марья Львовна, добрая и милая, если позволите обратиться къ Вамъ съ такимъ короткимъ привѣтствіемъ, очень желалъ бы Васъ видѣть, и ей Богу мнѣ кажется, что Вы дурно дѣлаете, не заглядывая такъ долго къ намъ. А что Сократинька? Я о немъ вспоминаю съ удовольствіемъ и горестію, то есть послѣднее потому, что ни съ кѣмъ такъ пріятно не пилось и не бесѣдовалось какъ съ нимъ. Тото было бы весело, кабы встрѣтились да потолковали! А о Ксенечкѣ ни слуху, ни духу! Цалую вашу ручку.

Некрасовъ.

21.

Н. А. Тучкова—Герценамъ.

[Весна 1849 г., изъ Петербурга.]

Получили ваше письмо, друзья, грустно было хотя мы не щитали на другой отвѣтъ; желала бы съ вами увидиться поскорѣе, отдохнуть отъ всѣхъ этихъ глупыхъ волненій. Такъ вы ѣдете въ Женеву? это хорошо будетъ для здоровья, я думаю, и тамъ есть темная аллея, не такъ ли, друзья? Писать мнѣ ужасно трудно, вы это поймете, въ головѣ страшной безпорядокъ, знаю только одно что ничто не можетъ перемѣнить то объ чемъ я вамъ писала; жаль мнѣ только Hélène, она не хочетъ и ей невозможно оставить сердечныя привычки; но все таки же это жертва, а жертва страшная вещь.

Я здѣсь познакомилась съ нѣкоторыми изъ вашихъ друзей, право Кав. [1] лучшій изъ всѣхъ; но объ этомъ поговоримъ въ другой разъ.— Что дѣти, здоровы ли они, забыли ли насъ; хотѣлось бы на нихъ взглянуть. Здѣсь кому мы не покажемъ ихъ портреты, всѣмъ нравится Сашено личко, а я въ это время становлюсь страшно горда, потому что люблю его и выраженье его лица. Ну! я увѣрена что Герценъ на меня нападетъ за эту выходку; я вамъ позваляю это прочесть ему только въ самую хорошую минуту.

Прощайте, обнимаю васъ крѣпко, моя Натали, и жму вамъ руку, Герценъ. Да, зовите меня Натали, право мы съ вами близкіе люди; мы четверо вмѣстѣ хорошо бы прожили гдѣ бы то ни было—въ городѣ или въ деревнѣ.

Цалую дѣтей; надѣюсь скоро вамъ написать лучше чѣмъ сегодня; сегодня только чтобъ васъ успокоить на нашъ счетъ.

Ваша Натали.

---

[1] [К. Д. Кавелинъ.]

22.

Н. П. Огаревъ—Герценамъ.

[Весна 1849 г., изъ Петербурга.]

Я не такъ скоро поторопился васъ успокоивать, друзья мои, потому что нибудь хотѣлось сказать дѣльнаго; но всѣ заботы и хлопоты еще такъ мало результатны, что нечего писать, кромѣ того, что мы съ Natalie никогда не отстанемъ другъ отъ друга. Столица сѣверная намъ дорога́ и холодна, переѣдимъ на время въ другую. А вы то счастливцы сбираетесь въ Женеву, мое любимое мѣсто. Я радъ за васъ: это мирный уголокъ, куда весело пріѣхать семьёю и жить про себя. Такъ бы къ вамъ хотѣлось! А вы объ насъ небезпокойтесь, друзья мои! Живы мы и веселы и надѣемся, что вы скоро къ намъ вернетесь и что мы весьма скоро увидимся. Жму руку всѣмъ: будьте здоровы!

23.

Н. А. Тучкова — Герценамъ.

[Весна 1849 г., изъ Петербурга.]

Вчера мы получили ваши письмы, и намъ стало очень, очень хорошо. — Какъ мнѣ тепло и легко жить когда чувствую такъ ясно сколько вы меня любите. Герценъ, простите мнѣ мою выходку, это было недовѣріе къ себѣ а не къ вамъ. Ну не смѣйтесь, а право я думала что я не довольно хорошая женщина чтобъ любить Огарева. Пожалуста, друзья, не упрекайте меня большимъ униженіемъ: это вѣдь не значетъ, чтобъ я была очень дурна, это только значетъ какъ Огаревъ-то хорошъ. Теперь разкажу вамъ ужасной вредъ вашихъ писемъ. Мы двое совершенно съ вами согласны, замужство лишняя и не нужная пошлость въ жизни, и я весьма *à contre coeur* соглашалась на эти формы; но надо было уступить это отцу. Онъ много пошелъ назадъ съ тѣхъ поръ какъ воротился изъ чужихъ краевъ, къ тому же онъ (вамъ это очень извѣстно) всегда на словахъ готовъ, а на практикѣ, извините. Онъ не здоровъ, и очень разстроился невозможностью легальнаго брака. Теперь кажется мы ѣдемъ

къ вамъ, но и тамъ папа упросилъ насъ жениться; Огаревъ вѣрно вамъ скажитъ подробно какъ это будетъ. Я только знаю что скоро васъ увижу, и этому безконечно рада. Мнѣ жаль однако оставить ихъ совсѣмъ, жаль оскорбить папа, но просто больно оставить у нихъ Hélène. Мнѣ кажется что я съ ней очень дурно поступаю, но ничего не могу сдѣлать для нея; взять ее у нихъ не возможно, оставить ее ужасно грустно. Скажите, друзья, что мнѣ дѣлать. Вѣдь она просто погибнетъ въ Яхонтовѣ.—Мы хотѣли чтобъ они тоже пріѣхали *путешествовать* съ нами, но папа точно прикованъ къ Инсару, и Hélène въ своей тоскѣ говоритъ что только въ Яхонтовѣ и желала бы жить, а между тѣмъ она тамъ болѣе чѣмъ гдѣ нибудь почувствуетъ мое отсутствіе.—Я ужасно счастлива, глупое слово, но чтожъ дѣлать; вѣдь вы знаете, понимаете какъ я, что такое любовь Огарева, но я чувствую ужъ теперь что вѣчно меня будетъ мучить мое бѣдное дитя, моя милая Hélène, которую я бросила на всегда, и оставила ей на прощанье горе которое ей не по силамъ. Вѣдь это ужасно, не правда ли? я имъ всѣмъ сдѣлала страшное зло своимъ эгоизмомъ, своей жизней, и я знала что имъ будетъ дурно когда мнѣ будетъ хорошо, и не удержалась, и не попробовала даже; отъ того что какъ бы я ихъ не любила, Огаревъ все ближе всѣхъ; но вы, cara mia, не думайте чтобъ я васъ иначе любила чѣмъ прежде, мнѣ это больно.—Отъ чего же мнѣ переменится? вы слишкомъ между собою симпатичны, мои три звѣздочки, чтобъ я могла когда нибудь охладѣть къ одной изъ васъ.—Только вотъ что можетъ случится, разъ захочется васъ а ни Огарева, другой разъ ни васъ а Герцена.—Но зачѣмъ я такъ много о себѣ говорю, вы грустите, моя Натали, вамъ хочется взглянуть на итальянскія горы, вамъ хочется Dahin, поѣдемти, другъ мой, протяните руку, дайте мнѣ ее прижать къ губамъ, къ глазамъ, какъ вы прежде давали когда мнѣ было очень хорошо и очень дурно.—Общее должно васъ теснить больше тамъ чѣмъ насъ, потому что, ну вы знаете почему; лучше объ этомъ умолчать.—

Мы видимъ часто Кавелина, онъ очень милъ и очень съ нами хорошъ; Герценъ, не сердитесь на меня, жена его мнѣ не нравится, съ ней пусто какъ то; мнѣ кажется что ей самой тяжело себя выносить, она мила, но въ ней ничего нѣтъ глубокаго.

Прощайте, друзья; обнимаю васъ обоихъ крѣпко, крѣпко; я васъ всегда любила, а теперь кажется тысячу разъ болѣе, это къ вамъ

относится, Герценъ, Н. А. никогда не сомнѣвалась въ нашей близости. Еще за то вамъ жму руку что вы отгадали что люблю Огарева, я думала что вы это знали, я не скрывала, но и не говорила. Вамъ, моя Натали, отъ того не сказала, что вы меня объ этомъ спросили въ Римѣ, вскорѣ послѣ нашей встрѣчѣ, и я сконфузилась страшно, если вы помните. Потомъ я не хотѣла быть задавленой ни какимъ чувствомъ, и по этому хотѣла выработать свѣтлую, прочную дружбу,—но взелась ни за свое дѣло.

Прощайте, еще разъ, цалую Сашу и Тату [1]. Скажите Сашѣ что я буду ужасно рада его увидить.—Со всѣми будьте за меня любезны, потому что я щастлива, и отъ того добра, и всѣхъ люблю. Георга [2] поблагодарите за пророчество. Онъ разъ мнѣ сказалъ что я возвращусь съ Огаревомъ.—А помните какъ я любила мои сны, теперь ихъ не нужно, мы въ реальности.

Я очень благодарна Spini за его дружбу, право онъ хорошій человѣкъ, тоже буду рада его увидать.

Hélène васъ обнимаетъ за ваше письмо, но писать не можетъ, ей тяжело, и все отъ меня.

[Рукою Огарева:]

Наташа говоритъ, что она вамъ сказала слишкомъ мало и не то что хотѣла. Ну! какже быть съ этимъ?

24.

Н. А. Тучкова — Герценамъ.

Пишу вамъ въ день отъѣзда и на скоро, друзья. О. мнѣ мешалъ вамъ прежде писать, говорилъ что надо знать что небудь вѣрнаго, а у насъ время такъ было переменчиво.—

Hélène не будетъ одна, друзья, она за мужомъ. Вы удивитесь когда узнаете что Сатинъ женился на ней. Были бы они счастливы, онъ хорошій человѣкъ, а она милое дитя. Мнѣ иногда страшно за

---

[1] [Старшая дочь Герценовъ, Наталія.].

[2] [Гервегъ.]

нея, иногда я имѣю сильную надѣжду на нея счастья. Она въ полнѣ его заслуживаетъ; но вѣдь это не резонъ быть счастливымъ.—

Я уѣзжаю съ О. вдвоемъ; что мнѣ грустно, это то что не такъ скоро васъ разцалую моя Натали, какъ прежде надѣялась. Ѣдемъ вдаль, но еще не къ вамъ, грустно, больно это! О. обещаетъ скорое свиданье съ вами, но глядя по возможности, мнѣ кажется что онъ меня утешаетъ. Васъ обоихъ бы хотѣлось, долго, долго съ вами говорить объ общемъ, объ частномъ, много новаго.—Вы мнѣ просто нужны, Наташа, хочу васъ звать какъ О. насъ обѣихъ зоветъ.—Когда я вспоминаю наше прощаніе, мнѣ также больно когда тогда... Мнѣ не хотѣлось садиться въ карету, но тамъ, въ Россіи, былъ О.

Посылаю вамъ письмо отъ А [1]. Жаль мнѣ Т. А. Я не вхожу въ сплетни, но ей больно, она одна теперь. Я съ ней еще сблизилась за васъ, она придетъ сегодня еще съ нами проститься. Hélène будетъ жить недѣлю въ Ильинскомъ и потому навеститъ ея послѣ нашего отѣзда.

Прощайте моя Натали, цалую, обнимаю васъ и васъ тоже Герценъ.—Мнѣ надо васъ двухъ и О. чтобъ ничего не желать, я даже уступить готова лѣтъ десять жизни. Цалую моего милого Сашу и Наташу.

Если увидите Тур. скажите ему что я ему крѣпко жму руку и желала бы его видить, потому что я счастлива и еще болѣе любви имѣю въ душѣ чемъ когда онъ меня зналъ.—Я помню его теплое участье ко мнѣ. Только одно меня обижаетъ, онъ васъ не знаетъ.

[Рукою Огарева:]

Сей часъ ѣдимъ въ Крымъ. Письмо Сазонова [2] ни къ чорту не годится. Пусть пришлетъ на имя кого хочетъ настоящую довѣренность. Также Марьѣ Каспаровнѣ [3] скажи, чтобъ прислала довѣренность на выручку билета изъ Казенной Палаты на имя Ключарева. Заплати за меня 600 франковъ съ чѣмъ-то Blaise—и наши счеты покончены. Всякую дрянь хрустальную я вытребовалъ отъ Егор. Ив. [4]

---

[1] [С. Астраковъ, математикъ, другъ Огарева. Т. А.—Т. А. Астракова, вдова покойнаго Ник. Астракова, брата Сергѣя, пріятельница Н. А. Герценъ.]

[2] [Н. И. Сазоновъ, эмигрантъ.]

[3] [Марія Каспаровна Эрнъ, позднѣе, въ замужествѣ, Рейхель.]

[4] [Е. И. Герценъ, братъ А. И—ча.]

для передачи Никол. Христоф. [1]—Напиши Егор. Ив. что ты на это согласенъ.

Болѣе писать нѣкогда. Обнимаю васъ. Вскорѣ можетъ увидимся (когда ты пріѣдишъ). Я счастливъ. Чтоже вамъ болѣе?—

25.

Н. А. Тучкова — Герценамъ.

Ждала отъ васъ писемъ, друзья, но не дождалась, не вытерпѣла. Меня смущаетъ холера, но можетъ быть вы уже не въ Парижѣ, давно ничего не слыхать объ васъ, это грустно.—Мы теперь въ Крыму à due; и очень хорошо было бы намъ, но столько скорби накопилось въ продолженіе этихъ трехъ мѣсяцевъ тяжелой борьбы. Да, моя Натали, много мнѣ стоило чтобъ дойти до этого результата; надо было не щадить старыя отношенья, привязанность, привычки; я поступала слишкомъ рѣзко; никогда не буду жалеть что отстояла себя, но тяжело, больно было разстаться послѣ междуусобной войны, послѣ страшной устали, уѣхать въ такую даль и не знать когда и какъ увидишся. Я только разъ получила письмо отъ Hélène, отъ папа же ни слова, не знаю что съ нимъ; я имѣю довольно сильные причины безпокоиться на его счетъ; я не понимаю отчего насъ будто забросили, мы разстались очень хорошо съ отцомъ, мнѣ было его страшно жаль: какъ бы то ни было, онъ насъ очень любилъ, и вдругъ остаться одному, домъ опустѣлъ, всякой уголокъ напоминаетъ ему всю нашу жизнь, всю нашу любовь къ нему. Ну, да что говорить, больно и мнѣ, право иногда бываетъ не выносимо; вы знаете какъ я любила Hélène, она какъ мой ребенокъ была, мнѣ страшно её предоставить самой себѣ или Сатину. Все это сдѣлалось такъ наскоро что мнѣ за нихъ обоихъ страшно, въ особенности за Hélène: женщинамъ нечего считать на внѣшнюю жизнь, если внутренная не далась то хоть концы въ воду; мущины такъ легко не уступаютъ жизнь; за нихъ право нечего такъ боятся.—Но будетъ объ этомъ, можетъ я ошибаюсь, можетъ они тоже сильно страдаютъ.—

---

[1] [Н. Х. Кетчеръ.]

Знаете что, моя Натали, я смотрю на васъ и нахожу что вашъ портретъ уже старъ; что если бы вы мнѣ прислали хоть дагеротипъ; я хочу васъ видить ..къ какъ вы теперь; вы можетъ не замѣтно переменились, а для меня это будетъ очень чувствительно.—Страшно подумать, страшно вамъ это напомнить, вотъ скоро годъ что мы съ вами не видались; помните какъ мы разставались, я не знала какъ пережить этой разлуки, какъ васъ любить спокойнѣе но и нынче не смотря на разныя печали, мнѣ васъ все также хочется, а иногда и больше даже.

Прощайте, цалую васъ крѣпко, когда увидимся? все это еще вопросъ. Жму крѣпко руку Ал. Ив. и обнимаю Сашу и Тату.—Пишите, вы видите я мирюсь на лоскутокъ бумаги.

Жаль мнѣ О. много онъ терпетъ черезъ мою печаль, но что жъ мнѣ дѣлать, научите? не шутя, скажите гдѣ жъ найти спокойствіе когда васъ мучитъ горе, которое вы насильственно заставили терпѣть другимъ; это право тяжело. Если вы не разорвали нашей записки изъ Яхонт. гдѣ мы писали черезъ линейку, если не разорвали, то не рвите; не знаю когда напишется такъ свѣтло какъ тогда.—Еммѣ и мужу её кланяйтесь дружески отъ меня, Тур. пожмите руку; скажите что я наконецъ въ реальности, и помню наши разговоры, и разкрываю его книжечку, и не пью коньяку безъ Гер., но если съ нимъ увижусь, то не ручаюсь за себя.

26.

[Договоръ Н. М. Сатина съ Н. П. Огаревымъ.]

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, Аминь!

Я нижеподписавшійся отставной Коллежскій Регистраторъ Николай Михайловъ сынъ Сатинъ, будучи въ здравомъ умѣ и твердой памяти, дѣлаю слѣдующія распоряженія: 1-е по разчетамъ моимъ я состою должнымъ Коллежскому Регистратору Николаю Платонову сыну Огареву *Шестьдесятъ тысячь пять сотъ сорокъ пять рублей шестьдесятъ четыре копѣйки серебромъ*, которые по общему нашему согласію, положили мы уплачивать такъ: Я, Сатинъ, обязался заплатить Надворному Совѣтнику Александру Ивановичу Гер-

цену или довѣренному отъ него лицу, въ счетъ должной ему Господиномъ Огаревымъ суммы *пятнадцать тысячь рублей серебромъ*, а остальныя *сорокъ пять тысячь пятьсотъ сорокъ пять рублей шестьдесятъ четыре копѣйки серебромъ*, заплатить самому Господину Огареву въ теченіи десяти лѣтъ, дѣлая ежегодно уплату не менѣе *четырехъ тысячь пятисотъ рублей серебромъ* и платя на остающейся незаплаченнымъ капиталъ по четыре на сто процентовъ. 2-е Если я на уплату этихъ денегъ въ жизнь мою, не успѣю съ Господиномъ Огаревымъ или довѣреннымъ отъ него лицомъ, заключить особаго законнаго договора, то поставляю въ непремѣнную обязанность моихъ наслѣдниковъ, къ которымъ впрочемъ имѣю полную вѣру и къ которымъ поступить благопріобретенное мое недвижимое имѣніе заключить этотъ договоръ и заплатить деньги въ опредѣленныя сроки Господину Огареву, безъ всякаго прекословія и Суда, тѣмъ болѣе, что дѣло это дѣлано нами по совѣсти. 3-е Если же кто изъ моихъ наслѣдниковъ вздумаетъ оспоривать мою волю, или не будетъ исполнять назначенія моего, чего впрочемъ я не ожидаю, то благопріобретенное мое имѣніе должно поступить въ собственность его Господина Огарева; и наконецъ, 4-е. При исполненіи означенной обязанности въ теченіи жизни моей, завѣщаніе это считать не дѣйствительнымъ. Завѣщаніе это писалъ и къ оному руку приложилъ я, самъ завѣщатель, отставной Коллежскій Регистраторъ Николай Михайловъ сынъ Сатинъ. Іюня 24-го дня 1849-го года [1]. Что сіе духовное завѣщаніе учинено Колежскимъ Регистраторомъ Николаемъ Михайловичемъ Сатинымъ въ здравомъ умѣ и въ твердой памяти и имъ самимъ писано и подписано въ томъ по личному его прошенію свидѣтельствую и подписуюсь отставной Гвардіи подпоручикъ Николай Григорьевъ сынъ Фроловъ.—Въ томъ-же свидѣтельствую и подписуюсь Коллежскій Секретарь Владиміръ Алексѣевъ сынъ Милютинъ. Въ томъ же свидѣтельствую и подписуюсь Титулярный Совѣтникъ Тимофей Николаевъ сынъ Грановскій.

---

[1] [До сихъ поръ писано рукою Сатина, дальше—каждымъ изъ подписавшихся].

27.

А. Я. Панаева — М. Л. Огаревой.

Іюля 19 [1849 г.]

Посылаю тебѣ письмо, изъ котораго ты ясно увидешь всю подлость и гнусность Ог: и его друзей. Пока они вели сомною міролюбивыя переговоры объ уплатѣ капитала вѣреннаго мнѣ, они въ тоже самое время оброботывали вътайнѣ свои грязныя и безчестныя поступки. Я медлила подать ко взысканію единственно изъ страха начать процессъ, съ которымъ неизбѣжно бываютъ большія расходы. Но видя всѣ ихъ увертки на мои вопросы я возымѣла подозрѣнія въ ихъ честности, которой они меня душили, и передавъ довѣренность сюрпризомъ послала къ нимъ въ Москву. Они меня ругаютъ страшно и Некрасова также, которой имъ сказалъ прямо, что они подло поступаютъ съ тобой. Они вздумали посягнуть на мою честь, которая какъ видно для нихъ одно пустое слово, которымъ они маскируютъ свои подлости.

Дѣло не проиграно, и они могутъ жестоко поплатиться за свою подлость. Пришли немедля довѣренность на имя *Отставного Штабъ-Ротмистра Николая Самойловича Шаншіева* на право занимать на твое имя суммы какія ему заблагоразсудиться для твоего дѣла. Въ честности его я ручаюсь тебѣ какъ за себя, да притомъ мы сами имѣемъ съ нимъ дѣла денежныя, гдѣ онъ ведетъ себя какъ слѣдуетъ человѣку. Мое мнѣніе, тебѣ нужно ѣхать въ Россію, потому что неизвѣстно на долголи затяниться процессъ. Живя въ Петербургѣ ты легче можешъ достать деньги и облегчишь во многомъ Шаншіева, въ разныхъ трудныхъ рѣшеніи. Польза и благоразуміе указываетъ тебѣ что нужно дѣлать, я оставляю на твое обсужденіе.

Я была больна и теперь еще очень слаба. Живу очень скучно поди [?], потому что немогу ничемъ пользоваться.

Цалую тебя и прошу быть покойной, что я день и ночь думаю объ твоемъ дѣлѣ, которое теперь касается моей чести.

Сократа жду и тебя тоже. Можешъ остановиться прямо у меня на квартирѣ и будешъ покойна.

Нѣтъ ли писемъ какихъ, пришли все; и какъ можно скорѣе. Деньги получишь я уже посла[ла] ихъ въ Москву.

28.

И. И. Панаевъ—М. Л. Огаревой.

Парголово,—26 Іюля 1849.

Милостивая Государыня
Марья Львовна,

Eudoxie писала Вамъ уже о никѣмъ неожиданныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ по дѣлу Вашему съ Огаревымъ и о томъ, что она передала данную Вами ей довѣренность Николаю Самойловичу *Шеншіеву*—человѣку благородному и прекрасному—и главное *знающему* дѣло. Г. Шеншіевъ съ начала Іюня и до сихъ поръ находится въ Москвѣ. Вамъ, вѣроятно, уже извѣстно, что дѣла Огарева разстроены въ послѣдніи три года въ высшей степени, что онъ третьяго года занялъ 45/т. сер. на покупку бумажной фабрики, что эта афёра ему неудалась, что онъ послѣ того постоянно прибѣгалъ къ займамъ; что наконецъ онъ уѣхалъ въ Одессу передавъ по довѣренности все имѣніе Грановскому и Кетчеру, которые часть этого имѣнія запродали г. *Янишу* и *Сатину* и проч. и проч. Мы не скрываемъ отъ Васъ ничего—и представляемъ дѣло такъ какъ оно есть, не стараясь украсить его для Вашего утѣшенія. Однимъ словомъ: дѣла Огарева въ самомъ жалкомъ и разстроенномъ состояніи.

г. Шеншіевъ взялъ тотчасъ же по пріѣздѣ въ Москву всѣ необходимыя мѣры для спасенія Вашего. Онъ дѣйствовалъ и продолжаетъ дѣйствовать энергически.

Вотъ отрывокъ изъ письма его ко мнѣ отъ 22 Іюля:

„Заемныя письма поданы мною ко взысканію и я требую отъ Кетчера, какъ повѣреннаго Огарева, уплаты денегъ. Въ тоже время я принялъ всѣ возможныя мѣры, чтобъ довѣрители О-ва не могли продать остальное имѣніе. Грановскій имѣлъ отъ О. довѣренность на продажу его Орл. имѣнія—и уже было готово, какъ вдругъ, какъ снѣгъ на голову, явилось мое прошеніе. Продажа была остановлена. Теперь дѣло вотъ въ чемъ: г-жѣ Огаревой надобно же жить чѣмъ нибудь. Кляузамъ же и дѣламъ не будетъ конца (дѣло можетъ продлиться лѣтъ 5). Ктому же довѣрители О., не понимая ровно ничего, дѣйствуютъ такъ, что и самъ О. можетъ остаться ровно безъ ничего.—И между тѣмъ, какъ процессъ будетъ тянутся, гг. довѣрители О. могутъ надавать еще заемныхъ писемъ—и тогда должники полу-

чать по копейки съ рубля.—Грановскій же предлагаетъ г-жѣ Огаревой, чтобы сею минуту кончить дѣло—50/т. р. сер., изъ коихъ 25 т. сер. теперьже, а остальные, съ надлежащимъ обезпеченіемъ, разсрочить на четыре мѣсяца.—Какъ знающій дѣла и тяжбы въ Судахъ, я по чистой совѣсти предлагаю рѣшится на послѣднее. Впрочемъ, какъ знаете. Изъ этихъ 50/т. р. сер. долженъ я получить за расходы, хлопоты и труды 3/т. р. сер.—Жду скорѣе отвѣта. Дѣло не терпитъ отлагательства".

Безъ васъ рѣшится на это нельзя. Но я также принимая самое искреннее участіе въ Васъ, осмѣливаюсь съ своей стороны подать Вамъ совѣтъ покончить это дѣло по послѣднему предложенію Грановскаго. Если Вы захотите продолжать процессъ,—то онъ потребуетъ значительныхъ издержекъ, продлится значительное время (вы знаете, какъ длятся у насъ процессы?) и въ резюльтатѣ, за всѣми расходами и займами (потому что Вамъ надобно будетъ жить займомъ) получите, можетъ быть, менѣе 50/т. р. с., предлагаемыхъ Вамъ теперь.

Если Вы рѣшитесь, то за уплатою г. Шеншіеву у Васъ останется 165,000 ассигн., которые Вамъ мы беремся устроить такъ (подъ вѣрный залогъ), что Вы будете получать 8 пр.—12,000 ежегоднаго акуратнѣйшаго дохода,—то что Вы получаете теперь—неакуратно. Обдумайте хорошенько—и пишите поскорѣе. Я же съ своей стороны написалъ Шеншіеву, чтобы онъ до Вашего отвѣта продолжалъ процессъ;—еслиже, по его мнѣнію, дѣла такъ плохи, что надѣятся на грядущіе блага нечего,—то чтобы онъ дѣйствовалъ рѣшительно для спасенія Вашего и обезпеченія.

Вышлите довѣренность г. Шаншіеву на право занимать ему для Васъ деньги. Всего бы лучше, еслибы Вы пріѣхали сами въ Петербургъ.

Повѣрьте, Марья Львовна, что никто такъ глубоко не чувствуетъ поступка съ Вами гг. Гран. и друг. и никто не желаетъ Вамъ большей пользы и лучшаго окончанія Вашихъ дѣлъ, какъ

Преданный Вамъ

И. Панаевъ.

[Рукою А. Я. Панаевой:]

Я нездорова и потому просила Ив: Ив: написать тебѣ подробное состояніе твоихъ дѣлъ. Пріѣзжай въ Россію, ради Бога, это

нужно для будущаго твоего спокойствія. Для выѣзду я вышлю тебѣ деньги. Сократа жду въ Августѣ и прошу его написать мнѣ, когда онъ навѣрно выѣдетъ, чтобъ встрѣтить его въ Петербургѣ. Онъ можетъ также остановится у насъ. Прощай, очень нездоровиться.

29.

Н. А. Тучкова—Герценамъ.

Наконецъ я получила ваше письмо, напрасно, моя Натали, вы мнѣ упрекаете, что я вамъ давно не писала, я вамъ послала длинное письмо уже изъ Крыму.—Я ничего не понимаю, отчего вы не уѣхали въ Женеву съ Ал. Ив. Тамъ лучше чѣмъ во Франціи, эта земля мнѣ противна на долго и думаю съ тѣхъ поръ какъ Римъ взятъ. Какая странная и грустная судьба! заживо слышать свои похороны, причемъ мнѣ кажется что это не судьба одной Франціи! Мнѣ что-то грустно, хотѣла бы васъ видѣть, я какъ то не вѣрю въ скорую будощность, мнѣ отвратительно смотрѣть и впередъ и назадъ. Общее и частное мнѣ ужасно тягостны; безнравственное общество тѣснитъ всякого своими предрасудками, дѣлаетъ муку изъ самыхъ простыхъ отношеній; право жизнь мнѣ очень наскучила, вы улыбаетесь, вы мнѣ не вѣрите, потому что знаете что люблю; ну чтожъ вѣдь это ни мѣшаетъ. Какъ вы сами говорите, перестройте свѣтъ, и будетъ тепло и хорошо; а то, что ни дѣлай, все люди на дорогѣ; надоѣли, какъ эти мухи которыхъ тысячу разъ сгоняю съ лица. Я думаю что я превращусь въ пустынника, не захочу никого знать кромѣ тѣхъ которыхъ прежде знала и любила.—Въ Москвѣ я тоже была дика, видала Марью Ф.[1] очень рѣдко, она мнѣ тоже противна, нѣтъ у нея droiture, нѣтъ, отъ этого я и не люблю хоть мы и хороши съ виду. Не могу преодолѣть этого чувства. Т. А.[2] люблю и Сергея Ив.[3] люблю: вотъ и все для Московскихъ. Прощайте, моя Натали боюсь опоздать на почту. Цѣлую, обнимаю васъ крѣпко. Какъ Саша не съ вами, я не могу васъ вообразить не вмѣстѣ. Протените руку, дайте глаза поцѣловать.

Твоя Натали.

---

[1] [М. Ѳ. Коршъ.]
[2] [Т. А. Астракова.]
[3] [С. И. Астраковъ.]

О. самъ напишетъ, онъ въ Ялтѣ. Ville d'Avrai хороша, а здѣшнія горы да море еще лучше, но вамъ нельзя сюды, такъ лучше тамъ гдѣ вы. Обнимаю Гер., онъ что-то очень грустенъ, но это объясняется, кого не давитъ нынче.

[Рукою Н. П. Огарева:]

Я сегодня пишу только два слова ибо совершенно нѣкогда; черезъ 5 дней вышлю другое письмо. Я еще ничего не знаю куда дѣнусь на зиму. Пишите намъ черезъ Гранку [1]. Addio! обнимаю крѣпко. Только сей часъ почти получилъ твое письмо отъ 2 Іюля.

[Рукою Н. А.:]

Пишите что съ вами Герценъ, отъ чего вы такъ скоро уѣхали и когда Н. А. будетъ въ Женеву. Какъ бы мнѣ хотѣлось васъ видѣть, я думаю что мы скоро будемъ вмѣстѣ, не правда ли вы скоро воротитесь домой;—а мнѣ бы хотѣлось въ Америку.

30.

Н. А. Тучкова и Н. П. Огаревъ—Герценамъ.

[Рукою Н. А.:]

Мнѣ хочется вамъ сказать хоть нѣсколько словъ, моя Натали; вчера я получила ваше письмо и очень была ему рада. Въ другой разъ, я напишу длинное письмо, теперь еще очень слаба.—Обнимаю васъ отъ души и васъ тоже Герценъ. Я убѣждена что мы будемъ скоро вмѣстѣ и на долго; право хотѣлось бы съ вами пожить, но гдѣ, все равно; я одинакую ненависть имѣю ко всѣмъ мѣстамъ.

Ваша Натали.

[Рукою Огарева:]

24 Август.

Ты жалуешся, что Московскіе письмы унылы. Въ самомъ дѣлѣ есть съ чего придти и въ уныніе. Стѣсненное положеніе Евгенія [2],

[1] [Т. Н. Грановскій.]
[2] [Е. Ѳ. Коршъ.]

367186A

непроходимая хандра барона [1], отсутствіе всякаго дѣла, ничего впереди, мое рухнувшее состояніе, все это не можетъ радовать. Смерть Галахова [2] страшно поразила Фролова [3]. Я самъ не могу какъ то себѣ представить что это правда. Поди себѣ — мирись съ необходимостью!—Спѣшу кончить; ѣду на почту — Наташа! когда будешъ писать къ моей Наташѣ напиши и къ Еленѣ Сатиной. Это её обрадуетъ. Они теперь у А. А. Скоро съ ними свидимся. Что то моя Наташа долго не оправляется. Передъ отъѣздомъ еще напишемъ. Теперь же пишите черезъ Грановск.

Прощайте, carissimi; обнимаю крѣпко—васъ и дѣтей и Георга. Очень бы желалъ увидѣть пріятеля Жемч.— Напомни ему о моемъ существованіи и пожми руку.

Addio!

Мой долгъ тебѣ выплатится вѣроятно въ скоромъ времени. Пожалуйста ты о немъ не безпокойся; я разплачусь честно и съѣду на vinno a 20 sols le litre.—

31.

Н. П. Огаревъ—Н. М. Сатину.

27 Августа.

Сатину

Посылаю тебѣ обѣ бумаги, caro. Почта еще до сихъ поръ не приходила и обѣщанной довѣренности ergo я не получилъ.—Чтожъ тебѣ сказать еще? Жду недождусь денегъ для отъѣзда, ибо не имѣя 500 цѣлковыхъ въ карманѣ боюсь пускаться въ длинный путь осенью. На нашъ скромный прожитокъ намъ еще и достало бы, но дорога—десятое дѣло. И такъ скоро въ путь. Проклятыя почты такъ долго ходятъ, что не знаю когда это будетъ; а хочется поскорѣй васъ обнять, мои милые. Хорошо ли я дѣлаю, что ѣду—не знаю. Взглянетъ ли на меня отецъ откровенно и гуманно, какъ должно, т. е. какъ

---

[1] [Н. Х. Кетчеръ.]
[2] [И. П. Галаховъ.]
[3] [Н. Г. Фроловъ, женатый на сестрѣ Галахова.]

слѣдуетъ человѣку съ его развитіемъ—и тогда мы проживёмъ съ вами долго; или пойдетъ иначе и тогда мы скоро уѣдимъ, ничего не знаю. Но мнѣ радостно обнять васъ, но моей Наташѣ хорошо будетъ съ Лёничкой и съ отцомъ; — такъ о чемъ же болѣе думать. Я самъ существо выносливое—лишь бы достигнуть того, что себѣ предполагаю. Живется мнѣ и здѣсь хорошо. Иногда бываютъ свѣтлыя минуты лучшей симпатіи въ моей жизни, иногда свѣтлыя минуты разныхъ предположеній впереди, иногда такъ хорошо живётся отъ того что море хорошо, отъ того что горы хороши, или что успѣшно поработалъ: иногда же скорбно. Мало ли отъ чего бываетъ скорбно! Скорбно когда вспомнишь, что

Иныхъ ужъ нѣтъ, а тѣ далече....

Скорбно, когда одолѣваетъ пустота окружающаго, очію совершающагося.—Напомнилъ ты мнѣ мою лабораторію, и это воспоминаніе откликнулось мнѣ тепло и ясно. Дай руку, мой добрый Сатёкъ, будь счастливъ, саго!—Мнѣ захотѣлось въ свою лабораторію и тамъ бы вчетверомъ чокнуться за наше общее здоровье.—Кстати—надѣюсь, что Алексѣй Степанычь не разтащилъ моихъ инструментовъ. Если придется нѣкоторое время пожить съ вами, то они мнѣ будутъ нужнѣе чѣмъ когда нибудь. Теперь я потверже въ Химической практикѣ, потому что порядкомъ поработалъ этимъ лѣтомъ.—Не забудь, Сатинъ, мои долги Колли и Редлиху:

1) Для моей особы 1000 руб. серебр.
2) По дѣламъ фабрики 3000 руб. серебр.

срокъ въ сентябрѣ 1849 года.

3) Тютчеву по дѣламъ фабрики же 4000 руб. серебр. срокъ въ Февралѣ 1850 года.

Наташѣ лѣнь писать, разоспалась. Передъ отъѣздомъ еще напишемъ. Она сквозь сонъ всѣхъ васъ обнимаетъ, и я тоже. — Addio! самъ разлѣнился. Когда я ѣзжу въ Ялту по дѣлу, я цѣлый день бываю глупъ, какъ сама Ялта.

32.

Н. П. Огаревъ—Н. М. Сатину.

31 августа.

Горе да и только! Вчера получилъ черезъ Богданова отъ тебя 500 р. сер. и вчера же у меня ихъ украли. Сколько это насъ задержитъ — не знаю! Я въ отчаяніи. Я такъ надѣялся, что я скоро васъ обниму и что моя Натали будетъ хотя нѣсколько времени такъ совершенно счастлива, а теперь и эта надежда лопнула. Пройдетъ два мѣсяца, а тамъ подступитъ зима. Но все равно мы поѣдимъ. Но только немедленно вышли покрайнѣй мѣрѣ 700 р. сербр. Мы хотѣли выѣхать черезъ 8 дней и тогда у меня было бы сверхъ присланныхъ тобой рублей 150 сер. своихъ и я безбоязненно бы поѣхалъ. А теперь это все проживётся; занять кажется здѣсь не у кого, тоже и въ Одессѣ. Поскорѣй же вышли, caro. Еще une brêche dans la petite fortune. Да дѣлать нечего, лишь бы поскорѣй привести къ вамъ мою Наташу. Не уѣзжай же изъ Яхонтова, дождись насъ. Обнимаю васъ всѣхъ. Addio!

[Рукою Н. А. Тучковой:]

Меня убиваетъ, моя Hélène, что мы должны потерять 2 мѣсяца; но будетъ объ этомъ, постараюсь снести эту невзгоду, а то О. очень огорчается, глядя на меня. Обнимаю и тебя и папа и maman и Сатина.

Ваша Натали.

Если деньги найдутся, мы тотчасъ къ вамъ, не терпится. Ужасно мучиетъ мысль что еще долго до свиданья.

33.

Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ.

Что съ вами, моя Натали? Меня ужасно мучитъ ваша болезнь; и богъ знаетъ когда отъ васъ дождешся отвѣта. Мнѣ такъ хотѣлось съ вами быть, что я вамъ длинное письмо написала, но О. не собрался писать, и такъ оно лежитъ въ столѣ до сихъ поръ. Вы

очень справедливо удивляетесь нашему прибытью въ Яхон. Прежде мы думали пріѣхать съ *ними* проститься на пол-дорогѣ, но оказалось что мы никуда не должны ѣхать теперь; и О. обязанъ ѣздить безъпрестанно за сто верстъ на свою бумажную фабрику.—

Въ Крыму было свободнѣе дышать, здѣсь всѣмъ неловко, но чтоже дѣлать, надо снести это хладнокровно, мнѣ очень жаль О; онъ къ нимъ не привыкъ; я причиною его неловкаго положенія. Папа былъ впрочемъ очень радъ нашему возвращенію.—Какъ мы продолжаемъ одинаково съ вами понимать вещи; напримѣръ, на щетъ Hélène. Я знала что она вышла за мужъ безъ любзи, въ торопяхъ; я пріѣхала сюда въ страшномъ безпокойствіе; сначала я боялась, но теперь убедилась что они созданы одинъ для другаго; С. её ужасно любитъ, да и она его, только сначало она старалась это скрыть отъ меня;—почему, не знаю.

За чѣмъ вы такъ дурно разположены были когда писали мнѣ? отчего же намъ вновь не сойтится когда будемъ вмѣстѣ; вы вѣрно думаете что я еще хуже стала чѣмъ я вамъ говорила. Нѣтъ, это напрасно; я чувствую что любовь къ вамъ и къ О. единственная сила моей жизни. Безъ васъ обоихъ я решительно глупѣю, тупею, грущу.—Одна надежда мнѣ еще осталась, это та, что и на нашей улицѣ будетъ праздникъ, что послѣ всей тревоги, печали, послѣ всѣхъ тяжелыхъ мученій, мы будемъ вмѣстѣ гдѣ нибудь отдыхать; наслаждаться, жить для себя, въ дикомъ но прекрасномъ уголкѣ, такъ ли вы разположены, моя Tata? Мнѣ люди надоѣли, я это просто говорю, отъ души, безъ всякой натянутости; я вижу всякой день яснѣй что они только мѣшаютъ другъ другу, а никогда не помагаютъ. Вы правы тоже, моя Натали, на щетъ О.—Я не могу сдѣлать его всегда счастливымъ, я это не оспоривола, меня только мучитъ что съ тѣхъ поръ какъ мы вмѣстѣ, онъ много долженъ былъ перетерпеть за нашу близость, вѣдь ежедневныя страданье и тревоги хужи большаго несчастья.—

Ваше письмо перед'мной, вы не знаете, моя Натали, какъ я счастлива когда мои глаза падаютъ на это строку: „Мнѣ кажется *никто* мнѣ такъ не сочувствовалъ бы.“ — Поймите какъ отрадно это перечитывать, мнѣ хочется васъ обнять, васъ разцаловать за это; я вижу что вы понимаете мою любовь къ вамъ; вы и О. вотъ вся моя жизнь; у меня есть другіе привязанности, но они не *мой выборъ;*— привычка, желанье хоть сколько нибудь облегчить трудную жизнь,

пожертвованье самолюбіе въ мою пользу, все это меня заставляетъ мучиться и досадовать на себя, потому что чувствую что (dans mon fort intérieur) я ужасно далека съ ними. Иногда папа говоритъ грустно мнѣ, что отецъ долженъ всегда принять свою дочь безъ исключенье. Я вижу куда идетъ разговоръ, и мнѣ становиться мучительно больно.—Я знаю что должна перенести все, потому что онъ съ своей стороны очень много сдѣлалъ.—Кому больше дано съ того больше спросится, а онъ не нашего времени, все это я теперь обсуживаю хладнокровно, но въ иныя минуты бываетъ нестерпимо: — кажется взялъ бы да и уѣхалъ, но этимъ его вовсе сразишь.

Читайте одни это письмо, я говорила какъ бывало съ вами въ Римѣ въ спальной, à due.

34.

Н. П. Огаревъ — Н. М. Сатину.

Генваря 4-го [1850 г.]

Любезный Сатинъ, посылаю тебѣ письмы Марьи Львовны, изъ которыхъ ты ясно усмотришъ, что проценты ею получены по 1849-й годъ всѣ за исключеніемъ 350 р ассигн. Что же касается до 1849 года, то ей въ Февралѣ или Мартѣ посланы черезъ Штиглица 1000 р серебр. и въ Маѣ черезъ Колли и Редлихъ; послѣднее усмотришъ изъ прилагаемаго письма Редлиха, а у Штиглица можно справиться. Изъ писемъ Марьи Львовны ты также ясно усмотришъ, что векселя мною ей подарены и слѣдственно безденежныя. Хотя по закону векселя отъ крѣпостныхъ дѣлъ не подлежатъ спору, но когда кредиторъ самъ сознается въ ихъ безденежности, то конечно дѣло подлежитъ суду. Я прошу тебя поискать дѣльнаго адвоката, который бы взялъ на себя вести это дѣло (разумѣется въ томъ случаѣ если требованія Г-на Шамшіева будутъ слишкомъ велики). Когда же найдешъ адвоката, то пришли мнѣ черновую довѣренность, въ которой надо упомянуть о переводѣ дѣла въ Государственный Совѣтъ и о подачѣ прошенія на Высочайшее имя. Поступки моей жены противъ меня такъ подлы, что я нисколько не прочь оспоривать законность актовъ и я въ этомъ случаѣ такъ правъ, что конечно хотя бы Сенатъ рѣшилъ и не въ мою пользу, но представивъ прошеніе черезъ ком-

миссію прошеній на судъ Государя Императора, я убѣжденъ, что правда возметъ верхъ.

Буду ожидать отъ тебя увѣдомленій.

Твой Огаревъ.

P. S. Иванъ Яковлевъ уже выслалъ тебѣ все что у него есть по Орловскому дѣлу.

35.

Изъ записной книги Н. А. Огаревой.

(Зеленая книга [1].)

Здѣсь я хочу разсказать отдѣльно подробности во время ареста моего отца. Пока онъ содержался въ 3-мъ Отдѣленіи ему были предложены вопросы, которые были взяты обратно и на которые онъ долженъ былъ отвѣчать—но онъ успѣлъ переписать нѣсколько изъ нихъ—я ихъ нашла и съ ужасомъ, съ болью прочла ихъ—что онъ вытерпѣлъ за меня и какъ велика была его любовь что онъ никогда не упрекалъ меня:

Г. Тучкову:

К. А. Селивановъ [2] въ письмѣ своемъ къ быв. пр. Кавелину упоминая о васъ, между прочимъ говоритъ: *„онъ пятится какъ ракъ назадъ“*. Хотя Г. Селивановъ и далъ объясненіе на это выраженіе, но для совершеннаго открытія истины и дабы имѣть положительное понятіе о чистосердіи *Селиванова* при этомъ отвѣтѣ, объясните, не

---

[1] [Книга — дневникъ, въ зеленомъ кожаномъ переплетѣ, гдѣ первая запись помѣчена 25 іюля 1859 г., послѣдняя — 24 апрѣля 1898 г.; помѣщаемая здѣсь запись писана вѣроятно въ 90-хъ годахъ. Между листами книги вложены современныя событіямъ, писанныя рукою А. А. Тучкова, копіи двухъ документовъ: 1) печатаемаго у насъ допроса Тучкову о Селивановѣ и отвѣта Тучкова, и 2) вопросныхъ пунктовъ, предъявленныхъ Тучкову; то и другое воспроизводимъ не по рукописи Н. А. Огаревой, а непосредственно съ этихъ бумагъ.]

[2] [Т. е. коллежскій ассесоръ И. В. Селивановъ. С., авторъ „Провинціальныхъ воспоминаній“, былъ сосѣдомъ Тучкова и Огарева по Пензенскимъ имѣніямъ. По происканъ Панчулидзева, онъ былъ арестованъ одновременно съ Тучковымъ, Огаревымъ и Сатинымъ, и вслѣдъ за тѣмъ сосланъ не надолго въ Вятку; см. его „Записки“ въ „Русск. Стар.“ 1880 г. и шутливое стихотвореніе о немъ Огарева—во 2-мъ томѣ настоящаго изданія.]

можете ли вы истолковать что значитъ упомянутое выраженіе: ибо выраженіе это приводитъ къ невольному заключенію, что не было ли между вами и имъ какихъ либо разсужденій о Пра-вѣ и не отступили ли вы отъ тѣхъ предположеній, которыя вами при этихъ разсужденіяхъ были выражаемы?"

Отвѣтъ. „Съ С. я 1 разъ имѣлъ споръ въ отношеніи къ чинов. которые пользуются незаконно деньгами.—Я говорилъ что совершенства въ людяхъ искать невозможно, что довольно и того, если чинов. не притѣсняютъ просит. и му-въ и что если они принимаютъ подарки, то хотя это и дурно; но нельзя же иногда этаго и не извинить, когда вспомнишь какъ мало достойныхъ людей на свѣтѣ. Прибавя къ тому что мое правило: быть строже къ себѣ чѣмъ къ другимъ, а такъ какъ я часто осуждалъ взяточниковъ, то С. видно и счелъ что я попятился назадъ. Вообще мои разговоры были только объ Упр-вл. мѣстномъ и то по случаю выборовъ; а не о Пра-вѣ".—

Вотъ какой отвѣтъ мой отецъ долженъ былъ изобрести.—Надо сказать прежде кто былъ Селивановъ. Онъ по знакомству съ Кетчеромъ принадлежалъ къ кружку—не знаю былъ ли онъ глупый, но онъ былъ очень тупой и любилъ заводить серьезные разговоры, но всѣ обращались съ нимъ полушутя и никто не хотѣлъ говорить съ нимъ серьезно. Въ 48 году мы видались съ нимъ часто въ Парижѣ—Тургеневъ увѣрялъ что С. опасно ѣхать въ Р.—потому что онъ былъ въ Пар. во время баррикадъ. Тург. сочинилъ пѣсню на голосъ Марсельезы:

„Илья Васильичъ Селивановъ
И Фастовна его жена
Мальчишка Митька изъ болвановъ
И гувернанта со слана

Дальше не помню—

Кто могъ отгадать что онъ хотѣлъ сказать о моемъ отцѣ, но въ то время нельзя было не отвѣчать—нельзя было не помнить. Продолжаю вопросы.

1850.

1. Опишите во всей подробности всю вашу жизнь, отъ начала воспитанья и до нынѣшняго времени.

2. Правда ли, что возвратясь изъ за границы вы носили бороду и разсказывали, что въ Парижѣ вы были на баррикадахъ?

3. Справедливо ли что вы опровергали религію, таинство брака, посты и другія обряды Церкви, охуждали все что въ Россіи не сходно съ заграничными обычаями и постановленіями?

4. Правда ли, что 16 Генв. 49. въ домѣ помѣщика Летвинова вы говорили о разстройствѣ финансовъ въ Россіи произшедшемъ будто бы отъ пок. М. Г. Кан. о необходимости уменьшить войско, о неправильномъ основаніи Оп. Сов. о раззореніи нашихъ помѣщ. и проч. и только потому умолкли, что находившійся при этомъ, служащій по Коннозаводству Пол. Б. Зальца останавливалъ васъ, стараясь внушить вамъ, что безчестно судить такимъ образомъ о Пр-вѣ.

5. Справедливо ли что вы своего Бурмистра, простаго кресть. сажали съ собою какъ равнаго дѣлая это съ намѣреньемъ пріобрѣсти народность.

6. Правда ли что вы вмѣшиваясь въ обществ. дѣла К[ъ] Кр[мъ] возстановляли ихъ противъ начальства, а во время рек.[т] наборовъ научали Кр. подавать неосновательныя жалобы?

7. Добросовѣстно ли вы управляли имѣніемъ Дв. Н. Ог. которое онъ вамъ ввѣрилъ отъѣзжая за границу, и правда ли что́ вы по возвращеніи Ог. снисходительно смотрѣли на непозволительную связь его съ младшею дочерью ваш. Натал.

8. Справедливо ли что Вы послѣ упрековъ Огареву убѣждали его жениться на дочери вашей Н. и для этаго пріѣзжали съ нимъ въ П. Б. но какъ О. былъ ужс женатъ на другой, не могъ этаго исполнить, то вы отдали ему по прежнему упомянутую дочь вашу съ тѣмъ, чтобы онъ устроилъ судьбу старшей вашей дочери Елены?

9. Правда ли что О. въ слѣдствіе означеннаго условія убѣдилъ дв. Сатина жениться на стар. ваш. дочери Ел. и что О. далъ при этомъ Сатину въ приданое за вашею дочерью около 400 душъ Кр. въ П. Губерніи послѣ же того Огаревъ безденежно продалъ Сатину еще часть имѣнія своего въ Орлов. Губер.

10. Справедливо ли еще другое сведѣніе что Огар. былъ въ связяхъ прежде съ стар. дочерью вашею а потомъ когда Сатинъ женился на ней, вы передали Огар. уже младшую дочь вашу?

11. Не были ли такіе поступки ваши слѣдствіемъ принадлежности къ сектѣ Комунистовъ, и если такъ то не вовлекли ли вы въ эту секту Огарева и другихъ лицъ и кого именно.

12. Справедливо ли что О. щитавшійся прежде однимъ изъ богатыхъ помѣщиковъ отъ сближенья съ вами и съ Сатинымъ разтро-

илъ свое состояніе, такъ что нынѣ у него остается не болѣе 600 или 7 сотъ душъ Кр.?—

О бѣдный, бѣдный мой отецъ, какъ невинно онъ пострадалъ черезъ меня и Сатинъ тоже, виновата во всемъ я одна. Хотя и поздно, но я отвѣчу на всѣ вопросы—бѣдные мои, зачѣмъ я родилась—что мученій и горя принесла я тѣмъ которыхъ любила такъ горячо.

Отвѣты на вопросы отцу изъ 3-го Отдѣленія [1].

Мой отецъ сначала не зналъ о моей близости съ Ог.—Мы не могли рѣшиться сказать ему что любимъ другъ друга потому что знали что онъ будетъ противъ этаго—Огаревъ былъ больной человѣкъ, былъ подверженъ епилепсіи и лѣтъ 16 старѣе меня—а главное онъ былъ женатъ—Мой отецъ очень любилъ Огарева, за его мягкость, умъ, но отецъ не воображалъ возможности такого неподходящаго брака—

Когда мы пріѣхали изъ чужихъ краевъ Ог. былъ уже въ деревнѣ—Какъ онъ услышилъ что мы возвратились онъ пріѣхалъ тотчасъ, но онъ не былъ веселъ, а смотрѣлъ какъ то озабоченно и скоро сказалъ намъ что не можетъ долго оставаться у насъ, что онъ пригласилъ къ себѣ Граф. Сальясъ съ семьей, т. е. съ дѣтьми и что вѣрно она скоро пріѣдетъ и тогда ему дадутъ знать и онъ долженъ будетъ уѣхать. „Вотъ какую я глупость сдѣлалъ! сказалъ онъ, добродушно жалѣя о своемъ приглашеніи. Вскорѣ его дѣйствительно вызвали въ Старое Акшино для встрѣчи Граф. Сальясъ—Черезъ мѣсяцъ они пріѣхали къ намъ вмѣстѣ—Графиня намъ не очень понравилась: она была нервная, неровнаго характера, разговоръ ея былъ пустой—свѣтская болтовня—она не могла занять нашъ молодой, пытливый умъ, но мы къ ней привыкли наконецъ какъ къ неизбѣжной спутницѣ Огарева—Иногда она пріѣзжала съ дѣтьми и гувернантой и оставалась по долгу у насъ—

Послѣ разговоровъ Н. Гер. объ Огаревѣ, послѣ чтенія съ ней его стиховъ, моя душа была полна мыслей о немъ, но объ этомъ догадывалась только одна Елена. Я помню что должна была перевезти духъ, утишить біенія сердца, когда шла въ кабинетъ отца, гдѣ

[1] [Отдѣльная запись въ той-же тетради, помѣченная какъ продолженіе предыдущей.]

былъ уже Огаревъ—но иногда случалось что нельзя было приготовиться къ встрѣчѣ съ нимъ—иногда онъ пріѣзжалъ внезапно—тогда мнѣ страшно становилось за мое неумѣніе владѣть собой. Это неумѣніе выдало мою тайну Граф. Сальясъ. У насъ былъ какой то семейный праздникъ кажется праздновалось 27 ноября рожденіе сестры: Граф. Сальясъ была съ недѣлю уже въ Яхонтовѣ—гостей было много, а Огар. все еще не пріѣзжалъ. Наконецъ сѣли за столъ—вдругъ Огаревъ вошелъ, сдѣлалъ общій поклонъ, поздоровался только съ maman и пошелъ къ столу—противъ меня было пустое мѣсто, онъ сѣлъ и улыбаясь слегка поклонился намъ и M-me Сальясъ—должно быть я очень покраснѣла—сердце мое стучало—M-me Сальясъ сидѣла недалеко отъ меня—она все видѣла и къ несчастью, съ чуткостію женскаго сердца все поняла... На другой день она сказала Огар.: „меньшая Тучкова въ васъ влюблена". Онъ спорилъ что это вздоръ, что я еще ребенокъ, но Гр. Сальясъ изъ ревности не унималась—и обратила наконецъ его вниманіе на меня—Странная случайность: никто такъ не боялся нашего сближенія какъ гр. Сальясъ и никто столько ему не способствовалъ какъ она. Но я увлеклась этими воспоминаніями, надо отвѣчать на вопросы тайной полиціи: отецъ мой не зналъ ничего — когда Ог. сталъ думать о разводѣ, писать Герц. о переговорахъ съ М. Л. тогда мы сказали отцу, онъ былъ въ отчаяніи: Между тѣмъ М. Л. грозила подать свои безденежные векселя ко взысканію — тогда Ог. просилъ Сатина купить его имѣнья чтобъ спасти отъ продажи за безцѣнокъ для уплаты по этимъ векселямъ—Найдти денежныхъ покупателей въ короткій срокъ было невозможно. Сатинъ покупалъ съ тестемъ Н. Ф. Павлова Янишемъ, котораго Ог. слишкомъ мало зналъ.—

Раньше когда мы пріѣхали въ П. съ Огар. для развода, мы нашли въ П. Сатина. Онъ сталъ часто у насъ бывать. Елена ему нравилась—По возвращенію въ Москву онъ просилъ ея руки—онъ такъ любилъ Ог. что онъ радовался при мысли что оба будутъ женаты на сестрахъ—

Такъ какъ я боялась отвѣтственности для Огар. то мы не женились въ Москвѣ, а обѣщались отцу ѣхать за границу на англійскомъ кораблѣ и тамъ жениться гдѣ бы то ни было.—Но мы не съумѣли устроить этаго, я думаю потому что Ог. самъ не хлопоталъ, а поручалъ другимъ—

Мы прожили нѣсколько менѣе года въ Крыму—тамъ я сильно

захворала бронхитомъ, но къ несчастію не умерла, потомъ на меня напала навталгія и мы вернулись домой, не задолго до доносовъ на отца и на Огарева и до ареста всѣхъ троихъ—

Съ 42 года до 46 года мой отецъ управлялъ дѣлами и имѣніями Огар. и скорѣе улучшилъ ихъ, но въ 46 году Ог. вернулся изъ чужихъ краевъ и взялъ управленіе на себя. Еслибъ не безденежные векселя, Огар. бы далъ кому нибудь довѣренность и подождалъ бы продавать.

Огаревъ съ трудомъ уговорилъ Сатина купить его имѣніи съ Янишемъ, первый боялся сплетень и ложныхъ слуховъ. Къ несчастію опасенія его оказались очень справедливыми. Сатинъ имѣлъ свое родовое имѣнье въ Симбирской Губ. Онъ продалъ его, для уплаты Огареву, хотя этаго было мало. Кромѣ таго Огарев. была куплена въ Симб. Губ. Пищебумажная фабрика съ его незаконнымъ братомъ М-мъ—впослѣдствіи М-въ писалъ доносы на Огар. и потому Ог. было непріятно владѣть фабрикой съ такимъ человѣкомъ—Сат. занялъ 25000 и далъ Ог. чтобъ развязаться съ М-мъ.

Теперь остается сказать объ отношеніяхъ сестры къ Ог. Конечно они были исключительно дружескіе, это была одна злобная клевета. Мы были очень дружны съ сестрой, я была моложе только на полтора года, что не составляло никакой разницы между нами. Мы все знали другъ о другѣ и никогда не выдавали нашихъ таинъ большимъ, даже отцу къ которому были очень привязаны обѣ. 14 лѣтъ моя сестра Елена почувствовала сильную симпатію къ одной прекрасной личности, которая принадлежала къ Московскому кружку Герц. и посѣщала насъ въ деревни иногда, изъ своего имѣнья верстахъ въ 25 отъ нашего. Онъ не зналъ что нравится сестрѣ, которая тогда была почти ребенкомъ, бывалъ въ деревнѣ рѣдко и не по долгу, впослѣдствіи уѣхалъ за границу и тамъ одна изъ его сестеръ женила его на своей племянницѣ, иностранкѣ. Эта мечта соединиться когда нибудь съ ея идеаломъ занимала годы сестру, послѣ его женитьбы, она оставалась равнодушна—22 лѣтъ она вышла за Сатина, по желанію моего отца, который говорилъ: послѣ Натали необдуманнаго шага съ Огаревымъ, это броситъ тѣнь на Елену и ей не будетъ счастья въ жизни". Но я никогда не забуду ея благороднаго, любящаго отвѣта: О! папа, это не можетъ вліять на мою жизнь, потому что никогда не выйду за таго, который не будетъ уважать мою сестру и друга".

По вопросамъ предложеннымъ отцу моему въ 3-мъ Отдѣленіи можно понять, что онъ отвѣчалъ, на сколько возможно было правду, о своей бородѣ не помню его отвѣта, о бурмистрѣ говорилъ что онъ его сажалъ, потому что у бурмистра нога болѣла, объ отношеніяхъ Огарева къ моей сестрѣ, мой отецъ не отвѣчалъ, считая эти вопросы за личное оскорбленіе, тѣже вопросы были предъявлены и Сатину, который чуть не получилъ ударъ отъ нихъ, вся кровь бросилась ему въ голову и онъ подвергся страшной головной боли—на эти вопросы онъ не отвѣчалъ.

Головныя боли Сатина имѣли странное свойство—онъ забывалъ слова отъ сильной боли, и когда послѣ нѣсколькихъ дней молчанія, начиналъ говорить, нельзя было его понять, его рѣчь выражала совсѣмъ, не то что онъ хотѣлъ сказать. Непониманіе окружающихъ конечно раздражало больного и онъ погружался въ молчаніи. Къ счастію такія головныя боли были рѣдкимъ явленіемъ въ жизни моего зятя.

И такъ молчаніе отца моего и Сатина, которые не знали даже объ арестѣ другъ друга, показало власть имѣющимъ, что все это была злобная клевета, основанная на грязной натурѣ людей, которые видятъ въ другихъ тѣ грязны поводы которые были бы возможны для нихъ самихъ.

36.

Л. Дубельтъ—А. А. Тучкову.

Милостивый Государь
Алексѣй Алексѣевичъ!

По докладу Г. Генералъ-Адъютанту Графу Орлову просьбы, изложенной въ письмѣ вашемъ отъ 17-го апрѣля, Его Сіятельство изволилъ отозваться, что находя послѣдовавшее о васъ рѣшеніе Государя Императора такъ милостивымъ, онъ не считаетъ себя въ правѣ входить со всеподданнѣйшимъ представленіемъ о разрѣшеніи вамъ отправиться въ деревню, тѣмъ болѣе въ настоящее время, когда при вторичномъ въ вашемъ домѣ обыскѣ найдены бумаги и письма не позволительнаго содержанія, о которыхъ вы умолчали, бывъ въ 3-е Отдѣленіе Собственной Его Величества канцеляріи приглашены

къ откровеннымъ показаніямъ и давъ слово сдѣлать оныя чистосердечно.

Сообщая вамъ, Милостивый Государь, о таковомъ отзывѣ Графа Алексѣя Ѳедоровича, имѣю честь удостовѣрить васъ въ моемъ уваженіи и преданности.

Л. Дубельтъ [1].

„29„ Апрѣля 1850.
С. Петербургъ.
Его Высокобдію А. А.
Тучкову.

37.

Н. П. Огаревъ и Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ.

[Рукою Н. А.:]

Давно я получила вашу записку, сага, но невозможно было вамъ отвѣчать, вы знаете я не лѣнива когда пишу къ друзьямъ; но на другой день послѣ полученія вашего письма, я отправилась на такое долгое путешествіе что не знала когда возвращусь; я ѣздила съ маменькой въ Петер. [2]—На возвратномъ пути, я была у сестры; странно, не правда ли видѣть Hélène *mère de famille*.

Скоро она будетъ къ намъ въ Яхонтово съ папа, который оставался съ ней въ Москвѣ.

Когда-то я васъ увижу, кажется отдала бы десять лѣтъ жизни за одну минуту бесѣды съ вами, я писать разучилась, и не нахожу никакого возногражденія въ письмахъ, скучно, скучно, весна хороша, а васъ нѣтъ какъ нѣтъ.—Хочу съ вами хорошо поговорить а между тѣмъ, мнѣ какъ то больно и досадно. Что дѣти, Сашу особенно хотѣлось бы видѣть; вы мнѣ не отвѣчали на счетъ Коли [3], слышитъ ли онъ нынче. А Тата еще милѣе стала; все это ростетъ такъ быстро; а намъ старикамъ не удается и взглянуть на нихъ.

Рейхель [4] женится говорятъ, горе никогда не убиваетъ; я соглашусь наконецъ съ Сер. Ив. [5] что только привычка и существуетъ. Жму вамъ обоимъ крѣпко руки; прощайте, грустно.

[1] [Только подпись собственноручная, текстъ—писарской рукою.]
[2] [По поводу ареста отца, Огарева и Сатина.]
[3] [Глухонѣмой мальчикъ Герценовъ.]
[4] [Музыкантъ, другъ Бакунина, женился вторымъ бракомъ на М. К. Эрнъ.]
[5] [С. И. Астраковъ.]

[Рукою Огарева:]

Давно я не писалъ къ вамъ. Не моя вина, былъ слишкомъ занятъ. Скорѣе хотѣлось бы поговорить съ вами, чѣмъ писать. Съ тѣхъ поръ какъ я писалъ вамъ въ послѣдній разъ я много состарѣлся, ибо много испыталъ, все испыталъ, такъ, что кажется прибавить нечего—„и ненависть враговъ и клевету друзей". Первое прошло почти безъ слѣда; для внѣшней обстановки жизни было скорѣй полезно чѣмъ вредно, но на сердцѣ ранъ не оставило. Послѣдняя же много заставила перемѣнить взглядъ на людей и привела къ давно-предчувствуемому заключенію, что съ кѣмъ моя жизнь началась рука въ руку, съ тѣмъ должна и кончиться. Ко многимъ я въ это время возъимѣлъ бо́льшее уваженіе, ко многимъ оно утратилось. Ну! да что объ этомъ. Сколько бы ни накипѣло горечи все же переживешь, и все же не замретъ ни мысль ни чувство. Даже можетъ быть зрѣлость и лучше, только это дорого стоитъ.—Дѣла мои приковываютъ меня года на два къ симъ мѣстамъ, но ка́жется будутъ въ блестящимъ положеніи. Но интересу къ нимъ питаю мало. Наука меня поглощаетъ. Хотѣлось бы имѣть микроскопъ. Прощайте, крѣпко жму вамъ руки. Право не много что то пишется.

[На оборотѣ, рукою Огарева: Марьѣ Каспаровнѣ.]

38.

Н. М. Сатинъ—А. И. Герцену.

31 Мая 1850.

Здраствуй! Время и тягостная мысль что вѣроятно мы никогда не увидимся и развѣ рѣдко рѣдко услышимъ другъ о другѣ, не ослабили чувства дружбы и глубокой симпатіи. Когда насъ двое и ты среди насъ.—Вотъ уже годъ какъ я женатъ: годъ счастія и разныхъ треволненій; М. [1] разкажетъ тебѣ многое; но многаго тяжелаго, внутренняго не перескажетъ ни онъ, ни я. Съ каждымъ днемъ поневолѣ становишся менѣе и менѣе требовательнымъ къ жизни, и всё

[1] [Вѣроятно Н. А. Мельгуновъ, ѣхавшій за-границу.]

таки не находишъ спокойствія. Что дѣлаешь ты? При случаѣ дай о себѣ вѣсточку; что N., что дѣти Ваши? Обнимаю Васъ всѣхъ со всею любовью юности. И у меня есть голубоглазая Тата. Прощайте, друзья мои! Неужели въ самомъ дѣлѣ никогда не увидимся?

39.

Т. А. Астракова—Н. А. Тучковой.

Здравствуйте Наталья Алексѣевна!

Вы вѣрно удивитесь, получивши отъ меня письмо, и подумаете объ чемъ бы кажеться могло быть это письмо? Сперваго взгляда Вы будете правы; но прочитавши слѣдующія за симъ строки вѣрно скажите спасибо доброму генію, что онъ внушилъ мнѣ благую мысль писать къ Вамъ. Дѣло вотъ вчемъ: Я получила отъ Маріи Каспаровнѣ письмо, въ которомъ она мнѣ, мѣжду прочимъ пишетъ, что обѣ Наташи были очень больны, но что по послѣднимъ извѣстіямъ они теперь совершенно здоровы и все ихъ семѣйство на дорогѣ въ Италію, куда зимой думаетъ ѣхать и Луиза Иван: [1] съ Мар: Касп: и Колей,—Коля много начинаетъ выговаривать словъ, при немъ теперь живетъ хорошій учитель, который учитъ его говорить. Объ *Сашахъ*-же ни слова непишетъ Мар: Касп: вѣроятно изъ осторожности, оно можетъ быть и хорошо, только очень скверно незнать, что *они* и какъ *они*, право до слезъ грустно и больно. Часто случается что я долго, долго гляжу на ихъ портреты и сердцѣ сожметься и на душѣ темно станетъ и невольно выпадетъ горячія слеза изъ глазъ... Да, должно быть мнѣ невидать ихъ никогда; вотъ и повѣришь въ предчувствіе; когда я провожала ихъ я была неутѣшна, ихъ проводы были для меня точьно похороны, а послѣ долго я не могла забыть нашего последняго Прости! Грустно и больно. Спасибо Вамъ за поклонъ, которой я получила отъ Елены Алексѣевны,—значитъ, бываютъ минуты, когда Вы вспоминаете и обо мнѣ—Спасибо Вамъ.

Опять о Герц:—хъ; никогда мнѣ небыло такъ страшно обидно то, что я разошлась, совершенно, съ извѣстнымъ кружкомъ; какъ въ

[1] [Мать А. И. Герцена.]

то время, когда я узнала, что Мильгуновъ ѣдитъ за Границу, мнѣ очень хотѣлось писать къ Наташѣ, къ Александру, но мнѣ нечерезъ кого было передать Мильгунову мое письмо,—я было надѣялась на любѣзность самаго Мильгунова, я думала что онъ вспомнитъ, что мое письмо то-же много принесетъ удовольствія Герц. и что, для нихъ хотя, онъ предложитъ мнѣ свои услуги; но я обманулась—этаго неслучилось и я осталась только при желаніи писать. Вѣдь вотъ право, что бы или Мильг. прежде уѣхать или бы мнѣ послѣ его ужъ отъѣзда выдтти изъ милости у извѣстнаго кружка, такъ вотъ нѣтъ-же, вѣчьно все дѣлается на перекоръ.

Не могу нерасказать Вамъ очень пріятной для меня новости (простите только за смѣлость). Недавно, и совершено случайно, я узнаю слѣдующее; что Вы и Огар: имѣли непріятные столкновенія съ извѣстными лицами изъ извѣстнаго кружка не пособственному пониманію дѣла, а по моимъ навѣтамъ, что я хлопотала изо всѣхъ силъ, сыпала сплетни на право и на лѣво и наконецъ, благодаря вѣроятно моему проворству я таки успѣла въ своемъ добромъ дѣлѣ, и что меня не мало удивило и (признаюсь откровенно) тяжело огорчило, это то что это обвиненіе на меня взвелъ Конст: Дмитр: Кавелинъ, вѣроятно основываясь на Вашемъ откровенномъ расказѣ; но видно онъ былъ предупрежденъ на счетъ меня еще гораздо прежде этаго, потому что хотя я, какъ Вы личьно знаете, учавствовала мимоходомъ во всѣхъ разговорахъ относительно святыхъ и не прикосновенныхъ личьностей и что въ этомъ дѣлѣ откровеннѣе поступалъ Серг: но вся тяжесть обвиненія взвалена на меня, а объ Сер: ни слова. Я вижу тутъ Перстъ Божій, который наказуетъ меня за мое безразсудное довѣріе къ людямъ, которыхъ я было въ душѣ своей Боготворила, а вѣдь сказано: не сотвори себѣ кумира и пр: вотъ Перстъ-то Божій и проявился въ извѣстномъ мнѣ лицѣ, которое бьется какъ рыба объ ледъ изъ того что бы стерѣть меня съ лица земли, ну я и струсила, и прикурнула въ тихой уголочекъ, заставила себя картинками да и сижу одна теперь, да и ни гу-гу! Ну прощайте! Вамъ я думаю надоѣла вся эта болтовня, и всамомъ дѣлѣ, что Вамъ въ ней? А все таки я къ Вамъ ее пошлю; терпѣть не могу писать даромъ—прочтите пожалуйста и не сѣтуйте.

Вотъ еще забыла сказать; была въ Москвѣ Мар: Ѳед: и была у насъ два раза—любѣзна какъ и слѣд: ну да меня теперь ненадуешь—вѣдь это все у нихъ Питербурской лоскъ. Жаль бѣднаго Корша—у

него въ мѣсяцъ всего 49 р. сер: изъ которыхъ 20 р. сер. онъ отдаетъ жалованье прислугѣ, а съ остальными умираетъ съ голоду. Вѣроятно отъ нужды и горя Софья Карловна выкинула и очень больна теперь,—чѣмъ-то она лѣчиться... бѣда, бѣда имъ тамъ съ такой сѣмьей. Пріѣзжала къ намъ жена Кавелина—то-же по Петербурски любѣзна, хотя съ разными выходками, она поѣхала жить на лѣто къ отцамъ Кавелина и съ Митей.

А вѣдь вотъ Вы меня немножко надули Наталья Алексѣевна! Что же портретъ-то Ог:? а вѣдь Вы обѣщали привѣсть намъ его изъ Питера да и непривезли, мнѣ бы очень хотѣлось его имѣть, для воспоминанія хорошихъ отношеній—Вѣдь что будетъ дальше Богу извѣстно!—можетъ быть болезненная раздражительность противъ меня коснеться и Васъ—кто знаетъ?—Не сердитесь за это замечаніе и не закаявайтесь—вѣдь воля Ваша, а реноме великая вещь на свѣтѣ, стоитъ прослыть безъукоризненной добродетелью, заручиться защитниками, а тамъ и дѣлай что хочешь—право такъ.

Я знаете чѣмъ утѣшаю себя и даже корыстно расчитываю на то, что когда я умру то разумѣеться откроиться что я пострадала отъ злобы людцкой совершенно невинно, и тогда меня причтутъ къ лику святыхъ да и начьнутъ передъ моимъ портретомъ (если онъ останеться), всѣ грѣшные передъ мною служить молебны и горько каяться на коленяхъ въ своихъ грѣхахъ и молить меня о прощеніи—вотъ тогда-то я покажу и свой гнѣвъ и свою благость... Первое наказаніе совершу надъ *лицемѣріемъ*, а благость свою явлю надъ Кавелинымъ и буду молиться за него и говорить—Боже отпусти ему!—невѣдаетъ что творитъ...

Однакожъ всамомъ дѣлѣ прощайте! Пожмите за меня покрепче руку Огар: а его попросите за меня пожать вашу руку.

Скажите мое усердное почтеніе Натальѣ Апполоновнѣ.

Т. Астр.

1850 іюля 5-го.

40.

А. Я. Панаева — М. Л. Огаревой.

24 августа 1850.

Вотъ Сократу деньги т. е. вексель, и попроси у него извиненія, что неакуратно исполнила свое обѣщаніе: впрочемъ меня тоже обманули. Жду твоего письма и довѣренности. Надо тебѣ согласиться на 50 тысячь, потому что Огаревъ такъ благороденъ со своими друзьями, что можетъ надавать векселей съ заднимъ числомъ. Къ тому-жъ человѣкъ, который теперь ведетъ все это дѣло, отказывается, если нужно процессомъ итти, потому что оно потребуетъ много время и издержки на процессъ потребуется страшныя. Теперь имѣніе почти осталось за тобой, т. е. на все наложенно запрещеніе. Но чтобъ Огаревъ недѣлъ еще подлостей на это никто неможетъ наложить запрещенія. И такъ если ты вѣрешъ въ мое къ тебѣ дружеское разсположеніе и участье въ твоихъ дѣлахъ, то согласись на мировую, это твоя выгода. Очень, очень желала бы видѣть тебя, много объ чемъ мнѣ нужно переговорить съ тобой.

Прощай; поспѣши отвѣтомъ.

Eudoxie.

Парголово
24 Августа

41.

А. А. Тучковъ — гр. А. Ѳ. Орлову.

28. Aout 1850. S. P.

M-r le Comte.—La cruelle necessité m'oblige d'importuner V. E. par la présente.

Après la plus lâche des accusations, dont les suites sont la ruine de ma fortune, de ma famille et de ma réputation—de tout enfin ce qui est cher à l'homme—un plus long silence de ma part donnerait lieu de croire, en quelque sorte, à des torts que je me reproche dans mon for intérieur. Permettez moi M-r le C. de vous assurer du contraire et de protester contre la calomnie.

L'accusation a été acharnée. Malheureusement je n'ai jamais eu l'honneur d'être connu de V. E. et les personnes qui auraient pu donner des renseignemens sur mon caractère et mes principes n'ont pas été interrogées. Les ennemis seuls ont parlé. Ils étaient trop interessés à ma perte pour ne pas s'emparer avec avidité du malheur qui tombait sur mes cheveux blancs et qu'ils ont aggravé par d'infâmes calomnies.

Je rougis d'aborder cette question et pourtant mon devoir m'oblige à cela. Je le dois au nom que je porte, aux amis que je conserve encore, à la noblesse, dont j'étais l'élu cinq fois de suite, je le dois enfin à moi-même. Veuillez me permettre une explication aussi franche que sincère.

Le G-r de Penza, oncle d'Og. par sa femme méditait depuis longtems un moyen de me faire quitter ma charge. Un homme de bien est toujours une gêne pour ceux qui vivent de prévarications. La haine du G-r était excitée par son employé Karaouloff, homme d'une réputation tarée et qui a la direction de toutes les affaires par la confiance illimitée du Gouverneur.

Og. a été mon ami pendant quinze ans. Pouvais-je prévoir le malheur qui vint tomber sur ma famille comme un coup de foudre?

Une lâche calomnie voulût expliquer ce malheur par une odieuse spéculation ou le communisme. Mais mon désinteressement était trop connu dans le pays et sans parler de mon caractère et de mes principes qui au besoin prouveraient facilement l'absurdité d'une pareille supposition, je dirai que mes relations avec Og. fondées sur l'estime qu'il me portait et sur la confiance qu'il avait en moi, me donnaient bien des moyens d'abuser de sa fortune, sans passer par le comble de l'infamie, si un homme de ma qualité et de mon mérite pouvait seulement y penser. Les misérables calomniateurs voulaient me faire tel, qu'ils auraient été s'ils s'étaient trouvés à ma place; mais sachant très bien qu'il était impossible de m'attaquer sur la moralité et l'intégrité et que le doute qu'ils jetaient sur mon honneur dans l'ésprit des personnes qui ne me connaissaient pas finirait par être dissipé, tournèrent la difficulté en prétendant que je n'avais pas de réligion. Et comme la morale philosophique peut s'allier jusqu' à un certain point avec les utopies et les fantaisies absurdes des nouvelles sectes, ils me dénoncèrent comme communiste.

Certes, je n'ai jamais été bigot, mais je suis mille fois plus réligieux

que mes calomniateurs. J'ai toujours rempli mes devoirs religieux et même au delà. Les soins que j'ai donné au temple de ma commune en font preuve. J'ai reconstruit l'église, la maison du prêtre, celle du diacre, j'ai eû une école pour les chantres d'église — tout cela à mes frais. J'assistais au service divin, je faisais du bien aux pauvres. Que fallait-il encore?—Le St. Synode nous a donné le témoignage de sa bienveillance.

Quant au communisme l'accusation est trop absurde. J'étais à la campagne, à 600 werst de Moscou quand j'ai appris la foudroyante nouvelle du départ de ma fille N.— Loin de vouloir protéger cette malheureuse passion j'ai tout fait pour éloigner Og. de ma fille. J'avais bien de raisons pour ne pas désirer cette union. Je comptais sur l'assurance que N. m'avait donné de revenir avec sa soeur, qui restait alors à Moscou avec son mari, Og. ayant quitté Moscou avant moi pour aller à sa campagne du G-t d'Orel..... Mais la pauvre enfant m'avait trompé, et le départ d'Og. était simulé. Que pouvais-je faire à ce malheur? Tuer le ravisseur, le séducteur—mais je ne pouvais tuer cet homme sans tuer mon enfant.....

Hé bien, je Vous demande M-r le C. que devais-je, que pouvais-je faire?—Vous êtes père aussi. Que pouvait faire un père malheureux? Poursuivre en justice. — Mais c'était augmenter le scandale. — Plusieurs mois je pleurais en silence ce désastre de ma famille, seul avec ma digne femme..... Mais quand ma fille revint se jeter à mes pieds, malheureuse au suprême degré, livrée aux terribles remords de la conscience—je l'ai pardonné. Vous l'auriez pardonné aussi M-r le C-te car elle était seule sans pitié pour elle-même, demandant grâce à ses parens, et ne pouvant se pardonner la faute d'avoir flétri mes cheveux blancs. O puissance inouïe et mystérieuse de l'amour, que rien ne peut conjurer et qui dispose de la jeunesse avant qu'elle ait eu le tems de se reconnaitre!—

Quant à Og. je puis assurer V. E. que son âge et son caractère le mettaient bien dans une position facile à résister à toute espèce de séduction, si la fierté de mon caractère à elle seule ne suffisait pas à le garantir de l'influence fatale de l'amour. Ce n'était plus ce jeune homme de vingt ans que le G-r de Penza maria à sa nièce par convoitise de sa fortune et à l'époque où le j. h. était d'une extrême timidité et par dessus sous sa dépendance absolue. C'est alors qu'il subit l'influence néfaste de M-r Pantschou. pour son malheur et celui de bien d'autres personnes innocentes.

Pour ce qui regarde la vente du bien d'Og. Vous savez M-r le C-te que cette vente s'est faite à mon insu. Tout ce que je puis certifier sur mon honneur, c'est que mon gendre S. est le plus honnête homme du monde. Je sais de science certaine et je prends Dieu à temoin que dans toute cette affaire il n'y avait rien que des procédés nobles et que mon gendre ne pensait qu' à son ami, en se compromettant par l'achat de sa terre.

Il est à remarquer que je suis non seulement innocent des imputations calomnieuses dont on a voulu m'accabler; mais que ces imputations s'appliquent parfaitement à mes calomniateurs. Et moi, au contraire de leur dire, je suis un homme intègre, juste et bon, soumis et fidèle. J'ai travaillé pendant vingt cinq ans à la paix, à la sureté, à la justice du pays, où le sort m'avait jeté. J'ai travaillé presque 15 ans, étant maréchal de la noblesse, à l'entente cordiale des nobles et de leur serfs avec un succès proportionné aux entraves du G-r il est vrai, mais toujours avec succès. J'ai été 10 ans médiateur, charge pénible, car on est souvent obligé de donner tort à la cupidité des personnes interessées. J'ai souvent concilié les exigeances du pouvoir avec les pretentions des particuliers en me renfermant dans la justice et la loi, sans mécontenter les derniers et en remplissant fidèlement les ordres que je recevais. Au recrutement j'ai prouvé par la droiture de ma conduite que les charges les plus pesantes pour la nation peuvent être supportées sans murmures, quand on procède avec bienveillance, humanité, dans les vues du bien général et non pas de son interêt sordide et personnel. Ma réputation, malgré les malheurs qui m'affligent, resistera j'en suis sûr à la calomnie et le tems viendra peut-être où la lacheté des accusateurs se fera voir à tout le monde.

Je ne parle pas de quelques misérables papiers, couverts de la poussière depuis bientôt 70 ans, qui appartenaient à une génération passée et à celui, qui dort dans sa tombe d'un sommeil profond, ayant donné sa vie pour la gloire de son pays, ni d'autres dont les plus jeunes ont plus de trente ans d'existence et qui ne peuvent en rien me compromettre. V. E. sait elle-même. Elle ne croira pas non plus qu'un homme de mon âge ait jamais pu oublier ses devoirs et voudra bien croire que je n'ai pas d'autre interêt personnel que de sortir des affaires publiques sans aucun avantage; mais que par la même raison je me sens plus obligé qu'un autre à en sortir avec dignité et avec honneur. Je vs supplie encore une fois M-r le C-te de faire réflexion sur mon

âge, qui joint à mon incapacité et à mon rang ne pouvait raisonablement donner aucune jalousie au G-r de P. à l'égard de mon avancement. Veuillez considérer que la charge que j'avais dans la petite ville d'Insara était plus avilie qu'elle n'était honorée par cette qualité de champion de la noblesse et des pauvres gens que je devais subir et qui me donnait je ne sais quel air ridicule vis-à-vis du G-r qui méprisait les plaintes quelques justes qu'elles fussent, malgré l'évidence des faits et malgré la loi qui ordonne d'être juste.

Mon nom et ma réputation lui donnaient ombrage par la considération que j'avais mérité dans le pays.

Mais on n'est jamais dans la justice quand on se laisse manger le coeur par la jalousie.

Je suis vieux et affligé d'un mal chronique. Abimée par les malheurs mon existence ne peut servir qu'à partager les tristes peines de ma famille.

Veuillez V. E. intercéder en ma faveur auprès de S. M. Je demande la grâce d'avoir la permission de présenter ma démission; et retourner dans mon bien auprès de ma famille.

Nous bénirons le nom de S. M. et le vôtre. Nous ne sommes pas indignes de Votre protection, car nous avons conservé encore l'estime des gens de bien.

Je suis avec le p. pr. resp. et la plus haute consideration M-r le C-te de V. E. le très h....

[Переводъ.]

28 августа 1850. С.-П.

Графъ! Жестокая необходимость заставляетъ меня обезпокоить В. С. нижеслѣдующимъ.

Послѣ гнуснѣйшаго обвиненія, слѣдствіемъ котораго является гибель моего благосостоянія, моей семьи и моего добраго имени—словомъ, всего, что̀ дорого человѣку—дальнѣйшее съ моей стороны молчаніе дало бы поводъ въ нѣкоторомъ родѣ предполагать, что въ глубинѣ души я каюсь въ своихъ провинностяхъ. Позвольте мнѣ, Графъ, увѣрить васъ въ противномъ и протестовать противъ клеветы.

Обвиненіе было жестоко. Къ несчастію, я никогда не имѣлъ чести быть знакомымъ В. С., а лица, которыя могли бы дать свѣдѣнія относительно моего характера и моихъ убѣжденій, не были допрошены. Говорили одни враги. Имъ слишкомъ нужна была моя гибель,

и вотъ они съ жадностью ухватились за несчастіе, которое обрушилось на мои сѣдины и которое они отяготили гнусной клеветой.

Я краснѣю, касаясь этого вопроса, и все-таки мой долгъ меня къ тому понуждаетъ. Я долженъ это сдѣлать ради имени, которое я ношу, ради друзей, которые еще у меня сохранились, ради дворянства, котораго избранникомъ былъ я пять разъ къ ряду, наконецъ—ради себя самого. Разрѣшите мнѣ представить объясненіе, столь же откровенное, сколь правдивое.

Пензенскій Губернаторъ, дядя жены Ог[арева], давно придумывалъ способъ заставить меня отказаться отъ моей должности. Порядочный человѣкъ—ьсегда помѣха для тѣхъ, кто живетъ нарушеніями служебнаго долга. Ненависть Г[убернато]ра подстрекалась его чиновникомъ Карауловымъ, человѣкомъ съ запятнанной репутаціей, распоряжающимся всѣми дѣлами благодаря неограниченному довѣрію Губернатора.

Ог[аревъ] былъ моимъ другомъ пятнадцать лѣтъ. Могъ ли я предвидѣть несчастіе, которое обрушилось на мою семью, какъ ударъ молніи?

Гнусная клевета захотѣла представить это несчастіе, какъ отвратительную сдѣлку или коммунизмъ. Но мое безкорыстіе было слишкомъ извѣстно всему уѣзду, и даже не касаясь моего характера и моихъ убѣжденій, которыя въ случаѣ надобности легко могутъ служить доказательствомъ вздорности подобнаго предположенія, я могу сказать, что мои отношенія съ Ог[аревымъ], основанныя на его уваженіи ко мнѣ и на довѣріи, которое онъ питалъ ко мнѣ, давали мнѣ довольно способовъ покуситься на его состояніе, не доходя до предѣловъ подлости, если бы человѣкъ моего свойства и моихъ заслугъ былъ вообще способенъ объ этомъ думать. Низкіе клеветники хотѣли сдѣлать меня такимъ, какими они сами были бы на моемъ мѣстѣ; но отлично зная, что невозможно прямо напасть на меня со стороны нравственности и честности и что подозрѣнія, которыя они заронятъ относительно моего добраго имени въ умахъ лицъ, меня не знающихъ, въ концѣ концовъ будутъ разсѣяны,—они обошли препятствіе и стали утверждать, будто я невѣрующій. И такъ какъ философическая мораль можетъ до извѣстной степени соединяться съ утопіями и фантазіями новѣйшихъ сектъ, они объявили меня коммунистомъ.

Конечно, я никогда не былъ святошей, но я въ тысячу разъ религіознѣе моихъ клеветниковъ. Я всегда исполнялъ свои религіозныя обязанности,—и даже болѣе того. Заботы, которыя я удѣлялъ храму моего села,—тому доказательство. Я вновь отстроилъ церковь, домъ священника, домъ дьякона, я завелъ школу церковныхъ пѣвчихъ,—все это за свой счетъ. Я присутствовалъ на богослуженіяхъ, я дѣлалъ добро бѣднымъ. Чего еще нужно?—Св. Синодъ далъ намъ доказательство своего благоволенія.

Что касается коммунизма—обвиненіе слишкомъ нелѣпо. Я былъ въ деревнѣ, въ 600 верстахъ отъ Москвы, когда получилъ громомъ поразившее меня извѣстіе объ отъѣздѣ моей дочери Н[аталіи]. — Я не только не покровительствовалъ этой злосчастной любви,—я сдѣлалъ все, чтобы отдалить Ог[арева] отъ моей дочери. У меня было довольно основаній не желать этого союза. Я вѣрилъ обѣщаніямъ Н[аталіи], что она вернется со своей сестрой, которая тогда съ мужемъ находилась въ Москвѣ; Ог[аревъ] еще раньше меня уѣхалъ изъ Москвы въ Орловскую свою деревню..... Но несчастное дитя обмануло меня, и отъѣздъ Ог[арева] былъ симулированъ. Что я могъ сдѣлать съ этимъ несчастіемъ? Убить похитителя, соблазнителя—но я не могъ убить этого человѣка, не убивая своего ребенка.....

И вотъ, я спрашиваю васъ, Графъ, что̀ я долженъ былъ, что̀ я могъ сдѣлать?—Вы тоже отецъ. Что могъ сдѣлать несчастный отецъ? Преслѣдовать судомъ?—Но это значило увеличивать скандалъ.—Нѣсколько мѣсяцевъ, наединѣ съ достойной моей женой, молча оплакивалъ я это бѣдствіе моей семьи..... Но когда моя дочь вернулась и бросилась къ моимъ ногамъ, несчастная до послѣдней степени, охваченная ужасными угрызеніями совѣсти,—я ее простилъ. Вы также простили бы ее, Графъ, потому что только самой себѣ она не внушала жалости, прося прощенія у родителей и не имѣя силы простить себя за то, что опозорила мои сѣдые волосы. О, неизъяснимая и таинственная власть любви, которой ничѣмъ нельзя превозмочь и которая толкаетъ юность дѣйствовать, прежде чѣмъ успѣетъ одуматься!—

Что касается Ог[арева], то могу увѣрить В. С., что его возрастъ и характеръ давали ему возможность легко устоять противъ всякаго соблазна, если уже одной моей непреклонной гордости не довольно было для того, чтобы уберечь его отъ рокового вліянія любви. Это былъ уже не тотъ двадцатилѣтній юноша, котораго пензенскій губернаторъ, польстившійся на его состояніе, женилъ на своей племянницѣ, благо въ тѣ времена молодой человѣкъ былъ безгранично робокъ и сверхъ того находился въ полной отъ него зависимости. Тогда, на свою бѣду и на бѣду многихъ другихъ неповинныхъ людей, онъ подпалъ подъ злосчастное вліяніе г. Панчу[лидзева].

Что касается продажи имѣнія Ог[арева], то вы знаете, Графъ, что продажа эта состоялась безъ моего вѣдома. Все, въ чемъ я могу завѣрить своею честью, это то, что мой зять С[атинъ]—самый порядочный человѣкъ на свѣтѣ. Я знаю навѣрное и беру Бога въ свидѣтели, что во всемъ этомъ дѣлѣ у него были только благородныя побужденія и что зять мой заботился только о своемъ другѣ, когда бралъ на себя рискъ, покупая его имѣніе.

Нужно замѣтить, что я не только неповиненъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыя захотѣли клеветнически на меня взвалить; но что обвиненія эти цѣликомъ примѣнимы къ моимъ клеветникамъ. Я же,

вопреки ихъ словамъ, человѣкъ неподкупный, прямой и честный, преданный и вѣрный. Я двадцать пять лѣтъ трудился на благо мира, безопасности и правосудія тѣхъ мѣстъ, въ которыя судьба меня забросила. Почти 15 лѣтъ, въ качествѣ предводителя дворянства, я трудился надъ установленіемъ добраго согласія между дворянами и ихъ крѣпостными, правда—съ измѣнчивымъ успѣхомъ, въ зависимости отъ тѣхъ препятствій, которыя чинилъ Губернаторъ,—но все же съ успѣхомъ. Я 10 лѣтъ пробылъ посредникомъ,—должность тяжелая, потому что часто приходится умѣрять жадность заинтересованныхъ лицъ. Часто мнѣ удавалось примирять требованія власти съ желаніями частныхъ лицъ, держась въ предѣлахъ справедливости и закона, но не вызывая недовольства и вѣрно исполняя данныя мнѣ предначертанія. Во время рекрутскихъ наборовъ законом'ѣрностью своихъ дѣйствій я доказывалъ, что самыя тяжелыя для народа повинности могутъ быть перенесены безъ нареканій, когда дѣло ведется съ доброжелательностью и человѣчностью, въ видахъ общаго блага, а не ради личнаго интереса, своекорыстнаго и частнаго. Я убѣжденъ, что вопреки угнетающему меня несчастію моя добрая слава устоитъ противъ клеветы, и быть можетъ настанетъ время, когда подлость обвинителей станетъ видима всѣмъ.

Я не говорю о нѣсколькихъ ничтожныхъ бумагахъ, уже 70 лѣтъ покрытыхъ пылью; онѣ касаются минувшаго поколѣнія и того, кто глубокимъ сномъ спитъ въ своей могилѣ, отдавъ жизнь за славу родины; я не говорю и о другихъ, изъ которыхъ самымъ младшимъ больше тридцати лѣтъ и которыя ни въ чемъ не могутъ меня скомпрометтировать. В. С. знаете это сами. Тѣмъ паче Ваше Сіятельство не станете вѣрить, будто человѣкъ моихъ лѣтъ можетъ когда-нибудь забыть свой долгъ, — и вполнѣ повѣрите, что у меня не было другого личнаго желанія, кромѣ того, чтобы оставить общественную дѣятельность безъ всякой наживы; но что по той же причинѣ я болѣе кого-либо другого чувствую себя обязаннымъ оставить эту дѣятельность съ достоинствомъ и честью. Я еще разъ умоляю васъ, Графъ, принять во вниманіе мой возрастъ, который, въ соединеніи съ моей неспособностью и моимъ чиномъ, не могъ возбудить въ П[ензенскомъ] Г[убернаторѣ] никакой разумной зависти относительно моей карьеры. Соблаговолите имѣть въ виду, что должность, которую я занималъ въ маленькомъ городкѣ Инсарѣ, была скорѣе унижена, нежели возвышена тѣмъ положеніемъ предводителя дворянства и бѣдноты, которое мнѣ приходилось переносить и которое мнѣ придавало довольно-таки смѣшной видъ при наличности Губернатора, презиравшаго жалобы, какъ бы ни были онѣ справедливы,—презиравшаго ихъ вопреки очевидности и вопреки закону, предписывающему быть справедливымъ.

Мое имя и моя репутація затмевали его, благодаря уваженію, которое я заслужилъ въ губерніи.

Но человѣкъ не бываетъ справедливъ, когда сердце его снѣдаемо завистью.

Я старъ и обремененъ хронической болѣзнью. Разбитая несчастіями, жизнь моя пригодна лишь для того, чтобы раздѣлять горестныя печали моей семьи.

Соблаговолите, В[аше] С[іятельство], ходатайствовать за меня передъ Е[го] В[еличествомъ]. Я прошу всемилостивѣйше разрѣшить мнѣ подать въ отставку и возвратиться въ мое имѣніе, къ моему семейству.

Мы благословимъ имя Е[го] В[еличества] и ваше. Мы не недостойны вашего предстательства, ибо еще сохранили уваженіе со стороны честныхъ людей.

Съ истиннымъ почтеніемъ и великимъ уваженіемъ къ В[ашему] С[іятельству], Графъ, имѣю честь быть...

42.

Гр. А. Ѳ. Орловъ—П. А. Тучкову [1].

Милостивый Государь,
Павелъ Алексѣевичъ!

По уваженію ходатайства Вашего Высокопревосходительства, я имѣлъ счастіе всеподданнѣйше докладывать Государю Императору о племянникѣ Вашемъ, отставномъ поручикѣ Алексѣѣ *Тучковѣ*, и Его Императорское Величество, согласно мнѣнію моему, Высочайше повелѣть соизволилъ: поручика *Тучкова* совершенно освободить отъ надзора и отъ всѣхъ другихъ ограниченій.

Съ удовольствіемъ поспѣшая увѣдомить объ этомъ Ваше Высокопревосходительство, и присовокупляя, что распоряженіе по сему предмету въ слѣдъ за симъ будетъ сдѣлано, имѣю честь покорнѣйше просить Васъ, не изволите ли сообщить это извѣстіе брату Вашему, родителю поручика *Тучкова*.

Пользуюсь случаемъ удостовѣрить Васъ, Милостивый Государь, въ истинномъ моемъ къ Вамъ почтеніи и преданности.

Графъ Орловъ [2].

С. Петербургъ.
„29.„ Ноября 1850 г.

Его Высокопревосходительству
П. А. Тучкову.

---

[1] [Дядя А. А. Тучкова, членъ Государственнаго Совѣта, сенаторъ, предсѣдатель Комиссіи прошеній.]

[2] [Только подпись—собственноручная.]

43.

Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ.

Я писала къ тебѣ два раза, моя Натали, съ тѣхъ поръ какъ я получила письмо которое меня привело въ отчайніе;—по нашему зависимому положенію отъ лицъ окружающихъ, мы должны были говорить объ письмѣ съ С [1]. Онъ уѣзжалъ въ Москву, и какъ мы его ни упрашивали молчать объ этомъ, онъ по своей безграничной любви ко многимъ, разпространилъ слухъ о твоей болѣзни; вотъ причина тревожныхъ писемъ Т. А [2]; мы же ничего къ ней объ этомъ не писали, и вѣроятно она на меня въ претензіи.—

Я ждала твоего отвѣта на мои письмы, а ты вообразила что я лѣнюсь потому что мнѣ слишкомъ хорошо; Натали, Натали, еслибъ ты видала нашу жизнь! клеветы со всѣхъ сторонъ хлынули на насъ, но ихъ мы перенесли съ гордой твердостью; но клеветы ближнихъ, это тяжелое чувство которое теперь во всѣхъ нашихъ отношеніяхъ, эти недосказанныя подозренія, недосказанныя оправданія, они убили всю волю, всю вѣру въ жизнь; да, я знаю что васъ двухъ я страшно люблю, но не мучительное ли это чувство, когда я не знаю увидимся ли мы и когда? гдѣ? И эта трехълѣтнія разлука, не смерть?—

Т. А. извѣщаетъ меня всегда когда получаетъ письмо отъ тебя, и это по крайней мѣрѣ вноситъ въ мою душу минуту отрады или теплаго горя; а когда жъ я получу отъ тебя хоть строчку? если бъ ты вспомнила что твои письмы для меня, ты бы давно написала.

Прощайте, моя Натали; когда я вспоминаю какъ мы прощались на железной дороги мнѣ и теперь больно; обнимаю тебя крѣпко а ты обними за меня А. И. и С. и новаго друга моего, маленькую Ольгу [3]. Мнѣ кажется что я мало писала; вчера мы были въ лѣсу съ О. мнѣ такъ было грустно и хорошо, я все и всѣхъ забыла, только хотѣлось къ тебѣ писать долго, долго, все что было въ головѣ, а дома сидишъ совсѣмъ не то пишется; но вы не разлюбили вашу Натали? иногда это меня тревожитъ, ты меня любишъ, я вѣрю, но А. И. ужъ вѣрно меня не любитъ, такъ кажется.

---

[1] [Н. М. Сатинъ.]

[2] [Т. А. Астракова.]

[3] [Младшая дочь Герценовъ.]

Недавно меня хотѣли укольнуть тѣмъ что Тур. не спросилъ обо мнѣ! я пожала плечами. Видали вы когда стадо пасутъ, одному барану подставьте палку, потомъ отнимите ее, всѣ будутъ прыгать на этомъ мѣстѣ; меня это ужъ не оскорбляетъ.

[На оборотѣ—неизвѣстной рукою:]

Прилагаю что ко мнѣ пишетъ Т. А. и на другой сторонѣ не знаю отъ кого—это Вамъ.

Сіе письмо какъ видите пришло распечатанное ко мнѣ въ пакетѣ ужъ не даютъ себѣ труда хоть какъ нибудь прилѣпить.

44.

Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ.

Ты жива моя Натали, выздоравливаешь, стало и мнѣ хорошо! одно только, увидиться, увидиться поскорѣе, во чтобъ ни стало.—Ваши письмы всѣ къ намъ доходютъ, мое разъ пропало. Какъ ты обрадовала насъ, какъ хорошо мнѣ было въ этотъ день. Прошлаго году ты меня приводила въ смущеньѣ; я думала что А.[1] былъ боленъ какъ Jean-Batiste, помнишь?—Дѣтей же твоихъ, другъ, я люблю отъ всей души, и пока ты съ нами, разполагай мной для нихъ какъ хочешь; но еслибъ тебя или О. не было, право я не стала бы васъ переживать; вы моя жизнь, вы все для меня!—Отчего ты ничего не пишешъ объ *Олѣ*; мнѣ хочется её узнать хоть немного. Твое письмо дошло такъ пиши же, пиши все если тебѣ не вредно, я хочу знать что съ тобой было и радоваться прошедшему горю. И эту строчку написанную черниломъ я не разъ цаловала, ну право *онъ*[2] не знаетъ какъ я его люблю, а я знаю что намъ въ четверомъ все можно перенесть!—О. дома нѣтъ, когда пріѣдитъ еще напишу. Прощайте же друзья, крѣпко васъ обнимаю; если будетъ малейшая возможность, пріѣду весной хоть одна. Какъ бы я была рада еслибъ вы *переѣхали въ Англію.*

---

[1] [А. И. Герценъ.]
[2] [А. И. Герценъ.]

Моего милаго С. [1] разцалуй за меня; ужъ онъ большой, вѣрно позабылъ нашу дружбу.—

Наша наставница [2] у Трубецкихъ во *Флоренціи*. Palazzo Spinelli. Via Gibellina. Она вѣроятно воротится къ намъ или въ Москву.

Когда я узнала несчастіе постигшее тебя такъ внезапно [3], я прямо написала къ М. К [4]. Мнѣ совѣстно часто её тревожить, еслибъ ты съ ней списалась на этотъ счетъ, а черезъ Т. А. послала тебѣ книгу, назадъ мнѣ прислали.—

45.

Н. А. Тучкова—А. И. Герцену.

Милый другъ Саша, и хорошо и больно было намъ. Кто могъ такъ повредить ей [5], не знаю, не одгадываю, но кто бы ни былъ, все равно, горе и жолчь вотъ что возбудило твое письмо. Если плотя долги, ты погибнешъ, вѣрь мы за тебя заплотимъ. Одно на умѣ увидится, наплакаться, наговориться, пріѣзжай же.—Деньги и люди вотъ что мѣшаетъ жить въ своей семьѣ. Дѣло важное должно быть кончено прежде чѣмъ мы переселимся въ Москву. Если ты хочешъ намъ помочь чтобъ мы скорѣй увидились, заплати хоть часть моего долгу М. К. Я ей должна 7000 ассиг., тогда я употреблю деньги на свое дѣло, а съ тобой потомъ сочтемся.

Да, надо скорѣй къ молюткамъ, если бъ ты зналъ какъ я ихъ люблю! — Это все таки она же, давай жить для нихъ пока имъ нужно! Ну, прощай дай руку! хотѣла бъ я облиться слезами, ты мученикъ! —

---

[1] [Саша, т. е. А. А. Герценъ.]
[2] [M-lle Michel.]
[3] [Гибель при кораблекрушеніи Луизы Ивановны и Коли Герцена 16 ноября 1851 г.
[4] [М. К. Рейхель.]
[5] [Т. е. Нат. Александр. Герценъ; она умерла 2 мая 1852 г.]

46.

Н. А. Тучкова—А. И. Герцену.

4-аго Августа 1852 [1].

Письмо получено отъ 18 іюня, въ немъ какъ будто сомнѣваешся въ нашей дѣятельности, а между тѣмъ мы отъ всего уже отдѣлились ради будущаго сближенья. Мешкотность не отъ насъ, а отъ обстоятельствъ, *издали* мы думали что хватятъ наши деньги на все, а теперь видимъ что надо 20 т. сер. для таго чтобъ все кончилось черезъ мѣсяцъ, чтобъ добиться этихъ денегъ, нужно скорѣй продать ф. [2] ищемъ покупщика и не стоимъ за цѣной, лишь бы все кончилось. Надежды не меньше у насъ, но скучно и гадко отъ всего зависить и добиваться такъ медленно таго что бы хотѣлось сдѣлать въ одинъ часъ. Всякой здѣсь занятъ своими дѣлами, ни друзья ни недруги никто не поможетъ, никому дѣла нѣтъ до чужыхъ дѣлъ.—

Прощай, другъ, потерпи ради таго что мы терпимъ чтобъ добиться послѣдняго желанья.—Дѣтей разцалуй за насъ, много, много ихъ любимъ, много они будутъ её напоминать.

Обнимаю тебя крѣпко и плáчу [3].

4 августа, не знаемъ когда пойдетъ.

Отвѣчай по старому.

[На оборотѣ: Сашѣ.]

47.

Н. А. Тучкова—А. И. Герцену.

Есть надежда что это письмо дойдетъ прямо до тебя. Мнѣ хочется чтобъ ты оттуда видѣлъ нашу жизнь, ошибки наши и что мнѣ помѣшало исполнить сестрино и собственное желанье увидѣться съ ней. Когда вы написали что М-me [4] ни на что ни согласна, голова наша шла кругомъ, никто не догадался, не вспомнилъ что есть дру-

[1] [Дата написана карандашемъ, и не рукою Н. А.]

[2] [Тальскую фабрику.]

[3] [Эта строка—рукою Н. П. Огарева.]

[4] [М. Л. Огарева.]

гія средства, законы, потомъ въ избыткѣ счастія не хотѣлось начать во всякомъ случаѣ грязное дѣло. Пашпортовъ не выдавали; семѣйныя отношенія становились невыносимы, мы уѣхали въ Крымъ, намъ нужно было вырваться на свѣжій воздухъ. Эта поѣздка Крыма, которую ты поймешъ и извинишъ, была главная наша ошибка.—Съ нашего отъѣзда мы были какъ въ рамкѣ для всѣхъ. Мы не могли ѣхать за границу потому что я бывши не совершеннолѣтняя не могла безъ согласія отца просить пашпорта. Мнѣ жаль было отца. Мы воротились. Во время нашей поѣздкѣ имѣнія были проданы. Наше возвращенье было крайне полезно для многихъ лицъ, которыя могли бы пострадать невинно за насъ. Ты вѣрно слышалъ что тогда происходило. Отецъ много выстрадалъ за насъ и самолюбіе его никогда уже не поднялось съ этаго время. Сестра [1] писала, звала, я рвалась къ ней и что мы тогда вынесли отъ этой неудачи, никто конечно здѣсь не видѣлъ, но вы, вы должны были понять пытку которую мы терпѣли. Она писала вскорѣ послѣ этой исторіи, мы знали навѣрно, что насъ не пустятъ; когда увидимся я скажу какъ мы это знали, оставалось одно средство и мы бы не поколебались ни минуты, но тѣ, у которыхъ прожили три года отвѣчали бы за насъ. Вотъ что насъ остановило. Мы стали къ вамъ сбираться не боясь за себя, но выбирая такъ дорогу, чтобъ никого за насъ обухомъ не треснуло по головѣ. Мы не унывали, надѣялись еще отдохнуть съ вами, но одно обстоятельство еще отдалило наше свиданье. Умеръ одинъ другъ отца, нами всѣми уважаемой [2]. Послѣ его смерти началось дѣло о его завѣщаніи, которое подписывали всѣ наши. Теперь некогда описывать этаго дѣла, только скажу что дѣло тянулось годъ, мы черезъ него вынесли много непріятностей, оно насъ остановило и въ довершеніи всего письмо М. К. [3] прошедшой весной насъ вовсе ошеломило. Мы выбивались изъ силъ, чтобъ васъ обоихъ обнять и вдругъ сестры нѣтъ!—Да, вотъ это то несчастье унесло у насъ много силъ. Хочется къ тебѣ, другъ, хочется вмѣстѣ объ ней плакать! Да вѣдь не то надо, чтобъ достигнуть цѣли, надо ѣздить, хлопотать, надо свободную голову, надо спокойную волю. А мы все лѣто провели въ душной комнатѣ, не смѣя почти взглянуть другъ на друга, мы боялись выйдти на чистой воздухъ, всякой горячій лучъ солнца на-

[1] [Т. е. Н. А. Герценъ.]
[2] [Г. А. Римскій-Корсаковъ. Онъ ум. въ январѣ 1852 г.]
[3] [М. К. Рейхель.]

полнялъ душу неизъяснимой тоской и безсильнымъ бѣшенствомъ. Теперь мы обдумались, братъ, мы поняли что надо взять на себя чтобъ увидѣться съ тобой, вѣрь, мы работаемъ дружно; между нами сказано: если нельзя пробить стѣнъ, такъ разшибемъ головы. Головы наши только для насъ дороги потому что мы можемъ сложить ихъ за тебя, за нее! я только не могу допустить, чтобъ постороннія за насъ пострадали, а братъ за брата, это хорошо! Твоя дружба одна осталась непрекосновенна; другія поблѣднѣли, которыя вовсе стерлись, ни одна почти не выдержала пробнаго камня клеветы.—Ты опечаленъ что мы не догадались кто твой врагъ. Я угадывала его по своей антипатіи. Видя васъ въ такихъ близкихъ отношеніяхъ, я почти не выражала чувства, которое онъ пробуждалъ во мнѣ, я боялась васъ оскорбить. Онъ мнѣ не нравился, казался трусомъ, но я отъ него не ожидала злодѣйства.—Мы одного отъ тебя просимъ, до нашего свиданья не пиши никому объ немъ; тутъ все иначе истолкуютъ; мы твоихъ писемъ никому не показываемъ. Денежныя дѣла насъ не задерживаютъ какъ цѣль, но какъ средство. Нужно разпродать остальное имущество, потому что безъ денегъ едвали что удастся. Но если дѣла пойдутъ дружно и безъ денегъ, мы не остановимся за продажей и пріѣдемъ хотя почти нищіе; можно работать, мы не стары, о твоихъ же деньгахъ не безпокойся, они не пропадутъ. Прощай, крѣпко тебя обнимаемъ и дѣтей. Перечитывая письмо все кажется не то, что бы сказать хотѣлось. Еслибъ ты зналъ какъ положеніе къ Nn.[1] препятствій тяжело, ты бы тотчасъ понялъ, что все говорится не вполнѣ и какъ то на скорую руку. Одно только вѣрно, что или все удастся, или жизнь будетъ = 0. Знай тоже, что въ сущности у насъ никого нѣтъ кромѣ тебя. Еслибъ ты могъ прочувствовать какъ я горячо обнимаю тебя въ эту минуту, ты бы заплакалъ какъ я теперь.—Говорить больше нечего. Дай руку. Прощай!—

[На оборотѣ: Сашѣ.]

---

[1] [Вѣроятно, должно значить: къ отъѣзду.]

48.

Н. П. Огаревъ — А. А. Тучкову.

Le 17.

Вотъ тебѣ, любезный другъ, экстрактъ изъ письма одной дамы, пишущей изъ Парижа по требованію моего повѣреннаго:

„26/8 Августа. Вчера я лично была въ нашемъ посольствѣ и изъ устъ нашего Вицеконсула Г. Иванова получила слѣдующія извѣстія: Сія дама [1] дѣйствительно пребывала въ Парижѣ съ 1846 г.... Наконецъ эту зиму пришелъ какой то французъ объявить въ посольство, что эта дама умерла.—Г-нъ Ивановъ пошелъ къ ней на квартиру. Священникъ нашъ былъ позванъ Г-мъ Ивановымъ. Похоронили и теперь какой то французъ часто является въ посольство будто бы для окончанія дѣлъ. Кажется, что она ему все оставила. На той недѣлѣ я вамъ подробнѣе буду писать. Я повидаю священника, который ксожалѣнію въ отлучкѣ; кажется уѣхалъ въ Венгрію посвящаться въ протопопы. Онъ мнѣ скажетъ какаго числа она умерла и гдѣ похоронена".

Между тѣмъ справки и здѣсь наводятся. Я тоже скоро надѣюсь болѣе подробно писать.—Пришли на всякой случай къ Пав. Ал. [2] метрическое свидѣтельство N [3].

Кончаю. Взволнованъ, потому что только что вернулся отъ повѣреннаго. Обнимаю тебя и всѣхъ васъ крѣпко на крѣпко. Пишите скорѣй.

49.

Н. А. Огарева — Е. А. Сатиной.

[Писано на Тальской фабрикѣ, вѣроятно весною 1853 или 1854 г.]

Когда то ты мнѣ говорила: напиши нашу жизнь да напиши еще какъ нужно воспитывать дѣтей, чѣму нужно ихъ учить. О Елена, Елена! какъ странно мнѣ отвѣчать на твои просьбы. На счетъ пер-

---

[1] [М. Л. Огарева. Она умерла 28 марта 1853 г.]

[2] [Тучковъ.]

[3] [Н. А. Тучкова.]

вой скажу только что я боюсь коснуться прошедшаго, боюсь что у меня недостанетъ силъ быть совершенно откровенной, (прости мнѣ я развлеклась, лежу въ моемъ карточномъ домикѣ и пишу къ тебѣ, но вдругъ вѣтеръ поднялся, деревья своими сухими сучьями зашумѣли, нагнувшись на крышу бесѣдки, вода тоже шумитъ сильно, мнѣ какъ то стало хорошо и я заслушалась, мнѣ иногда кажется что и Маня [1] заслушивается, онъ сейчасъ сидѣлъ въ дверяхъ бесѣдкѣ съ такой серьезной физіономіей какъ будто караулилъ мою дверь, чтобъ никто намъ не мѣшалъ) да, вотъ что я хотѣла сказать, я боюсь что самолюбіе мое не вынеситъ откровенной исповѣди во всѣхъ прошедшихъ мелочахъ, многія вещи ты даже можетъ помнишь, а мнѣ все таки будетъ трудно ихъ написать, потомъ это очень долгая работа и если я за нея примусь, то стану просить тебя прочесть её только когда меня не будетъ, можетъ эта и смѣшная просьба, но иначе я не рѣшусь; надо чтобъ самолюбіе мое заснуло на вѣки, понимаешъ? — На счетъ воспитанія дѣтей, скажу только что я ничего не знаю, что голова моя полна разныхъ плановъ, что еслибъ судьба привела меня жить для дѣтей, я стала бы съ страстной любовью учиться естественнымъ наукамъ, натуральной исторіи, ботаники, я старалась бы и даже сочла бы за долгъ удалить отъ нихъ всѣ хозяйственныя мелочи, окружила бы ихъ спокойствіемъ, веселостью; но мнѣ все такъ кажется, можетъ я ничего этаго не съумѣла бы сдѣлать. Однако мнѣ не прійдется жить между дѣтей, Г. [2] дѣти если я ихъ и увижу, то ужъ не очень маленькихъ, съ твоими дѣтьми тоже судьба не сведетъ.— —

Ахъ Боже мой, Елена! какъ трудно писать, мысль сначала тянется какъ ленточка, а потомъ развивается быстрѣе и быстрѣе, возьмешъ перо и не можешъ поспѣть за ней; вотъ еслибъ тутъ сидѣлъ человѣкъ котораго бы я не стыдилась такъ что могла бы говорить громко все что думается, а онъ бы записывалъ, ты бы гораздо вѣрнѣе узнала что я думаю.

Мнѣ кажется, Елена, что я не добра, когда я вижу больнаго или бѣднаго, я готова ухаживать, дать денегъ, но во мнѣ есть что-то такое недоброе, сухое, сжатое, неловкое даже если правду сказать, какой то стыдъ мнѣ мѣшаетъ приласкать, улыбнуться, отъ чего это?

---

[1] [Собака.]

[2] [Герцена.]

не знаю.—Одно меня глубоко потресаетъ, это видъ страждущаго ребенка, но все же около него я также холодна и не ловка какъ всегда, только когда могу вырваться, я не удерживаюсь и плачу, горько плачу; разъ Ог. видѣлъ это и вообрази, бѣдный Ог. онъ былъ тронутъ, онъ думалъ что это доброта;—о нѣтъ, это не доброта, это безсознательное сочуствіе къ физическимъ страданьямъ слабаго существа,—или можетъ просто раздраженіе нервовъ.

Хочется разсказать тебѣ какъ мы живемъ, не знаю весело ли, скучно ли, суди сама, мнѣ хотѣлось бы учиться, чувствую что жизнь въ будущемъ грозитъ мнѣ страшной пустотой, но учиться нельзя, одна не умѣю, слишкомъ мало знаю чтобъ учиться одной, все же надо фундаментъ чтобъ строить домъ, съ Ог. я пробывала нѣсколько разъ, но онъ не привыкъ учить, ему скучно, это большое пожертвованье съ его стороны, у него и для себя ужасно мало времени.—Ради этаго горькаго опыта, не дай Татѣ [1] такаго воспитанья какъ наше, оно дорого а ни къ чѣму не ведетъ; можетъ и къ лучшему что ты не находишъ гувернантки, ты по неволѣ должна будешъ вырваться изъ обычной колѣи. Не думай однакоже чтобъ я была неблагодарна за всѣ труды, лишенія которыя намъ принеслись въ жертву, нѣтъ все было сдѣлано какъ можно лучше по заведеному порядку, но нынче съ Мифологіей, исторіей и географіей не проживешъ и съ полу-талантами тоже;—надо что нибудь по опредѣленіе. Надо бы достать тебѣ для дѣтей студента у котораго ты бы и сама училась, только мнѣ кажется что нужно бы чтобъ онъ былъ очень дуренъ собой или не молодъ, а то это можетъ внести нѣкоторую сентиментальность даже и въ воспитаніе маленькой дѣвочки. Пожалуйста не смѣйся, ты знаешъ почѣму я думаю что и на маленькихъ дѣвочекъ молодой человѣкъ можетъ пройзвести большое впечатлѣніе.—

Но я все хочу разсказать какъ проходятъ наши дни и никакъ не доберусь до этаго: обыкновенно я встаю много раньше Ог. займусь приготовленіемъ кофея, когда все готово онъ просыпается но рѣдко встаетъ, я подаю ему кофей и булочки къ постели и трубку набью, въ дни хорошаго разположенія мы перебрасываемся нѣсколькими словами и шутками, потомъ нужно заказать обѣдъ, поваръ стоитъ въ дверяхъ и лицо его выраженьемъ совершенно походитъ

[1] [Маленькая дочь Сатиныхъ.]

на этотъ крючокъ ? Я подумаю, подумаю и пойду спросить Ог. что заказать, онъ въ этомъ мнѣ усердно помогаетъ.—

Ог. встаетъ, беретъ третью чашку кофею и уходитъ на другую половину, по его лицу я вижу что ему очень хочется заняться одному, онъ съ безпокойствомъ посмотриваетъ на меня; я прикидываюсь иногда что очень занята, или что должна имѣть совѣщаніе съ Аленой, Ог. уходитъ; лѣниво дѣлаю я свой окончательной туалетъ, Алена начинаетъ мелькать и ребить въ моихъ глазахъ, я иду въ столовую, беру тысячи разъ читанной романъ Жоржъ Занта и сажусь на диванъ съ ногами, такъ удобнѣе; но вотъ Василій долженъ убирать; снявъ кофей онъ приходитъ со щеткой въ рукахъ и смотритъ на меня вопросительно; значитъ надо и отъ сюда убираться, я перехожу на постель, читаю или думаю если нечего читать, браню себя, анализирую, говорю себѣ такія горькія истины что еслибъ это кто другой сказалъ, то едва ли я ему когда либо простила, беру строгія намѣренія, дѣлаю разныя обѣщаніи, но все это serment d'ivrogne. Знаю что я могла бы сидѣть и на другой половинѣ, но тутъ свободнѣе, если мнѣ вздумается выйдти и опять прійдти, я разтворю дверь и другія за мной войдутъ и помѣшаютъ Ог. или невыдержишъ и не имѣя никакого серьезнаго занятія, разговоришся съ нимъ и испортишъ его день. Иногда я лежу и думаю что моя жизнь проходитъ страшно праздно, что можно бы и здѣсь облегчить кой кому жизнь, но я одна не могу, мнѣ стыдно, я не рѣшусь одна перейдти порогъ избы, хотя бы тамъ не худо было посмотрѣть не нужно ли чего, можно бы утѣшить, обнадежить безнадежныхъ, можно бы помочь имъ; но одна я не могу, еслибъ ты и робкая какъ прежде шла за мной, я чувствую что я взошла бы и сдѣлала все что мнѣ кажется нужнымъ, но въ этомъ отношеніи Ог. не товарищъ, ему нѣкогда, онъ идетъ охотно къ больнымъ, но сидѣть тамъ, помогать... этаго и требовать нельзя, это можемъ только мы дѣлать. Знаешъ что, другъ мой, въ дѣтствѣ насъ никогда не пускали въ избу, не водили къ изголовью больнаго, я думаю отъ этаго у насъ этотъ ложный стыдъ. Конечно болѣзни опасны иногда, впечатлѣнья тяжелы для маленькихъ головокъ, но не опасно водить дѣтей въ бѣдную избу, приносить съ ними помощь которая можетъ облегчить сколько нибудь этихъ несчастныхъ, это дастъ даже другое направленіе Татѣ, сначала её будутъ забавлять эти хлопоты, она станетъ собирать ласкутьи и будетъ просить тебя велѣть шить шапочки, рубашки и пр;

мало по малу это разовьетъ состраданье и даже любовь въ ея сердцѣ; не знаю зачѣмъ держать дѣтей въ такомъ невѣдѣньи отъ того, что въ послѣдствіи будетъ извѣстно, и что же если и они, какъ мы, будутъ удерживаемы въ хорошихъ побужденьяхъ ложнымъ стыдомъ. Не знаю хорошо ли пріучать ихъ брезговать несчастіемъ, бѣдностью! Я знаю что ты этаго никогда не хотѣла, но помню что когда нищій подходитъ, Ф. Е.[1] имѣетъ привычку отводить Тату съ такимъ ужасомъ что это можетъ развить въ ней безсознательное отвращеніе и боязнь,—это можетъ оставить брезгливость съ которой, говоря откровенно, я не мало боролась въ послѣдніе годы. Вчера я хотѣла опять приняться за перо, но это было невозможно, ушла было въ садъ, но и тамъ меня отыскали, Ог. не было дома, онъ осматривалъ машины, а больныхъ нашла пропость. Всего болѣе было залотушныхъ дѣтей; приходила еще дѣвушка у которой страшная рана на ногѣ, несчастная лечилась купаростнымъ масломъ; я вспомнила разговоръ объ брезгливости и перевезала ей сама рану. Бѣдныя, бѣдныя люди какъ долго еще имъ быть дѣтьми, какъ страшно они себя уродываютъ.

Приходилъ еще мужикъ который ткалъ рагожи въ Яхонт. лѣтъ десять тому назадъ, онъ былъ на веселѣ и все повторялъ мнѣ что папа ему страшный другъ и maman тоже, что когда они прошлаго года здѣсь увидились съ нимъ, такъ папа не зналъ что дѣлать отъ радости. Больныя посматривали на него съ любопытствомъ, онъ это замѣтилъ и еще больше разходился. Когда я стала давать наставленіи одной женщинѣ, какъ давать лекарство ея ребенку, онъ вмѣшался тоже, повторялъ громко и грозно мои слова и прибавлялъ: А ты ужъ ни таго... ты ужъ слушайся её, она все знаетъ!—Женщина разсердилась и съ достоинствомъ отвѣчала ему: Ты что тутъ? чай она меня довольно знаетъ; не разъ вмѣстѣ калякали.—Меня всѣ эти сцѣны забавляли немного, и хотя я и устала стоя у вѣсовъ до самаго обѣда, однако многое меня смѣшило; только послѣ такихъ занятій чувствуешъ страшную пустоту въ головѣ. Ог. также жаловался на свои занятія по фабрики; передъ вечеромъ, когда оба были наконецъ свободны, мы отправились походить, но мы были въ лѣнивомъ разположенье, ходили только къ платинамъ и у одной довольно долго посидѣли, на лугу черезъ рѣчку виднѣлись пестрыя толпы Тальскихъ

[1] [Старушка Фекла Егоровна, бывшая няня Н. и Е. Тучковыхъ.]

дѣвушекъ, они играли въ хороводы и пѣли, но или мы близко сидѣли или голоса ихъ были особенно пронзительны, пискливы, только пѣнье ихъ мнѣ не понравилось.

Ог. замѣтилъ что я чѣмъ то занята, пишу, и онъ доволенъ, онъ ужасно бы желалъ чтобъ я имѣла дѣятельныя занятія, желалъ бы чтобъ я писала для какого нибудь журнала, но кажется будетъ объ этомъ думать, я сдѣлала два опыта и оба были неудачны: первый, посланный Анненк. [1], оказался негодный для цензуры, второй, посланный прямо въ кантору Отеч. записокъ, тоже. Краевской на дняхъ отвѣчалъ О. что эта повѣсть отъ таго не годится, что у женатаго человѣка есть *une maîtresse*, такъ онъ пишетъ. — — — Буду писать для тебя, это меня столько же займетъ, быть можетъ на досугѣ ты и прочтешъ мое вранье.—

Нѣсколько дней не писала, занятія вздорныя а все таки мѣшали. Мы думаемъ скоро покинуть фабрику; но странная вещь, на прощанье мнѣ вздумалось заняться садомъ, и вотъ я капаюсь съ утра до ночи съ мальчиками какъ бывало въ старину, на дняхъ даже дождь не выгналъ меня изъ саду; однаго мнѣ не достаетъ, моего стараго веселаго товарища; я здѣсь одна, Ог. приходитъ иногда передъ вечеромъ дать совѣтъ, показать гдѣ сдѣлать новую дорожку, но гдѣ же ему капаться въ саду?—Онъ нынче очень занятъ, по фабрики много разныхъ дѣлъ, построекъ и счетовъ, разныхъ поправокъ и не смотря на это, Ог. запирается на нѣсколько часовъ, иногда до обѣда и пишетъ и странная вещь, хотя его часто отрываютъ, однако онъ можетъ писать, и что еще удивительнѣе, другъ мой, пишетъ даже такъ какъ онъ никогда еще не писалъ; если онъ на другихъ произведетъ такое впечатлѣніе какъ на меня, то это будетъ не мало, а право я безпристрастна.

Ог. уѣхалъ сегодня въ Карсунь, онъ долженъ тамъ видѣться съ удѣльнымъ управляющимъ и хлопотать на счетъ продажи фабрики въ удѣлъ, не надѣюсь чтобъ это удалось, Ог. поѣхалъ скрѣпя сердце, онъ говорилъ только что еслибъ не поѣхалъ, то все бы думалъ: вотъ я полѣнился, а можетъ дѣло бы сдѣлалось. Онъ обѣщается пріѣхать завтра, постараюсь не ждать его.—Если дѣти иногда больны, тревожутъ тебя или мѣшаютъ, снеси это, мой другъ, вспомни что все имѣетъ свою хорошую сторону, вспомни объ тѣхъ, которыя по

[1] [П. В. Анненковъ.]

цѣлымъ долгимъ днямъ никому не нужны.—Ты пишешъ что хотѣла бы пріѣхать сюда, ты знаешъ была ли бы я этому рада, только тебѣ здѣсь такъ тѣсно, неловко, какъ бы васъ лучше устроить, не могу придумать.—

50.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову [1].

Писано 14-го Ноября вечеромъ.
Отправляется 15-го рано. [1851 г.]

Посылаю 2-хъ человѣкъ, изъ которыхъ одинъ захватитъ матеріаловъ изъ Саранска, а другой (Константинъ) поѣдитъ къ тебѣ; а на обратномъ пути, если путь будетъ возможенъ захватитъ мочалы, оставленные въ Саранскѣ за болѣзнію моей лошади. Если Мих. Гр. дастъ денегъ то съ Константиномъ оныя пришли, но пожалуйста прибавь ему своего, ибо (кромѣ опасности) необходимо нужно взять у Розмаринова $^1/_3$ ящика стекла. Мои злодѣи во время моего пребыванія въ нашихъ (вашихъ) сторонахъ извели все стекло, а теперь нужно для дома и крайне нужно. Попроси его отпустить въ мой счетъ. Домъ я перестроилъ и обойдусь безъ печника; полагаю что будетъ тепло и мы наконецъ согрѣемся, а все это время дрожали отъ холода. Кнесчастью теперь таетъ, а я жду извощиковъ для отправки товара. Пожалуй откажутся. И своихъ 2 лошади завтра посылаю въ Сызрань; не знаю, что къ утру будетъ съ дорогой.—Сдѣлай одолженье найми татаръ или кого другаго привести отъ Осипа 50 четвертей ржи. Крайняя нужда. Впрочемъ дѣла идутъ кое какъ хотя и безъ денегъ. Не смѣнитъ ли Абрамъ Прокоф. гнѣвъ на милость и не достанетъ ли? Иначе плохо будетъ.—Да! вѣдь мнѣ надо послать Софьѣ Алекс. заемное письмо. Капиталъ былъ въ 3100 р. Григор. Александр. 4% причесть къ капиталу. Ей 8% причесть къ капиталу. Боюсь сбиться въ числахъ. Увѣдомь пожалуйста сколько это выйдетъ?—Если увидишъ Осипа вели списать у него мой счетъ и пришли мнѣ.—Посылаю тебѣ 1 ст. № 7 и 1 ст. № 5-го.—Я вчера

[1] [Чисто-дѣловыхъ писемъ Огарева за время его фабричной дѣятельности на Тальской писчебумажной фабрикѣ, т. е. 1850—55 гг., сохранилось множество. Печатать ихъ всѣ нѣтъ смысла; помѣщаемое здѣсь можетъ служить образчикомъ ихъ: оно хорошо рисуетъ его образъ жизни съ различныхъ сторонъ.]

и сегодня не послалъ, потому что ждалъ Промзинскаго машиниста; но онъ не былъ! А между тѣмъ среднее заведеніе стоитъ, а у черпальной валикъ такъ плохъ, что надо выписывать отъ Вельша, что станетъ весьма дорого. Вообрази себѣ, что я сей часъ повѣрялъ машину ватерпасомъ и нахожу, что Анже даже не поставилъ её горизонтально. Экая бестія!—Вотъ кажется и все о дѣлахъ!—Ну! что ты и мама? Какъ ея здоровье? Что сказалъ Сыросѣкъ? Когда есть надежда увидѣться? — Что новаго въ газетахъ? — Гуровъ весьма не глупъ, но мямля. Отлучиться отъ фабрики также страшно какъ и прежде. Большая часть дня проходитъ въ переговорахъ съ мужиками—кредиторами, въ счетахъ и выговорахъ. Одно развлеченіе больные, которые стекаются со всѣхъ сторонъ; да и то фабрика мѣшаетъ порядочно заняться ими. А вчера былъ такой интересный субъектъ: эмфизема лѣвой половины груди и при томъ кажется—брайтова болѣзнь! фактъ, который изъ всѣхъ медиковъ представился только разъ Андралю (Примѣч. къ Леннеку) по вскрытіи трупа. Тутъ много бы было о чемъ подумать. — Да нѣкогда! —

Жду извѣстій отъ Кашперова [1]. Я бы очень желалъ васъ познакомить, чего онъ очень желаетъ. Конечно онъ спеціалистъ музыкантъ, это для тебя =0, но онъ очень благородный человѣкъ дѣйствительно—а это много.

Прощай другъ мой! Крѣпко обнимаю тебя. Пиши больше и чаще, если уже судьба не позволяетъ скоро свидѣться.

Впрочемъ мы здоровы. — Письмо отправится завтра съ разсвѣтомъ.

Гдѣ maman? Цалую ея ручку и жду о ней извѣстій.

51.

Н. П. Огаревъ — А. А. Тучкову.

22 Октября Москва.

Съ прошлой почтой не успѣлъ написать тебѣ, любезный другъ. Что ты? каковъ ты? Жду твоего письма съ нетерпѣніемъ.

Грановскій умеръ [2]; я хотѣлъ простить ему — и не успѣлъ. Пе-

[1] [В. Н. Кашперовъ, композиторъ.]

[2] [Грановскій ум. 4 октября 1855 г.]

редъ видомъ могилы кончаются всѣ озлобленія и невольно думаешъ, что надо стать выше личной обиды.

Другъ! Не ссорься ни съ кѣмъ. Лучше спроси объясненія спокойно и съ любовью.

Сей часъ Эйфертъ сказывалъ, что сахаръ по 8,25 сер.—Золото вздорожало на 25 к. сер. на полуимперіалъ.—

Я скоро поѣду въ Петербургъ. Пиши когда мы увидимся и гдѣ: въ Москвѣ или Питерѣ. Пиши на имя Мар. Алексѣевны [1].

Обнимаю тебя и maman. Тороплюсь.

[Около 10 ноября 1855 г. (послѣ того, какъ сгорѣла Тальская фабрика) Огаревъ и Н. А. пріѣхали въ Петербургъ хлопотать о заграничномъ паспортѣ, и 13-го числа сняли здѣсь двѣ комнаты на М. Морской, въ домѣ Митусова, въ квартирѣ нѣкоего Рослякова.]

52.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову.

5 Декабря.

Изъ дѣла оказывается, другъ мой, что кажется мнѣ препятствій не будетъ, по справкѣ наведенной Одоевскимъ. [2] О дѣлѣ съ Шаншіевымъ узнаю завтра. Яковъ Кат. долженъ былъ видѣть его. Яковъ берется за дѣло съ жаромъ; не знаю что выйдетъ. Когда ты переработаешъ сахаръ? Когда мы увидимся. Признаюсь—я очень скучаю по тебѣ и по деревнѣ. Всѣ со мной очень хороши, а скучно!—Арап. [3] и Милют. [4] спрашивали о тебѣ. — Моя поэмка (которая будетъ напечатана въ журналѣ Каткова и Корша) [5] производитъ здѣсь furor; а все таки скучно!—Обнимаю Сатина. Писать больше лѣнь. Скажи ему, чтобъ не забылъ выслать мои остальные товары Эйферту. Обнимаю тебя и maman и жду. — Квартира наша такъ намъ надоѣла, что мы 13-го числа перейдемъ еще не знаю куда; съ будущей почтой увѣдомлю.

---

[1] [Сестра А. А. Тучкова.]

[2] [Кн. В. Ѳ. Одоевскій.]

[3] [Вѣроятно И. П. Арапетовъ, извѣстный дѣятель редакціонныхъ комиссій.]

[4] [Н. А. Милютинъ.]

[5] [Поэма Огарева „Зимній путь"; она была напечатана въ 6-ой кн. „Рус. Вѣстн." за 1856 г.]

[Въ Петербургѣ Огареву и Н. А. пришлось прожить, въ хлопотахъ о паспортѣ, больше двухъ мѣсяцевъ, до середины января 1856 г. Петербургскія письма Н. А. Огаревой къ родителямъ и къ сестрѣ полны вопросовъ и соображеній о мелкихъ семейныхъ дѣлахъ; извлекаемъ изъ нихъ тѣ части, въ которыхъ рисуются образъ жизни и петербургскій кругъ знакомства Огарева и Н. А.]

53.

26 ноября 1855. Вчера явился Тург.[1] у него страсть къ Ог. Въ одинъ день былъ два раза, мнѣ такъ дурно было что я лежала и при немъ. Онъ взошелъ съ большимъ эфектомъ, сдѣлалъ будто или въ самомъ дѣлѣ не узналъ меня; вышелъ въ другую комнату и спросилъ,—кто это? Онъ здѣсь получилъ репутацію удивительнаго лгуна. Однако вечеромъ онъ сталъ по любезнѣе, распрашивалъ о тебѣ, сколько дѣтей и пр. Потомъ звалъ насъ обоихъ къ себѣ обѣдать, говоря что у него обѣдали иногда мужья съ женами. А я ему отвѣчала: Est-ce que vs croyez que ns sommes inséparables? Ог. пріѣдетъ и одинъ.—

5 декабря 1855. Ог. здоровъ, но кашель не проходитъ, впрочемъ здѣсь почти всѣ кашляютъ; сегодня онъ обѣдаетъ у Тург. и знакомится съ Толстымъ, который писалъ Дѣтство, помнишъ? — Новыя стихи Ог. очень нравятся здѣсь, я перепишу ихъ для тебя, однако если тебѣ есть время ихъ прежде прочесть, такъ спроси ихъ у Корша.—Съ моей болѣзни мы обѣдаемъ все дома, видимъ мало народу, по вечерамъ Ог. ходитъ читать газеты. Скучаемъ иногда и порядочно. Хотимъ переѣхать съ этой квартеры, тутъ много неудобствъ и не дешево; не знаю что будетъ.—

Сегодня Ог. и С.[2] имянины. Кой кто приходилъ по утру изъ его знакомыхъ. Садясь за столъ я только замѣтила что руки его сильно трясутся. На дняхъ у него была безсонница и вообще онъ былъ что то не въ духѣ. Я не умѣю тебѣ сказать какъ мы обѣдали: куски останавливались въ горлѣ, я прикинулась очень веселой и шутя предложила положить спиртъ на затылокъ, смѣясь я прибавила: Вотъ если бы Кетчеръ, онъ и къ ногамъ бы тебѣ приложилъ, и Ог. къ моему изумленью согласился сейчасъ, и воды приложилъ ко лбу.

---

[1] [И. С.]

[2] [Н. М. Сатинъ.]

Ну и сѣли мы опять, за холодный супъ принялись, а сердце такъ и прыгаетъ. Послѣ обѣда я стала читать, и онъ скоро заснулъ, не знаю что будетъ когда проснется....

Ну, дѣло не обошлось. Вечеромъ припадокъ былъ [1]. Какъ часто, ровно мѣсяцъ и два дня.—Сегодня онъ не припишетъ, милый другъ, а въ будущемъ письмѣ непремѣнно. Будь покойна, я не буду тебя обманывать нынче, пора намъ не быть дѣтьми.—

11 ч. Д. 1855. Тур. и Сологубъ такъ протрубили объ стихахъ Ог. что всѣ даже вовсе незнакомыя хотятъ его видѣть; не мудрено что это его радуетъ, стало и меня, стало и тебя. Завтра будутъ читать его стихи тамъ гдѣ самому никогда не доведется быть.—

13 Décembre 1855.—Vous me demandez, chère maman, comment je passe mon tems, mais d'une manière si monotone que ce n'est à peu près pas la peine d'en parler. Le matin j'écris à Hélène ou à vs, chère maman, j'inscris la dépense, je racommode ce qui est indispensable. Quand tous mes travaux de peine sont finis, je joue du piano ou bien je lis.—Le jour Og. sort absolument pr affaire ou pr voir quelque connaissance, rarement je fais une petite promenade à pieds avec lui, seule je ne sors pas dutout. Quand il revient à la maison, ns dinons, Jean ns apporte le diner du restaurant qui est vis à vis de ns. Jean sert bien, et ns sommes très-indulgents. Je suis très-contente de mon caractère, parce que je ne me fâche pas dutout.

La blanchiceuse m'a interrompue, puis Og. en se prêtant à sortir. Il est allé avec Tourgueneff à un concert d'amateurs.—

Je reviens à notre manière de vivre, le soir ns lisons ensemble, puis Og. va lire les journaux ds un caffé, il revient prendre le thé, d'autre fois il est invité à de petites soirées; on ne soupe pas ici, par conséquent point de champagne.—Tous les jours se ressemblent pr moi, seulement lorsque je marche un peu ds les rues, je me sens un peu ranimée, mais cela arrive bien rarement.—Voilà qui prouve, chère maman, qu'on peut vivre en ville d'une manière plus monotone qu' à la campagne. Dès notre arrivée, j'allais chez les Korch. Og. le désirait et pr moi c'était toujours une distraction, mais ils sont partis depuis près de deux semaines.—

[1] [Ог. страдалъ эпилепсіей.]

[Приписка Огарева:]

Сегодня я долженъ ѣхать къ моему брату Генералъ-Адъютанту Огареву, который взялся за мое дѣло. Что изъ этого выйдетъ, не знаю. Лестно то оно лестно, потому что весь оный фавёръ доставила мнѣ моя поэмка, но результатъ—incertain. Я Генералу благодаренъ по крайнѣй мѣрѣ за то, что онъ принялъ меня какъ не льзя болѣе радушно, и началъ хлопотать тотчасъ же, потому что 2 дня какъ я у него былъ, а сегодня за мной присылаютъ. — Вотъ что, другъ мой! А главное—мнѣ тебя страшно хочется видѣть.—Обнимаю васъ обоихъ. Addio!—

[Переводъ.]

13 Декабря 1855 г.

Вы спрашиваете меня, милая мама, какъ я провожу время: такъ однообразно, что почти нечего разсказать. Утромъ я пишу Еленѣ или вамъ, милая мама, записываю расходъ, чиню что нужно. Кончивъ необходимыя дѣла, играю на рояли или читаю. Днемъ Огаревъ ежедневно уходитъ по дѣламъ или къ знакомымъ, изрѣдка я немного гуляю съ нимъ пѣшкомъ, одна же совсѣмъ не выхожу. Когда онъ возвращается домой, мы обѣдаемъ; Иванъ приноситъ намъ обѣдъ изъ ресторана, который противъ насъ. Иванъ служитъ хорошо, да и мы совсѣмъ нетребовательны. Я очень довольна своимъ характеромъ, потому что ни изъ за чего не раздражаюсь.

Меня прервала прачка, потомъ Огаревъ, собираясь уходить. Онъ пошелъ съ Тургеневымъ въ любительскій концертъ.

Возвращаюсь къ нашему образу жизни. По вечерамъ мы читаемъ вмѣстѣ, потомъ Огаревъ идетъ въ кафѐ читать газеты, и возвращается къ чаю. Иногда его приглашаютъ на вечеринки; здѣсь не ужинаютъ, поэтому нѣтъ и шампанскаго. Всѣ дни для меня на одно лицо, только прогуливаясь по улицамъ, я нѣсколько оживляюсь, но это бываетъ рѣдко. Это доказываетъ, милая мама, что можно жить въ городѣ однообразнѣе, чѣмъ въ деревнѣ. По пріѣздѣ сюда я бывала у Коршей; Огаревъ желалъ этого, а для меня это все-таки было развлеченіе, но они уѣхали почти двѣ недѣли назадъ.

14 Декабря 1855.—Ог. теперь на вечерѣ у Тург.; опять читаетъ *зимній путь*, я просила его взять письмо, вѣрно Вас. Пет.[1] будетъ тамъ.

---

[1] [В. П. Боткинъ.]

Я переписала для тебя стихи Ог., только онъ взялъ у меня тетрадь, потому что его тетрадь кто-то выпросилъ.—Не знаю какъ быть съ новымъ годомъ, хотѣлось бы быть вмѣстѣ, не знаю какъ это устроить. Можно бы съѣздить хоть на два на три дня, только какъ спасти Ог. отъ Пикул.[1] вечеровъ, вѣдь они просто его уморятъ. Я очень рада что спокойствіе и горчишники спасли его отъ обыкновеннаго втораго припадка.

Теперь Ог. вовсе не пьетъ водки, только красное вино. Мнѣ кажется, онъ замѣчаетъ что здоровье мое уступаетъ вѣчному безпокойству и я какъ-то разлагаюсь, только пожалуйста ты не безпокойся, съ этимъ слабымъ здоровьемъ можно сто лѣтъ прожить, Ог. хотя и жаль, но съ другой стороны безпокойство обо мнѣ, одно останавливаетъ его иногда. Въ первый разъ я замѣчаю что здѣсь скверно жить зимой, то страшно холодно, то вѣтеръ съ моря, тепло и сырость; странное разслабленіе чувствуется.—

17 декабря. вечеръ. 1855.—Завтра будутъ у насъ Островской, Тур. Толст. Боткинъ, не могу тебѣ скрыть что чувство дикости мной сильно овладѣло; съ двумя надо совершенно вновь знакомиться, Ботк. я почти не знаю, Тург. кажется, меня ненавидитъ;—а нельзя не звать ихъ, Ог. скучно да и неловко, они всегда его зовутъ, а онъ ни разу.—

Ог. поѣхалъ къ Кав. жму тебѣ руку за него.—

22 декабря.—Нашъ маленькой вечеръ былъ не совсѣмъ удаченъ, Ог. хлопоталъ объ ужинѣ и винѣ, а между тѣмъ Толст. вовсе не пріѣхалъ, Тург. повернулся и уѣхалъ, Ботк. остался, но не ужиналъ, одинъ Островской поужиналъ съ Ог.—Онъ мнѣ нравится, простъ, уменъ, да еще качество: не имѣетъ ни какой злобы, никакого предубежденья противъ меня. Я выучилась это цѣнить какъ слѣдуетъ, по этому съ такими людьми какъ Остр. я сама проще и добрѣе, я чувствую что могу говорить свободно, что никто не будетъ перетолковывать мои слова вѣчно въ дурную сторону.

Никакъ не могу рѣшиться лишить С.[2] его кабинета, другъ мой, ты сама это поймешь, я могу тебя стѣснять, мнѣ это даже весело,

[1] [П. Л. Пикулинъ, моск. докторъ, пріятель Кетчера, Сатина, Огарева; на его вечеринкахъ выпивалось много шампанскаго.]

[2] [Н. М. Сатинъ.]

но С. не хотѣлъ быть моимъ братомъ, какъже поступать съ нимъ какъ съ братомъ? — Я знаю что пока я жива, онъ со мной не примирится, потому что онъ сильно подъ вліяніемъ Кетч. et Гран., не сердись только за эти откровенныя слова. Какое же въ самомъ дѣлѣ преступленье я сдѣлала которое бы С. положа руку на сердцѣ, могъ засвидѣтельствовать самъ? но онъ смотритъ чужими глазами.—Ты съ нимъ не говори обо мнѣ, это совершенно безполезно, но когда жизнь моя кончится, и я пойду на вѣчный отдыхъ, тогда ты ему все разскажи, и я увѣрена что онъ пойметъ; когда жизнь съ своими мѣлочами, горячими вспышками, бурными порывами, уляжется въ могилу, — нѣтъ больше мѣста для ненависти. Я прощаю Гран. зло которое онъ мнѣ сдѣлалъ и слушаю спокойно похвалы объ немъ.— А между тѣмъ больно и не привычно встрѣчаться съ людьми не дурными которыя не зная тебя, по словамъ другихъ, осудили тебя на вѣки.—Но за что нападаютъ на тебя теперь? чѣмъ не доволенъ Пикул.? — не я ли опять вовлекла тебя въ непріятности? напиши просто.

Пожалуйста не сердись на меня, Елена; ты у меня почти одна, не будемъ ссориться, вѣдь я тебѣ ничего новаго, оскорбительнаго не сказала. Ты все это давно знаешъ. Если ты думаешъ что можно меня отъ души помирить съ С. на отъѣздъ, такъ помири, а если ты видишъ сама что онъ еще заблуждается, такъ оставимъ все по старому. — Если можно, найми намъ нѣсколько комнатъ какъ можно ближе къ вамъ [1]. Пиши мнѣ поскорѣе, а то я буду думать что ты сердишься.—

29 décembre 1855.—Я начала было писать для *тебя*, но нынче такъ часто приходятъ къ намъ Анненковъ и Остр., Кав. что рѣшительно нельзя продолжать.—

2 января 1856.—Вчера для новаго года было много хлопотъ и неожиданныхъ вещей. По утру Кавел. такъ рано пріѣхалъ что разбудилъ Ог.; потомъ явился Остров. Наконецъ середь дня пріѣхалъ Шаншѣевъ. Пріѣздъ его и разговоръ съ Ог. хотя весьма тихой, такъ странно подѣйствовали на Ог. что у него сдѣлался припадокъ.

---

[1] [Огаревы намѣревались передъ отъѣздомъ за границу пріѣхать на короткое время въ Москву.]

Кав. тебя очень помнитъ и любитъ, въ четвергъ звалъ обѣдать, немного неловко, потому что я еще не видала Ан. Θед. и прямо ѣхать обѣдать, но Ог. этаго хочется.

Тург. зоветъ въ пятницу вечеромъ, и не однаго Ог. и меня тоже чтобъ видѣть представленье *Горбунова* актера, ты, можетъ, объ немъ слыхала. Ог. говоритъ что безъ меня не пойдетъ, потому что не разъ видѣлъ Горб. а ему хочется идти, не знаю что дѣлать, я совсѣмъ не такъ хороша съ Тург. и ни съ кѣмъ изъ его общества чтобъ являться совершенно одна къ Тург. Не видали Гор. только я да Ан. такъ это устроивается для насъ. Очень непріятно, Ог. не можетъ этаго понять, онъ привыкъ ходить всюду на вечеръ и не прідаетъ этому важности.

Вчерашній припадокъ помѣшалъ Ог. быть у Генерала Ог. поэтому мы ничего не слыхали объ пашпортѣ. На дняхъ будетъ что нибудь положительное, просьба подана. Какъ получимъ отвѣтъ, напишу. Найми комнаты и давай какъ нибудь сберегать Ог. Здоровье его тревожитъ меня страшно. 4 припадка съ тѣхъ поръ какъ оставили деревню!—а тамъ не было почти годъ. Страшно, страшно за него!

8 января.—На этой нѣдѣли надо сдѣлать публикаціи и выѣхать. Не знаю что Ог. сдѣлаетъ съ Панаев. они застращиваютъ какими то письмами Ог. къ Мар. Льв. въ которыхъ есть полное опроверженье (по ихъ словамъ) *того чего хочетъ теперь* Ог. Такъ велѣлъ сказать Некр. Ог. черезъ Тург.—Я думаю что тутъ кроется страшная низость, ты сама отгадаешъ въ чемъ дѣло, жаль что С. нѣтъ есть [вм. здѣсь], онъ бы помогъ. При свиданьи много страннаго разскажу тебѣ, или лучше сказать страннаго ничего нѣтъ, но мы странны потому что намъ многое странно, пора привыкнуть ко всѣму.—

54.

—Н. А. Огареву [1].

Милостивый Государь,
Николай Александровичь.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Превосходительства, что отставному Коллежскому Регистратору Огареву Всемилостивѣйше

[1] [Двоюродный братъ Н. П. Огарева, генералъ; см. выше, стр. 143.]

дозволено съ женою отправиться къ Гастейнскимъ минеральнымъ водамъ и въ Сѣверную Италію, для излеченія болѣзни, и что заграничный для него паспортъ завтрешняго числа будетъ препровожденъ къ Г. СПетербургскому Военному Генералъ Губернатору.

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и преданности.

[Подпись неразборчива.]

„16„ Января 1856 г.
Его Пр-ву Н. А.
Огареву.

55.

Я. Сабуровъ—Н. М. Сатину.

Выведи насъ изъ недоумѣнія Люб: Nicolas. Вчерась вечеромъ у Кошелева [1] зашолъ страшный споръ у Павлова [2] съ Хомяковымъ. Пав: говорилъ, основываясь на твоихъ словахъ, что Огаревъ еще не получилъ позволенія ѣхать за границу и потому не ѣдитъ. А Хомяковъ утверждалъ съ большими подробностями, что видѣлъ уже самъ пашпортъ, который ему показывалъ Огаревъ.—Разрѣши: кто правъ, кто виноватъ.—Я отправляюсь на Ж. дорогу. Прощай.

Я. Сабуровъ.

Середа
Д. Янишъ.

56.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову и Н. М. Сатину.

Берлинъ Апрѣль 2 / Марта 21 [1856 г.]

Мы пріѣхали третьяго дня усталые отъ Варшавской желѣзной дороги, которая отличается медленной ѣздой, скверными вагонами, безпорядками всякаго рода. Такъ на пр. за версту до станціи поѣздъ остановился за недостаткомъ воды въ паровикѣ; такъ скупость въ количествѣ вагоновъ доходитъ до того, что пассажиры умѣщаются

[1] [А. И. Кошелевъ.]
[2] [Н. Ф. Павловъ.]

на манеръ сельдей въ боченкѣ. Скупость въ вагонахъ продолжается до Бреславля; вотъ что значитъ вліяніе сосѣдства! Жиды и безпорядокъ такъ и вдались въ Пруссію изъ царства Польскаго. Все это утомительно и гадко. Ктомуже погода была отвратительная, мѣстность гладкая, т. е. ровная, какъ ладонь и ни малѣйшей отрады для взора, и ни малѣйшей для слуха. Самое лучшее, что я слышалъ дорогой—это какъ богатый негоціантъ изъ нѣмецкихъ жидовъ пренаивно разсказывалъ, что онъ глубоко симпатизируетъ съ своей женой, потому что оба не любятъ тратить лишнихъ денегъ.

Ну вотъ наконецъ мы и въ Берлинѣ, гдѣ я нѣкогда учился, лѣчился и наслаждался жизнію! Я увидалъ Берлинъ съ радостью, съ которою встрѣчаютъ стараго родственника, очень близкаго и очень скучнаго человѣка. Берлинъ нисколько не перемѣнился: все тѣже рѣдкія липы unter den Linden, тѣже физьономіи съ чувствомъ собственнаго достоинства и накрахмаленными движеніями. Офицеры также затянуты; только тѣ неподтягиваютъ брюшко, у кого толщина отнимаетъ къ тому всякую физическую возможность. На Universitätsstrasse я не заглядывалъ: боюсь узнать, что M-me Leuthold умерла. Изъ знакомыхъ нашелъ только Шнейдера, бывшаго commis въ Шредеровской книжной лавкѣ, а теперь самаго имѣющаго книжную лавку и издающаго le messager de Berlin съ вчерашняго дня. Увидавъ его я подумалъ въ pendant къ гоголевскому прокурору, что въ Берлинѣ одинъ милый книгопродавецъ und der ist ein Schneider.—Да! виноватъ! Берлинъ съ 48-го года сдѣлалъ такой прогрессъ, какаго я не ожидалъ. Я думаю, что это единственно-благодѣтельный результатъ 48-го года, а именно: на улицахъ позволено курить! А все таки кажется, что жендармы еще косо смотрятъ на проходящихъ съ сигарами, потому что чувство собственной безполезности должно быть мучительно.—Изъ литературныхъ новостей романъ въ драматической формѣ Ж. Занда: le diable aux champs. Читаемъ его теперь. Нелѣпая и не ясная религіозно-философско-эксетера-чная фантазія съ старческими замашками! Тутъ являются лицы изъ прежнихъ романовъ (Jacques и Ralph) и птицы и лягушки разговариваютъ.—Еще говорятъ M-me Natalie Solovoy написала какой то романъ, дѣлающій шумъ.—Видѣлъ англійскую ученую книгу о племенахъ населяющихъ Россію съ картою; надо будетъ прочесть, потому что кажется весьма серьозное географико-статистическое изслѣдованіе. Забылъ имя автора.—Англичанъ еще мало въ Берлинѣ. Но нѣмцы выучились но-

сить вмѣсто пальто шотландскій plaid; довольно смѣшно встрѣчать господина въ шалѣ! За то дамы носятъ пальто совершенно мужскія. Впрочемъ все это дѣло привычки!—

Вчера пришло извѣстіе о мирѣ. Это меня несказанно обрадовало! Какъ то спокойнѣй на̀ сердцѣ. Вотъ и навигація откроется и отдохнете и вы и вся родина, которую мнѣ жаль, безъ которой мнѣ немножко скучно; скучно не встрѣтить нашей весны, а какую то немѣцкую полу-весну, которую и не замѣтишь—какъ придетъ и пройдетъ. Впрочемъ привыкну!—Прощайте, carissimi, обнимаю васъ крѣпко. Будьте здоровы и пишите. До сихъ поръ еще нѣтъ отъ васъ ни строчки. Ждали, ждали и рѣшились писать не дождавшись. Мнѣ кажется, папа, что это письмо застанетъ тебя въ Москвѣ, а не то, Сатинъ, перешли оное и въ Яхонтово. Смерть хочется отъ васъ извѣстій. Maman, Елену и дѣтей цалую. Съѣзди къ Сер. Ив. [1] и скажи, что вотъ де я писалъ такую то дребедень. Завтра или послѣ завтра куда нибудь уѣдимъ. — Herrmann [2] говорятъ уѣхалъ въ Англію. — Сегодня солнце и кажется чудесно. Все обстоитъ благополучно. Жаль мнѣ, что я не заѣхалъ въ Петербургъ; а впрочемъ видно къ лучшему, скорѣе доѣхалъ. Иду сегодня къ Мичерлиху. Еще вѣроятно повидаюсь съ Росбергомъ, котораго превозносятъ какъ спеціалиста на счетъ нервныхъ болѣзней. Медицина здѣсь совершенно раздробилась на спеціалитеты. Только Шенлейнъ остается überhaupt. Я думаю, что заѣду въ Дрезденъ къ Геденіусу. Барацъ умеръ. Славу Дифенбаха наслѣдовалъ Langenbeck. — Шарманокъ не слыхать въ Берлинѣ, а все играютъ на флейтѣ. Тоска смертная!

Астракову.

Изъ письма моего къ Ал. Ал. и Сатину увидишъ, другъ Сергѣй, что̀ и какъ. Сегодня больше писать не въ состояніи. Былъ у Мичерлиха и все не могу до него добиться. Жмемъ оба руки тебѣ и Т. А. и Вл. Ив. До свиданья. Напишу съ Рейна. Напиши и отдай письмо Сат. — [Дальше рукою Н. А.] Мы обѣдаемъ въ какомъ то при-

[1] [Астраковъ.]

[2] [Мюллеръ-Стрюбингъ, нѣмецкій эмигрантъ, извѣстный филологъ, пріятель Огарева, Сатина, Герцена.]

личномъ кобачкѣ, Ог. торопитъ идти на почту. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте насъ; дайте ваши руки.

Вся ваша N.

[На оборотѣ:]

Russie. Moscou. Madame de Satine.

Въ Москвѣ. Ея Высокоблагородію Еленѣ Алексѣевнѣ Сатиной. На 3-й Мѣщанской въ домѣ Фишера.

57.

Огаревы—Тучковымъ.

$\frac{14}{2}$ Апр. [1856 г.]

[Рукою Н. А.:]

Мы доѣхали хорошо до мѣста нашего времѣннаго жительства, cher père et chère maman.—Насъ одно очень огорчаетъ, это что вы насъ такъ долго оставляете безъ извѣстій; мы не знаемъ гдѣ вы и какъ вы доѣхали и здоровы ли были все это время.—Послѣ завтра мѣсяцъ какъ мы уѣхали; не нравится мнѣ эта страна и если бы не Емилія [1], то не зачѣмъ бы и заглядывать въ неё.—

Ог. лечится здѣсь у однаго изъ самыхъ знамѣнитыхъ докторовъ. Онъ не шарлатанъ и не ручается за излеченья, но очень надѣется. Онъ велѣлъ О. всякое утро разтираться щеткой, а потомъ мокрый губкой. Я вижу отъ сюда какъ это леченье вамъ понравится, папа. Емилія мнѣ дѣятельно помогаетъ, она такъ любитъ О. что всѣ силы употребляетъ на то чтобъ онъ не отступалъ отъ предписаній. Вино запрещено совершенно.—Емилія, единственно изъ всѣхъ близкихъ, серьезно смотритъ на болѣзнь и ни тѣни иронiи въ отношеніи къ моимъ попеченьямъ я не замѣчала, да и крѣпко вѣрю что и не увижу. Васъ отъ души благодаритъ за ваши строки. Дѣти необыкновенно милы и красивы. Я думаю что меньшая будетъ совершенно похожа на мать.—

Не знаю теперь поѣдемъ ли мы на воды, во всякомъ случаѣ мы будемъ обо всемъ писать, каждую недѣлю буду писать, пожалуйста

[1] [Эмилiей подписывался изъ осторожности Герценъ въ своихъ письмахъ къ русскимъ друзьямъ,—и такъ называютъ его всюду Огаревы въ нижеслѣдующихъ письмахъ.]

дѣлайте тоже, это можетъ насъ хоть нѣсколько успокоить. Ог. не чувствуетъ ни малейшаго поползновенья къ припадкамъ.

Прощайте, папа и maman, отъ души цалую васъ обоихъ, и умоляю писать.—До сихъ поръ ни слова.

Вся ваша N.

[Рукою Огарева:]

Покамѣсть все хорошо, другъ мой, кромѣ того, что до сихъ поръ еще ни строчки отъ васъ. Это такъ мучитъ и тревожитъ, что и сказать не могу. Изъ письма Н. увидишъ все что касается моего здоровья. Докторъ мой дѣйствительно свѣтлый человѣкъ въ медицинѣ и одна изъ знаменитостей большаго размѣра. На мой счетъ вы всѣ можете быть спокойны и я Н. ни на минуту не потревожу уклоненіями отъ предписанной діэты.—Пиши же, другъ! Ты знаешъ сколько ты мнѣ дорогъ.

За чѣмъ сказали, что Емилія посѣдѣла и пала духомъ. Это все вздоръ.

[На оборотѣ: Алексѣю Алексѣевичу.]

58.

Огаревы — Тучковымъ.

$\frac{30\ \text{апрѣля}}{18}$ [1856 г.]

[Рукою Н. А.:]

Ваше письмо насъ очень обрадовало, cher père, и ваша приписочка тоже, chère maman, мы такъ давно не видали вашего почерка. Мы здѣсь какъ говорятъ слава Богу; здоровье Ог. ни чуть не безпокоитъ меня, онъ имъ такъ серьёзно занятъ и Ем. тоже. Любите Ем., cher père, кромѣ того что она васъ очень любитъ, но ея дружба къ Ог. не можетъ не прибавить еще ей изъ вашего сердца хорошой кусочекъ, она такъ просто, горячо имъ занята, какъ будто кто нибудь изъ дѣтей серьёзно боленъ.—Для меня совершенно новое чувство пробуждаетъ видъ друга Ог. который мнѣ не врагъ, и это ужъ страшно много, а тутъ представьте себѣ что этотъ другъ и васъ любитъ, и Елену помнитъ и наконецъ онъ и мнѣ такой же другъ

какъ Ог.!—это такъ много, такъ хорошо; почти невѣроятно. Иногда я думаю: неужели не найдется добраго человѣка который бы попробывалъ все это уничтожить, разладить!—Однако, cher père, будемте справедливы, то есть я хочу сказать безпристрастны; можетъ вы такъ скоро уѣхали изъ Петер. что Кавелинъ просто не успѣлъ быть у васъ такъ какъ желалъ, но я понимаю что зная что вы могли такъ понять его поступокъ, онъ бы долженъ былъ непремѣнно быть аккуратнымъ. Все же это остается въ неизвѣстности, и мнѣ очень досадно что это не ясно, я сужу вопреки пословицы: худой миръ лучше доброй брани. J'aime mieux franchement savoir à quoi m' en tenir. Мы пишемъ къ вамъ прямо какъ вы желаете и ни слова объ пожарѣ въ письмѣ къ Ел. хотя я думаю что и они бы не стали болтать. — Пишите, папа, объ вашихъ улучшеніяхъ въ Яхон., что новаго въ странѣ родной? воротились ли ратники, всѣ ли цѣлы или по крайнѣй мѣрѣ тѣ которыхъ я знала оссбенно.—

Благодарю васъ тысячу разъ, chère maman, за всѣ ваши милыя попеченьи объ насъ; на счетъ здоровья будьте покойны, Ем. даже и меня заставляетъ беречься, Боже мой, maman, какъ хорошо что она и меня любитъ, пусть бы только ничего, ничего не разрушило нашихъ дружескихъ отношеній: мнѣ иногда кажется что это слишкомъ хорошо и тогда думается что кто нибудь да сунется! — Ну да, живемъ пока живется. Папа, папа, вы меня страшно огорчили хотя я и рада что вы говорите со мной откровенно, какъ можно думать что отчуждятъ дѣтей? А что же Елена, я, даже С.—Вѣдь онъ все таки очень, очень благородный человѣкъ, будемте безпристрастны, это трудно сначала, но вы можете, я знаю; мнѣ стоило многаго любить и цѣнить С. [1] не смотря на его неразположенье ко мнѣ, но я восторжествовала надъ этимъ все-таки мѣлкимъ чувствомъ, и теперь я вижу его такъ какъ онъ есть, я даже могу сказать что онъ меня уважаетъ, а васъ уважаетъ и даже любитъ, но мы сами виноваты, мы его фруасируемъ въ его привязанностяхъ. Ахъ, Боже мой, я заговорилась и не оставила почти мѣста Ог. Цалую васъ обоихъ отъ всей души и жду писемъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ

Вся ваша

Natalie

[1] [Н. М. Сатинъ.]

[Рукою Огарева:]

Наконецъ письмо отъ тебя! Ты все возишся съ моей фабрикой, другъ мой! Милый, милый другъ мой! Спасибо! Къ С. писалъ, чтобъ онъ не платилъ Ад. но о фабрикѣ ни слова, какъ ты желаешъ.— Досадно мнѣ на Костю! Да не случилось ли это противу его воли потому что ты скоро уѣхалъ? Право не хочется подозрѣвать его въ дрянности, потому что въ немъ много благородныхъ сторонъ. А досадно до смерти! Я думалъ поступить очень хорошо прося тебя о свиданьи съ нимъ.—Что новаго о сбавкѣ %?—Обнимаемъ мы тебя крѣпко! Пиши! Maman цалую.

[Рукою Н. А.:]

Cher père, какъ я рада что наконецъ Пав. даетъ намъ возможность заплатить эти два тяжелыя долга, вы вѣрно насъ за это не будете бранить, тетеньку и M-lle Michel выключите изъ кредиторовъ; нѣтъ, вы вѣрно не разсердитесь, во первыхъ мы объ этомъ говорили сто разъ, а потомъ вы слишкомъ знаете что дѣла наши нераздѣльны. Прощайте еще разъ, крѣпко васъ обоихъ обнимаю.

Мнѣ кажется что я становлюсь здоровіѣ и крѣпчѣ отъ одной мысли что тетенька и M-lle M. будутъ заплочены.

Напишите ждутъ ли Вишнякова, мнѣ хочется прислать ему хоть строчку, я его очень люблю.—

Chère maman, кланяйтесь Ушак. я скоро вамъ пришлю записку для нихъ. Вратской тоже поклонитесь. Нинилу цалую и благодарю за сбереженье Сашиной дѣвочки, жаль что похожа взглядомъ на отца, ну да что жь дѣлать? авось будетъ поумнѣе.

[На оборотѣ:]

Russie. Saransk. M-r Alexis Toutchkoff.

Въ Саранскъ. Алексѣю Алексѣевичу Тучкову. Въ С. Долгоруково (На почтов. штемпелѣ: Bruxelles. 3 Mai 1856).

59.

Огаревы — Тучковымъ.

$\frac{7 \text{ мая}}{25 \text{ апрѣля}}$ [1856 г.]

[Рукою Н. А.:]

Мы получили коротенькое письмо отъ Елены, cher père, но отъ васъ ни строки, можетъ разливъ рѣкъ тому причиной; пишите же почаще, это сокращаетъ страшное растояніе, которое насъ раздѣляетъ, это обманываетъ, а вѣдь и обманъ пріятенъ иногда. Что дѣла, папа? не пріѣдите ли вы лѣтомъ или осенью? Здѣсь такая скверная погода что мы и не видали весны, деревьи разпустились, а холодно какъ осенью и вовсе не пахнетъ весной. Непривлекательная страна по мнѣ!—Говорятъ что мы переѣдимъ отсюда черезъ мѣсяца два, насъ задерживаетъ леченье О. Онъ долженъ видаться два раза въ недѣлю съ докторомъ; здоровье его удовлетворительно, до сихъ поръ ни однаго намека на припадки, тренье и леченье холодной водой продолжается и укрѣпляетъ его.—Можетъ нужно будетъ купаться въ морѣ, это будетъ и мнѣ полезно.—Пишите же, cher père, все что вы дѣлаете; пріѣдите ли?—Крѣпко, крѣпко васъ обнимаю

Вся ваша

N.

Отъ чего же вы меня не балуете, chère maman? отчего вы такъ мало писали тотъ разъ, а нынче и вовсе не написали. Какъ я рада что Елена скоро собирается къ вамъ, мнѣ все будетъ легче думать что вы вмѣстѣ и дѣти будутъ такъ ради!—Вы говорите, chère maman, больше писать вамъ объ нашей жизни, но она приняла такой аккуратной видъ что писать объ ней трудно. Мы живемъ въ двадцати минутахъ разстоянія отъ Ем. По утру О. занимается по своему обыкновенію, я пишу къ вамъ или читаю (въ книгахъ недостатка нѣтъ, Ем. снабжаетъ) мы завтракаемъ, когда О. ѣдитъ въ Лон. къ доктору, мы съ Ем. иногда ѣдимъ тоже и тогда дѣлаемъ въ городѣ всѣ порученьи, разстояніи здѣсь страшныя, дальше чѣмъ отъ Ел. до Астр. [1]. Потомъ мы идемъ обѣдать къ Ем., послѣ обѣда обыкновенно я играю съ дѣтьми, балтаю съ Сашей. Тата меня очень полюбила, Оля меньше бываетъ со мной, это рѣдко красивый и

[1] [Т. е. отъ Сатиныхъ до Астраковыхъ въ Москвѣ.]

граціозный ребенокъ. О. учитъ Тату по русски, а я, гувернантку [1]. Она читаетъ и переводитъ со мной. Послѣ девяти часовъ, когда дѣти ушли спать, мы вмѣстѣ читаемъ или балтаемъ, въ одинадцать часовъ идемъ домой. И всякой день почти тоже; въ воскресенье знакомыя Ем. собираются, больше вечеромъ, это довольно скучно. Женщины которыя приходятъ къ гуверн. все нѣмки.—О. тоже скучаетъ по воскресеньямъ, но онъ ходитъ для того чтобъ видѣть Hermanna который кромѣ воскресенья рѣдко приходитъ. Онъ живетъ только уроками. Вообще на меня странно, непривычно дѣйствуетъ, здѣшняя постоянно занятая жизнь.—Вотъ и вся наша жизнь, chère maman, погода скверная, гулять нельзя. Сегодня О. хочетъ достать фортопьяно, я очень этому рада. Прощайте, chère maman, цалую васъ тысячу разъ, пишите же и вы все что дѣлается у васъ.

Вся ваша

N.

Скажите Нинилѣ чтобъ она хоть изърѣдка присылала мнѣ словцо. Припадковъ не было ни однаго.

[Рукою Огарева:]

Вотъ недѣля прошла, а отъ тебя ни строчки! Хотя бы знать что ты здоровъ! Мы покамѣсть живемъ по немногу. Холодно здѣсь, точно осень. А хотѣлось бы тебя посадить къ камину.—Пиши же ради бога! Что ты дѣлаешъ? Что намѣренъ дѣлать?—Мое здоровье такъ преуспѣваетъ что чудо; да и медикъ мой славный.—Сей часъ Германъ проситъ пожать тебѣ руку и очень тебя помнитъ. Прощай! обнимаю васъ обоихъ крѣпко. [Рукою А. И. Герцена:] Да хоть я и не Германъ а обнимаю сто разъ крѣпче—нельзя ли сказать до свиданья—Прощайте.

60.

Н. П. Огаревъ—Н. М. Сатину.

Спасибо, caro mio, за письмо и за благополучное окончаніе дѣла съ Н. Ф [2].

Жаль Чаадаева [3]; я думаю, что его смерть заставитъ многихъ

[1] [Мальвида Мейзенбугъ.]

[2] [Н. Ф. Павловъ.]

[3] [П. Я. Чаадаевъ умеръ 14 апрѣля 1856 г.]

оцѣнить его выше, чѣмъ то дѣлалось при жизни. Виноватъ и я во многомъ передъ нимъ. Въ послѣднее время что то странное и неодолимое тянуло меня къ нему, такъ, что я, простясь съ нимъ, еще разъ поѣхалъ прощаться. Мнѣ въ самомъ дѣлѣ глубоко жаль, что его нѣтъ, что я его не увижу больше, что въ Москвѣ исчезло съ нимъ какое то вліяніе, въ которомъ никто не признавался, а которое было.—

Изъ денегъ плати уже и остальное Mlle Michel; можно заплатить Павлу Алекс. который всегда нуждается и ждётъ на мнѣ par déférence. Мнѣ хотѣлось бы освободиться отъ dettes d'honneur. Для меня – я уже писалъ—т. е. для М. К. нужно 2 т. р. с. Перешли ихъ на обычный адрессъ, а на какаго банкира пусть Ценк. самъ придумаетъ; по мнѣ хотя на Ротшильда и на фунты, если Ценк. найдетъ change для меня выгоднымъ.—Благодарю Елену за память и всѣхъ васъ большихъ и малыхъ обнимаю.—Къ рара напишу завтра. Что онъ вовсе не пишетъ. Только одно письмо отъ него и получили. Скажи ему, что это насъ сильно тревожитъ.

61.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову.

$\frac{18}{6}$ Іюл. [1856 г.]

Такъ стало ты не уѣхалъ, другъ, и все въ деревнѣ. И мы все неуѣхали. Все живу здѣсь, чтобъ досканально возстановить здоровье, и надѣюсь, что мѣсяца черезъ полтора буду совершенно обезпеченъ со стороны обычныхъ болѣзней.—Вчера видѣлъ ботаническій садъ (Kewgarden). Великолѣпнѣе этаго ничего не льзя представить. Установка и огромность экземпляровъ тропическихъ растеній лучше чѣмъ гдѣ нибудь. Одно только подумалъ я, что и въ природѣ не все красиво, что тропическая флора можетъ быть для насъ изумительнѣе, а конечно не красивѣе умѣренной полосы Европейскаго міра. Новаго, какъ и у васъ, ничего нѣтъ. А поѣдишъ ли ты въ Питеръ?—А оттуда будетъ ли время завернуть хотя на мѣсяцъ въ сіи страны и взглянуть на насъ, жаждущихъ тебя видѣть. О! какъ бы это было отрадно.—Крѣпко жму тебѣ руку. Ем. тоже. Цалую maman. А кто же ей готовитъ золу? Сей часъ идемъ обозрѣвать парки.

Бѣдный Василій!

62.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову.

Октября $\frac{1}{12}$ [1856 г.]

Усталъ я сегодня. Ходили мы гулять въ Richmondpark. Что это за прелесть! Не смотря на туманъ, который сдѣлался постояннымъ, пальто еще вещь совершенно лишняя и ходить просто въ сюртукѣ не только тепло, но даже станетъ и жарко. Нигдѣ я не видалъ такой роскошной растительности какъ здѣсь, т. е. говорю о деревьяхъ. Это все вѣковое. Да я думаю и сырость быстро гонитъ растенія въ ростъ и толщь. А все же климатъ такъ непріятенъ, что я лучше люблю нашъ. Твое письмо отъ $^{9}/_{21}$ Сент. обѣщаетъ твой пріѣздъ въ Мартѣ. Стану считать дни и ждать нетерпѣливо.—А сахаръ здѣсь хуже нашего и свѣчи тоже; чай разумѣется хуже. Но что тебѣ еще покажется удивительнѣе, что вообще всѣ мануфактурныя издѣлія добротой скверны, но дешевы; кромѣ писчей бумаги, которая хороша и дорога. Правда ли что вывозъ тряпья у насъ запрещенъ? Напиши мнѣ это. Крѣпко обнимаю васъ обоихъ. Е.[1] жметъ тебѣ руку.—

63.

Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной.

[27 ноября 1856 г. [2]]

Дойдетъ ли до тебя эта тетрадь, моя Елена, пошлю ли я её тебѣ? Теперь я этаго не знаю, можетъ мы никогда не увидимся, Боже мой какъ сердце забилось и слезы потекли; все носится передъ глазами комната въ которой мы прощались, тогда я крѣпко вѣрила что мы разстаемся только на время.... съ тѣхъ поръ прошло пол-года, все измѣнилось; мы не воротимся. Чувствуешь ли ты какъ меня душатъ рыданья. Я вспоминаю парижскія проводы и мнѣ еще страшнѣе. Гдѣ же та которую я такъ страстно любила[3]; какъ быстро она

[1] [Emilie, т.-е. Герценъ.]
[2] [День рожденія Е. А. Сатиной, см. въ текстѣ.]
[3] [Н. А. Герценъ.]

угасла. Живи, живи моя Елена; мнѣ такъ страшно—сегодня я видѣла во снѣ Тату твою мертвую—Боже мой! зачѣмъ такія сны; и на яву страданій довольно. Я помню и теперь это блѣдное личко, такъ бы взялъ да и легъ возлѣ, а тамъ пусть будетъ что будетъ.—Тата [1] поетъ какую то нѣмецкую пѣсню, а я плачу какъ дура; что со мной? страхъ, сомнѣнья—да ужъ лучше бы умереть—это подлость. А дѣти, вспомни ея слова: *Замѣни меня на сколько можешь.* Да вѣдь силъ то сколько надо на все? О! какъ страшно всѣ во мнѣ ошибаются, и тѣ которыя любятъ и тѣ которыя ненавидятъ меня.—Эта женщина съ характеромъ, говорятъ они, у нея силы, энергіи много. Неправда, сто разъ неправда, моя Елена. Я за всякое рѣшенье, которое кажется такъ легко приняла, плачу страшными мученьями, борьбой; я десять разъ готова вскрикнуть: Да идетъ эта чаша мимо меня!—Когда я одна, я придаюсь иногда страшному отчаянію, слезамъ, безумнымъ мальбамъ, жалабамъ на себя, на жизнь, на людей.—Не знаю почѣму, но я спокойна какъ скоро не одна, недовольно ли я близка со всѣми чтобъ все показать что внутри души или самолюбіе мѣшаетъ.—Какъ мнѣ страшно самой взглянуть въ себя, какъ много тамъ любви, страданій, мелкаго самолюбія, ревности даже, Боже мой, зачѣмъ я вижу себя такъ ясно, зачѣмъ во мнѣ такъ много дурнаго. О, Сатинъ, Сатинъ, когда меня не будетъ и ты станешъ читать эту тетрадь, скажи ему я себя лучше знала чѣмъ онъ могъ меня знать, я видѣла все дурное въ себѣ, но меня бѣсило что не было въ людяхъ близкихъ довольно любви чтобъ простить мнѣ все дурное. Я не знаю чего хочется отъ жизни, чувствую только что удовлетворенія въ ней не найдешъ. Сегодня день твоего рожденья, мнѣ бы хотѣлось быть съ тобой, мнѣ тяжело, больно, зачѣмъ жизнь такъ не умолима?—зачѣмъ такъ дорого платить за все хорошое?—

На моей жизни лежитъ печать проклятія, я это знаю, я это чувствую, не дано мнѣ провести жизнь спокойно и ясно, всѣ чистыя, свѣтлыя радости не для меня; но можетъ быть это справедливо, за безуміе, за дерзость требованій, желаній, жизнь въ правѣ наказывать. Елена моя, я много страдала все это время, да и теперь мнѣ не хорошо, на душѣ мутно, подымаются и стихаютъ страшныя бури, не таго хотѣлось отъ жизни—таго чего хотѣлось, она не можетъ дать, но отъ этаго не легче. Я не довольна собой и другими, мнѣ бы хотѣлось

[1] [Дочь Герцена.]

бѣжать, бѣжать, Боже мой, я бы нашла силу успокоить... еслибъ вы, мои друзья, могли бы спокойнѣе принять вѣсть о моей смерти— вѣдь что жизнь жалѣть, вѣдь она больше ничего не дастъ, напротивъ она съ каждымъ днемъ будетъ отнимать все теплое, согрѣвающее человѣка потомъ она неумолимо будетъ отнимать близкихъ и останешся какъ перстъ одинъ. Пожалуйста учи Тату, мальчики пойдутъ своей дорогой, но она... я за нея боюсь. Знаніе серьезное всего живаго въ природѣ да еще больше таланты могутъ, должны спасти; они дополнютъ жизнь или лучше займутъ мѣсто того что въ насъ такъ развито, несбыточныхъ желаній, жгучихъ страданій, какихъ то неотразимыхъ стремленій къ чему-то, что могло бы быть, но чего въ жизни нѣтъ. Какъ я была бы счастлива еслибъ Тата пристрастилась серьезно къ музыкѣ или къ рисованію, она бы сдѣлалась внутренно независима, тверже бы стояла сама по себѣ и не вносила бы раздражительности въ свои отношенія со всѣмъ окружающимъ.—Да, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь что все зло отъ недостатка постоянной дѣятельности, мы слишкомъ много возвращаемся на себя, больше, больше общихъ интересовъ, больше серьезныхъ занятій и не будетъ мѣста буравленью самой себя и будетъ спокойная, серьезная, гармоничная жизнь,—поверка самой себѣ и ясная оцѣнка всего окружающаго; я вижу зло, но я не нахожу еще силы сладить съ нимъ, я какъ то разпустилась, пора подвязать мачты и спокойно пуститься въ морѣ, не считая на помощь другихъ, но усердно и плавно гребя собственными силами. Я иногда готова плакать думая сколько въ насъ слабости, дѣтства; можетъ мужщины и правы не считая насъ за совершеннолѣтнихъ, но можетъ мы и не виноваты, можетъ это привито намъ застарѣлымъ рабствомъ.—Когда же будетъ наше освобожденье, и отъ куда ждать его и не страшно ли дать намъ теперь свободу?—Необузданный эгоизмъ, обуревающія страсти подымутся со дна души женщины, гдѣ же она возьметъ ту серьезную точку (который нѣтъ вовсе въ ея воспитаньи) и на которой мужщины опираются: знаніе, спокойное сознанье себя.—Я знаю что еще можетъ иногда её спасти, семья, дѣти—

На дняхъ я получила твое письмо въ которомъ ты говоришъ чтобъ я писала для дѣтей, ты права; для Таты это будетъ можетъ даже полезно узнать нашу жизнь и мою въ особенности: Боже мой, какъ тяжела моя жизнь! и никто не виноватъ, одна я—и пусть все дурное какъ мщеніе обрушится на мою голову! Какъ страшно думать

что лучшая часть жизни прошла и что ни на минуту благословенія на ней не было. Отъ чего не было между мной и человѣкомъ котораго я такъ страстно любила таго что такъ не разрывно споявается и продолжаетъ какую то серьезную любовь даже и за гробомъ?

Зачѣмъ я была лишена даже обоюдной улыбки счастья при мысли о возможности новаго, великаго въ жизни, о томъ что вноситъ такую радость въ каждую семью? Вотъ гдѣ наказанье, вотъ гдѣ я чувствую тяжелую руку какъ въ Don-Juan'ѣ руку камендора.—Я не знала этаго счастья, но я безумно, въ тайнѣ думала объ немъ, желала узнать, выстрадать материнское чувство, я понимала что во мнѣ хватило бы съ избыткомъ силы чтобъ пережить парицанья посторонних, упреки близких, страданья, лишенья.—Я помню какой страхъ разпространялся при одномъ помышленьи и.. всѣ боялись и *онъ*, да, вотъ гдѣ онъ нанесъ мнѣ страшный ударъ какъ ребенокъ не вѣдуя что дѣлаетъ, я поняла, но я его любила и желанье мое неизмѣнилось, я только думала что буду ему и матерью и всѣмъ, мнѣ было невыносимо больно, и любовь къ этому нерадившемуся ребенку и какая то гордость заставили меня не только молчать, даже говорить противное; эта была не ложь, а удаленье.—Не разъ я думала броситься тебѣ на шею и сказать. Да я камедію разигрываю, нѣтъ цѣли въ моей жизни, да что цѣль, нѣтъ этаго спокойнаго чувства счастья и ни понять *ему* этаго никогда. Дѣти для него лишняя забота, помѣха—А знаешъ отъ чего это такъ? Вѣдь страшно сказать, ну да такъ и быть. Я была двадцати лѣтъ, любовь сначала захватывала все мое существо, потомъ началась потребность семейнаго очага, цыганская жизнь опостылила, въ ней слышалась жизнь холостяка; *ему* [1] было лѣтъ тридцать пять—мнѣ прежде него нравились два человѣка—одинъ былъ моей ребячьей мечтой, другой—ты знаешъ сама—узнавши его, нельзя было его любить—а *онъ*, ужъ онъ такъ давно привыкъ любить, были въ его жизни сначала серьезныя, полныя вѣры отношенія, онъ за нихъ много выстрадалъ, потомъ шалилъ, любилъ шаля —я была, можетъ, послѣдняя вспышка усталаго сердца, онъ смотрѣлъ на меня съ любовью, но не совсѣмъ съ равенствомъ, я думаю чтобъ понять эти первыя минуты счастья при мысли о новомъ, общемъ существѣ надо равенство, надо чтобъ оба были молоды и вѣрили въ жизнь. Этаго не было въ моей жизни, я говорю

[1] [Огареву.]

это безъ упрека, къ чѣму? но я чувствую что я была создана для обоюдной, ровной любви, въ ней только я бы нашла полное счастье; и вотъ теперь мнѣ двадцать семь лѣтъ, къ чѣму любить? я и не думала объ этой возможности, я вся отдалась ему, я любила его и онъ былъ почти единственное звѣно привязывающее меня къ жизни, но въ тайннѣ я понимала хорошо что жизнь могла дать больше, что мнѣ отъ нея не таго хотѣлось—я смирилась, я приняла какъ искупленье за все зло навлеченное мной на близкихъ; иногда я не спала ночью, долго глядѣла на него и думала: А вѣдь это хорошо, это истинное отмщеніе.—Папа, папа, вы должны бы меня простить въ вашемъ сердцѣ, взгляните на мою жизнь, вѣдь это ядъ?—Я писала тебѣ, но Ем.[1] разорвала мое письмо, трудно писать въ другой разъ. Я полюбила его всѣми силами измученной души—онъ видѣлъ и молчалъ—наконецъ все было высказано—нѣтъ въ другой разъ, только не сегодня, но я буду писать для Таты, пусть изъ моей тяжелой, несчастной жизни, добровольно погубленной мной самой, она почерпнетъ ни наставленьи, а можетъ страхъ къ жизни, пусть глядя на эти строки она сама себя обуздаетъ, если случайность нашлетъ ей испытанья—да, если это можетъ её предостеречь, спасти, я жертвую даже тѣмъ чувствомъ которое меня такъ отогрѣвало въ тяжелыя дни, пусть она разлюбитъ меня!—

64.

Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной.

[1856-57.]

О. съ Ем. толкуютъ внизу о важныхъ предметахъ, я слушала, но вдругъ мысль моя унеслась за тобой, мнѣ показалось что вы такъ далеки, что я такъ одинока, сердце сжалось, я такъ живо видѣла тебя, моя Елена, такъ ясно понимала что я ваша, что вдругъ мнѣ невыразимо больно, страшно и нелѣпо показалось что я здѣсь, а ты тамъ; я цѣлый день плакала сегодня и теперь хочется, но слезъ нѣтъ и они горячія, ѣдкія, съ трудомъ выступаютъ на восполенныя глаза. Тяжко и не нужно жить, черезъ десять лѣтъ я буду свободна, но

[1] [Герценъ.]

къ чѣму, кто намъ скажетъ будемъ ли мы обѣ живы тогда. Ты скажешь, зачѣмъ же я взялась за это дѣло? Тебѣ страненъ будетъ мой отвѣтъ, но ты мнѣ вѣришь, я знала мою привязанность къ вамъ, но я не знала себя, я думала что во мнѣ больше силъ, вѣдь легко жить съ тѣми которыя близки съ самой колыбѣли, они такъ много любятъ, такъ много прощаютъ.

Ты знаешь что я не могу себѣ простить что не пріѣхала по ея [1] зову, еще меньше бы я могла жить съ мыслею что она поручила дѣтей и что я не исполнила ея волѣ, а въ сущности не знаю что для дѣтей было бы лучше; я здѣсь увидала что если воображала что умѣю воспитывать, то ужъ перевоспитывать то вѣрно не смыслю, я не терпѣлива, неровна, повторенье тѣхъ же недостатковъ пугаетъ меня да и во мнѣ ихъ столько и каждую минуту они выступаютъ наружу. Я привыкаю къ дѣтямъ, люблю ихъ, но имъ не замѣнить мою Тату [2], по ней я день и ночь тоскую.—

Ты просишь длинное письмо, другъ мой, это трудно, снаружи жизнь наша однообразна, а внутри такъ много горечи, тяжелыхъ воспоминаній, боязни будущаго и неудовлетворенья въ настоящемъ. Лучше не касаться, разберешь. Я не умѣю жертвовать, благородно и гордо какъ бы сдѣлала широкая натура, я заботливо думаю о дѣтяхъ, занята ими, но вспомню Тату или тебя и вся энергія пропала. Я писала для тебя журналъ, но теперь я его прекратила чтобъ не столько въ себѣ копаться, онъ видимо вытяговалъ силы изъ меня.

Вчерашній вечеръ медленно прошелъ для меня; мы обѣдаемъ поздно, когда мы уже сидѣли за столомъ, Ем. воротилась изъ Лонд. у насъ былъ французъ, прія. Ем. который учитъ Тату на фортопьянахъ, они болтали, Ем. разсказывала новости, но право еслибъ ты меня спросила, я не могла бы тебѣ повторить что они говорили, въ головѣ точно туманъ, все смутно.— Наконецъ обѣдъ кончился, франц. уѣхалъ; всѣ пошли на верхъ и я тоже, хотя мнѣ вовсе не хотѣлось. Я бы дорого дала чтобъ имѣть возможность идти бродить одной, думать, думать, а главное утомиться физически такъ чтобъ ночью крѣпко заснуть; здѣсь я вошла въ совершеннолѣтіе, знаю что значитъ безсонница.

Мнѣ хотѣлось дойдти хоть до мосту, но и этого нельзя, вчера

---

[1] [Нат. Александровны Герценъ.]

[2] [Дочь Сатиныхъ.]

была суббота, а въ субботу вечеромъ пьяныя покрываютъ улицы здѣсь, позвать Ем. или О. мнѣ не хотѣлось, Ем. стала читать изъ своихъ записокъ, я слушала, но мысль о совершенной свободѣ, о совершенномъ одиночествѣ преслѣдовала меня, я чувствовала что мнѣ это необходимо, и вмѣстѣ чувствовала что я на вѣкъ простилась съ независимостью. Хотѣлось идти хоть въ садъ, но замѣтятъ, позовутъ или прійдутъ, а мнѣ душно, слезы подступаютъ. Какъ великъ человѣкъ который самъ остановитъ свои часы, вѣдь они испорчены, давно нѣтъ ровнаго боя, а часоваго мастера нѣтъ въ этой дикой странѣ. Но впрочемъ вотъ уже Louis заперъ всѣ двери внизу, надо разкрывать внутренныя ставни чтобъ пройдти въ садъ, шумъ будетъ на весь домъ. Ну все ровно, проживемъ и такъ, взять свѣчу и пойдти на верхъ писать къ моей Еленѣ, замѣтятъ что меня нѣтъ, спросятъ зачѣмъ я ушла прежде другихъ, сказать, да вѣдь голосъ дрожитъ, слышны будутъ слезы, уйду ужъ такъ.

[Другими чернилами:]

65 г. Сегодня перечитывая эти строки, я дивлюсь эгоизму, требовательности—теперь я знаю что значитъ безвыходное горе. 4 дек. 1864 года истинное несчастье разбило мою жизнь и научило меня знать себя—

65.

Н. А. Огарева—отцу.

Comment êtes-vous arrivé, cher papa? j'attends de vos nouvelles avec vive impatience, la douane j'espère, ne vous a pas tourmenté, vous aviez si peu d'effets.

Je me rappelle les conseils que vous m'avez donnés déjà en vagon, cher papa et je vous promets d'y penser beaucoup.—

Votre départ a fait un vide ds la maison, Olga même dit: Je voudrai qu'Alexis Alex. vive toujours avec nous.—

Combien de jours resterez-vous à Paris, cher papa? écrivez nous. Ce dimanche parait devoir être tranquil, à une heure et demi j'ai mené les enfants à Richemond, à présent il en est cinq et il n'y a que moi à la maison. Em. est en ville jusqu' à six heures, Og. est allé à pied à Ri. chercher les enfants, Alexandre se promène avec un de ses camarades. Hier je rôdais avec les enfants par les rues de Londres, je n'étais pas très-pres-

sée malgré la fatigue de rentrer ds notre maison vide, et voilà que ns rencontrons Muller. Il a été bien affligé d'apprendre que vous étiez déjà parti.

N'oubliez pas les lithographies, cher papa, pr la tante, quant aux autres commissions, je crois qu'elles ne sont pas dutout faisables. J'attends la fin du dimanche pr continuer—Corvin n'est pas venu, mais Raupach est venu en revanche avec sa femme, elle est d'un mauvais genre achevé; nous avons un jeune compatriote très-gentil, un camarade des neveux de S.—

Il est dix heures passées, tout le monde s'en va, bonsoir, cher papa, je tiens à accomplir exactement ma promesse, voilà pourquoi je vous quitte en vous embrassant mille et mille.

Votre affectionnée fille
N.

Em. parle, O. se tait, [дальше до конца рукой Огарева] mais il écrit pour t'embrasser et te dire que ton départ laisse un grand vide; кажется что родины не достаетъ. Пиши же, другъ, часто, хотя бы только знать здоровъ ли ты.

Ем. съ гостями. У меня въ ушахъ трещитъ; воскресенье было многолюдно и большей частью нелѣпо.

[Переводъ.] [1]

Какъ вы доѣхали, милый папа? Жду отъ васъ вѣсточки съ величайшимъ нетерпѣніемъ. На таможнѣ васъ, надѣюсь, не мучили—у васъ было такъ мало вещей.

Я помню совѣты, которые вы дали мнѣ уже въ вагонѣ, милый папа, и обѣщаю вамъ постоянно имѣть ихъ въ виду.

Вашъ отъѣздъ оставилъ пустоту въ домѣ. Даже Ольга говоритъ: „Я хотѣла бы, чтобы Алексѣй Алекс. всегда жилъ съ нами".

Сколько дней вы пробудете въ Парижѣ, милый папа? Напишите намъ объ этомъ. Это воскресенье мы надѣялись провести спокойно. Въ $1^1/_2$ ч. я повела дѣтей въ Ричмондъ; теперь 5, и я одна дома. Эмилія въ городѣ до 6, Огаревъ пошелъ пѣшкомъ въ Ричмондъ за дѣтьми, Саша гуляетъ съ однимъ изъ своихъ товарищей. Вчера я бродила съ дѣтьми по Лондонскимъ улицамъ и, несмотря на усталость, не спѣшила вернуться въ нашъ опустѣвшій домъ; тутъ мы встрѣтили Мюллера. Онъ очень огорчился, узнавъ, что вы уже уѣхали.

---

[1] [См. примѣч. къ слѣдующему письму.]

Не забудьте о литографіяхъ для тети, милый папа, остальныя же комиссіи, я думаю, совсѣмъ неисполнимы. Жду конца воскресенья, чтобы продолжать. — Корвинъ не былъ, но зато явился Раупахъ со своей женой; она очень вульгарная особа. У насъ одинъ милый молодой соотечественникъ, товарищъ племянниковъ С[атина].

Десять часовъ, всѣ расходятся. Покойной ночи, милый папа. Хочу точно исполнять свое обѣщаніе, и потому кончаю письмо. Обнимаю васъ тысячу разъ.

Ваша любящая дочь Н.

Эм. говоритъ, О. молчитъ, [дальше рукой Огарева] но беретъ перо, чтобы обнять тебя и сказать тебѣ, что твой отъѣздъ оставилъ большую пустоту.

[Дальше по-русски, см. выше.]

66.

Н. А. и Н. П. Огаревы—Н. М. Сатину [1].

[Рукою Н. А.]

Ну, С., часто мы очень видимъ земляковъ, бываютъ и очень странные, очень забавные, разъ пріѣзжаетъ одинъ молодой человѣкъ недавно кончевшій курсъ, какъ то разговорились, онъ назвалъ ваше имя, знаетъ *дѣтей*, т. е. племянниковъ. А Ем. его спросила: а С. знаете?

Переводчика *Бури*? какъ же, очень много слыхалъ-съ.

Вотъ я и представила себѣ, какъ вы изъ чувства благодарности пойдете въ переднюю и сядите на ящикъ, на гордый ящикъ, вмѣщающій въ себѣ *Бурю*.

Ем. непремѣнно приказала вамъ объ этомъ написать.

Ну, пріѣзжайте же вмѣстѣ порадоваться и посмѣяться и подумать и по балтать.

Крѣпко жму вашу руку

ваша N.

[Дальше рукою Огарева.]

Caro, объ насъ ты узнаешь отъ папа. Когда же это самъ по себѣ узнаешь? Живу я кое какъ и работаю; хвораю рѣдко и то толь-

---

[1] [Писано вскорѣ послѣ отъѣзда А. А. Тучкова („папа") изъ Англіи, куда онъ пріѣзжалъ для свиданія съ Огаревыми, т. е. въ концѣ іюля или въ началѣ августа и. ст. 1857 г.; см. предыдущее письмо.]

ко отъ тяжести здѣшняго воздуха, къ которому не могу привыкнуть. Жарко—удушливо, и холодно—удушливо. Я полагаю, что это отъ излишняго количества пара въ воздухѣ; легкія поглощаютъ не нужное количество воды и затрудненное дыханіе портитъ кровообращеніе; такимъ образомъ стѣсненіе въ груди и тяжесть головы становятся обычнымъ состояніемъ. Вчера ставилъ себѣ сухія банки; кажется сегодня полегче существовать. Это не болѣзнь, а томленіе. Обычной же моей болѣзни продолжаю пока обычное леченіе. Можетъ обойдется безъ операціи. Винца ни капельки; не столько леченье сколько тяжесть головы заставляютъ прибѣгать къ абстиненціи. Ну! а когда тебя увижу—напьюсь. Право напьюсь. Такой ужъ я русскій человѣкъ.—Кстати о деньгахъ: я далъ папа и гувернанткѣ на дорогу 1800 фр. Постарайся ихъ прислать, потому что я взялъ у банкира, а я и такъ уже ему долженъ, такъ что и мнѣ надо денегъ. Зная сколько обременительно тебѣ я думаю вотъ что: если ты для Астрак. займешъ денегъ, то проценты плати изъ моихъ процентовъ, но за тѣмъ напиши, что мнѣ придется получить и въ какіе сроки. Ужасно боюсь обчесться и истратить болѣе чѣмъ могу; это мнѣ было бы ужасно прискорбно, ибо трудно исправимо. Пожалуйста успокой и напиши мнѣ аккуратный рецептъ: проживай мылъ столько то въ мѣсяцъ, деньги будешъ получать тогда то; а я у банкира уже забралъ тысячи три фр.—Что же у васъ новаго? Читалъ недавно статью Крыл. въ руской бесѣдѣ [1]. Хороша!!—Вчера принялся читать послѣдніе стихотвор. Гейне. Что есть за прелести великолѣпныя.—А человѣкъ то былъ дрянь противная.

Просилъ я какъ то Елену прислать мнѣ оставшуюся у нея мою тетрадку алгебраическую на франц. языкѣ, начинающуюся съ формулы счисленій. Не забудь при окказіи. Очень нужно, ибо я зимой серьозно займусь математикой. А пока занимаюсь генералъ-басомъ и пишу романсъ за романсомъ. Придется намъ съ Мелыгун. пѣть наши романсы другъ другу; больше видно никто ни пѣть ни слушать не станетъ.

Прощай, caro. Обнимаю Ел. и дѣтей.

---

[1] [Статья проф. Н. И. Крылова „Критическія замѣчанія на книгу Б. Н. Чичерина „Областныя учрежденія Россіи въ XVII вѣкѣ" была напечатана въ 5 и 6-ой кн. „Русской Бесѣды" за 1857 г. Объ этой статьѣ Герценъ напечаталъ въ 3-емъ № „Колокола" замѣтку, датированную 10-мъ августа 1857 г.]

67.

Дневникъ Н. А. Огаревой.

[Іюнь-августъ 1857 г.]

Вотъ тяжелыя времена! А я, безумная думала забыться, отдохнуть, сначала я боялась страшныхъ несчастій, но все пошло хорошо; Ог. поялъ — и не удалился, стало ему не должно быть больно, а между тѣмъ у меня иногда сердце сжимается глядя на него; неужели я, имянно я, нанѣсу ему тяжелый ударъ? вѣдь это насмѣшка жизни, да и зачѣмъ? чего было искать, счастья нѣтъ да и пора его невозвратимо прошла для меня; я хочу смириться, хочу начать новую жизнь искупленья, но зачѣмъ мнѣ такъ трудно это, зачѣмъ во мнѣ столько эгоизма, зачѣмъ невольно исчешь всей полноты жизни, всего несбыточнаго и непонятнаго для другихъ. Я сама виновата что меня не понимаютъ, надо стоять рядомъ для полнаго пониманья, а если лѣта или характеры такъ розны, надо стать по дальше, и тогда разстояніе не допуститъ оскорбленіе ни съ той, ни съ другой стороны.— Неужели во мнѣ такъ мало силъ, неужели я такая жалкая, ничтожная что я не могу побѣдить, переламить себя? а если бы это удалось, съ какой бы гордостью я смотрѣла на жизнь: счеты всѣ сдѣланы съ тобой, моя милая, не надуешъ больше.—

И вотъ я иду зимней дорогой, клоки снѣга застилаютъ, закрываютъ отъ моихъ глазъ какъ саваномъ прошедшее, сердце стынитъ, вездѣ степь, вездѣ снѣгъ и только одно чувство, недавшее мнѣ никогда горѐчи, живо во мнѣ: маленькая дѣвочка идетъ передо мной и улыбается, жива она или это сновидѣнье? не знаю,— но она не напрасно жила, много отрады дала она измученному, оскорбленному сердцу — Да, проклятіе на мнѣ; святаго чувства матери мнѣ не дано было узнать, но я не хочу объ этомъ жалѣть, нечистымъ нечистая жизнь, да это и лучше, всѣ силы сердца моего, вся любовь которая наполняетъ его, все: твое достояніе, ты мой ребенокъ, и изъ дали какъ въ близи, ты мое счастье, моя жизнь—Живи, ты мнѣ нужна—а между тѣмъ какъ страшно за тебя. Еслибъ ты могла понять жизнь, оцѣнить людей какъ они есть, но это невозможно да и желать этаго нельзя, для этаго надо страшный опытъ или сухость сердца, а ты будешъ любить я знаю, не скупясь — кого? Гдѣ тотъ который пойметъ твою любовь — Люби ровнаго себѣ вовсемъ, то-

гда не ты его будешъ любить, не онъ тебя, но любовь ваша сольется въ одинъ гармонической аккордъ, не будетъ ни разсужденій, ни объясненій, ни холодныхъ совѣтовъ. Говорятъ что въ молодыхъ чувства недовольно глубоки, не довольно постоянны — вздоръ. Да пусть лучше любовь ваша пройдетъ, чѣмъ знать одну только ея рамку, хотя и прочной работы, что тебѣ въ томъ что старикъ долго и благоразумно будетъ тебя любить? полноты жизни ты съ нимъ не узнаешъ, онъ будетъ снисходительно уступать тебѣ иногда, но общихъ, чистыхъ радостей вы не будете знать, то что такъ ново для тебя въ этой жизни вдвоемъ, что захватитъ все твое существованіе, онъ давно испыталъ, онъ привыкъ къ жизни и даже отчасти усталъ, но онъ старается сначала скрыть это—ему жаль тебя—потомъ, понемного, является безъ маски передъ тобой — ты смотришъ и не узнаешъ—если есть дѣти, ты переносишъ всю свою любовь на нихъ, живешь только для нихъ—семья тебя спасла — а если нѣтъ?—смирись, смирись— не трать больше сердца — тихо и если можно ясно доживай—

Нѣтъ, нѣтъ, это все неистинно—я одна виновата, чего я хотѣла? я съумашедшая и я могла сама разрушить все что мнѣ дорого — Страшно, страшно—умереть хочется, но не такъ какъ прежде быстро, своевольно—не думая ни о комъ, но хотѣлось бы угаснуть спокойно, улыбаясь проститься со всѣми, я боюсь жизни, я боюсь пережить близкихъ, боюсь пережить ихъ любовь къ себѣ, и я чувствую что одно звѣно ужь порвано, ужъ въ немъ есть что-то надломанное въ немъ нѣтъ этой живой, всемогущей силы нетронутаго, чистаго чувства. Смирись, смирись, говоритъ мнѣ внутренный голосъ, но я боюсь сама своего эгоизма и необуздачности, мнѣ больно: зачѣмъ я такая? лучше бы бѣжать куда нибудь въ пустыню и тамъ пусть сердце разрывается и разлагается какъ хочетъ, оно никого не будетъ мучить. — Но гдѣ жъ мое самолюбіе, гдѣ жъ моя сила, гдѣ жь моя любовь, зачѣмъ они меня оставляютъ; Ог. ты товарищь мой, дѣлившей сомной такъ ровно всѣ муки, всѣ гоненья, неужели я тебѣ испортила жизнь?— Зачѣмъ я не умерла въ тотъ день въ который я прибавила одну морщину на твоемъ лбу, одно горькое чувство въ твоемъ сердцѣ?—Какаго яда наполнена жизнь! и все я, одна я—Елена моя, дай руку, дай положить голову на твои колѣна, на это чистое и любящее сердце положить усталую, преступную голову свою —Боже мой! что я сдѣлала съ жизней — взгляни на меня—ты и О.

вы меня никогда не разлюбите, я знаю это и это и есть цѣпь привязывающая меня къ жизни, это-то и есть моя единственная вѣра, моя религія, на васъ я опираюсь какъ на каменную гору, вы меня спасете, ты издали одной мыслею о тебѣ, а ты, другъ, твоей рукой поддержишъ меня.—И вотъ мы пойдемъ подъ гору рука въ руку, я не буду болѣе требовать отъ жизни несбыточнаго счастья ни безумныхъ тревогъ, я пойду тихимъ шагомъ, съ спокойнымъ сердцемъ; это не смерть сердца, это его очищеніе, я съ большой любовью буду смотрѣть на все живое и глубоко цѣнить всѣ благословенія которыя жизнь по дорогѣ брасаетъ на насъ неблагодарныхъ—

Одни слова, и все слова, изъ всего обѣщаннаго себѣ, ей, О. ничего не исполнено, непрастительная слабость, эгоизмъ, безуміе, жажда еще чего то.— Пусть жизнь неумолимо наказываетъ тѣхъ которые послѣ долгой борьбы выходятъ съ внутреннимъ сознаніемъ своей слабости, ничтожества своей натуры и все же недовольные жизнью! Они не устояли на той высотѣ которая, тяжело, мучительно доставаясь, въ вознагражденье, даетъ спокойное сознанье хорошаго, прямаго, смѣлаго поступка въ жизни, но они уступили незамѣтно, понемногу безграничному эгоизму, и мимо ихъ пройдутъ счастливыя минуты полныя спокойнаго счастья; имъ останется только минутное судорожное упоенье купленное многими горькими мыслями—Сознанье своей правоты нѣтъ и счастья нѣтъ.

Время идетъ быстро, бываетъ много хорошаго, но чего-то недостаетъ. Съ моей обычной привычкой до тла доходить до каждаго чувства шевелившагося въ моей груди, я и теперь приступлю къ строгому, откровенному анализу моей настоящей жизни.— Я страшусь разкрыть её даже передъ собственными глазами.— Когда я пріѣхала сюда, N. какъ живая предстала передо мной; вездѣ я её видѣла и разсѣянными глазами смотрѣла на все окружающее, ея дѣти были чѣмъ то религіозно-дорогимъ для меня и онъ тоже съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе входилъ въ мою любовь къ N. вспоминая какъ они вмѣстѣ хаживали къ намъ, я съ страшнымъ волненьемъ, съ какимъ-то ожиданьемъ глядѣла на поворотъ по которому Г. долженъ былъ пріидти; мнѣ представлялась подъ руку съ нимъ идущая женщина въ черной длинной бархатной мантиліи съ бѣлой шляпой на головѣ.— Мнѣ было хорошо и больно, это было почти какъ на яву.— Съ каждымъ днемъ Г. все болѣе становился мнѣ внутренно близокъ, я его видѣла во снѣ каждый день и просыпаясь первая мысль

моя была объ немъ, я чувствовала что безконечное чувство любви къ нему захватываетъ меня всю болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ, сначала я не понимала всего значеніе его, потомъ—было поздно;— я дѣлала страшныя, безобразныя усилія чтобъ оттолкнуть себя отъ него, онъ видѣлъ неровное мое обращенье съ нимъ, удивлялся, огорчался имъ и больше даже, боялся за тихую, безоблочную жизнь о которой онъ мечталъ.—Мое возвращенье къ нему было всегда такъ полно любви и какого-то отраднаго, свѣтлаго чувства что оно то я думаю всего болѣе и выдавало мою тайну; впрочемъ я не хочу оправдываться, я не имѣла достаточно силъ чтобъ долго скрываться, говоря съ нимъ я сначала называла это братскимъ чувствомъ, потомъ говорила что люблю ихъ обоихъ ровно, потомъ — я все сказала, я задыхалась — Мнѣ казалось что, хотя я и говорила не разъ съ О. о страстной дружбѣ къ Г., но все же я не довольно открыто высказалась ему.—О! пусть люди поймутъ что ложь не всегда ложь, молчаніе не всегда утаиванье, вѣдь это любовь, вѣдь это страхъ нанести ударъ передъ которымъ невольно останавливаешся, котораго чувствуешъ что нечѣмъ искупить; вѣдь почти не имѣешъ право положить руку на свѣжую рану нанесенную этой же рукой; вотъ что я думала когда собиралась говорить отъ души съ О.— Чувство къ нему полное вѣры, преданности, любви, какъ будто задремало; мнѣ казалось что здѣсь онъ отвыкъ отъ меня и что онъ самъ какъ будто удаляется и мнѣ пришла свѣтлая мысль быть имъ обоимъ любящей, преданной сестрой а дѣтямъ, я не смѣю и здѣсь сказать: матерью, но заботливой, любящей нянькой; на днѣ души было грустное чувство разлуки съ моими и какое-то сознанье что мнѣ грезилась иная жизнь, но— я хотѣла смириться и смотрѣть свѣтлѣе на хорошую сторону жизни, я хотѣла привыкнуть ничего отъ нея не требовать— но—силы человѣческія, какъ вы слабы, какъ должно преклонять колѣна передъ людьми которыя когда либо одержали надъ собой, надъ собственными страстями—внутренную побѣду, это великое дѣло! я теперь узнала всю цѣну внутренной силы — съ слезами на глазахъ, съ внутреннимъ смиреньемъ, я должна сказать: я не имѣла этой силы, я не побѣдила, я была побеждена.— Когда я увидала что побежденный моей страстной любовью, Г. тоже меня полюбилъ, я вдругъ бросилась къ О. разомъ поняла его боль (мнѣ казалось что я на его мѣстѣ никогда бы не могла вынести этаго) и разомъ все прошедшее пронеслось передъ моими глазами такъ ярко, такъ хорошо что я оста-

новилась испуганная, и я ни шагу болѣе не шагнула не узнавши какъ О. смотритъ на все. Такъ принять какъ онъ принялъ, такъ безконечно широко понять, ни одинъ, да, я смѣло это говорю, ни одинъ человѣкъ не могъ бы, онъ это сдѣлалъ съ какимъ то простодушіемъ свойственнымъ одной его нѣжной и широкой натурѣ, и тогда я все поняла и полюбила его еще больше, онъ какъ то ближе еще мнѣ сталъ и я искала его руки чтобъ окончательно побѣдить страстную привязанность къ Г. Мнѣ иногда кажется что онъ этаго хотѣлъ бы, но онъ не подалъ мнѣ руки, онъ не хотѣлъ жертвы. И часто въ продолженьи этаго времени мнѣ казалось что ему больно и всякой разъ на эту боль изъ моей груди вырывался болезненный крикъ, мольба о помощи, тяжелое сознанье собственнаго безсилія. И куда приведетъ меня эта жизнь, меня которую даже религіозное чувство къ N. такъ долго мучило и которое уступило только *его* словамъ.

Ненадо придавать важности одному внешнему, но ненадо и казнить его отдѣляя его на отрѣзъ отъ внутренняго, въ нашей новой жизни есть пробѣлъ,—это вѣчная наружная даль и образъ жизни. Я не спорю, мы имѣемъ общія интересы, самый главной, дѣти; но что касается насъ двухъ, тутъ есть пробѣлъ, то что связываетъ такъ крѣпко съ самаго начала людей глубоко полюбившихъ другъ друга, это общія, интимныя разговоры, планы, желанья, даже собственное воспитанье, сдѣланное на скорую руку и совершенно подъ вліяніемъ любви, но все же это то и составляетъ внутреннюю, новую жизнь—у насъ этаго нѣтъ, можетъ именно я совсѣмъ не та женщина которую бы могъ любить Г. можетъ этаго нѣтъ потому что любовь есть какое то чувство вызванное мной, какая то благодарность любви—не знаю—но откровенно говоря, мнѣ мало этой любви, не смотря на нѣсколько хорошихъ минутъ, я чувствую что мнѣ вѣетъ холодомъ отъ него; еслибъ я могла пересоздать наши отношенія, я бы сдѣлала это въ туже минуту, я чувствую что ему это бы воротило свободу которую онъ часто и теперь жалѣетъ—можетъ жизнь наша пошла бы лучше, естественнѣе—понятнѣе для насъ самихъ—я боюсь нашей близости, скрываясь вѣчно, сдерженная семьей, отношеньями, всѣмъ на свѣтѣ и тоже какимъ-то недостаткомъ полной любви со стороны Г. она принимаетъ характеръ, мнѣ кажется недостойный насъ и моя страстная натура конечно должна тоже нести отвѣтственность—но все это было бы такъ, еслибъ внутренняя жизнь живѣе проявлялась.—Съ О. у меня болѣе общаго, болѣе внутренной жизни, потому и болѣе гар-

моніи и пониманья, но чтобъ дойдти до этой близости надо годы, а я не знаю переживетъ ли въ Г. годы это чувство, оно слишкомъ лишнѣе и поверхностное въ его жизни и съ каждымъ днемъ я вижу какъ мы не входимъ бодро и гордо по лѣстницѣ, а какъ мы спотыкаясь сходимъ съ нея шутя и смѣясь но и со слезами.— Да я не знаю даже долго ль и во мнѣ сохранится это чувство, моя гордость проснется наконецъ, это не пошлая гордость это сознанье просто непониманья, сознанье невозможности быть любимой какъ это грезилось и потомъ сознанье что я не одна, я не утратила таго котораго перваго отъ всей души полюбила и который при новой, страстной любви, остался мнѣ самымъ близскимъ.—

Я думаю что наша любовь, уродство — зачѣмъ? что же она можетъ новаго внести въ нашу жизнь?—Собственную семью, ребенка, который бы мнѣ былъ такъ дорогъ, да онъ тоже этаго боится и онъ правъ, это была бы гибель, новый ударъ самымъ близкимъ! — Такъ что же еще нужно въ жизни — зачѣмъ старость не разомъ приходитъ послѣ молодости, какое это глупое переходное положенье! — Какъ оно много заставляетъ думать и страдать, зачѣмъ не разомъ смерть послѣ молодости? что въ старости бездомнику?—

Еще разговоръ, еще пропасть подъ ногами, люди ли вызываютъ сами страшныя мученья или жизнь насылаетъ? не знаю, но больно, страшно больно. Вотъ начало новой жизни, ея заходящее солнце, а вѣдь чувствую же я что я могла бы быть счастливой, мнѣ такъ хотѣлось бы еще полно, широко пожить, но это невозможно, нѣтъ счастья нѣтъ для меня, я это ясно вижу и мнѣ кажется что одно остается, это обмануть ихъ и съ улыбающемся лицомъ похоронить въ себѣ все живое, все любящее, они многое понимаютъ, добры, но что-то между нами есть, я вижу ясно что они не могутъ понять чего мнѣ недостаетъ, или они старѣе своихъ лѣтъ или я моложе моихъ, или просто въ нихъ нѣтъ тѣхъ потребностей которыя такъ болѣзненно во мнѣ живутъ, имъ, пережившимъ все хорошое, нужна только спокойная, тихая дружба, въ которой нѣтъ ни сомнѣнья, ни страха, я понимаю это, но зачѣмъ не называть это дружбой, зачѣмъ давать этому чувству другое имя? въ другомъ то конечно и дружба, но это не все.—

Какъ исключить личную жизнь? какъ жить только для долга? какъ перерадиться, какъ умереть? какъ изцѣлиться? да и за что эти му-

ченьи, жизнь и такъ не на долго намъ дана. — Я не съумѣла понять её, и плачу за то каждой минутой.... зачѣмъ я такъ судорожно проснулась, какъ будто обрадованная чуднымъ сномъ, вѣдь это все сонъ, зачѣмъ такъ мало силы во мнѣ? я чувствую что можно бы еще такъ славно побѣдить. Вся моя болѣзнь въ томъ что я внутренно недовольна собой, я вижу что сонъ миновался и нѣтъ силы почти сознаться себѣ самой, я разбила какъ игрушку свою жизнь изъ за призрака, я ошиблась или лучше онъ невольно обманулъ меня, страстныя минуты въ которыхъ онъ смотрѣлъ на настоящее какъ на примиренье, какъ на возмездіе за прошедшее обманули меня, я никогда не думала и не хотѣла бы чтобъ онъ отдалился отъ прошедшаго, но онъ самъ сначала заставилъ меня думать о какой то свѣтлой жизни, потомъ, гораздо позже онъ сталъ примѣшивать все болѣе и болѣе грустныхъ размышленій и склонять все къ другому чувству, неужели въ немъ играла кровь и только?—

Мнѣ жизнь наскучила и опротивѣла, все это время мнѣ страшно тяжело, это странный переходъ отъ дней полныхъ счастья къ тяжелымъ, безнадежнымъ, безвыходнымъ днямъ. О. больно, онъ не можетъ этого скрыть отъ меня, онъ былъ сегодня странно раздражителенъ и сухъ со мной, мнѣ это больнѣе отозвалось всѣхъ вспышекъ Г. Онъ и не бывъ правъ всегда утѣшенъ своей правотой, а О. дѣйствительно правый, не кричитъ объ своемъ правѣ. Мнѣ страшно, ноги подкашиваются, такъ эта рука, которую я такъ крѣпко сжимала въ своихъ рукахъ, оставляетъ меня, а та, новая, полная энергіи и хладнакровнаго разбора меня, на нея я не буду опираться, въ ней мало любви, есть дружба и какое то снисхожденье, больнѣе сердцу худшой обиды. Я опять чувствую что смерть неизбѣжна, она является какъ примирѣнье съ собой, какъ выходъ, какъ очищеніе — онъ и тогда не пойметъ, но мнѣ все равно, я не хочу умереть для того чтобъ онъ понялъ какъ онъ измучилъ меня или лучше какъ любовь моя къ нему измучила меня, я хотѣла бы умереть просто чтобъ перестать страдать, но и для этого я не сдѣлаю шага, надо исполнить принятой долгъ, да еще

Край родной повидѣть надо
Да своихъ поцаловать:

Елена, я бы выздровила окруженная тобой и дѣтьми твоими, ихъ свѣтлыми личками, но эти жестокія люди говорятъ: ни съ мѣста. — Еслибъ я могла молиться, я бы молилась—

Да, да, моя Елена, вотъ здѣсь въ этой тетради послѣ моей смерти, если я буду довольно счастлива чтобъ умереть прежде, ты найдешъ всю правду или все что казалось мнѣ правдой, я не могу еще привыкнуть къ новой жизни, борьба продолжается, иногда уступаетъ эгоизму и потомъ вновь съ непонятной силой терзаетъ меня, какъ узнаешъ людей на дѣлѣ, какое я слабое и ничтожное существо! — Это не смиренье, это истина. Вѣдь я вижу иногда что О. не легко досталось его широкое, благородное повѣденье, что же я? вѣдь я знаю что можно бы пересоздать все еще, Г. о! я увѣрена что онъ безъ страшной боли примириться, — ну вотъ, ты видишъ сама — а между тѣмъ я ничего не предпринимаю, я съ ужасомъ только думаю что я таже, таже N. которая жила жизнью О. спала его сномъ, наконецъ не передъ чѣмъ не остановилась чтобъ слѣдовать за нимъ, да будто это правда? будто это я?

О! Огаревъ, Огаревъ, я не знаю что со мной, но я чувствую по безсоннымъ ночамъ, по вѣчнымъ, тихимъ, тайнымъ слезамъ, ты мнѣ не меньше дорогъ чѣмъ прежде, но страстность исчезла, воскресить ее произвольно нельзя—а въ тебѣ исчезла ли она? мнѣ бы легче это думать, но я не знаю—

Какъ кажется могло бы быть хорошо, но нѣтъ, моя Елена, не хорошо — борьба, сожалѣньи, желаньи невозможныя, я хочу склонить голову, склоняю, но слезы льются, но на лицѣ невольно видна печать чего то сломанаго, убитаго. Боже мой! еслибъ время хоть быстрѣе проходило, пусть я скорѣй состарюсь, пусть буду совсѣмъ ненужна, — ты понимаешъ все что я дѣлаю, я дѣлаю добровольно, но когда дѣти будутъ большія, я пріѣду къ вамъ, я отдохну, я сама себя измучила.

На дняхъ, ночью я никакъ не могла заснуть, думала объ тебѣ и объ себѣ, мнѣ ясно было что я иду какъ ключь ко дну и я вспомнила другое время, другую минуту, помнишъ какъ я тонула въ прудѣ, ноги утопали въ тинѣ, въ мигъ я вся погрузилась въ воду, лица не было уже видно, только волосы виднѣлись да отуманеные страхомъ глаза, ты подала мнѣ руку—Елена и теперь протяни руку, теперь нужнѣе, тогда только угрожало смертью, а тутъ страданьи свои и близкихъ, эти мученьи хуже физическихъ—Боже мой, за что же жизнь такъ дорого заставляетъ платить за все хорошое, или ужъ во мнѣ самой недостаетъ свѣтлыхъ елементовъ, любви, терпѣнья, кротости—да, да—свѣтлаго ничего нѣтъ во мнѣ. Я упала съ страш-

ной высоты, я чувствую что я ошиблась и мнѣ какъ всякой живой натурѣ хочется всплыть снова, освободиться отъ себя самой, и я съ ужасомъ вижу что ничего меня сильно не захватываетъ—съ 48 года европейскія бредни меня не увлекаютъ, я не вѣрю въ скорое осуществленіе всего того что намъ грезилась, вспоминая всю свою жизнь, я вижу какъ власть всегда портитъ человѣка, какъ легко онъ можетъ сдѣлаться полачемъ и презираю ровно и себя и всѣхъ другихъ—если кто уцѣлѣлъ, такъ это случай спасъ — другъ мой, если я буду довольно счастлива чтобъ умереть прежде тебя, вспомни мою просьбу, спаси дѣтей отъ сношенія съ крѣпостнымъ состояніемъ, лучше пусть они будутъ въ нуждѣ—я много думаю объ Рос. я безпрестанно объ ней думаю, едва ли найдется человѣкъ который бы её больше любилъ, я оставила ее навсегда изъ чувства личной преданности къ дѣтямъ женщины которую я много любила, безъ этого страшнаго случая, безъ ея смерти, едва ли я нашла когда нибудь силу оставить Р.—, я не говорю ужъ объ васъ, объ нашей разлуки слишкомъ страшно и больно говорить, но, моя Елена, я думаю что, не говоря объ личныхъ отношеніяхъ, каждый человѣкъ раздѣляющій нашъ образъ мыслей, долженъ оставить Рос. а если дѣти есть, то и подавно долгъ его спасти ихъ отъ нихъ самихъ, отъ рус. жизни, по моему одинаково мельзя жить въ южной Америкѣ—

И такъ здѣсь гдѣ хочешь, гдѣ возможно образуется колонія изъ людей любящихъ Россію, по моему невходя въ мелкія и желчныя столкновенія съ правительствомъ, каждый руск. можетъ сказать:

Я люблю мою страну, но мнѣ невозможно въ ней жить; надо гнуть спину передъ правительствомъ, и необходимо сдѣлаться полачемъ своихъ подчиненныхъ; я могъ быть полезнымъ, но правительство еще такъ молодо что боится каждой благородной личности, оно подавлено уваженьемъ къ чину, а не къ лицу—я въ невозможности быть полезнымъ при этихъ условіяхъ, вотъ почѣму я оставилъ Р.— Есть въ исторіи каждаго народа переходная эпоха въ которой меньшинство понимаетъ зло, но ни въ чемъ не можетъ противудѣйствовать ему, эта эпоха, эпоха эмиграціи; оно тѣмъ больнѣе что живешъ безъ сочувствія къ западу; смотришъ только и удивляешся равно нѣкоторымъ свободнымъ пріемамъ которыя намъ неизвѣстны и ровно безсилію большинства страдающаго матерьяльно больше чѣмъ нашъ народъ. Да мы живемъ въ тяжелое время, все великое исчезло съ лица земли, не одна партія не даетъ намъ вполнѣ великаго человѣка,

народы спятъ, изъ ихъ среды ни однаго живаго звука—какимъ именемъ заклеймитъ исторія эту гнустную, буржуазную эпоху? — А мы къ ней принадлежимъ и должны нести отвѣтственность, да, да отвѣтственность, я не умолима, что за мягкосердечіе, что за позорное снисхожденіе? Jeanne d'Arc могла поднять, возбудить сонную Францію?— стало зачѣмъ такъ пренебрегать личностями, мы всѣ трусы и маловѣрующія, отъ того и складываемъ руки, нѣтъ извиненья на это нѣтъ— Склонимъ же голову и скажемъ съ смиреньемъ мы выродились, мы терпимъ, стало зачѣмъ жаловаться и на кого? — О! пусть дѣти наши умрутъ рано, но пусть они не принадлежатъ къ этому гнустному міру и пусть не имѣютъ нашего тяжелаго сознанья собственнаго безсилія и ничтожества—

Вотъ все что бродитъ въ моей головѣ, скучно жить, другъ мой, трудно — больно, — долгъ, обязанности, желаньи все перемѣшалось, все спуталось, все терзаетъ и разрываетъ душу. Въ началѣ будущаго мѣс. ты будешъ больна, какъ же меня нѣтъ съ тобой? голова кружится, ноги подкашиваются, о безсиліе, безсиліе!—И когда придутъ письмы, и всю ли правду напишутъ, боюсь думать и каждую минуту думаю. Какъ жизнь много даетъ страданій не соразмѣривая силъ—

Я сидѣла за столомъ и вдругъ такъ живо перенеслась къ вамъ, такъ страшно стало и больно—я вспомнила страшный сонъ который видѣла уже съ мѣсяцъ тому назадъ.—Я была съ вами въ Акшенѣ и между тѣмъ знала что съ вами только на нѣсколько часовъ, я съ ужасомъ чувствала что время быстро уходитъ. Ты была очень больна, но на ногахъ, С. меня подозвалъ и сказалъ на ухо: я говорилъ со всѣми докторами, невозможно ее спасти. Ф. Е. [1] вошла—грустная качая головой она мнѣ указала на дѣтей которыя стояли въ дверяхъ съ своими свѣжими и безпечными личками и сказала: И они будутъ скоро сиротами.—Елена моя, я недостойная—недостойная—но неужели эта боль въ сердцѣ ничего не искупаетъ? я думаю—ничего—

Причесываясь у зеркала я вдругъ замѣтила что въ это послѣднее время похудѣла, вспомнила боль въ сердцѣ которая по цѣлымъ днямъ не покидаетъ меня нынче и мнѣ стало вдругъ такъ отрадно, такъ весело думать что можетъ не долго еще жить остается; я съ жадно-

[1] [Фекла Егоровна, няня.]

стью ухватилась за эту мысль, но тутъ же мнѣ пришло въ голову что меня похоронятъ въ Хайгетѣ какъ бѣднаго Ворцеля на англицкой манеръ, такъ чинно и холодно, и мнѣ самой стало холодно отъ этой мысли, лежать такъ далеко отъ васъ всѣхъ, такъ одиноко—и вздумалось мнѣ объ Симборѣ, тамъ мнѣ кажется должна бы я лечь—родныя деревья и поля кругомъ, вдали Яхонт.[1] родина наша, къ которой мы въ горькія минуты бывали такъ несправедливы, впрочемъ я давно еще въ Р. воротилась къ нему со всей любовью моего сердца.—

Я подошла къ столу на которомъ стоятъ ваши портреты, упала на колѣни и горькія, прегорькія слезы полились изъ глазъ, такихъ я еще не знала, другъ мой, не думай что я преувиличиваю, дитя мое, чистое и прекрасное, Елена моя, какъ ты мало знаешь еще жизнь и какъ я этому рада—я и на васъ смотрю maman, столъ покачнулся и мнѣ показалось что вы покачали головой, боже мой, какъ мнѣ больно было, вдругъ страшный вопросъ представился мнѣ: Да будете ли вы меня всегда и не смотря ни на что любить?—Это недовѣріе къ себѣ а не къ вамъ—

Какъ трудно писать моя Елена, не хочется и страшно, часто я думала промолчать, но промолчать—солгать, съ близкими. Иногда мнѣ казалось что я больше не увижу васъ, умру здѣсь и мнѣ было такъ хорошо думать что вы меня будете и послѣ любить, но все это не истина.

Бѣдная моя Елена, какъ это сдѣлалось я не знаю, но я всей душой полюбила и Г. Любовь къ О. не уничтожилась новой, но она приняла невольной характеръ серьезный и поэтичный, много въ ней вѣры и преданности, но страсти нѣтъ; не одну ночь я просидѣла на постелѣ спрашивая себя что со мной, но объясненья я не находила, Г. не виноватъ, онъ не любилъ меня, вообще для него любовь дѣло второстепенное если неменьше.—Какъ мы пріѣхали я почувствовала точно меня всю запутываютъ въ какія то сѣти, а между тѣмъ я чувствовала что я одна, я его видѣла во снѣ каждый день, я думала о немъ даже противъ своей воли, болѣе полу-года я молча боролась, падала духомъ, вновь выплывала, вновь падала. Въ моемъ обращенье была страшная неровность съ нимъ—наконецъ я рѣшилась спросить О. что онъ думаетъ, что со мной, сначало онъ меня увѣрялъ что мнѣ кажется, я просила чтобъ меня пустили къ вамъ, хоть не на

[1] [С. Яхонтово, Долгоруково тожъ, имѣніе А. А. Тучкова.]

долго, я такъ знала, чувствовала что отдохну, выздоровлю, одна улыбка Таты залечила бы многое—мнѣ такъ нужно было не то что говорить, а положить голову на твои колѣни и на свободѣ облегчить грудь рыданьями—О. не хотѣлъ моего отъѣзда, онъ могъ бы спасти меня, но онъ не хотѣлъ ни на минуту чтобъ мнѣ было больно, чтобъ я ему принесла жертву, а вѣдь лучше было бы для насъ обоихъ, теперь ужъ поздно, а жить съ сознаньемъ что нанесъ худшій ударъ тому котораго всѣхъ больше любишь, плохо, другъ мой, тяжело да и не нашла я въ этой любви счастья, несмотря на нашу симпатію, въ насъ слишкомъ много самолюбія и оно безпрестанно сталкивается, положенье, дѣти все противъ. Г. на каждый печальный или немного холодный видъ, отвѣчаетъ больше чѣмъ рѣзко, самъ же онъ часто меня оскорбляетъ отсутствіемъ любви или непониманіемъ. Я молчу, но внутри накапляется многое и я не умѣю скрыть то что чувствую. Жизнь наша жалко идетъ, я бы ее отдала чтобъ какъ нибудь освѣжиться, успокоиться—я хотѣла бы умереть, мнѣ живой выходу нѣтъ, а между тѣмъ хочется хоть и страшно взглянуть на васъ, на Тату. Ахъ какъ часто я слышу ея голосъ въ минуту нашего отъѣзда, это было предчувствіе—

Жизнь не по силамъ, она ломаетъ меня понемногу, требуетъ на каждомъ шагу жертвъ, молчаливыхъ жертвъ, безъ ропотныхъ — а я ропщу, борюсь, сама не знаю что я отстаиваю, что такое счастье и можетъ ли оно быть? Нѣтъ, нѣтъ, что за дѣтство, нѣтъ его нигдѣ, есть долгъ, извѣстная честность исполненья, есть безпредѣльное желанье увидать васъ, друзья мои, больше свѣтлаго ничего нѣтъ въ моей жизни и никто не виноватъ, бѣдный, бѣдный Ага [1], зачѣмъ онъ меня полюбилъ?—Казнь во мнѣ, кажется иногда онъ видитъ что во мнѣ и ему больно за меня, выше, надъ нимъ нѣтъ человѣческаго образа—

Давно нѣтъ писемъ отъ тебя, что будетъ завтра? боюсь думать, а между тѣмъ все думаю. Съ каждымъ днемъ я больше понимаю себя, свою новую жизнь—силъ моихъ не хватаетъ, ахъ, еслибъ умереть, вѣдь я чувствую что это необходимо, Ог. я думаю объ немъ, все—

Я не умѣю любить съ самотверженіемъ, еслибъ я попробала хоть разъ подавить въ себѣ непріятное чувство и не мучить его безпрестанно! Любовь его скоро меня оставитъ, я это ясно вижу, какъ

[1] [Прозвище Огарева.]

я была избалована вашей и О. любовью, какъ я привыкла считать на нея безъ малейшаго страха.

Здѣсь это совсѣмъ другое, меня только будутъ въ самомъ дѣлѣ любить если я буду такъ какъ желаютъ. Быть можетъ я буду тоже [illegible]рью, какъ прежде сердце мое билось при этой мысли, а нынѣ [illegible]ть иногда я эгоистически думаю о томъ, но когда я могу прійдти въ себя, я вижу ясно что это было бы безуміе дерзость, зная всю тажесть жизни, важность общественнаго положенья, бѣдности толкнуть добровольно несчастнаго въ жизнь въ этотъ страшный омутъ—

А можетъ уже поздно думать—

Елена моя, какъ мнѣ больно, зачѣмъ тебя нѣтъ со мной, сколько разъ я задавала себѣ задачу передѣлать въ себѣ все что ихъ оскорбляетъ и какъ всѣ мои намѣренiи разбивались въ дребезги безъ всякаго послѣдствія. Стыдно, стыдно, N. воскрѣсни, время не прошло и можетъ онъ еще воротится, но работать надо страшно.—Сегодня 16 іюня по здѣшнему, буду записывать малейшія ошибки, главныя правила.

1. Г. и О. было бы хорошо.
2. Ничѣмъ не возмущать ихъ спокойствіе
3. Не быть вспыльчивой съ дѣтьми
4. Ни съ людьми
5. Больше заниматься.

Немного сдѣлано—Время

Со вчерашняго дня я на десять лѣтъ состарилась, мнѣ все стало понятно. Мы говорили долго объ О. да, дѣйствительно я отравила его жизнь, злѣйшей врагъ не могъ сдѣлать ему больше зла, мы говорили, Г. жалелъ о прошломъ—я съ ужасомъ проходила въ своемъ умѣ все что было—съ мучительной болью не разъ я думала обо всемъ этомъ, видѣла что и Г. думаетъ, но вчера мы въ первый разъ рѣзко коснулись до больныхъ мѣстъ, Г. говорилъ какъ всегда съ недовѣріемъ къ моему пониманію и съ неимовѣрной жесткостью, прибавляя: „что я говорю не должно оскорбить тебя, ты понимаешь какъ это все сказано“. Я улыбалась, и въ самомъ дѣлѣ какія тутъ оскорбленія, молодую кожу сдернули съ свѣжей раны и она съ новой силой и упорствомъ разскрылась!—какія же тутъ оскорбленія.—

Мы заговорили объ этомъ потому что О. иногда пропадаетъ на нѣсколько часовъ и возвращается немного выпивши, когда я говорю

ему, онъ скрываетъ правду, но я чувствую что говорю уже не прежнимъ энергическимъ голосомъ, говорю слабо, нерѣшительно, взглядомъ вымаливаю прощенье за то что собираюсь сказать, ну да, я не имѣю право такъ говорить какъ прежде, это страшное отмщеніе—

Елена моя, кажется у меня будетъ ребенокъ, бѣдный, бѣдный ребенокъ, непрошеный, неприглашенный, никѣмъ неблагославленный вступитъ онъ въ жизнь—Г. думаетъ съ ужасомъ какъ приметъ это О. я тоже боюсь чтобъ слишкомъ глубоко не отзвалась эта боль—толки постороннихъ, я меньше о нихъ думаю чѣмъ Г.—Но поднимаются голоса московскихъ враговъ, они скажутъ: взяляните на эту женщину, мы были правы„—Ребенокъ этотъ не будетъ имѣть отца, а когда онъ выроститъ, лишится и матери, да, другъ мой, онъ будетъ внутри души моимъ обвинителемъ - нѣтъ, это было бы слишкомъ страшная кара за все, лучше пусть идутъ мимо мои любимыя мечты! на мнѣ лежитъ проклятіе, какъ такъ любить какъ я любила, такъ истинно уважать, понимать, ставить выше всего въ мірѣ и—не разлюбить, а полюбить еще другаго—Зачѣмъ, зачѣмъ эта любовь? какъ ненужна, какъ она портитъ жизнь, какъ много она принесла всѣмъ мученья!—Безъ мужества, безъ твердости – нѣтъ жизни.

Два раза во снѣ я видѣла ясно что ревнива; разъ я видѣла что Г. положилъ голову на колѣни одной англичанки, мнѣ было смертельно больно, и вдругъ онъ сталъ ей говорить *ты* — Зачѣмъ же, думала я, онъ прежде не говорилъ ей такъ при мнѣ—

Не давно я видѣла, что Г. столкнулся въ дверяхъ съ нашей горничной, и сталъ съ ней шутить и она стала нагибать и поднимать подносъ съ стаканами и тарел. И вдругъ Г. схватилъ её и два раза сильно, громко поцаловалъ—

Мнѣ хочется еще разъ съ тобой поговорить отъ всей души, меня душитъ, я въ разладѣ съ самой собой, если я буду продолжать быть въ этомъ колѣбаньѣ, я погибну, съ тобой однимъ я могу говорить, пусть это будетъ смертельно больно, но я должна это сдѣлать, твой образъ носится передо мной неизмѣримо выше всѣхъ другихъ — ——

Я утратила, можетъ право на твое полное откровеніе, но ты конечно не утратилъ его на мое.—Я тебя люблю всей душой, зачѣмъ еще лишнѣе, ненужное никому чувство?—если бы мы сохранили какую

нибудь мѣру, жизнь насъ всѣхъ была бы спасена, но теперь это невозможно—эта поверхностная, неровная, съ вспышками любовь не удовлетворительна въ жизни, потомъ невольное, но глубокое недовѣріе имѣющее свое основаніе въ его прошедшей жизни, все это мутитъ, кружитъ голову—потомъ есть сознанье что меня и не зачто любить такъ глубоко, въ твою любовь я вѣрю съ ребячіей простотой, я чувствую что ты меня глупо любишь, безъ самолюбья, безъ всякой посторонней мысли—И не разъ вспоминая какъ я нелѣпо, страстно и не хорошо поступила, я останавливаюсь еще съ большой любовью передъ тобой, и не могу понять какъ ты такъ просто добръ, какъ ты меня еще любишь, и я становлюсь себѣ самой противна и невыносима, я пробую, другъ мой, пересоздать все, но силъ, умѣнья нѣтъ, другъ мой, не можешь ли ты мнѣ помочь—да, не бойся этихъ необходимыхъ усилій, тревогъ, я буду сильно вознаграждена спокойствіемъ душевнымъ, вѣрой въ себя — вѣдь тутъ нечего терять, счастья настоящаго, прочнаго нѣтъ, эта меняющіяся любовь и равнодушье не сдѣланы для меня, я ихъ не понимаю, они меня оскорбляютъ, мучутъ, наполняютъ то надеждой, то недовѣріемъ, словомъ это адъ!—каждое, новое впечатлѣнье стираетъ до тла все—другъ мой, я чувствую что сама часто несправедлива, лишнѣе требую, надо брать людей такъ какъ они есть, это правда, но правда тоже что нельзя стать такъ близко людямъ которыя невольно такъ больно задѣваютъ другъ друга, стало въ нихъ глубоко лежитъ непониманіе, или просто существенное различіе въ выраженье чувства, вѣдь мы обоюдно отравляемъ жизнь другъ другу совершенно безсознательно, въ особенности онъ—онъ ничего не дѣлаетъ дурнаго, но въ немъ отсутствіе многаго—едва ли это чѣмъ нибудь пополнишь а къ тому прибавляются мои важныя недостатки, ихъ постоянный разборъ который сдвинулъ насъ съ точки равенства, я не знаю какое имя дать нашимъ отношеніямъ, покровительственная и снисходительная дружба — какъ больно мнѣ писать это, я знаю что ты не повѣришъ мнѣ—напрасно, другъ, теперь я тихо разсуждаю — —

Въ послѣдній разъ я записываю здѣсь ужъ не мученья и оскорбленья черезъ которыя я прошла, а путь къ освобожденью, если я не исполню того что говорю теперь, то пусть всѣ мученья обрушиваются на мою голову, я ихъ вполнѣ заслуживаю — Я не могу передѣлать себя до тла, время преданной любви должно быть прошло,

или просто это невозможно—я иначе понимаю жизнь и любовь, я знаю что я накапила страшную отвѣтственность на свою голову, изгладить все нельзя, но сознавая существенное различіе пониманья между мной и имъ, недостойно не понять своего мѣста, не стать дальше отъ всѣхъ—я утратила сердце котораго ничѣмъ не замѣнишъ—это худшій поступокъ всей моей жизни, и за него я плачусь каждой минутой—я чувствую что жизнью разплачусь, но разплата ли это?—Самоубійство, это вещь увлекательная, я бы рѣшилась серьезно, жизнь моя давитъ меня съ давнихъ поръ, мученьи, ошибки, безумства всякаго рода, Елена и папа—О. я ему сдѣлала столько зла, что не смѣю думать о его горѣ; силы, силы—

Да, да это правда, есть точка на которой мы не будемъ мѣшать другъ другу, мечтать о какой-то невозможно прекрасной, поэтической, гармонической жизни—въ наши лѣта недостойно, я ошиблась, жизнь дана не всѣмъ, онъ по своему упивается ею, что же что я не сочувствую, не цѣню его взгляда?—прочь съ дороги—давно пора, личныя отношенія такъ мало значутъ для него и такъ много для меня, я люблю его, но знаю что не могу удовлетвориться тѣмъ что онъ дастъ, если я не буду имѣть силы пересоздать нашу жизнь, она насъ потащетъ въ омутъ недостойный насъ самихъ, это будетъ безпрестанный отливъ и приливъ—положемъ же нынче съ грустной улыбкой, съ сознаньемъ своего прошедшаго безсилія и ошибокъ, положемъ основанье новымъ, серьезнымъ отношеньямъ въ которыхъ страсти не будетъ мѣста, въ которыхъ мы оцѣнимъ хорошія стороны и махнемъ рукой на дурныя—не позволяя себѣ той близости которая до всего имѣетъ дѣло.

Я не сдержала даннаго себѣ слова, я потерянное, ничтожное существо—Боже мой какъ бы я хотѣла умереть! Другъ мой, неужели тебѣ лучше чтобъ я жила съ ненавистью и презрѣньемъ къ себѣ? Время, счастливое время прошло для меня. Онъ меня любилъ, ждалъ многаго—О. уважалъ и любилъ—все это прошло, я себя пережила, схоронила живую—передъ этой страшной смертью, смерть ничего не значитъ—какъ тяжело, моя Елена, но—

Сегодня $^{3}/_{14}$ іюля день моего рожденья.—Во многомъ я виновата, Елена моя, едва ли я заслуживаю еще твою любовь—Я все дѣлаю хорошое и дурное порывами, но разума нѣтъ въ моихъ дѣйствіяхъ,

боже мой, какъ мнѣ больно понимать себя такъ ясно, холодная слеза тихо течетъ по моей щекѣ—

Боже мой какъ я порчу жизнь, какъ недостойна жизни, начинается страшная таска,—если это не пройдетъ, нельзя будетъ жить— Чего я хочу? больше любить онъ не можетъ да и я не стою—что я потеряла! страшно, больно, душно—умереть, умереть, силъ нѣтъ болѣе— еслибъ у меня былъ кто нибудь близкой кто бы меня спасъ, нѣтъ, куда не взгляну, никого нѣтъ—Я измучила и себя и его, мнѣ его смертельно жаль, но я не имѣю той преданности которая изъ любви все выноситъ, все скрываетъ, все покрываетъ—Онъ не виноватъ, его любовь мнѣ являлась благороднѣе, выше, но это было только минутное увлеченье:—зачѣмъ я такъ мало его знала, зачѣмъ я такъ много отъ него ждала? Во всемъ я одна виновата но дѣло не въ томъ, какъ все поправить, какъ спасти остатки—любовь большего требуетъ чѣмъ дружба—

Еслибъ я могла примириться отъ души съ этой жизнею, но я примиряюсь только на минуты—выдержки нѣтъ, мученьи, сомнѣньи— я задыхаюсь, что же мнѣ дѣлать?—я гибну—Ог. вводить въ это не хочется, ему страдать за меня не надо бы—

27 іюля.

Много тутъ записано горькихъ думъ и терзаній, но кажется я выхожу изъ этой судоржной жизни, я тихо удоляюсь, на меня находило какое-то опъяненье счастья, эгоизмъ безграничной, я тяготилась своими обязанностями, находила несправедливыми вѣчныя лишенья къ которымъ они меня осудили, разъ даже я услышала напоминанѣнье, больно мнѣ было, но мало по малу я поняла, вспомнила что обѣщала, за что взялась, я смирилась душою—больно было, я очень живуча, но теперь я счастлива, раны не совсѣмъ закрылись, но надежда на изцѣлѣнье есть. Дѣти будутъ теперь всегда на первомъ планѣ, потомъ Ог. потомъ всѣ близкія, я буду заботиться чтобъ всѣмъ было хорошо, о себѣ я хочу перестать даже думать. Съѣздить хоть не на долго въ Рос. вотъ моя мечта, можетъ меня пустятъ.———

8 авгу. 1857.

Были свѣтлыя минуты и опять мученьи — Жизнь не стоитъ того чтобъ люди выносили безпрестанныя страданья—Да и что въ моей

жизни? я не съумѣла быть матерью этимъ дѣтямъ? быть полезной имъ въ чемъ другомъ я не могу, потому что слишкомъ мало знаю, васъ я оставила на всегда, Ог. мало по малу удалился; я все понимаю, роптать не на кого, но за чтоже схватиться обѣими руками? Онъ не умѣетъ любить, это вспышка, увлеченье, это не та глубокая, чистая любовь которая даетъ такую глубокую вѣру въ человѣка—Нѣтъ, нѣтъ, его любовь не есть тотъ отвѣтъ о которомъ я думала, который мнѣ снился, котораго я даже видѣла сначала—все измѣнилось внутри насъ, но силъ нѣтъ, я себя больше не уважаю. Въ моемъ поведѣнье есть разпущеность, непослѣдовательность которыя меня убиваютъ, я борюсь, но точно между незнакомыхъ скалъ, то къ одному утесу прибьетъ волна, другая пройдетъ и выброситъ на противуположной берегъ;—молчи, притихни, можетъ и та прійдетъ волна которая весело взбѣжитъ и покроетъ, тревожное сердце замолкнетъ, все стихнетъ, какая торжественная минута смерти, какъ это должно быть хорошо если душа чиста, но это не для меня, я умирая буду помнить какъ много я дурнаго оставляю въ воспоминаньѣ всѣхъ близкихъ—какъ много бы надо было передѣлать и какъ все же ничего не сдѣлано—

16 августа. Важныя перемѣны въ нашемъ домѣ, внутренніи, глубокія.—Я буду опять писать для тебя, моя Елена, я хочу бѣжать отъ себя, отъ своей жизни и только въ нашихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ я нахожу то чудное спокойствіе которое было въ насъ самихъ ни смотря на все окружающее. Я сдѣлала важный, но необдуманный шагъ въ моей жизни и дорого заплатила—я думаю что положенье было сверхъ силъ человѣческихъ, равновѣсіе не могло быть, отъ того безпрестанныя перемѣны, то міръ и солнце, то тревога и тучи; ну теперь, на широкую дорогу, второй разъ прощай моя Елена, ты не узнаешъ больше своей Natalie, эта не та страстная и исключительная натура которую ты знала, эта спокойная, равнодушная, терпѣливая, можетъ даже кроткая. Прочь отъ меня всѣ заботы которыя меня волновали здѣсь, на широкую дорогу, ради Бога, вѣдь проселкомъ хоть и ночью весело бѣжать вдвоемъ, но одной на *широкую дорогу*. Да, я взялась за дѣтей,

Оканчиваю эту тетрадь—Я слишкомъ много жила для себя—Ну будетъ плакаться надъ собой.

68.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

4 сентября 1857.

Какъ хорошо ты сдѣлалъ что поѣхалъ и какъ хорошо что принесъ мнѣ *Adolphe*[1]. Я теперь помню что читала его, но нужно было перечесть и я тебя благодарю за это отъ всей души, Adolphe мнѣ помогъ, все еще болѣе уяснилось, еще ярче мнѣ представилась необходимость перемѣны въ нашей жизни, а еслибъ я была такъ непростительно слаба что не могла бы сладить съ собой, тогда разлука, одна разлука можетъ вырвать насъ изъ недостойной жизни. Но ты знаешь что насъ связываетъ, мы не свободныя люди, мы не можемъ поступать капризно по нашему желанью, мы должны покориться Ог. и дѣтямъ. Я не скажу: станемъ работать. Тебѣ нечего или не надъ чѣмъ работать, это мое дѣло.—Я не могу тебя обвинить, ты далъ мнѣ очень много, ты былъ потресенъ, я тебѣ казалась иной, не знаю, но на тебя повѣяло свѣжей струей жизни и ты отдался ей съ упоеньемъ, будемъ откровенно, просто говорить, не знаю я ли моими неровностями не съумѣла удержать въ тебѣ эти чувства, или они должны были пройдти, или они были вспышкой усталаго сердца, которое потомъ само удивилось что могло такъ вновь повѣрить жизни, знаю еще что тутъ примѣшалось тяжелое чувство, не говоримъ объ немъ, только дай мнѣ сказать тебѣ что по моему оно должно бы теснѣе, неразрывнѣе связать насъ, а не удалить.—

Твой отъѣздъ внесъ въ мою душу какую-то тихую грусть. Я поняла всю несправедливость моихъ требованій, желаній. Да, я не умѣю нести крестъ неволи, принужденья, мнѣ трудно понять что наша жизнь естественна, что ничего въ ней къ лучшему не можетъ перемѣниться.

Я пишу у тебя, на дворѣ хорошо, дождь льетъ тихо, безъ ветра, листья шумятъ отъ падающихъ капель, мнѣ вспомнился лѣсъ, вотъ и слезы, тебя бы они быть можетъ разсердили, другъ мой; прими же во мнѣ эти стороны которыя мои, которыхъ я не могу пересоздать.

Вотъ зачѣмъ я хотѣла съ тобой поговорить, пусть это будетъ въ послѣдній разъ, больше мнѣ нечего сказать, и кажется нечего

---

[1] [Вѣроятно, романъ Бенж. Констана.]

на это отвѣчать. Попробуемъ жить мирно и ясно, часто мнѣ это кажется очень возможно, но теперь вотъ въ чемъ я лучше смотрю на жизнь. Я съ смиреньемъ говорю тебѣ: Ну, не люби меня, пусть я этого слова больше не повторю, какъ упрекъ и обвиненье. Помнишь ли ты какъ русской попъ, крестивъ ребенка, уронилъ его и сказалъ: Богъ далъ, богъ и взялъ. Больше никакихъ требованій, никакихъ оскорбленій, буду тебя любить какъ умѣю, не думая о взаимности, да её и ненужно, все вздоръ. Умѣла же я тебя прежде любить не видя и во снѣ чтобъ ты когда нибудь могъ меня любить. Твое отсутствіе мнѣ много помогло, оно уяснило мнѣ что ты для меня, забудемъ же, другъ мой, слова сказанныя въ горькія минуты и которыя мы такъ часто повторяемъ; дадимъ себѣ слово не возвращаться къ прошедшему; хорошое вставимъ въ рамку и хранимъ его молча въ сердцѣ, дурное, прочь изъ памяти, выгнать хоть силой; обновимся; жизнь еще богата, она дастъ много, хотя другаго, новаго— но все ровно, если я могу не на словахъ, а на дѣлѣ смириться, ты увидишь что будетъ хорошо.—Я не боюсь высказаться, не боюсь чтобъ письмо это явилось обвинителемъ когда нибудь, я думаю что я его вполнѣ заслужу если не слажу съ жизней. Вѣдь теперь весь бредъ души прошелъ, я вижу ясно кто и сколько даетъ, я принимаю, понимаю жизнь не по моему плану, а какъ она есть. Стало если воротятся требованья, это будетъ непобѣдимой эгоизмъ и сумашествіе; лечить тутъ нечего, тогда надо разстаться, но я не хочу и не должна этого допустить.

Ну прощай, читай безъ дурнаго чувства эти строки, они написаны отъ души, мнѣ грустно и все же солнце свѣтетъ.—Вотъ и дождь пересталъ, ветерокъ дуетъ слегка, солнце изъ тучи выглянуло. И въ природѣ и на душѣ не дурно.—Воротись же съ спокойной и ясной душой, ничего дурнаго не ждетъ тебя у порога. Въ добрый часъ!—

69.

Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной.

Еслибъ была сила совершить все принятое мною сегодня, жизнь пошла бы отлично по крайнѣй мѣрѣ для другихъ.—Ну, Елена моя, странная моя жизнь, она проходитъ въ разлукѣ съ вами а между

тѣмъ изъ за тебя, другъ мой, я вынесла сегодня больше чѣмъ можетъ вынести свободный человѣкъ; еслибъ тебя не было то сегодня и меня бы не стало; сегодня послѣ длиннаго, уясняющаго разговора я вошла на верхъ и право нужно было повторять твое имя чтобъ ничего не предпринять—мнѣ такъ страшно было больно и противно, безотрадно, ненужно жить. Я была въ какомъ-то исступленьѣ и съ отчаяньемъ громко вскрикнула: Да гдѣ же эта рука которая спасла меня когда я тонула? вѣдь это страшно, гдѣ же, гдѣ же она?—

И въ тоскѣ я рыдала какъ ребенокъ. Много униженій пало на мою голову, но я все таки хочу воскрѣснуть, хочу забыть весь бредъ души и жить спокойно, а потомъ лѣтомъ къ вамъ, а тамъ если дѣтямъ ненужно будетъ меня, о тогда пусть я не увижу больше страну въ которой столько невозвратнаго совершилось, столько недуманнаго, плачъ Татѣ былъ предостереженьемъ, проклятіе тому мѣсту въ которомъ навѣкъ погибла жизнь, Боже мой зачѣмъ я поѣхала?—

Проклятіе на меня, впрочемъ казнь совершается.

[Позднѣйшая приписка:]

Я писала это въ 57 или 58 году, много страдая я не знала тогда истиннаго страданья. Казнь совершилась только 64 году смертью моей дорогой, незамѣнимой *Лели*.

70.

Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной.

10 Дек. 1857.

Еслибъ я могла, еслибъ была на свѣтѣ душа передъ которой я могла явиться со всѣмъ откровеніемъ души моей, нѣтъ, Елена моя, ты ничего не должна знать, и я сойду въ могилу съ тайной отъ тебя, ахъ, какъ мнѣ больно—Нѣтъ, въ жизни ничего нѣтъ кромѣ мученій оскорбленій, зла, Боже мой, какъ мнѣ гадко, пусто, одиноко, и ты, другъ мой, и ты не можешь меня спасти, нѣтъ никто меня не спасетъ—а сама я себя добила. Все мнѣ противно—ну, пусть будетъ что будетъ!....

Только знай, моя Елена, что волей своей ли другихъ ли, но я глубоко несчастна—еслибъ не страхъ васъ огорчить, я бы не стала

терпѣть такое безотрадное мученье, безвыходное, безконечное. Христіяне терпѣли изъ за будущихъ благъ, а я, чего мнѣ ждать?

Ошибка на ошибкѣ и конца нѣтъ сколько жить, разлука съ вами, неполное исполненье долга, все давитъ меня и кричитъ *пора*. И я готова, не жду ничего, но—вы друзья мои, еслибъ вы могли привыкнуть къ этой мысли—

[Позднѣйшая приписка:]

Истинная казнь совершилась надо мной моими руками въ Парижѣ 4 дек. 1864 г.

а я жива.—

71.

Дневникъ Н. А. Огаревой.

1849 году отъѣздъ изъ Москвы.

Съ утра тяжелыя разговоры, рѣзкія слова, много печали было на сердцѣ, и сметенье, и разлука и неизвѣстность, страхъ новыхъ непріятностей между близкими; наконецъ все стихло, кареты поданы, Ог. простился прежде и уѣхалъ ждать на станцію.—Вещи мои были уложены въ важахъ Ог. но никто изъ людей не зналъ этого. Ив. приготовилъ мнѣ подушку и мантилію противъ сидѣнья папа съ maman. Мы выйхали всѣ вмѣстѣ. Дѣдушка крѣстилъ и благословлялъ, я думала, цѣлуя его руку: Богъ вѣсть когда увидимся и какъ вы на меня взгляните." Мрачный отъѣздъ, сердце словно камнемъ придавило.—Мы поѣхали, Елена, ты тутъ же сидѣла, С. ѣхалъ за нами тучи надвинулись, громъ загрѣмѣлъ, долго, долго онъ яростно раскатоялся, наконецъ крупный дождь ударилъ. Папа велѣлъ остановить, мы вышли обѣ, какъ прощаніе описывать, кто самъ испыталъ чего стоютъ первыя разлуки, тотъ вѣрно помнитъ сколько одно мгновенье всѣляетъ въ себя различныхъ страшныхъ думъ.

1857.

1 октября. Сколько мученій и тревогъ, но кажется теперь они не возвратятся, вчера много говорили и воротясь съ прогулки, я чувствовала спокойствіе которое бываетъ когда идешь съ похоронъ, тихо и мертво на душѣ, покойника ужъ не увидишь, въ иную жизнь не

вѣришь—и тихо бродитъ въ головѣ мысль о самоубивствѣ—О, милыя мои, вы меня удерживаете, вы которыхъ можетъ мнѣ не суждено увидѣть больше, вы и Ог.; а тамъ мысль о дѣтяхъ, о долгѣ, её вижу укоряющую [1].—За что это жизнь такъ неумолимо наказываетъ меня! Да нѣтъ, роптать не должно, все заслужено. Буду нести терпѣливо этотъ крестъ пока случай не позволитъ разсчитаться. Теперь все кончено, больше ни одного разговора, ни даже о дѣтяхъ, все молча принимать безъ возраженій. Пишу въ постелѣ, Боже мой, какъ не хочется встать, смѣшать свою жизнь съ другими!

11 окт. Нѣсколько дней послѣ получены ваши письмы, С. пишетъ что Штил. былъ у васъ, слушалъ тебя и нашелъ что ты больна, Боже мой, другъ мой какъ мнѣ съ этого дня страшно жить, съ этихъ поръ моя жизнь не занимаетъ меня, я даже не знаю если мысль въ моей головѣ, сознательно ли я поступаю съ дѣтьми—непреодолимый страхъ и желанье увидать тебя поскорѣй; удастся ли, Боже мой! И въ это же время Тата [2] больна.—Когда дѣти хохочутъ и шумятъ, вдругъ мнѣ представится блѣдная, исхудалая Тата. Я вижу что она страдаетъ, ты тоже и знаю что не могу быть съ вами.—Друзья мои, какъ я жажду смерти, жизнь меня измучила, я не могу отказаться отъ своего долга и не могу вынести мысль о твоей болѣзни, о болѣзни дѣтей съ сознаніемъ что я для васъ какъ мертвая.—

12. Вотъ письмы отъ тебя, дѣти выздоравливаютъ, но ты—ни слова о себѣ—А съ С. письма я живу въ постоянномъ страхѣ.—Годъ тому назадъ ты бы меня спасла, я чувствую, но даже и теперь какъ много ты могла бы сдѣлать для меня—но жизнь не позволяетъ—Вся жизнь была поставлена на карту и карта обманула и сама я обманула себя, я потеряла вѣру въ себя и живу—не смѣшно ли? и живу больше чтобъ не огорчать васъ чѣмъ для счастья дѣтей, я не могу ихъ оставить, но если бы смерть рѣшила дѣло, это было бы не худо для нихъ, другая можетъ болѣе бы ихъ любила, исключительнѣе бы жила ими, а я живу не ими а для нихъ.—

Съ каждымъ днемъ моя жизнь становится страшнѣе; друзья мои, смерть изцѣлѣніе моей больной, обманутой души. Еслибъ я имѣла силу разсказать тебѣ всѣ мои страданія, ты бы сама, брося въ сторону эгоизмъ, который заставляетъ насъ желать отъ всей души чтобъ

---

[1] [Покойную Нат. Алекс. Герценъ.]
[2] [Дочь Сатиныхъ.]

близкія намъ были живы во чтобъ то ни стало, ты бы сама сказала: Да, Natalie, все противъ тебя и ты сама себѣ была врагомъ, жить не возможно.—

31 окт. Еще мѣсяцъ прошелъ—изцѣлѣнья нѣтъ. Какъ больно мнѣ, другъ мой, что я не могу говорить съ тобой, но я не должна—да и пусть я не прибавлю еще тревоги въ твою душу, тебѣ и такъ тяжело жить. Ог. видитъ какъ я мучусь, но всего онъ не долженъ знать; да, я погибла здѣсь, спасенья нѣтъ, одно смиренье передъ жизнью, передъ безсиліемъ. Ог. больно и оскорбительно, онъ видитъ что страшныя жертвы не привели насъ къ спокойствію—нѣтъ, нѣтъ, я возмущаюсь противъ этой жизни, но въ чемъ состоитъ мое возмущенье, я только хочу жить безъ обмана, безъ мимолетной вѣры, я хочу молча нести крестъ, исполнить трудный свой долгъ, но чтобъ никто не вмѣшивался въ мою внутреннюю жизнь,—пусть меня оставятъ, забудутъ мое существованіе.—

Я больше ничего и ни отъ кого не жду, не требую—даже и ты, мой Ог.—et toi Brutus aussi.—Больно мнѣ, моя Елена, больно, чтобъ ты поняла какъ больно, я только тебѣ скажу: слушай, лучше было бы умереть въ ту ночь какъ я съ вами разсталась. Горе, причиненное моей смертью, ничего не значитъ сравнительно съ той щемящей болью которую ты бы испытала еслибъ видѣла меня теперь: *я пала.*

2 ноября. Вижу берегъ но боюсь кричать: Земля, земля. Пусть окрѣпнетъ окончательная моя рѣшимость. Я начинаю приходить въ себя, узнавать твою старую измученную Natalie.

9 Ноября. Сегодня какъ будто солнце выглянуло сквозь туманъ. Я устала, измучена—гдѣ выходъ?—что-то страшно давитъ грудь—но пусть все будетъ какъ будетъ, лишь бы никого не тревожить.—Странно, какъ много надеждъ кладешь на людей, съ какой самоувѣренностью поступаешь и потомъ все въ прахъ! но люди эти не виноваты, а отъ того то варварство ихъ мучитъ, но больно, больно хоронить свои мечты, свои послѣднія мечты. Проклятіе лежитъ на мнѣ, моя Елена, лучше еслибъ я никого не любила быть можетъ, тогда я бы дня не уступила этой жизни. Она могла бы быть прекрасной, но я сама виновата, оставила въ сторонѣ торныя дороги.

18 мая 1858. Давно я не писала въ этой тетради, я сама такъ мѣнялась, такъ мучилась что страшно было писать, борьба, внутренняя, низамѣченная никѣмъ борьба взяла кажется послѣднія силы. Теперь

кажется—будто я прихожу въ себя, кажется?—но я не смѣю надѣяться, я себя боюсь, выдержу ли, вынесу ли все... еще впереди такъ много тучъ. Никто изъ нихъ не знаетъ меня, они только видятъ мелкія недостатки—

Бѣдный, бѣдный ребенокъ, не могу безъ ужаса думать о немъ, не быть ему счастливому, его первое біеніе было встрѣчено горючими слезами, въ темный, безнадежный день. Еслибъ ты когда нибудь и прочелъ эти строки, не обвиняй меня за эти слова, вылившіяся изъ души: Да, другъ мой, лучше бы намъ вмѣстѣ крѣпко обнявшись лечь въ могилу.

Да человѣкъ ненасытенъ—какого еще счастья кажется было искать—я была какъ въ туманѣ—Dahin, dahin—какія то стремленья, что-то неясное, неудовлетворенье, несбыточныя сны, *Миражи*. О! какъ я дорого за все это заплатила, какого сердца я лишилась и что въ замѣну?—Лондонъ, Лондонъ ты своимъ вѣчнымъ туманомъ окуталъ мою душу, въ ней уже свѣтъ не проглядываетъ, а какая жажда тихаго счастья была во мнѣ—но все кончено—лишь бы идти тихо, не огорчая никого, ближайшей трапинкой къ смерти, помилуйте, зачѣмъ мнѣ жить?—я ядъ, я вредъ, я зло жизни—смерть, смерть—не люблю тебя, но простираю къ тебѣ руки какъ къ единственной защитницѣ,—помоги мнѣ, успокой меня—усыпи меня—

72.

Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной.

[Очевидно, неотправленное письмо, одно изъ тѣхъ, гдѣ Н. А. пыталась разсказать сестрѣ о своемъ сближеніи съ Герценомъ. Писано, вѣроятно, въ 1858 г. („два года", см. ниже), но до рожденія Лизы.]

Какъ это сдѣлалось?—Не знаю—Бѣдное, чистое дитя мое, я знаю какъ сердце твое сожмется когда ты прочтешь это, но мнѣ выбора нѣтъ, съ тобой молчанье равняется лжи, ты въ правѣ требовать истину отъ меня, ты единственное существо котораго близость непоколебима была до сихъ поръ, но можетъ теперь все перемѣнится,.. этотъ страхъ меня часто смущалъ, но дѣлать нечего — если я ошибаюсь, прости мнѣ это сомнѣнье, съ тѣхъ поръ какъ мы разстались

я во всемъ разувѣрилась, даже и въ себѣ—да я не я уже, той Натали которую вы провожали нѣтъ болѣе — вспомни плачъ ребенка, это было пророчество—

Мы пріѣхали въ Л. — первые дни мы все были вътроемъ, говорили цѣлый день, просиживали вмѣстѣ до утра — дня два мы жили у нихъ—Ем.[1] провожала насъ со свѣчей, прощалась трогательно цалуя Ог. и меня—цалуя меня онъ сказалъ Ог: тебѣ ничего что я цалую твою жену—А я другъ мой, я признаюсь тебѣ что я тогда испугалась, какое то странное магнетическое чувство влекло меня къ нему—никто ничего не замѣтилъ, но вскорѣ я смутно начала понимать что я люблю ихъ обоихъ — Боже мой еслибъ ты была тогда со мной, ты бы спасла меня отъ меня самой—разговаривали объ дѣтяхъ, наконецъ переѣздъ Мей.[2] заставилъ насъ жить вмѣстѣ — мнѣ становилось тяжело, я чувствовала что борюсь но слабо ты изъ этого разсказа увидишь какъ Ог. выше всѣхъ стоитъ—Ем. кажется не догадывался, но былъ нѣженъ и добръ какъ братъ—разъ онъ сидѣлъ на полу и держалъ мою руку, я увидала удивленный, пристальной взглядъ Ог.—въ этомъ взглядѣ было что то вопрошающее, мнѣ было больно почти до слезъ — но эгоизмъ взялъ свое, долго я не отнимала руки.—Вотъ, другъ мой, этотъ взглядъ это было во всѣ эти годы единственное проявленье скорби и упрека — надо бы умереть отъ однаго этого воспоминанья, но я жива, смерть два года брезговала мной, теперь сама не хочу умереть — Еще прошло семь или восемь мѣсяцевъ, борьба приходила къ концу. Ог. любилъ еще меня но онъ тихо, деликатно отдалялся—я чувствовала.

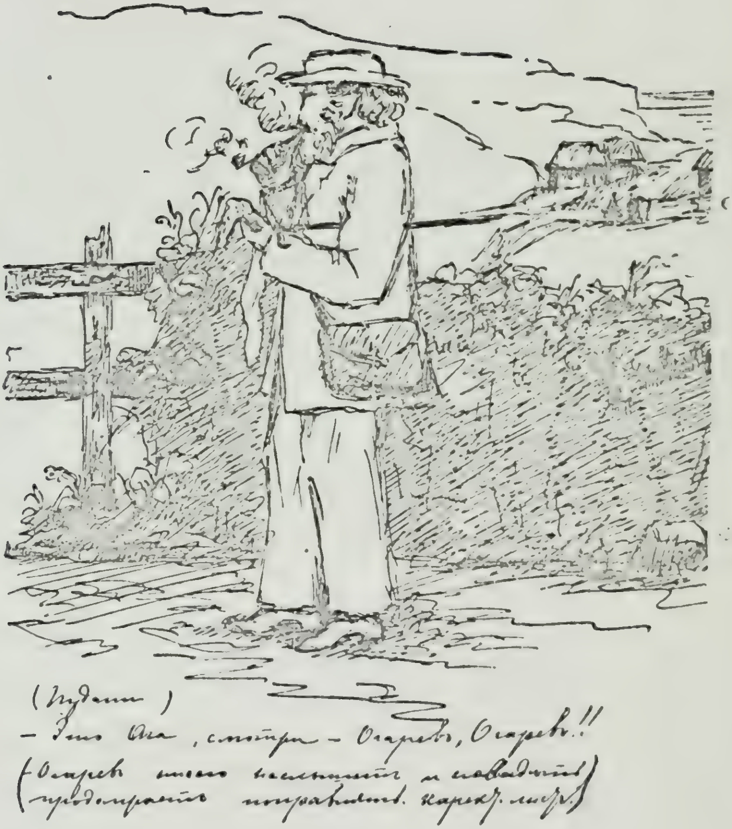
[Позднѣйшая приписка.]

Я бы могла, еслибъ я была хорошая женщина, быть печально счастливой, исполнить долгъ къ дѣтямъ—или—Я просилась къ вамъ назадъ, меня не пустили, Ог. щадя меня, погубилъ и себя и меня и его—

---

[1] [Т. е. Герценъ.]

[2] [Т. е. удаленіе Мальвиды Мейзенбугъ, гувернантки, изъ дома Герцена.]


— Это Ога, смотри — Огаревъ, Огаревъ!!

73.

Бедламъ
или
День изъ нашей жизни.

(Эскизъ для комедіи) [1].

[1857—1858.]

СЦЕНА 1.

Огаревъ (въ постели). Кажется, пора вставать. Эхъ! опять растираться щеткой; ноги ѣябнутъ. Да и къ чему жъ я встану? (потягивается).

Франсуа (приноситъ воду, платье и сапоги.)

Огаревъ. Quelle heure est-il, François?

Франсуа. Hut heurs moins oun quart (уходитъ).

Огаревъ. На кой-же чортъ я его спрашиваю, который часъ, когда знаю, что онъ всегда ходитъ въ одно и то же время?—А сапоги онъ опять поставилъ на выворотъ, правый налѣво, а лѣвый направо. Какое постоянство иллогичности!

Natalie (входитъ).

Огаревъ. Здравствуйте, Наталья Алексѣевна. Какъ ваше здоровье?

Natalie. Кажется, лучше. Голова меньше болитъ. Едва-ли нужно будетъ ѣхать къ Девилю.

Огаревъ. А я думаю надо, потому что не знаю, что́ дѣлать.

Natalie. Ну! погоди немного; если ужъ нельзя иначе, поѣду. А кажется, лучше.

Огаревъ Ну, посмотримъ. Только долго ждать не годится.

Natalie. Одѣвайся поскорѣй и приходи внизъ.

Огаревъ. Сейчасъ. Какая тоска вставать! Еще пять минутъ полежу. О чемъ-бы въ это время подумать? А!... знаю.

---

[1] [Печатается съ копіи, снятой мною въ Лозаннѣ, въ 1902 г., по предложенію покойнаго А. А. Герцена. Подлинникъ писанъ собственноручно Н. П. Огаревымъ; вверху помѣтка чужой рукою: P u t n e y? Писано во всякомъ случаѣ до рожденія Лизы.]

СЦЕНА 2.

За кофіемъ.

Саша (Наташѣ). Ахъ, какъ можно такъ ѣсть!

Наташа (издаетъ обиженно-протяжный, но дикій звукъ). Какой ты смѣшной!

Оля. Je ne veux pas des oeufs (плачетъ).

Natalie. Eh bien! ne mange pas, on ne te force pas. Quelle honte, cesse de pleurer, ou je te mettrai un lavement.

Герценъ (Natalie). Ну, что, какъ вы сегодня? сердиты?

Natalie (начинаетъ хмуриться.)

Герценъ. Нѣтъ! да вы скажите, сердиты или нѣтъ? Ну, вотъ я вижу, что сердиты.

Natalie. Да что же я дѣлаю?

Герценъ. Да такъ! все за вчерашній разговоръ.

Natalie. Да я ничего не говорю.

Герценъ. А все-таки сердитесь. Да вѣдь послушай. Вѣдь я ничего обиднаго не хотѣлъ сказать. И въ головѣ ничего такого не было. Разговоръ былъ общій. Зачѣмъ же все сводить на личность?

Natalie. Да мнѣ рѣшительно все равно. Ты можешь брать хоть три Марраи и двухъ человѣкъ; но мнѣ кажется, что одной няньки довольно.

Герценъ. Удивительное дѣло! Какже это не соглашаться съ очевидностью? Кажется, я доказалъ, что это здѣсь и не въ нравахъ, и времени у няньки не хватитъ...

Natalie. Ну, да что же? домъ твой! Ты можешь въ немъ дѣлать что хочешь.

Герценъ. Ну, что такое? Зачѣмъ-же этотъ тонъ? Мы говоримъ, чтобъ сдѣлать какъ всѣмъ лучше, а ты принимаешь все въ обидную сторону. Что такое: домъ твой? Да я думаю, при нашемъ союзѣ нельзя такъ смотрѣть на вещи.

Natalie. Что за рабство? Каждый имѣетъ свое мнѣніе.

Герценъ. Ну, перестанемте! Какъ можно пять дней все объ одномъ и томъ-же толковать.

Natalie. Какъ хотите. Только я думаю, что нянька...

(Огаревъ, молча допивъ кофій, уходитъ въ садъ).

СЦЕНА 3.

Кабинетъ Герцена.

Огаревъ. Послушай, Герценъ! Попробуй не приставать къ Натали, сердита она или нѣтъ, и не замѣчать mauvaise humeur, а продолжать разговоръ, какъ общій разговоръ, пропуская мимо ушей личности. Можетъ это лучше будетъ.

Герценъ (подумавъ). Хорошо! Да ужъ повѣрь мнѣ, что я все сдѣлаю, что́ только возможно, чтобъ успокоить ее. Несчастный характеръ! Вѣдь если-бъ ума не было, я-бы понялъ. А то и способности, и благородство, а минуты не можетъ спокойно принимать вещи. Ты правъ, видя въ этомъ наслѣдственность...

Огаревъ. Да я еще скажу: можетъ и то не поможетъ. Изучивъ логику иллогичностей, я боюсь—когда ты не будешь обращать вниманія на mauvaise humeur—и это примется въ обидную сторону, такъ, какъ теперь принимается въ обидную сторону то, что замѣчаешь mauvaise humeur. Но все же попробуй! Вѣдь надо же ее спасти, надо же ее успокоить.

Герценъ. Да ужъ будь увѣренъ. Съ моей стороны все будетъ сдѣлано. Право! это такъ грустно. Люди предназначены любить другъ друга, и тутъ все раздражительность!

СЦЕНА 4.

Комната Огарева.

Огаревъ. Уфъ! Статьи-то я сегодня не стану писать. Не довольно у меня для этого. Хочется продолжать поэму... Что мнѣ дѣлать съ Натали—ей богу, не понимаю. Страдаетъ она страшно, а виновата сама.

Входитъ *Natalie.* Не понимаю, чего Герценъ отъ меня хочетъ?

Огаревъ. Да чего хочетъ? Ты безпрерывной обидчивостью настолько надразнила ваши отношенія, что и онъ не можетъ не подозрѣвать въ тебѣ безпрестанно, что ты сердита. Все безпредметная ревность и принимание всякой общей мысли за личное оскорбленіе.

Natalie. Мнѣ надо чѣмъ-нибудь заняться.

Огаревъ. Займись.

Natalie. Научи, чѣмъ. Вамъ хорошо заниматься, а женщины къ занятію не приготовлены.

Огаревъ. Еще разъ повторю: я не могу научить, чѣмъ заниматься. Человѣкъ самъ опредѣляетъ свои занятія соотвѣтственно внутреннему запросу, на который онъ ищетъ отвѣта. Какъ же я могу создать этотъ внутренній запросъ. Ты слишкомъ погружена въ личность, отъ этого и не можешь заниматься.

Natalie. Да когда мнѣ заниматься, дѣти мѣшаютъ.

Огаревъ. Устроивъ какой-нибудь удобный порядокъ часовъ—найдешь время. Что оно неловко—объ этомъ не спорю; но въ томъ-то и дѣло, чтобы не останавливаться на неловкости, а по возможности устроиться и все же работать.

Natalie. Да я словъ не знаю.

Огаревъ. Можешь спросить или посмотрѣть въ лексиконѣ.

Natalie. Да ужъ я знаю, что я ничѣмъ не могу заниматься.

Огаревъ (пожимаетъ плечами).

Natalie. Одна я во всемъ виновата. Но, право, я переломлю себя. Посмотри, какъ буду тиха и постараюсь, чтобы все шло хорошо.

Огаревъ. Тѣмъ лучше. Повѣрь мнѣ, что мы оба тебя любимъ и страхъ хочется, чтобъ ты была спокойна и счастлива.

(*Natalie* уходитъ. Огаревъ перечитываетъ послѣдніе стихи поэмы, потомъ закрываетъ тетрадь и беретъ тетрадь со статьею. Закрываетъ тетрадь съ статьею и садится за фортепьяно. Маррая зоветъ завтракать.)

СЦЕНА 5.

Завтракъ.

Саша (Наташѣ). Ахъ! сколько ты себѣ накладываешь на тарелку.

Наташа (издаетъ обиженно-протяжный, но дикій звукъ). Какой ты смѣшной!

Оля. Je ne veux pas de la graisse (плачетъ).

Natalie. Mais je ne te donne pas de graisse. Quelle honte! cesse de pleurer ou je te mettrai un lavement.

Герценъ (Natalie). Ну что-жъ? все еще сердиты или нѣтъ? Гм? Сердиты.

Natalie хмурится.

Герценъ. Поѣдемте въ Лондонъ.

Natalie. Да зачѣмъ-же? И здѣсь хорошо.

Герценъ. Ну, полноте сердиться! поѣдемте въ Лондонъ. Выпьемте кюрасо и все будетъ хорошо.

Natalie. Ну, поѣдемъ.

Герценъ. Да нѣтъ! вы можетъ быть не хотите, такъ зачѣмъ же себя неволить. Я уже пойду, мнѣ надо ходить.

Natalie (обиженно). Какъ хочешь! (Молчаніе).

Герценъ. Да что жъ наконецъ, идете вы или нѣтъ? Или все сердитесь? (Молчаніе). Ну, пойдемте-же...

Natalie (уходитъ одѣваться.)

Герценъ. Франсуа! (входитъ Франсуа). Portez cette lettre à la poste. Allez tout de suite. Oui!... non!... mais attendez!... qu'est ce que je voulais dire?... Est-ce que nous avons encore du vin rouge?

Франсуа. O! je crois bien.

Герценъ. Alors donnez une bouteille. Oui... mais... Allez! allez!

Франсуа (приноситъ бутылку).

Герценъ. Quelle heure est-il?

Франсуа. Trois heurs oun quart.

Герценъ. Ah! Опять опоздалъ! Ну, да все равно. Въ шесть часовъ пойдетъ. Mettez toujours à la poste... Non! attendez! Je mettrai moi-même à Londres (кладетъ письмо въ карманъ).

(Natalie приходитъ одѣтая. Герценъ идетъ одѣваться. Огаревъ куритъ и ѣстъ сладкое.)

Саша. Почему-же папа не хочетъ, чтобъ я носилъ желтые сапоги?

Огаревъ. Да неприлично.

Саша. Да всѣ носятъ.

Огаревъ. Во-первыхъ не всѣ, а во вторыхъ не порядочные люди.

Саша. Не понимаю. Всѣ носятъ. Пойду заняться! (Быстро приноситъ книгу и садится читать въ саду. Наташа и Олинька около него играютъ).

Natalie (Огареву). Я право не знаю, идти или нейти.

Огаревъ. Да Господи боже мой! Съ чего-жъ ты берешь, что ему не хочется, чтобъ ты шла. Возьми въ разсчетъ его привычку такъ или иначе говорить. За этимъ навѣрно никакой задней мысли нѣтъ. Да имѣй же довѣріе.

Герценъ (одѣтый). Ну что, не сердитесь? (Натали хмурится). Ну, пойдемте. Франсуа! donnez mon chapeau! Où est ma canne? Et mes gants.

(Начинаютъ искать шляпу и палку. Франсуа приноситъ двѣ перчатки разнаго цвѣта на одну руку.)

Герценъ. Саша! (Саша прибѣгаетъ изъ саду). Да сыщи мои перчатки.

(Саша приноситъ перчатки.)

Герценъ. Нѣтъ-ли какихъ коммиссій?

Огаревъ. Нѣтъ!

Герценъ. Ну, прощай!

Natalie. Adieu.

Огаревъ. Addio.

(Всѣ расходятся).

СЦЕНА 6.

Комната Огарева.

Огаревъ. Пошли!... Начнутъ съ общаго разговора очень умно; а потомъ Натали обидится и они поссорятся. А потомъ помирятся, хотя каждый увѣренъ, что правъ. Герценъ въ общемъ конечно правъ, но неправъ въ томъ, что точно также даетъ волю своей раздражительности. Любовно-враждебныя отношенія между двумя людьми, которыхъ я люблю больше всего на свѣтѣ! А тутъ говорятъ—работай! Какая тутъ работа пойдетъ на умъ? Больно—да и только. Надо уѣхать или удавиться. Гильотина все-же лучше, чѣмъ ежедневное царапанье булавками. Да диво-бы тутъ было въ основаніи какое-нибудь физіологическое влеченіе; а то просто искусственная раздражительность. Я понимаю физіологическія увлеченія... пьянство, развратъ... А впрочемъ вздоръ! И это—патологическое увлеченіе. Физіологія не переступаетъ мѣру; а развратъ—патологическое безуміе.

(Одѣвается и уходитъ).

СЦЕНА 7.

Чай.

(Герценъ сидитъ въ креслахъ, пыхтитъ и мычитъ; Саша пьетъ чай, поставивъ чашку на каминъ; Natalie лежитъ на диванѣ; Огаревъ тщательно скрываетъ, что выпивши.)

Natalie. Ну, давайте читать Мишле.

Герценъ (Полусонный). Ну давайте. (Беретъ книгу и садится къ столу).

Саша. Ну, прощайте! мнѣ завтра рано вставать (прощается и уходитъ).

(Герценъ помычавши начинаетъ читать. Натали засыпаетъ. Огаревъ тщательно скрываетъ, что выпивши.)

Герценъ (звонитъ). Apportez moi de l'eau de soude et quelque chose...

Франсуа. Du sherry?

Герценъ. Non! quelque chose de leger. Avez vous du vin rouge?

Франсуа. O! je crois bien.

Герценъ. Ah! Eh bien... apportez du cognac.—Ну, вставай, Натали, пора спать.

Natalie. Пожалуй! Да что-же тотчасъ и спать. Никогда ничего нельзя поговорить. Ну, ляжемте на коверъ и давайте болтать.

Огаревъ (тщательно скрывая, что выпивши). Ну, полно! пойдемъ. (Кой-какъ забираются и уходятъ).

Герценъ (въ дверяхъ Натали). Ну что? все сердитесь? Спите спокойно.

Natalie. Скучно! дай руку!... Чего бы такого хотѣлось.

Огаревъ и Герценъ. Покойной ночи! (окончательно расходятся).

СЦЕНА 8.

Комната Огарева.

Огаревъ (одинъ). Эка досада! выпить еще нечего! А кажется, такъ-бы вотъ чортъ знаетъ, сколько еще написалъ, если-бъ было что выпить. Вредно! Я знаю, что вредно. Да вѣдь какъ-то хорошо—или . . . . . веселъ, или въ самомъ дѣлѣ золъ, да ужъ таки въ самомъ дѣлѣ. И это хорошо. Въ эти минуты можно писать трагедію.—А у нихъ все неладно! И это будетъ повторяться 365 дней въ году; а въ високосный 366. Тьфу пропасть! что за каторга!—Чему-же я вѣрю?—Я вѣрю тому, что каждый человѣкъ въ юности не знаетъ, какое удило закусить; а въ извѣстные годы закусываетъ какое-нибудь удило, такъ что коломъ не вывернешь, и такъ уже мчится на остальные годы; этотъ періодъ жизни называется совершеннолѣтіемъ.

(Раздѣвается, ложится, беретъ книгу и засыпаетъ тяжелымъ сномъ пьянаго человѣка. Свѣча горитъ. Собака воетъ.)

74.

Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной.

Какимъ морозомъ подергиваетъ меня при одной мысли объ этихъ послѣднихъ трехъ годахъ—какъ хочется воротиться назадъ, какъ хочется чтобъ мы еще стояли тамъ на крыльцѣ обнявшись; лучше было не садиться въ эту почтовую карету, лучше было крѣпко обнять Ог. и махнуть рукой—смерть сошла на меня въ Лондонѣ въ видѣ возрожденья, мнимаго, фальшиваго возрожденья къ молодости—я не я, моя Елена, той которую ты такъ нѣжно прижимала къ сердцу называя сестрой, нѣтъ болѣе на свѣтѣ—та которая васъ всѣхъ оставила изъ любви къ Ог. умерла—вѣдь хорошо что ты не пріѣхала Елена, мнѣ было бы больно смотрѣть на тебя, съ тобой молчаніе—ложь, преступленье, да и странно изуродованному скелету смотрѣть на живое и чувствовать что никто не видитъ что онъ скелетъ—и все это въ ту минуту когда является на свѣтъ новое существо, быть можетъ когда-то страстно ожидаемое, теперь бы надо силы, энергіи, свѣту, воли, отдыха, чѣмъ встрѣчу его? неужели опять одними горькими слезами такъ какъ я встрѣтила его первое движенье?

Но жаловаться нельзя, все зло отъ меня имъ я умру—

23. ав. 1858. У насъ въ Яхонтовѣ женщины исповѣдываются передъ родами, готовясь на всякой случай предстать передъ страшнымъ судомъ, я хочу тоже исповѣдаться тебѣ—ты одна непремѣнно должна знать до малѣйшей складки моего сердца—мнѣ тридцать лѣтъ—я съ ужасомъ смотрю на жизнь—что будетъ со мной, вынесетъ ли твоя любовь—переживетъ ли она истину?—

75.

Нат. Аполл. Тучкова[1]—А. А. Тучкову.

Cher ami, Dieu merçi tt va bien, la mère et l'enfant. Natalie sera aussi tendre mère et aussi craintive qu' Hélène. Ns vs écrirons souvent, pr vs tranquilliser, mais aussi ns n'écrirons que quelques mots, car ns

[1] [Мать Нат. Алексѣевны Огаревой. Рѣчь идетъ о рожденіи Лизы, дочери Герцена и Наталіи Алексѣевны.]

sommes ts occupés des enfans, de la malade et tu sais ns ne trouvons pas de tems pr écrire, tu t'imaginera sans peine comme le tems passe ds des circonstances pareilles.

Je suis arrivée à onze heure et quart ici et comme Natalie était déjà malade je n'ai rien vu; je n'ai pas encore été à Londres. En arrivant la nuit à Londres j'aurais été ds de bien mauvais draps, si je n'eusse pas eu le bonheur de rencontrer un M-r Stuart qui a été si bon de prendre une voiture de me transporter à l'autre chemin de fer, de rester jusqu'au tems que le train partait de prendre un billet, de me mettre en vagond et de prier le Conducteur de prendre soin de moi, de me conduire à ma destination. Vraiment c'est le bon Dieu qui me l'a envoyé.—J'ai été ds le vagond avec deux personnes et ts les deux Anglais et ts les deux ont pris un intérêt véritable à ma position. J'ai été très heureuse ds mon voyage.

Ici tt va bien, je t'embrasse ma chère Hélène et te prie d'en faire autant de ma part aux enfans. L'enfant se nomme Lise, Ogareff désirait beaucoup qu'elle porta le nom de sa mère, Natalie désirait qu'elle porta ton nom, mais après cela fut un combat de générosité entre les deux époux.

La petite est très robuste.

Adieu, je vs embrasse ts

Votre affectionnée N. T.

[Рукою Н. П Огарева:]

28 августа
10 Сентября [1858 г.]

Натали здорова, другъ мой, ребенокъ тоже; все кончилось совершенно благополучно. Обнимаю васъ всѣхъ.—Ребенокъ большой и крѣпкій. Натали кормитъ сама.

[Дальше опять рукою Нат. Аполл.:]

Natalie écrira demain, cher ami, ns ne voulons pas tarder à vs envoyer ces lignes et un enfant étranger la suce, donc elle est ds l'impossibilité d'écrire. Demain quelques mots d'elle. Envoi cette lettre à Hélène. Tu peux me croire qu'elle va parfaitement. A toi de coeur

Ta dévouée Natalie T.

[Переводъ.]

Милый другъ, слава Богу, все идетъ хорошо, мать и ребенокъ здоровы. Наташа будетъ такой же нѣжной и такой же пугливой матерью, какъ Елена. Мы пишемъ вамъ часто, чтобы вы не безпокоились, но будемъ писать лишь нѣсколько словъ, потому что всѣ заняты дѣтьми и больною, и, вѣришь ли, совсѣмъ не остается времени писать. Ты легко можешь себѣ представить, какъ проходитъ время въ такихъ обстоятельствахъ.

Я пріѣхала сюда въ 11¼ ч., и такъ какъ Наташа уже была больна, то я ничего не видала; я еще не была въ Лондонѣ. Въ Лондонъ я пріѣхала ночью, и попала бы въ очень скверное положеніе, если бы мнѣ не посчастливилось встрѣтить нѣкоего г. Стюарта, который былъ такъ добръ, что взялъ карету, перевезъ меня на другую желѣзную дорогу, остался со мною до отхода поѣзда, взялъ билетъ, посадилъ меня въ вагонъ и попросилъ кондуктора заботиться обо мнѣ и довезти меня до мѣста. Право, его послалъ мнѣ самъ Богъ. Въ вагонѣ я сидѣла съ двумя англичанами, и оба приняли во мнѣ искреннее участіе. Я была очень счастлива въ моемъ путешествіи.

Здѣсь все благополучно. Цѣлую тебя, моя Елена, и прошу тебя расцѣловать за меня дѣтей. Ребенка назвали Лизой. Огареву очень хотѣлось, чтобы она носила имя его матери, Наташа хотѣла дать ей твое имя, но затѣмъ началась между супругами борьба великодушій.

Дѣвочка очень крѣпкая.

До свиданія. Цѣлую васъ всѣхъ.

Любящая васъ Н. Т.

Милый другъ, Наташа напишетъ завтра; мы не хотимъ задерживать письмо, а она кормитъ грудью чужого ребенка, потому и не можетъ писать. Завтра она напишетъ нѣсколько словъ. Пошли это письмо Еленѣ. Можешь мнѣ вѣрить, что Наташа вполнѣ здорова.

Сердечно преданная тебѣ
Н. Т.

76.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову.

[Январь 1859 г.]

Теперь я уже увѣренъ, что maman съ вами другъ мой. Всѣ мы обнимаемъ васъ и поздравляемъ съ новымъ годомъ, надѣясь что онъ принесетъ и новое счастье. Натали теперь здорова, другъ мой; у

нея сдѣлалась было такая шишка какъ была подъ рукой, но теперь совсѣмъ прошла. Грыжа у Лизы тоже совсѣмъ прошла, но Девиль не позволяетъ снимать бандажа ранѣе двухъ лѣтъ. Онъ, какъ хирургъ, по этой части знатокъ. Употребленіе холодной воды для Лизы я думаю лучше всего начать съ лѣта; ты знаешь, что здѣсь дома зимой холодны и трудно послѣ холодной воды согрѣться. Я самъ продолжаю ежедневно употребленіе холодной воды; отъ этого у меня простуды или вовсе не бываетъ, или она проходитъ какъ вздоръ.—Больше я не пишу, другъ мой, потому что, если все писать, что на умъ приходитъ, то надо писать томы, и тутъ только одинъ живой разговоръ можетъ имѣть мѣсто. Жизнь же наша однообразна, всѣ здоровы, всѣ заняты. Саша былъ и уѣхалъ опять, похорошѣлъ; я надѣюсь, что изъ него выйдетъ порядочный медикъ; для него спеціализмъ необходимъ. Тата славная барышня, у ней превосходное сердце; чѣмъ ближе (безпристрастно) въ нее всматриваешся тѣмъ больше ее любишь. Маленькая [1]—espiègle, но изъ нея много можно хорошаго сдѣлать и мнѣ только остается вспоминать твои слова, что „когда ребенокъ дурно учится (прибавлю: или дурно ведетъ себя) виноватъ учитель, а не ребенокъ". Еслибъ мы умѣли вырабатывать въ дѣтяхъ ихъ естественныя наклонности *разумно*—куда бы это хорошо было. Но это такая наука, которая трудно дается; а люди смотрятъ на это легко и отъ этого воспитаніе дѣлается подчиненіемъ ребенка учителю, а не развитіемъ ребенка. Но всего не переговоришь. Прощай, другъ мой, всѣхъ васъ обнимаю крѣпко. Я очень доволенъ моей комнаткой. У меня славный видъ изъ окна, а къ этому постоянному туману, гдѣ все какъ подъ сѣренькой дымкой, я такъ привыкъ, что начинаю находить это красивымъ.—Изъ новостей только Ирландскій процессъ, который ведется такъ грязно, что больно становится. Enquête à huit clos и, кажется, Ирландскіе лорды готовятъ прошеніе въ парламентъ, о томъ, что всѣ безпорядки отъ того, что jury не изъ аристократическаго общества и чтобы для политическихъ процессовъ Ирландіи jury назначать изъ высшаго общества. И такъ: слѣдствіе — тайное, а судъ—изъ враговъ! Куда это заходитъ Англія? Addio carissimo!

---

[1] [Дочь Герцена Ольга.]

77.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову.

26 января 1858.[1]

Вчера я былъ у Девиля, который самъ думаетъ, что у Лизы зубы рѣжутся, потому что и десны крѣпче стали и былъ маленькой поносъ, часто предшедствующій зубамъ. Но все идетъ хорошо; она чрезвычайно спокойный ребенокъ и больше смѣется чѣмъ плачетъ. Рука Натали совсѣмъ зажила и помину нѣтъ. Остальные всѣ здоровы. Читалъ ли ты, другъ мой, въ рус. вѣстникѣ № 16 (1858) повѣсть Кохановской—послѣ обѣда въ гостяхъ? Что это за прелесть! Кто это такое эта Кохановская? Быть не можетъ, чтобъ это была женщина, слишкомъ видна мужская рука.—Если знаете напишите кто это такое. Новаго ничего особеннаго нѣтъ. Говорятъ о войнѣ, курсы безпрестанно падаютъ. Все похоже на какое то уксусное, чтобъ не сказать гнилое броженіе. Мы живемъ довольно уединенно, безотрадные встрѣчи надоѣли. По воскресеньямъ старый другъ Мюллеръ[2] болтаетъ; онъ бѣдный въ ужасномъ положеніи, во первыхъ 19-й годъ не можетъ окончить своей трагедіи, во 2-хъ нѣмецкая національность такъ и претъ у него сквозь философію на поддержку Австріи и онъ въ разладѣ съ самимъ собою (это общее положеніе нѣмцевъ), а карманъ его совершенно въ разладѣ съ деньгами. Не знаю какъ и помочь ему, хоть бы мѣсто учителя въ Россіи придумать; человѣкъ онъ весьма ученый—какъ филологъ. Одно меня удерживаетъ предложить ему эту карьеру: пиво у насъ дорого. А я люблю его по привычкѣ, т. е. не пиво, а Мюллера,—пива я въ ротъ не беру, равно и другихъ горячительныхъ напитковъ. Не могу—сталъ старѣться, и не смотря на холодную воду и отсутствіе вина,—климатъ здѣшній томитъ меня сильно: чуть тепло и южный вѣтеръ, такъ ужъ и знаю—голова становится тяжелая, дышать трудно; но я выношу это терпѣливо, какъ всякую необходимость, и не позволяю физическимъ неудобствамъ смущать меня. Сегодня день чудесный, ясно и не холодно; передъ моимъ окномъ зеленый лугъ, а подальше видна капуста на грядахъ. Какъ

---

[1] [Описка вм. 1859.]

[2] [Мюллеръ-Стрюбингъ, нѣмецкій эмигрантъ, филологъ.]

тутъ не завести 20-ти польнаго хозяйства: по 4 раза въ годъ капусту снимаютъ съ тѣхъ же грядъ.

За симъ, прощайте милые мои, зовутъ ѣсть капусту съ тарелки. Что же это, maman, пріѣхали вы? гдѣ вы? здоровы ли вы?

78.

Дневникъ Н. А. Огаревой.

25 іюля 1859.

Время оставалось мало,—Ну прощай сказалъ Г. допивая рюмку краснаго вина.

Я молча протянула ему руку. И только?... развѣ такъ прощаются. Нѣтъ, отвѣчала я подходя живо къ нему, я боюсь... помѣшаютъ, я взглянула на дверь. Но все это была правда да не вся, на меня просто нашелъ столбнякъ, я думала какъ не ужели это правда, еще нѣсколько минутъ и его образъ изчезнетъ и мнѣ стало такъ больно что я не могла говорить.—Г. поцаловалъ меня крѣпко и сказалъ, ну давай её теперь. Лиза по обыкновенію отварачивалась и жмурилась, но онъ крѣпко цаловалъ её не обращая вниманья на ея гримасы. Горничная вошла говоря что почтовая карета сейчасъ ѣдитъ, мы торопливо вышли изъ дому.—Лиза весело смотрѣла на карету, она думала что и мы ѣдимъ. Когда Г. усѣлся на верху кареты и сдѣлалъ намъ прощальный знакъ рукой, Лиза протянула ручки и нахмурилась видя что Г. не беретъ её; однако она не заплакала, мы замѣтили оба что она удерживается при посторонныхъ. Карета быстро покатила, Г. обернулся къ намъ, Лиза сняла шляпу и махая ей громко кричала что-то какъ будто прощаясь, изъ дому вышла Дженни. Мнѣ было это очень непріятно, я едва владѣла собой, карета опять остановилась, но очень далеко отъ насъ, я видѣла какъ новые пассажиры усаживались и вдругъ мнѣ пришла безумная мысль что я еще успѣю догнать карету и вотъ я пустилась скорымъ шагомъ почти въ бѣгъ по улицѣ—нѣтъ, гдѣ догнать, она опять покатила и теперь я ужъ не могу различить Г.—пассажировъ много и все становится такъ мало, мало—вовсе не видно—я вернулась къ дому, Дженни все тутъ—Я приняла на сколько могла хладнокровной видъ и сказала ей: мнѣ показалось что М-г Г. хотѣлъ что то сказать, видно забылъ что ни-

будь, но я не могла догнать почто[во]й кареты. Она ничего не отвѣчала, мы вошли въ домъ. Я посадила Лизу на полъ и съ судорожной дѣятельностью принялась все выбирать изъ чемодана и размѣщать. Мнѣ показалось что Дженни была рада отъѣзду Г. роль ея становилась важнѣе, волей не волей мы товарищи. Она вдругъ стала очень болтлива, но къ чести я могу сказать что ея разговоры не имѣютъ предметомъ никакія домашнія сплетни.—

Вскорѣ я уложила Лизу, проснувшись она опять капризничала неимовѣрно; мнѣ пришло въ голову что это отъ голоду, Дженни принесла цѣлую чашку густой каши, Лиза все съѣла и стала весела. Я хотѣла идти купаться, но мнѣ показалось что поздно, мы пошли только погулять къ морю, тамъ Лиза совсѣмъ разцвѣла. Право было забавно глядѣть на ея удивленье и восторгъ когда она въ первый разъ увидала дѣтей на ослахъ—она протягивала имъ руки и кричала: Тата, тата. Ея одушевленье поражало всѣхъ, всѣ останавливались глядя на ребенка который говоритъ со всѣми, занятъ всѣмъ; маленькія дѣти были тронуты ласковыми жестами Лизы и улыбались ей и заглядывались на нея.—Она была также привѣтлива и мила какъ въ Каусѣ—странный ребенокъ, ей ужъ теперь необходимо общество.—

28 N. рус. стиля.

Вчера было рожденіе Елены, любимый день моей юности—въ насъ было много хорошаго и благороднаго тогда—казалось мы достойны были счастія—но я, я сама виновата, склоняю голову и плачу внутренними, невидимыми слезами—Боже мой! чего я лишилась! какіе страшные три года!—Голова кружится при строгомъ анализѣ моего нынешняго существованія—

Что ты былъ
И что сталъ
И что есть у тебя.
Хоть шаромъ покати!

Да! да! хоть шаромъ покати!

Зачѣмъ я пріѣхала сюда?—Я оставила навсегда близкихъ мнѣ, я покинула родную сторону, безъ которой больно сердцу жить, и что я сдѣлала съ этими жертвами? я ихъ принесла на жертву эгоистической, ревнивой и невзаимной любви—будетъ объ этомъ—сердце становится покойнѣе, ничего болѣе не проситъ.

26 марта н. с. 1860—Папа пишетъ что Алексѣй Суровщиковъ умеръ—больно мнѣ было слышать это, но все къ лучшему, ему было слишкомъ тяжко жить—вчера я думала объ немъ, надѣялась что онъ пріѣдетъ и что намъ будетъ грустно хорошо сидя вмѣстѣ тихо вспоминать былое и молча понимать другъ друга. Мнѣ надо было бы поучиться у него, какъ онъ твердо, не жалуясь никому, вынесъ страшныя мученья. Да, да и я буду молчать, зачѣмъ мнѣ вносить столько чернаго, быть можетъ въ мое послѣднѣе свиданьѣ, съ моимъ единственнымъ другомъ,—съ моей Еленой. Нѣтъ, нѣтъ, прочь отъ меня жалкое, эгоистическое желаніе не щадить близкихъ изъ за ихъ сочувствія. Да здравствуютъ истина и разумъ, и да будетъ миръ въ моей душѣ. Мнѣ тридцать лѣтъ, прошлаго не воротишь, жизнь искажена мной самой, да будетъ въ моихъ чертахъ тихая кротость покойниковъ, а Лиза, это цвѣтокъ который выросъ на могилѣ, онъ и радуетъ взоръ и наполняетъ его невидимыми, жгучими слезами.

Что будетъ со мной если Елена не пріѣдетъ?—О! это будетъ настоящій искусъ—борьба съ жизнею изъ за Лизы—нѣтъ что хотите но я не умру, какъ бы больно не было жить...

Прощайте, дѣти, передъ вами я серьезно виновата, и знаю теперь что никогда не заглажу своей вины — я слишкомъ слабое, эгоистическое существо. Я не увижусь болѣе съ вами, я не могу безъ ужаса думать о возвращеньѣ, хотя и страшна мнѣ одинокая жизнь. Прощай Огаревъ, дай мнѣ здѣсь не видимой никѣмъ, стать на колѣни передъ тобой и прижать голову къ твоимъ ногамъ—прощай, я не забуду семи счастливыхъ лѣтъ прожитыхъ вмѣстѣ—твоя Наташа не нынешная Натали—Боже, зачѣмъ я не умерла въ тотъ часъ какъ дилижансъ двинулся по московской мостовой.

Прощай, Герценъ, пусть кротость сойдетъ въ наши души, пусть мы забудемъ обоюдныя обиды, все невольное зло сдѣланное другъ другу!

Миръ вамъ всѣмъ и да изгладится понемногу имя мое изъ памяти вашей!

26 марта 1860.

Я опять въ Лонд. (1861)[1]—Сегодня мое рожденье—много грустнаго и тяжелаго, а вѣдь какъ малого просишь—въ цѣлый день ни однаго

[1] [Между этой записью и предыдущей поѣздка Н. А. въ Германію для свиданія съ Сатиными, о чемъ см. дальше, № 87 и сл.]

слова дружескаго—о дѣтство мое, какъ ярко оно выступаетъ теперь; какъ много было вокругъ преданности и любви, какъ мало все это цѣнилось, и гдѣ все это!—Вечеромъ я отпросилась не идти въ салонъ, воскресенье стало гости, нѣтъ у меня нѣтъ силы продолжать, желаю однаго, чтобъ еще меньше замѣчать эти страшные пробѣлы въ жизни—пусть воспоминанья роскошно замѣнятъ настоящее.

Прошлаго года я чувствовала себя страшно одиноко въ это время, жизнь крутила меня безчеловѣчно, я даже совсѣмъ забыла о своемъ рожденьѣ—по утру вошли ко мнѣ дѣти съ букетами, впереди шла Лиза тоже съ цвѣтами, какой сиротой она мнѣ казалась въ эту минуту—я должна была отвернуться чтобы дѣти не увидали слезъ—Елена, С. печальные тихо принесли мнѣ свои подарки; они что-то говорили, но виденъ былъ какой то щемящій страхъ за меня и желанье чтобъ я хоть въ этотъ день все позабыла. Грековы пріѣхали—они мнѣ помогли переломить себя, я стала наружно весела и видѣла какъ ради были окружающія.

79.

Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной.

[1859 г.]

Наконецъ есть надежда на акказію—пишу а сама не знаю пошлю ли это письмо, получишь ли ты его.

Главное для чего я пишу, это чтобъ умолять тебя пріѣхать, мнѣ нужно *необходимо* увидаться съ тобой.. Да, другъ мой, нельзя мнѣ болѣе ждать, я довольно была въ разлукѣ съ тобой; я никогда не хотѣла огорчать тебя, но пора сказать тебѣ, что въ эти четыре года я настрадалась больше чѣмъ во всю жизнь; знаю что многое я вынесла по дѣломъ но вѣдь это плохое утѣшеніе.—Мнѣ необходимо увидаться съ тобой чтобъ ты рѣшила за меня многое что для тебя яснѣе. Въ Р. я боюсь ѣхать, но съ тобой за границей прожить нѣсколько лѣтъ страстно бы желала.

[Другими чернилами.]

Когда дойдутъ до тебя разныя эти начатыя письма, ты увидишь что я постоянно бесѣдовала съ тобой, но духу не достало передать или переслать тебѣ ихъ—не хотѣлось разбить твою вѣру въ жизнь, въ меня—не хотѣлось огорчать тебя.

80.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

[Съ копіи.] [1]

Суббота, ночью.

Секретно.

Wahnsinn du siegst!
Un malheur ne vient pas seul.
Das liegt im Zusammenhang der Dinge...

и проч. Эпиграфовъ можно выбрать кучу, но это ни къ чему не поможетъ. Давно я собираюсь поговорить съ тобой, Герценъ, и все какая то не могута, и не ловко, и стыдно, и языкъ не ворочается. Хочется начать смѣясь и шутливо, что всего бол[illegible]ше шло бы къ дѣлу, и что то претитъ; чувствуется, что шутка своротится на серьезъ, и комедія выкажетъ только свои трагическіе элементы. Вотъ я и собрался писать, хотя это слабость; но что же дѣлать—такъ легче. Но несмотря ни на какія трагическіе элементы, я пишу въ настроеніи духа болѣе чѣмъ спокойномъ,—мягкомъ и хорошемъ. Даже привычка объективнаго анализа надъ самимъ собой—не мѣшаетъ этому внутреннему настроенію. А все же она и будетъ играть главную роль въ этомъ письмѣ, т. е. точка зрѣнія психіатріи господствуетъ надо всѣмъ; можетъ и въ этомъ есть трагическій элементъ, но съ нимъ не разстанешься, это кровь моихъ жилъ. Къ дѣлу, наконецъ, скажешь ты. Хорошо! Видишь какъ это трудно, что и на бумагѣ не вдругъ выскажешь.

Ты говорилъ о ревности...[2] Можетъ оно не такъ глупо, и сердце женское чутко. Но начну ob ovo. Когда N. мнѣ сказала о любви къ тебѣ, можетъ ты и замѣтилъ, что я не вдругъ подался; но это было не изъ ревности съ моей стороны, а изъ недовѣрія къ ея чувству, которое начиналось ревнивымъ путемъ. Однако я на н[illegible]которое

[1] [Письма №№ 80—83 и 88, хранящіяся въ Румянцовскомъ музеѣ, были списаны для меня нѣсколько лѣтъ назадъ, и копіи мною тогда не провѣрены; въ настоящее время, по причинамъ, не зависѣвшимъ отъ моей воли, я былъ лишенъ возможности свѣрить ихъ съ подлинниками.]

[2] [Въ письмѣ къ Огареву изъ Вентнора отъ 19 августа 1859 г. Герценъ писалъ: „Скажу тебѣ еще одну странную аномалію, то чувство ревности, о которомъ ты часто говорилъ, обращено преимущественно на тебя—но только въ очень благородной формѣ". На эти слова очевидно и намекаетъ Огаревъ.]

время увлекся любовью къ тебѣ и къ ней, я повѣрилъ мечтѣ соединенія трехъ въ одну любовь; да я и теперь вѣрю въ возможность этого, быль не укоръ. Но ревнивый элементъ у нея сталъ брать такой верхъ, что я скоро разубѣдился въ мечтѣ, раньше васъ обоихъ; я напротивъ того сталъ бояться совершеннаго разъединенія, конечно не между тобой и мной, что совершенно невозможно. Нашъ союзъ совсѣмъ на реальной почвѣ; тутъ *fancy* въ смыслѣ ложнаго не имѣетъ мѣста, тутъ она можетъ войти только въ смыслѣ изящнаго, поэтическаго элемента жизни. Но продолжаю—я сталъ бояться и страдалъ. Разъединеніе началось. Я чувствовалъ себя обиженнымъ въ святой святыхъ сердца. Моя любовь къ ней перешла въ сожалѣніе. Такъ оно и остается. Оскорбленный и измученный я не зналъ куда дѣваться, и чѣмъ жестче были отношенія N. къ тебѣ, къ дѣтямъ и скоро ко мнѣ, тѣмъ сильнѣе хотѣлось хоть минуту побыть въ какой нибудь кроткой обстановкѣ жизни, чтобы вздохнуть свободно. Fancy—вѣроятно въ смыслѣ ложнаго—помогла и куда же, ты думаешь, меня выперло?.. Я, какъ дуракъ или Мельгуновъ, врѣзался въ погибшее, но милое созданье. И стыдно и смѣшно за самого себя, и когда подумаешь о возможныхъ послѣдствіяхъ для N., еслибъ она догадалась, то становится страшно и больно, что вотъ тебя и прихлопнетъ трагическій fatum.

— А между тѣмъ мнѣ хорошо; положимъ, что это все fancy и ложь, а у меня на сердцѣ стало легче... на долго ли? Мнѣ откликнулось какимъ то мягкимъ женскимъ обращеніемъ со мной. Больше я ничего и не думаю, любить меня, въ мои лѣта, существу неразвитому, съ виду простодушному, хотя тамъ чертъ знаетъ можетъ и хитрому,—невозможно. Friendship for a good fellow, можетъ и есть у ней; а у меня должно быть старческая страсть. Поди ты какое милое положеніе! Предаться безъ задней мысли, какъ Мельгуновъ, я не могу; эта задняя мысль—скептицизмъ относительно чувства обоихъ сторонъ, опять трагическій элементъ въ жизни. И при всемъ томъ мнѣ чаще свѣтло и мягко на сердцѣ чѣмъ что другое. Все это была бы смѣшная шутка, еслибъ не шло въ скептическое страданіе съ одной стороны, и въ чувство какого-то страннаго счастія съ другой, да сверхъ того и фактически отношеніе начинаетъ переходить на серьезную ногу. Вотъ оно: Сначала я ходилъ къ ней раза два, три въ недѣлю и платилъ half sovereign за визитъ. Дѣло очень просто. Разъ я спросилъ сколько ей надо проживать въ недѣлю. Она говоритъ, да около

30 шиллинг. надо. Стало, я говорю, я радъ, что отвращаю отъ васъ всякую нужду, тѣмъ, что вамъ даю, я готовъ прибавить хотя мнѣ и тяжело, когда рѣдко бываю такъ чтобы всегда было у васъ 30 шил. Изъ этихъ 30 шил. оказалось она платитъ что-то за своего ребенка. Послѣ этого разговора встрѣчаю я ее на улицѣ, сказалъ съ ней два слова и вечеромъ зашелъ къ ней. О встрѣчѣ на улицѣ ни я не помянулъ, ни она. На слѣдующій разъ она мнѣ сказала, что ей было ужасно меня жаль, что она видѣла, что мнѣ было больно видѣть ее на прогулкѣ и что она никогда не станетъ заниматься прогулкой. Стало хорошъ я былъ, если она подмѣтила, что мнѣ было больно! Дѣйствительно я ее послѣ ни въ какіе часы дня и ночи не встрѣчаю на охотѣ, хотя это впрочемъ и ничего не доказываетъ. Но она идетъ далѣе; она хочетъ уѣхать изъ этого квартала, куда-нибудь подальше, хотя бы вонъ изъ Лондона, но чтобы было мнѣ близко ходить къ ней, и взять къ себѣ ребенка, что ей такимъ образомъ и 30 шиллинг. будетъ много, но что она наконецъ будетъ покойна и избавится отъ знакомствъ, которыя ее только возвращаютъ къ привычкѣ, отъ которой ей хочется уйти... Вотъ на чемъ остановилось фактическое отношеніе; эта связь переходитъ въ нѣчто болѣе серьезное. А между тѣмъ она, какъ enfant du peuple, неразвита и ребячлива, хотя не глупа и какъ то странно иной разъ быстро понимаетъ серьезныя вещи. Хитра она—не умѣю сказать. Есть нѣчто мягкое въ обращеніи, отъ чего мнѣ на сердцѣ хорошо становится—это правда; но или она хитритъ для того, чтобы успокоиться 30-ю шиллингами и имѣть при себѣ ребенка—это я ей охотно прощаю, это слишкомъ естественно. Результатъ тотъ, что мнѣ и страшно, и больно, и хорошо и что Unsinn побѣждаетъ. Все это я тебѣ написалъ, потому что мнѣ больно скрывать отъ тебя что-нибудь. Aviso какой тутъ дать?—едва-ли ты мнѣ дашь aviso поступить съ ней жестоко и отстать, въ то время когда небольшія деньги могутъ спасти её съ ребенкомъ, да и мнѣ самому было бы сверхъ силъ, да и гадко, послѣ всего, что было ласковаго и дружескаго съ обоихъ сторонъ. А между тѣмъ дома мнѣ становится страшно за будущее, и больно лицемѣрить, хотя это и не есть лицемѣріе. Если то отношеніе сведется на шалость и на то, что я буду тратить обычные полтора фунта въ недѣлю, что я готовъ искренно во всякомъ случаѣ удѣлять пока живъ,—то я внутренно буду страшно страдать, но все остальное будетъ спасено; но если тамъ явится хотя бы только чувство друж-

бы, но дѣйствительной,—тогда я внутренно буду спасенъ,—но какъ устроить внѣшность не знаю.—Далъ ли я погибшему но милому созданью моей нѣжностью поводъ къ дружелюбному чувству, моимъ обращеніемъ съ ней, и съ ея ребенкомъ, котораго она разъ привозила мнѣ показать, или далъ ей этимъ поводъ думать, что я какъ-нибудь да пристрою её съ ребенкомъ и она ухватилась за эту доску спасенія, — я и самъ не разберу. Знаю только, что мнѣ и страшно, и больно, — и хорошо, и *стыдно*. — Между тѣмъ мы стали видѣться почти что ежедневно; это сдѣлалось для меня какой то горько-сладкой необходимостью.

Теперь возвращаюсь къ N.—Оскорбить её я никогда не захочу, да и я слишкомъ привязанъ къ ней и мнѣ её слишкомъ жаль. На сколько вошло *то* отношеніе причиною нѣкотораго холода между нами—я не могу опредѣлить. То отношеніе выросло въ теченіи какихъ нибудь 6 недѣль; а холодъ начиналъ врываться прежде. Но я готовъ переломить себя и не показывать холода, котораго въ сущности нѣтъ, потому что моего участія и любви къ N. не сотрешь въ одну минуту,—я готовъ всегда, не смотря ни на какое иное отношеніе быть самымъ близкимъ другомъ; но для этого надо гармонію съ ея стороны. Дисгармоничность ея поведенія лишаетъ меня силы стать близко, чему *то* отношеніе едва ли бы сколько нибудь помѣшало. При гармоніи *оно* бы ни чуть не мѣшало, а при дисгармоніи можетъ и оно входитъ разъединяющимъ элементомъ. Какъ тутъ быть? Что тутъ дѣлать? Чертъ знаетъ! Умъ мѣшается. Сонъ нейдетъ. Бываютъ страшно тяжелыя минуты.—Однако, какъ видишь, я не потерялъ въ этомъ сумбурѣ силу работать, и не потеряю. Когда покончу всѣ статьи, то постараюсь всѣ существующія горько-сладкія, трагическія и трагикомическія стороны этой жизни приноровить къ поэтической дѣятельности. Надо же знать и употребить въ дѣло свое двойство т. е. быть съ одной стороны человѣкомъ разорваннымъ въ жизни, de facto, и въ то же время спокойнымъ наблюдателемъ своей жизни и артистомъ. Dixi.

Сегодня вечеромъ. Цѣлый день я не рѣшался отдать тебѣ этого письма. Мнѣ все кажется, что я вру, что я выдумываю то что вижу, и вижу то, чего нѣтъ, и не чувствую, а фантазирую. Но чертъ ли въ этомъ доберется толку! Давича я ее видѣлъ. Положимъ, что я все вру; но отъ ея добраго присутствія, хотя бы оно было и пустое, мнѣ становится легко жить. Нѣтъ! Я не могу отстать. Итакъ вотъ

тебѣ письмо. Сожги его. А что думаешь—скажи. Жури, жалѣй, прими участье, дѣлай что хочешь. Я все отъ тебя приму; но скрывать отъ тебя ничего не могу. Скрывать отъ тебя меня душитъ, какъ преступленіе.

Да! Я въ тебѣ увѣренъ, что ты патологическое явленіе моей любви въ сокровеннѣйшей твоей душѣ не свяжешь съ настоящимъ положеніемъ N., которому я былъ бы радъ при кроткихъ данныхъ съ ея стороны. Но она, еслибъ узнала, то объяснитъ мое патологическое явленіе своимъ отношеніемъ къ тебѣ, и тогда распри пойдутъ не на шутку. Мнѣ это объясненіе будетъ оскорбительно, потому что оно было бы ложно и означало бы непониманіе моего отношенія къ тебѣ. А того гляди что-нибудь такое выйдетъ. Подумай объ этомъ.

81.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

(Съ копіи.)

Нашъ разговоръ навелъ меня на разныя мысли, Герценъ. Ты спишь; сказать тебѣ будетъ завтра некогда. Вотъ почему я пишу. Ты говорилъ, что намъ надо отринуть женщинъ. Можетъ ты и правъ. Если ты меня спросишь—иду ли я въ моемъ отношеніи съ той же увѣренностью, какъ напр. иду въ статьяхъ о крѣпостн. состоян., объ уничтоженіи идеаловъ, подъ какой бы формой они ни были — бога, царя, народа, соціализма съ угла зрѣнія Кабета и т. д.—нѣтъ! конечно нѣтъ! Что же меня двигаетъ?.. Возможность развить человѣчески существо, способное къ такому развитію, существо, котораго странности (по не воспитанію) не угловаты, въ которомъ я чувствую потребность преданности совершенно наивной. Я могу ошибиться... да! Я слишкомъ старъ и силенъ, чтобъ не отойти, не умаляясь ни на іоту. А мальчика то я спасу, потому что мальчикъ (безъ всякихъ предубѣжденій) страшно талантливъ и добрая натура. Но жду я конечно болѣе; я жду, что

на мой закатъ печальный
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

До сихъ поръ я не имѣю причинъ ни сомнѣваться, ни (по ея стараніямъ развиться) раскаиваться. До сихъ поръ—непріятности въ женской обидчивости или подозрительности (гдѣ была женщина плюсъ conditio)—я видѣлъ въ письмѣ только разъ, затѣмъ раскаяніе такое наивное, свѣтлое и гуманное, что это было лучше всей нашей исторіи. Что же я могу сказать еще? Ну! положимъ я вру, т. е. ошибаюсь. Тогда я спасу мальчика. Я самъ уже неспособенъ къ страсти подчиняющейся, вѣроятно по лѣтамъ; къ тому я чувствую мое вліяніе и чувствую, что оно хорошо. Ошибусь — не пропаду. А попробовать возвысить (извини за глупое слово) женщину и ребенка — стоитъ того, чтобъ похлопотать; такія коллизіи не всякій день бываютъ. Ошибусь тѣмъ хуже, но не пропаду. А если не ошибусь? Вѣдь изъ одного этого стоитъ ошибиться.

Фантазія меня увлекала: я думалъ что я могу, если мои отношенія удачны, — все сказать и быть откровеннымъ и чистымъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ меньше *это* мнѣ кажется возможнымъ. Сегодня я совершенно сбитъ съ пантолыку. Я *не знаю куда* наша жизнь *здѣсь* насъ вынесетъ. Я стою какъ бы стоялъ Ал. Ал. съ той же отцовской нѣжностью и съ той же немогутой пособить. Я въ отчаяніи.

Ты можетъ разругаешь меня, а выходитъ такъ.

Видя её и тебя, видя васъ — я страдаю какъ каторжный. Это у меня отравляетъ каждый часъ. Когда я работаю, я — или долженъ увлечься до экстаза—или взять на себя свыше силъ, потому что все это непродолжительно и ваша жизнь (отъ которой я свою конечно не отдѣляю ни отъ тебя, ни отъ нея) меня опять вталкиваетъ въ такую непроходимую пропасть, гдѣ какой нибудь Павловъ давно бы рехнулся до умиранія.

А *тамъ* я отдыхаю по тремъ причинамъ:

наивность, преданность, стремленіе.

Ошибусь—не запла̀чу, а ребенка спасу—это рѣшено.

82.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

[Съ копіи.]

[Октябрь 1859 г.]

(Park House—Twickenham)

Съ четверга на пятницу $^1/_2$ перваго ночи.

Невыразимый страхъ, что я не засну—мѣшаетъ мнѣ лечь въ постель. Почему мнѣ такъ грустно? Есть ли causa sufficiens, или это фантазія,—не могу дать себѣ отчета. Почему мнѣ страшно, что ты уѣхалъ? Только ли потому, что

И скучно, и грустно, и некому руку подать—

или въ самомъ дѣлѣ что-то несчастное впереди? Что-жъ несчастнаго? Развѣ я умру параличемъ? Мнѣ бы это было тяжело для тебя, потому что это какъ то послѣднюю жизнь твою разрушило бы. А для себя, кромѣ боли, не скажу чтобъ тяжело. Мнѣ кажется я все кончилъ. Тебѣ надо жить, потому что ты больше можешь сдѣлать, чѣмъ я, по очень простой причинѣ: у тебя больше таланта и онъ не изсякъ. А у меня, кажется, изсякъ. Кромѣ скверныхъ стиховъ, я пишу полезную прозу, но на ней нѣтъ печати силы, а стихъ у меня утратился. Я знаю, что тебѣ будетъ больно безъ меня, но ты работай. Дѣти подрастутъ и помянутъ добромъ, но жить имъ это не помѣшаетъ. Еще одно существо можетъ искренно погрустить, потому что въ первый разъ встрѣтило искренняго человѣка и опять жизнь пойдетъ въ разладъ. Но ты ее не оставишь и мальчика не оставишь. Можетъ скорбь ее больше еще научитъ внутреннему благородству чѣмъ я (а я ею доволенъ) и она жизнь посвятитъ мальчику и не сдѣлаетъ изъ него подлеца и не притѣснитъ его въ жизни. Натали мнѣ было бы жалче всего; она останется съ внутреннимъ ужасомъ; но едва ли безъ чего-нибудь необычайнаго можно поставить ее на тотъ путь благородства и сердечнаго пониманія, къ которому она была когда то способна. Сегодня, когда мы пріѣхали — Тата была очень печальна и рано ушла, мы съ ней полу-словами очень сблизились,—я это чувствую по прощанью на сонъ грядущій. Ольга ничего—она не понимаетъ, да я и не знаю зачѣмъ бы рано развивать нервозность сердца. Натали начала разговоръ. Нѣтъ! никакого успѣха я не жду. Stubornеss непобѣдимая. Больно мнѣ невыразимо—и она

не можетъ понять, что и мнѣ и тебѣ больно—не изъ вражды, а изъ любви. Она не понимаетъ, что даромъ мы не сближались и насколько въ отношеніи къ женщинѣ вложили сердца, настолько осталось слѣдовъ боли незабываемой. Ахъ! какъ тяжело, Герценъ, дѣйствительно лучше покончить, а то силы уйдутъ, а существованіе останется. Это вѣдь ровно ни къ чему.—Между тѣмъ странно меня преслѣдуютъ воспоминанія. Исключительной любви къ женщинѣ нѣтъ на свѣтѣ, можно любить многихъ разомъ; но я чувствую, что я въ жизни любилъ одну женщину, да и та ни копѣйки не стоитъ. Но она была красавица — и воспоминаніе осталось такъ глубоко, что я до сихъ поръ ищу ее во снѣ, вижу ее и что то юное возобновляется, такъ что не будь дрязгъ—я бы еще чувствовалъ себя молодымъ и способнымъ на сильную и даже страстную жизнь, и забывъ сонъ жилъ бы сильно и страстно въ дѣйствительности—и счастливо. Но боль, занесенная въ дѣйствительность убиваетъ во мнѣ даже способность къ счастію; а она мнѣ естественна. Завтра я проснусь со страхомъ и трепетомъ: я теперь единый покровитель Таты, горе если услышу обидное слово! А я не знаю—настроеніе скверное—я не знаю выдержитъ ли Натали характеръ мира, о которомъ она говоритъ, считая наши отношенія близкими къ концу и слѣдственно желая кончить мирно. Но не вѣрю я этому. Не такъ говорятъ о мирѣ. О! еслибъ она поняла миръ сердца—все бы пошло иначе, и я, я былъ бы увѣренъ, что я еще способенъ жить роскошной, весенней жизнью и на женщину и на дѣтей имѣть глубокое, человѣческое вліяніе. А мнѣ еще хочется жить, я былъ бы изящный старикъ,—но этакъ жить невозможно и кромѣ унынія, какъ ни старайся иначе, ничего не внесешь въ чужую жизнь,—а самъ останешься ни къ чему неспособнымъ.

Воскресенье. Народу было не много. Tallandier съ женой и ребенкомъ, потомъ Боке, потомъ Мрозовскій—и наконецъ Василій Петровичъ [1] пр. тр. передъ отъѣздомъ въ Римъ. Натали безъ тебя съ дѣтьми гораздо лучше; даже выговоръ и наказаніе (Ольги за что то такое съ Сезаромъ) гуманно. Неужели ты ее сбиваешь съ толку? А она это думаетъ. Тогда это чертъ знаетъ какъ скверно. Но я не думаю. Не было въ эти дни еще такого мелкаго факта, который бы сдвинулъ съ колеи покоя. А случись онъ—и все пойдетъ къ черту.

[1] [В. П. Боткинъ.]

Но надо опытъ—будь хладнокровенъ и не говори на іоты иронiи. Посмотримъ. Я сомнѣваюсь, потому что послѣ двухъ трехъ разговоровъ—успѣха въ пониманiи не вижу. Радъ только, что она не казнитъ на дѣлѣ дѣтей, такъ какъ выходило бы изъ ея понятiя о нихъ. Я рѣшился больше не говорить, благо внѣшность не дурна; а говорить значитъ дразнить другъ друга; эта штука также безплодна, какъ оскорбительна. Если ты откажешься отъ иронiи и вмѣсто судоговоренья вдашься въ общiе разговоры и чтенiе, да при этомъ также и Кельсiевъ—можетъ и будетъ успѣхъ. Но!...

83.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

[Съ копiи.]

Почему и зачѣмъ я пишу къ тебѣ, имѣя возможность просто говорить,—пожалуй покажется странно; а между тѣмъ это естественно. Хотѣлъ что то работать, но не могу. Перекрестныя мысли и страданiя мѣшаютъ. Отъ этого и захотѣлось писать о томъ, что до такой степени душитъ, что надо высказать, чтобъ не задохнуться. Это просто монологъ, а обращаю его къ тебѣ, оттого,—что къ кому же кромѣ тебя обращу его?

Каждый человѣкъ знаетъ только свои страданiя и увѣренъ, что окружающее заставляетъ его страдать невинно; каждый является въ собственныхъ глазахъ мученикомъ, а остальные мучителями. Отъ этого такъ мудрено столковаться. Никто не хочетъ знать сколько зла онъ вноситъ въ чужую жизнь...

Сижу и думаю: вы страдаете. Ты думаешь—зачѣмъ все это такъ случилось? Зачѣмъ этотъ эгоизмъ съ ея стороны, портящiй жизнь и дѣтей и людей, которыхъ она думала любить. То было не любовь, а страсти и фантазiя. Исполненiе завѣщанiя покойницы—было фантазiя; любовь ко мнѣ—фантазiя. Что жъ тутъ дѣлать? гдѣ выходъ? Единственный выходъ—разрывъ связи, въ которой мечталось столько залоговъ для какой то новой гармонической жизни. Да ужъ покончить это поскорѣй, чтобъ было возможно дышать. Я себя считаю обязаннымъ, но въ вопросѣ дѣтей—уступки преступленiе. Стало надо скорѣе кончить это мучительное состоянiе.

Она думаетъ: Онъ никогда меня не любилъ, иначе все было бы мягче. Ему не до насъ, ему некогда; онъ не понимаетъ любви. Я здѣсь чужая. Что же я такое сдѣлала? Неужто такъ дорого надо поплатиться за ошибку? Поплатиться одиночествомъ, отравленнымъ раскаяніемъ. Я хотѣла воспитывать—и не сумѣла. Развѣ тутъ преднамѣренное зло? За что же меня карать съ такою жестокостью? А онъ еще говоритъ о любви! Ог. совершенно подъ его вліяніемъ; я утратила Ог. Я всѣмъ чужая. Бѣжать, бѣжать! А бѣжать силъ нѣтъ, рѣшенье трудно. Лиза, Лиза! дитя мое, что съ нами будетъ?

Ог. думаетъ: За что я внесъ въ его скорбную жизнь элементъ новаго горя? Былъ ли я увѣренъ что приношу данныя для гармоніи, для утѣшенія? Или я только надѣялся, не будучи увѣренъ? Зачѣмъ же я внесъ новый элементъ? Зачѣмъ допустилъ его развиться до той силы, гдѣ онъ долженъ былъ перейти въ трагическія коллизіи? Что-жъ? Если я не былъ увѣренъ и допустилъ, то я былъ подлецъ. Если моя надежда доходила до увѣренности, то я былъ легкомысленный шутъ, игравшій серьезными вещами? Счастливый былъ Сенека, что выпустилъ себѣ кровь, не чувствуя себя подъ такимъ двойнымъ обвиненіемъ. Я легкомысленно разстроилъ жизнь друга и ея жизнь, потому что не умѣлъ подать ей руку помощи, когда было можно.

Безъ любви нельзя воспитывать; только любовь съ своимъ долготерпѣніемъ и нравственною заботливостью развиваетъ сердце и умъ. Это такъ часто у насъ говорится.

О! въ этомъ то вся и бѣда: да гдѣ же въ насъ любовь? Ты женщину счелъ за не ребенка, и вмѣсто сердечнаго вызыванія къ жизни, морализировалъ полу докторально, полу дразня. А я—я прежде всего усталъ; силы не хватило на сердечный вызовъ къ жизни. Гдѣ же въ насъ то любовь? Нѣтъ ея въ насъ и нѣту! Самолюбіе шире развертывается въ общей жизни, и жертва собою для общаго есть столько же трудъ для общаго, сколько удовлетвореніе самолюбія. Заботливое спасеніе одного индивида слишкомъ дробная жертва, чтобы мы съеживались на нее. Вдобавокъ она можетъ удовлетворить только всепреданное чувство любви, а самолюбію тутъ наживы нѣтъ. Гордость насъ охватываетъ при столкновеніи съ падающимъ существомъ, и мы не умѣемъ протянуть руку помощи, потому что въ насъ нѣтъ любви.

Ты, по крайней мѣрѣ, чистъ передъ жизнью въ поведеніи. А я

этимъ не могу похвастаться. Не хуже Миллера[1]—я готовъ многимъ жертвовать ради жизненныхъ наслажденій—можетъ быть маленькихъ, жиденькихъ. Кого я спасу? кого я спасъ? Никого! Во мнѣ нѣтъ достаточно любви.

И незамѣтно сводится на то, что и я страдаю о себѣ, и каждый изъ насъ страдаетъ о себѣ. У насъ нѣтъ времени протянуть кому нибудь руку помощи.

Ольга не подается на воспитаніе, потому что у Natalie нѣтъ любви. Съ чего же большой ребенокъ подастся на воспитаніе, когда *въ насъ* нѣтъ любви?

А я, изъ гоньбы за наслажденіемъ вздумавшій еще разъ воспитывать,—я ничего не сдѣлаю, потому что во мнѣ, какъ и во всѣхъ, есть страсти и пристрастія—и нѣтъ любви.

Можетъ только къ тебѣ. За то намъ нечего другъ друга и воспитывать. Мы равны. Намъ нечего другъ друга спасать. Мы равно самолюбивы, каждый на свой манеръ. Что въ насъ всего реальнѣе и развитѣе—это гармонія скептицизма. Мы одинъ человѣкъ, но solus и nudus. И это результатъ какихъ то горячихъ стремленій!

А они до сихъ поръ живы эти стремленія, какъ больной нервъ. Скоро ли все это кончится?

Но съ чего-же я *дѣйствительно боюсь умереть?* Съ чего остается такая способность счастья и работы?

Довольно пока. Кажется я немного угомонился и отъ прозаическаго монолога перейду къ поэмѣ, которая меня теперь неодолимо занимаетъ. Что изъ нея выйдетъ не знаю, но это одна изъ самыхъ задушевныхъ вещей.

84.

Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной.

17 дек. [1859 г.]

Мы сидѣли вдвоемъ, онъ говорилъ и говорилъ охотно объ ней[2], объ ея сынѣ—я слушала его, я пріучала ухо свое слушать какъ онъ говоритъ о любимой женщинѣ, вѣтеръ немилосердно вылъ добивая

[1] [Мюллеръ-Стрюбингъ.]

[2] [Т. е. Огаревъ—о Мери, съ которою онъ незадолго передъ этимъ соединился, и о ея сынѣ Генри; см. выше, № 80.]

меня, какъ будто напоминая мнѣ что я оставлена всѣми.—Я слушала, онъ говорилъ—я приложила руку къ лицу, слезы лились сквозь пальцы—онъ ничего не замѣтилъ—Я вспомнила тебя, моя Елена, четыре года прошли съ нашей разлуки; гдѣ та *я* которую ты знала, гдѣ его Наташа? неужели это я? я чуть громко не захохотала.— Дѣтскіе голоса раздались, съ ними вошелъ тотъ для котораго я все покинула—все потеряла.—Мнѣ сдѣлалось невыносимо больно, я взяла свѣчу и сѣла за фортопьяно. Что я чувствовала, нѣтъ этого не разскажешь, я говорила фортопьяномъ, я то молила не знаю сама чего, то вспыхивала, какъ гроза грозно неслась—вдругъ я вспомнила Кор: „вотъ когда вы будете хорошо играть, когда будете плакать отъ собственной музыки"—

Слезы градомъ текли по щекамъ, грудь судорожно поднималась сдерживая рыданья; боль въ груди осталась до сихъ поръ — Боже мой, Боже мой, неужели этому не будетъ конца?—

И вспомнила я слова сестры M-me S.[1] Cette femme vengera ma soeur. И вспомнила я невинные слова Нинилы: Кольца вѣнчальнаго не нашли, оно ушло въ воду и любовь ваша уйдетъ тоже.—

Сбылись эти два пророчества, а я жива. О Лиза, Лиза—но нѣтъ, лучше вѣчное мученье!

1860 г. Я встрѣтила этотъ годъ свѣтлѣе многихъ другихъ, но все это было обманчиво; прошли только четыре дня и я опять одна и *навсегда*. Не хочу болѣе призраковъ, не хочу хорошихъ минутъ за которыми слѣдуютъ такіе тяжелые дни! Все заслужено, роптаніе невозможно. Но зачѣмъ, зачѣмъ я такъ свѣтло смотрѣла; этотъ свѣтъ-то и погубилъ меня!—

Одно желаніе, покой и счастіе Лизы—всѣ всходы на 1860 годъ убиты морозомъ.—

[Позднѣйшая приписка.]

Слѣди за безуміемъ, въ 1861 году родились мои дорогіе утѣшители и при нихъ было иногда по моей собственной винѣ много тяжелаго, но я была *ими* тремя безумно счастлива, и какъ недолго. 1864 году я на всегда съ ними разсталась и по своей винѣ—вотъ теперь то жизнь давитъ какъ свинецъ—

---

[1] [Г-жа Саліасъ.]

85.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

1 Янв. 1860.

Я думалъ на этомъ листкѣ бумаги, взятомъ у тебя, записать — чертъ знаетъ что такое... и пишу одно воспоминаніе. Тридцать шесть лѣтъ тому назадъ—мнѣ было 13 лѣтъ—на новый годъ, я не помню какъ я *укралъ* бокалъ, стаканъ, или $1\frac{1}{2}$ бутылки—не припомню—Шампанскаго, легъ въ постель, взялъ листъ бумаги и чернилицу—и писалъ (Зоненбергъ спалъ на верху). Я писалъ какіе то стихи и диссертацію; я писалъ, что все существующее въ своемъ началѣ имѣетъ свой идеалъ, свою цѣль и развитіемъ доходитъ до выполненія начала, такъ, что зерно оканчиваетъ существованіе *плодомъ*. Бѣляковъ разхохотался и разругалъ меня. Я сконфузился. А выходитъ, что и Гегель и собственное наблюденіе—доказали мнѣ черезъ 36 лѣтъ, что я былъ правъ. А я плакалъ въ эту ночь отъ умиленія передъ сознанной истинной. Я её помню эту ночь—вотъ какъ бы вчера. Это войдетъ въ мои мемуары, не ради самохвальства, а ради изученія — какимъ образомъ извѣстный порядокъ мыслей выработывается въ данномъ поколѣніи, какимъ образомъ эта мысль пришла въ голову мальчишкѣ. Съ этой точки зрѣнія вопросъ страшно важенъ, какъ физіолого-историческій вопросъ, и требуетъ усиленнаго наблюденія и долженъ имѣть свою формулу. Ее то и надо сыскать.

Вотъ тебѣ на новый годъ подарокъ изъ старой жизни. — Новѣе этой старой жизни—едва ли мы что переживемъ. Вспомнимъ же старую дружбу, первое сближеніе, даже Карамзинскаго Агаѳона, который подалъ къ ней поводъ,—и... и давай готовиться тихо умереть, такъ, чтобъ который нибудь доблестно схоронилъ другаго не задолго до собственной смерти.

86.

Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову.

[Іюнь 1860 г.]

Крѣпко обнимаю тебя, другъ мой. Въ интересное время живемъ мы, надо правду сказать; жаль, что вѣроятно не доживешь до развязки этой страшно сложной трагикомедіи, называемой исторической

эпохой.—Что касается до личныхъ обстоятельствъ, я думаю, что надо терпѣніе и терпѣніе, мнѣ кажется, что это все перемелется и что мы скоро увидимся. Какъ и что—не знаю, не отношу этого даже къ разумному предусмотрѣнію, а просто къ мечтѣ, предчувствію и т. п. А недостатка въ терпѣливости у меня не будетъ. Прощайте, друзья мои.—Лиза удивительно мила, надо вамъ её показать; меня зоветъ собакой (т. е. Boulay, имя собаки), ну — совершенно какъ большіе, умные люди, которые обыкновенно вещей по имени не называютъ.

87.

Н. А. Огарева—Герцену (и Огареву.)

[Для пониманія этого и дальнѣйшихъ писемъ необходимо знать слѣдующее. Въ маѣ 1860 г. Н. А. поѣхала въ Германію для свиданія съ Сатиными, пріѣхавшими туда ради нея. Н. А. взяла съ собою маленькую Лизу и Наташу Герценъ, которую должна была отвезти въ Дрезденъ къ М. К. Эрнъ, а также гувернантку для Сатиныхъ, miss Turner. Н. А. встрѣтилась съ Сатиными въ Дрезденѣ; отсюда всѣ вмѣстѣ переѣхали въ Гейдельбергъ, гдѣ провели большую часть лѣта; изъ Гейдельберга Н. М. Сатинъ ѣздилъ въ Лондонъ для свиданія съ Герценомъ и Огаревымъ. Изъ Гейдельберга Н. А. и Сатина съ дѣтьми переѣхали для морскихъ купаній въ Бланкенбергъ, гдѣ прожили августъ по нов. ст. и начало сентября. Н. М. Сатинъ еще раньше уѣхалъ въ Россію, а послѣ купаній уѣхала и Е. А. съ дѣтьми. Оставшись одна съ Лизою, Н. А. чрезъ Франкфуртъ поѣхала въ Мецъ повидаться со своей бывшей гувернанткой, m-lle Michel, а оттуда—въ Швейцарію, о чемъ будетъ сказано ниже; въ Лондонъ она вернулась, чрезъ Парижъ, только въ декабрѣ.—Письма за этотъ періодъ, въ большинствѣ не датированныя, могутъ быть только приблизительно расположены въ хронологическомъ порядкѣ.]

[Іюль—августъ 1860 г. [1]]

Твое письмо меня сильно огорчило—Я не писала потому что мы такъ разстались что сердце надрывалось а между тѣмъ я не знала какъ начать—я говорила съ Ог. о прощенье, потому что прощенье оставленіе прошедшаго—а какже было начать другую жизнь иначе? Ты напираешь на другую, совсѣмъ другую жизнь, пиши какъ ты это понимаешь, хотя я думаю что мы одинаково понимаемъ.—А съ другой стороны мнѣ кажется что ты уже все рѣшилъ, ты оставляешь Ольгу у Мейзенбугъ, ты берешь гувернанту къ Татѣ — наконецъ на желанье Таты пробыть сколько нибудь времени съ нами, ты от-

[1] [На верху листка позже написано рукою Н. А-ны: Изъ Гейдельберга].

вѣчалъ отказомъ, а я думала что это могло насъ сблизить — стало ты сближенья не хотѣлъ—Спроси свое сердце, я думаю ты на всегда разлюбилъ меня, а если такъ зачѣмъ мнѣ возвращаться?—

Вообще не думай чтобъ я спѣшила возвращеньемъ, это слишкомъ важный шагъ будетъ не въ моей только жизни но и въ Лизиной—для нея не можетъ быть семьи если я и ты не будемъ ближе еще чѣмъ мы когда нибудь были—а если это будетъ братски-дружеское, но натянутое чувство—тогда лучше ей быть сиротой—а какъ бы я желала чтобъ она росла подъ вашими глазами, съ каждымъ днемъ она становится милѣе; всѣ её замѣчаютъ, въ особенности простые люди безъ ума отъ нея. Она очень много говоритъ по русски. Нынче она стала забывать Ольгу, рѣдко узнаетъ ея портретъ, а твой цалуетъ. Минутами она такъ мнѣ тебя напоминаетъ что и хорошо и больно; напримѣръ когда она очень ласкаетъ кого нибудь, она не поцалуетъ просто руку, а повернетъ и поцалуетъ ладонь—такъ и ты дѣлавалъ. Она такая любящая и забавная, такъ много понимаетъ нынче что вы бы не могли разстаться съ ней теперь—

Другъ мой, подумай обо всемъ—я тебѣ исповѣдую: да, я летѣла внизъ съ быстротой молніи, мнѣ самой страшно обернуться назадъ, я теперь гораздо увѣреннѣе смотрю на себя, но все же чувствую что если ты меня больше не любишь и думаешь о неполномъ примиреньѣ, то лучше мнѣ не пріѣзжать — это легче выносить издали—можетъ и въ самомъ дѣлѣ у тебя слишкомъ много дѣлъ и обязанностей чтобъ и намъ съ Лизой было мѣсто? можетъ ты самъ видишь эту ошибку—тогда мы её поправимъ вдали другъ отъ друга—ты не сердись, я говорю безъ іроніи, можетъ мы слишкомъ легко на все смотрѣли. Подумай и пиши, поговоримъ еще прежде чѣмъ разойдемся быть можетъ на всегда—Я себя не обманываю, прожившіи нѣсколько лѣтъ врозь мы уже не сойдемся, отрезанный ломоть не пристаетъ, поэтому и думайте друзья мои, моя душа вамъ совсѣмъ открыта. Я вижу что было дурно и чувствую что оно не повторится—но вы скажите: чтоже вы хотите? [1]

Вотъ мое письмо къ Г. писанное еще въ Гейдельбергѣ—но силъ не было послать—сдѣлай съ нимъ что хочешь—я вымарала что объ

[1] [Далѣе зачеркнуто болѣе полу-страницы; можно разобрать только первыя 4 строки: С. меня смутилъ говоря объ Ог.—Боже мой какъ же сдѣлать чтобъ ему было лучше?—какъ тяжело чувствовать что ничего не можешь для близкаго.]

дѣтяхъ, онъ запретилъ мнѣ объ нихъ думать—ахъ, Огаревъ, Огаревъ не ужели я въ самомъ дѣлѣ такая дурная женщина что онъ меня разлюбилъ? неужели въ самомъ дѣлѣ мы съ Лизой останемся на всегда одни?

88.

Н. П. Огаревъ—Н. А. Огаревой.

[Съ собственноручной копіи въ записной книжкѣ.]

28 августа *.

Съ лихорадочнымъ волненіемъ открылъ я пакетъ съ штемпелемъ: Блакенбергъ, и прочитавши письмо, остался въ лихорадкѣ. Отъ этого не тотчасъ же вчера отвѣчалъ, а оставилъ до утра. Надо было улечься всему, что было на сердцѣ. Сегодня пишу безъ лихорадки, но въ горькомъ раздумьи. Странно изъ совершенно справедливаго и разумнаго положенія судьи перейти на скамью подсудимаго. Но, моя Натали, если ты спросишь у своей совѣсти—ты увидишь, что это невозможно. Чего я требовалъ отъ тебя? Жертвы для общаго счастія или спокойствія. Эта жертва состояла въ сосредоточеніи, въ покаяніи, въ выдержкѣ себя въ уединеніи—и это бы спасло насъ всѣхъ. Ты—видишь въ этомъ, что я оттолкнулъ тебя. Г. (который въ Б. и всѣ тамъ, я одинъ въ Л.) писалъ тебѣ письма печальныя и серьезныя, строгія (austères), я читалъ ихъ—ты сказала, что онъ отталкиваетъ тебя. Ты говоришь, что въ его письмахъ общая симпатія, какъ ко всякому, а не личная къ тебѣ... Но симпатія ко всякому, съ кѣмъ имѣешь симпатію, вертится на какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ и рѣшительно не составляетъ никакой личной связи. Тутъ напротивъ того стремленіе лично тебя, *тебя* привести къ той точкѣ, на которой союзъ былъ-бы для насъ всѣхъ—спасеніе, успокоеніе, сила въ жизни. А ты говоришь, что Г. оттолкнулъ тебя. Напряженная оппозиція, которая развилась между вами въ 4 года, потому что ты постоянно отхлестывала его по щекамъ во всемъ, что ему было близко и дорого—въ дѣтяхъ и въ общей дѣятельности,—и рьяный отпоръ съ его

---

* Боюсь перетолкованій и потому переписываю письмо въ книгу; да вдобавокъ болѣзненная потребность сохранить для себя свою скорбь.

стороны, которымъ онъ тебя хлесталъ не по тому, что̀ тебѣ близко и дорого, а только по самолюбію,—эта оппозиція должна была улечься. Съ твоей стороны для этого требовалось внутреннее покаяніе, контриція,—съ его стороны—отдыхъ отъ волненія, уравновѣшиваніе самого себя. Самолюбіе хорошо только тогда, когда оно совпадаетъ съ общимъ и живетъ въ немъ, когда оно выростаетъ до самолюбія убѣжденій; это то самолюбіе, которое ведетъ на крестъ и движетъ направленія людей. Другія самолюбія непремѣнно узки и носятъ въ себѣ свою кару, которая можетъ вызвать страшныя страданія, но эти страданія не почтенны. Требованія наши твоего самопокаянія и возрожденія были истинны. Ты подумала, что сказавши: я каюсь—ты все сдѣлала, а дѣло доказываетъ, что ты не хочешь даже понять, почему ты имѣешь нужду въ покаяніи. И результатъ выходитъ вотъ какой: ты не протягивала рукъ съ покаяніемъ и мы не отталкивали тебя. Тебѣ просто не хотѣлось принести никакой жертвы—ни Лизѣ, ни мнѣ, ни Г., а чтобъ все далось легко; ты даже не подумала, что это *легко* все свело бы на прежнюю колею, и вышло-бы чертъ знаетъ что̀.—Ты думаешь, что я слово: вертеровское—употребилъ иронически. Не до ироніи мнѣ, Натали! Я его не иронически употребилъ, а просто для выраженія тѣхъ страстей, которыя хотятъ жизнь подчинить личному требованію. Въ нихъ много раздраженной чувствительности, но нѣтъ правды; въ нихъ либо много откровенности (вѣдь можно убить человѣка изъ *откровенной* злобы), но нѣтъ искренности, т. е. подчиненія своего чувства истинѣ. Ты намекаешь въ своихъ письмахъ о томъ, что вотъ ты уѣхала, слѣд. я могу жить спокойно, и удивляешься, что я говорю, что твое удаленіе для меня не радость, что твое присутствіе мнѣ не могло мѣшать; скорбны мнѣ были твои слова и поступки, но твое удаленіе для меня—жгучая скорбь, если ты хочешь это знать и понять наконецъ. И кромѣ этихъ 2-хъ обвинительныхъ на меня пунктовъ—ты ничего не вычитала изъ моихъ писемъ. О Н! Н!...

Теперь я схожу со скамьи подсудимыхъ и сажусь на свое мѣсто. Что ты дѣлаешь изъ моего призыва на временную жертву для спасенія насъ всѣхъ и Лизы въ томъ числѣ? Топчешь въ грязь и меня, и мой призывъ, въ которомъ горе тебѣ, если ты не поняла всей моей любви къ тебѣ, любви ожидавшей, надѣявшейся, любви скорбящей и рыдающей.

Всю мою любовь къ тебѣ, всю мою нѣжность я перенесъ на Лизу.

Ты у меня отнимаешь ее!.. За что? Вѣдь я ее люблю до безумія; если для меня лично дѣйствительно что-нибудь осталось свѣтлымъ—это она. А ты не только отнимаешь ее у меня, но (не говоря о томъ, что до сихъ поръ не написала, привили-ли ей оспу) не хочешь, чтобъ я зналъ, гдѣ она и что она. Нѣтъ ничего жесточе (plus cruel), какъ женщина чѣмъ-нибудь раздраженная! Во имя какихъ правъ гражданскихъ и человѣческихъ ты хочешь такъ поступать? Во имя какихъ правъ права и сердца? Не могу-же я вообразить, чтобъ тебѣ хотѣлось воткнуть въ меня ножъ и повертывать его. Ты поступаешь безсознательно, покорная страсти и вспышкѣ, и въ этомъ рабствѣ полагаешь откровенность и свободу. Но я наконецъ во имя всѣхъ гражданскихъ и человѣческихъ правъ требую, чтобъ я постоянно зналъ, гдѣ она и что́ она, и гдѣ и что ты. Опомнись-же: подумай—мало того, что ты отнимаешь у меня радость жизни, ты хочешь, чтобъ я постоянно мучился незнаніемъ о тѣхъ судьбахъ, которыя для меня всего дороже кромѣ истины. Чего хотѣлъ я отъ тебя? Жертвы, временной жертвы, серьезной, уединенной жизни, размышляющей жизни, пока страсти и волненія утихнутъ и изъ раздумья выйдетъ ясно и спокойно смиреніе передъ общей правдой, передъ истинной нравственностью, передъ общей дѣятельностью, словомъ—чувство преданности тому, что широко-благородно и разумно. Я требовалъ этой жертвы изъ глубокаго убѣжденія, что она справедлива и носитъ въ себѣ основаніе великаго внутренняго спокойствія и той великой печали, которая выше всѣхъ радостей. Я требовалъ этой жертвы потому, что хотѣлъ видѣть тебя, мою Натали, на степени высокаго нравственнаго достоинства. А ты хочешь уѣхать даже *не вызвавъ меня къ себѣ!* Все это горько, больно, обидно, незаслуженно и жестоко. Зачѣмъ ставить меня въ эту безвыходную трагедію, и желать мнѣ ясной жизни и тихой смерти. Хотя и невзначай, но это иронія.

Ты не пишешь, куда посылать вещи. Нуженъ твой адресъ. Жду его и жду извѣстій о Лизѣ—и хотя одного слова человѣческаго.

89.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

Пятница вечеромъ.

Вотъ я и одинъ. До 9 час. приводилъ въ порядокъ книги, бумаги, газеты и пр. Потомъ пошелъ чай пить въ столовую. У сосѣдей въ саду брянчали на арфѣ. Въ домѣ была тишина непомѣрная. Живо вспомнилось мнѣ время молодости, когда я жилъ съ отцомъ въ Акшенѣ. Больной старикъ сидѣлъ молча, здоровой рукой поднимая и опуская больную руку. Въ передней Осипъ брянчалъ на гитарѣ. Все въ домѣ тихо и скучно. Такой же осенній вѣтеръ дулъ и дождь постукивалъ. А я бродилъ изъ комнаты въ комнату съ чувствомъ невыразимой тоски. Точно какое то горе совершилось и выхода нѣтъ. И черезъ 27 лѣтъ точно такое же чувство, таже осень, таже тишина, тоже струнное брянчанье, и опять кажется совершилось безвыходное горе. Да оно и совершилось, Герценъ! Много надеждъ я положилъ на Натали; я видѣлъ въ ней существо сильное и благородное; подчиняясь ей, я считалъ её ребенкомъ, котораго я воспиталъ, я вѣрилъ, что этотъ ребенокъ изященъ. Можетъ у меня бывали въ жизни страсти больше звѣрскія или больше романтичныя; но никогда во мнѣ не слагалось больше любви разомъ личной и во имя той человѣческой свободы, для которой, мнѣ казалось, я воспиталъ ее. Я и теперь еще не могу отказаться отъ этой привязанности. Мнѣ кажется, что все что случается—такъ только—болѣзненный припадокъ и она опять воскреснетъ, и я опять явлюсь, конечно не въ ролѣ jeune premier, а тѣмъ отцомъ, какимъ мнѣ бы всегда надо было быть для нея, съ тѣхъ поръ какъ я въ первый разъ съ ней игралъ въ шахматы, т. е. когда ей было 8 лѣтъ. Мнѣ кажется... т. е. мнѣ хотѣлось бы чтобъ это было такъ. Да видно такъ не будетъ. Какъ же я понимаю все что въ жизни перечувствовалъ Ал. Ал.![1]

Это чувство отца—я перенесъ со всей возможной нѣжностью (хоть и глупо слово—а выражаетъ вещь)—на Лизу. И ее отъ меня отняли. Чертъ знаетъ что это такое!

Мертвый Грановской передо мной. На гитарѣ перестали играть, и отецъ мой видно спать пошелъ.

---

[1] [А. А. Тучковъ.]

Das Tragische im Leben ist das Gefühl des Nichts.

А завтра я примусь доканчивать книгу Луи Блана и подготовлять матеріалы для серьозной статьи. Трудъ, трудъ и трудъ! Beschäftigung, die nie ermattet. Утро принесетъ свѣжія мысли и пойду устроивать гражданское общество. — Впрочемъ утѣшеніе въ томъ, что гораздо больше приходится разрушать чѣмъ строить. Да и едва ли законно требованіе жаждущихъ созиданія, чтобы кто нибудь строилъ. Когда же это и гдѣ кто нибудь строилъ? Всѣ разрушали, а строилось изъ облокомковъ [sic!] само собою, какимъ то процессомъ иного сочетанія элементовъ, а можетъ только и простаго переложенія, mPp. А при безчисленномъ множествѣ ∞P∞—кажется что то строится. Говорятъ христіанство построило, а мнѣ сдается только, что оно разрушило Іудаизмъ—и переложило Іеремію на Апокалипсисъ. Тѣмъ не менѣе я сильно буду работать—и все что мрачно проходитъ по мозгу, только говорится между нами двумя, потому что это насъ не отвлекаетъ отъ практической дѣятельности; мы способны работать въ опредѣленныхъ предѣлахъ. А другихъ путать истиной нигилизма—я не стану больше никогда; не всѣ плечи вынесутъ ношу безконечнаго нуля, сохраняя *предѣлы*, необходимыя для данной дѣятельности.

Чтоже еще?.. Счастливо, что отношеніе къ Мери и мальчику—мнѣ не портитъ жизни. Она—человѣкъ безхитростный, не сложный, преданный до покорности, демократической (опять глупое слово!) по природѣ,—но конечно не развитой, и границы, я думаю, не широки. Ее спасаетъ религіозное уваженіе ко мнѣ и привязанность къ ребенку. Я не заявляю требованій, съ которыми она бы не сладила, и потому отношеніе выходитъ—доброе. Ей даже доступна поэтическая струнка. Еслибъ она была воспитана, она была бы чрезвычайно хорошимъ человѣкомъ. Страсти во мнѣ всѣ улеглись, Герценъ (т. е. я не говорю о скотской сторонѣ страстей,—я внутренно развратенъ; мнѣ стоитъ работы сдерживать эту сторону страсти,—къ счастію силы не истощились ни чуть). Страсти улеглись, но теплое отношеніе сохранилось, такъ что оно мнѣ не только не въ тягость, но вноситъ въ жизнь какое то сердечное успокоеніе, или по крайнѣй мѣрѣ занятіе судьбою сирыхъ. А пожалуй и это что нибудь щелконетъ и истолчетъ въ порошокъ. Мальчикъ опять умнѣе, должно быть подходитъ къ отрочеству. Натура скорѣе талантливая чѣмъ что другое. Бездна юмору доходящаго до сценической способности—его отличительная черта. Хотѣлось бы мнѣ его поставить на ноги. А пожалуй

и тутъ недостатокъ средствъ и грубая среда исказятъ эту молодую, рѣзвую, но любящую жизнь.

Я боюсь, что моя любовь къ Лизѣ приметъ фантастически-романтическіе размѣры. Страданіе по ней подстрѣкается препятствіями. Она становится для меня idée fixe и мнѣ надо работать надъ собой, чтобъ оторваться отъ тоски по ней—и быть способнымъ на дѣло. И—я убѣжденъ, что Натали это знаетъ чутьемъ. Тѣмъ хуже! Ничего — Герценъ, рука въ руку, съ вѣчной проповѣдью для живыхъ незнакомцевъ,— мы пройдемъ по этому кладбищу, гдѣ все близкое или умерло, или заживо похоронено, и не сломившись дойдемъ до собственной могилы. Amen.

При семъ письмо къ Катеринѣ.

Напиши мнѣ о встрѣчѣ Таты съ Ольгой. Еслибъ онѣ дошли до преданности другъ другу!

25 Ав. Сегодня только письмо къ Сашѣ отъ Зенкевича. Цалую васъ всѣхъ. Пиши о русскихъ.

90.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

29 августа.

„Не намъ протягивать руки, а когда *мы* протянемъ".—Не надо, душа моя, увлекаться никакими злобами; когда говорится о протягиваніи рукъ просящихъ помощи, то не слѣдуетъ думать, что это дѣлается свысока. Тутъ я съ глубокой печалью не могу согласиться съ тобой. Почему мы не развили уваженія, религіи къ себѣ—потому что мы *не организаторы*, а только мыслители и литераторы, двѣ сферы занятій, которымъ деспотизмъ противенъ; отъ этого я никогда не употреблялъ деспотизма, а ты его употребляешь только вкривь и вкось, и не можешь достичь до утвержденія его (assiétte). Отъ этого ты хочешь убѣжать со мной вдвоемъ—и избавиться отъ угрызеній, порожденныхъ чувствомъ любви и состраданія столкнувшимся съ неспособностью организовать, и видишь faiblesse въ этомъ чувствѣ любви и состраданія (что напротивъ того составляетъ человѣческую доблесть и силу) и не видишь нашей faiblesse въ неспособности орга-

низовать (что составляетъ нашъ предѣлъ). Бѣгство не только физическое но и нравственное—съ тобою въ невозмутимую мысль и работу,—можетъ для меня быть лучшимъ желаніемъ, личнымъ идеаломъ, потому что пожить и подѣлать на просторѣ, имѣя возлѣ себя полное пониманіе *другого самого себя*,—это чертъ знаетъ какъ хорошо. А съ спокойной совѣстью—этого сдѣлать не льзя; этимъ навьючишь себѣ новое угрызеніе, потому что и въ этомъ забросѣ другихъ, была бы faiblesse доходящая до жестокости, а конечно не сила. Гдѣ жъ выходъ? Вдуматься—не льзя ли aus sich heraus, своей внутренней работой сдвинуть практическій предѣлъ и натянуть силы до возможности организовать—семью, среду, вырости до той практической дѣятельности, которая разнородныя силы прикладываетъ къ одному движенію. Для этого, я повторяю, надо *страстно* желать *спасти*, а не *спастись*. Только при очевидной невозможности, не то хочу сказать... не при очевидной...., а при той гдѣ всѣ средства разшиблись,—позволяется отстать. А можетъ еще не всѣ средства употреблены. Сашѣ на пр. надо дать время на ростъ, тутъ требуется терпѣніе, но не *забросъ*. О Натали я еще ничего не скажу рѣшительно, подожду еще два, три письма; можетъ самъ поѣду; *мнѣ надо* ее спасти, это моя потребность, можетъ моя обязанность.

Посылаю 2 письма, изъ которыхъ готовъ смѣсь, и 1 письмо готовъ подъ Судъ.—Еще Отечест. зап.—Современникъ оставляю себѣ, ибо нуженъ. Въ немъ статья Сер. Сол. о коммиссіи земскихъ банковъ [1]—просто прелесть. Мы съ нимъ до того сочувствуемъ, что кажется говоримъ однимъ языкомъ.

О Боткинѣ! Какъ же онъ меня радуетъ. Но все же онъ спокойно не умретъ,—испугается смерти.

О твоемъ посвященіи что же сказать тебѣ?.... Отъ чего оно мнѣ такъ близко и отъ чего мнѣ такъ больно?... Наше одиночество вдвоемъ велико какъ связь, и печально какъ одиночество. Вотъ отъ чего и хорошо и горько.

Принимай Касатк. (благороднѣйшаго) и Б., а 4-го Сентября уйдемъ куда нибудь изъ города вмѣстѣ [2].

До свиданья.

---

[1] [Статья Н. Серно-Соловьевича „Разборъ трудовъ Коммиссіи для устройства земскихъ банковъ"—въ 7-ой кн. „Современника" за 1860 г.]

[2] [День рожденія Лизы.]

91.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

31 Авг.

Сегодня получилъ письмо [1]. Какъ тебѣ сказать? Оно гораздо лучше и хуже. Но объ этомъ при свиданіи. Съ чего ты взялъ, что я хочу взять на себя роль организатора? Я къ ней не способенъ, но я такъ или инако хочу и долженъ ее спасти, и ради любви къ ней и ради любви къ ребенку и ради любви къ отцу. Я не думаю, чтобъ *общее* могло заставить меня быть *безчеловѣчнымъ*; а ужъ тамъ спасу ли я или нѣтъ—это иной вопросъ. Изъ послѣдняго письма я заключаю, что слѣдуетъ еще lapsus времени для экспектаціи—и только. Какъ нельзя вліять теперь на Сашу, такъ нельзя и на N. Вообще періодъ безумія и лихорадки ускользаетъ отъ медикамента и ограничивается экспектаціей.

Я не поступилъ по твоему и не купилъ Лизѣ отъ тебя игрушку въ фунтъ; а накупилъ нѣсколько игрушекъ, которыя пошлю отъ *насъ*, и... кольцо, простое золотое кольцо, которое пошлю отъ *насъ*. Я хочу этотъ символъ вѣнчанья, т. е. союза *насъ* съ Лизой—хочу чтобъ онъ ей остался памятью объ *насъ*, когда она выростетъ и мы помремъ, и знакомъ нераздѣльности *насъ* съ нею. Я ничего не хочу *отдѣльно* и отъ *тебя* ничего *отдѣльно* не посылаю. На врядъ ли ты будешь этимъ недоволенъ. А если недоволенъ—прости и уступи мнѣ, потому что меня это утѣшаетъ.

Если ты скажешь Сашѣ о томъ, что написалъ мнѣ его отвѣтъ на то что Фогты—его семья, то скажи и мое замѣчаніе на это [2]. Я каюсь—я ничего не сдѣлалъ для него; но вопросъ—могъ ли я сдѣлать что нибудь—для меня не разрѣшенъ. Онъ проводилъ жизнь въ Лондонѣ—въ развратѣ (?) и праздности—не потому что мы не хотѣли его спасать; а проводилъ—потому что это ему нравилось

---

[1] [Т. е. отъ Н. А. — Огаревъ оставался въ Лондонѣ, а Герценъ проводилъ это лѣто, съ начала августа до конца октября по нов. ст., въ Борнмаусѣ, противъ Вентнора.]

[2] [Сынъ Герцена, Александръ Алекс., студентъ Бернскаго унив., жилъ тогда на квартирѣ у проф. Фохта, отца Карла Фохта. У стариковъ Фохтовъ гостила въ это время ихъ молоденькая внучка, Эмма Урихъ, со своими родителями. А. А. влюбился въ Эмму и сдѣлалъ ей предложеніе, которое и было принято; Герценъ, скрѣпя сердце, далъ согласіе. Этотъ бракъ потомъ разстроился.]

больше всякаго спасенія; и Фогтова семья такъ же мало спасла его какъ и мы: онъ влюбился—и принялъ ея семью за свою,—большаго спасенья тутъ нѣтъ. Какъ мы могли спасти его? Указаніемъ на науку и общую дѣятельность — но какъ ни указывай, онъ былъ къ нимъ равнодушенъ, потому что у него не было внутренней inquiry. Какъ могли Фогты спасти его? Такимъ же указаніемъ? Но—хотя онъ больше работаетъ, потому что въ средѣ студентовъ работающихъ, а не шалопаевъ какъ Англійскіе студенты—у него inquiry также мало какъ было, сколько я могъ замѣтить изъ короткаго свиданія. Слѣдст. я не вижу, чтобъ и Фогты спасли его. Перемѣна легкомыслія на сентиментальность—еще не спасеніе. А руководствуетъ имъ въ жизни не объективная истина, а личныя пристрастія; это для него все, а наука—если не Brodwissenschaft, то и не имѣетъ корня глубже того—что вѣдь надо же въ жизни чѣмъ нибудь серьознымъ заниматься. По этому я не нахожу чтобъ его Фогты спасли; или мы совершенно разно понимаемъ значеніе спасенія; я спасеніемъ называю подчиненіе, преданность личнаго общему, а не sich wohlbehagend cassiren. Послѣднее для меня совершенно равнодушно, и если онъ этимъ удовлетворится, я скажу что это очень отрадно, но не почтенно. Что онъ будетъ безъ всякой inquiry ученѣе Ю. Альтгауза и счастливѣе Ф. Альтгауза—въ этомъ все же не будетъ того Нейгауза жизни, который для меня есть *спасеніе*.—А не хочешь—не говори, теперь это можетъ безполезно.

С. Сол.[1] ему кланяется. Отъ него письмо, котораго не посылаю, потому что самъ отвѣчаю на него; онъ издаетъ брошюру на франц. языкѣ о русскомъ участіи въ восточ. вопросѣ, которая по основаніямъ выйдетъ очень хороша. Да! это дѣятель, а можетъ и организаторъ.

Я думаю—что я читалъ Шервуда. Я его тебѣ и послалъ. Это страшно интересно—и есть еще не менѣе а болѣе интересные рукописи.

И такъ жду сегодня Анненкова.

Сигарет. пришлю съ Касатк.

2 письма къ Мальвидѣ, которой жму руку. Дѣтей цалую.

Тату надо спасти—искуствомъ. Для этого есть почва, и нѣжная почва. Нѣтъ! Она того не скажетъ. Она у меня будетъ славная.

Одна цѣль только и достигнута, что каш-каша не будетъ.

---

[1] [Ник. Серно-Соловьевичъ.]

92.

Н. А. Огарева—Н. П. Огареву.

Рѣшаюсь писать къ тебѣ длинное письмо, мой Огаревъ, ни съ какой иной цѣлью какъ съ той чтобъ ты въ послѣдній разъ выслушалъ бы мой голосъ. Я не могла серьезно писать какъ думаю, потому что страхъ быть дурно понятой сжималъ, сдавливалъ мнѣ мозгъ— Я уѣхала отъ васъ въ какомъ то отчаяніѣ и раздраженіѣ—прощаніе съ Татой, разные столкновенія, дума здѣсь сидя въ одиночку, сны въ которыхъ Г. мнѣ являлся такимъ любящимъ, все это заставило меня много думать о себѣ и объ васъ—я увидала съ ужасомъ что поступала очень эгоистично отдаваясь одной Лизѣ и что многими ненужными жертвами ей, я отдалилась отъ Г. отдалила семью отъ Лизы, мнѣ сдѣлалось ясно что я причиной ея сиротства, далѣе думая о Натали, дай мнѣ умолчать о томъ какъ мнѣ страшно было вспоминать объ дѣтяхъ-- я трепетно думала могу ли я еще всей своей любовью и заботливостью поправить все, вотъ почѣму не объясняя ничего, мнѣ хотѣлось жить съ дѣтьми въ Парижѣ, вотъ почѣму я хотѣла Тату сюда, я вѣрила что могла воротиться съ ней на прошлое. Я думала возсоздать семью изъ этихъ трехъ дѣтей и еслибъ письма насъ всѣхъ свидѣтельствовали о нашей кроткой гармоничной жизни, то тогда Г. бы насъ воротилъ весной, лѣтомъ, когда бы захотѣлъ—онъ бы принялъ насъ съ полной любовью, провелъ черту надъ прошедшемъ и мы стали бы кротко и мирно вести дѣтей по мѣрѣ ихъ потребностей и силъ съ невозмутимой кротостью и съ ровной любовью—

Я думала въ Парижѣ заняться и своимъ развитіемъ, дополнить пробѣлы которые во мнѣ углубились отъ тревожной жизни—Многое мнѣ показало что не смотря ни на что вы мои самые близкіе – эту жизнь, эти опыты я назвала бы искусомъ, но теперь искусъ оконченъ, Г. извѣдалъ свое сердце—онъ болѣе не любитъ меня, онъ благородно поступилъ, но я бы поступила неблагородно воротясь теперь—это страшный ударъ—я боялась, но я не вѣрила—теперь искусъ вся жизнь –минутами мнѣ кажется что я не вынесу этого— но все вздоръ - вотъ искупленіе, вотъ очищеніе—ни одной мечты, ни одной надежды – все тучи кругомъ, одна Лиза какъ звѣздочка свѣтится, но и она, бѣдное дитя, сколько черныхъ думъ она вызываетъ;

я на нея безъ слезъ не смотрю—Сегодня читая ваши письма слезы такъ быстро текли, она отняла у меня платокъ, *Нини* мама. Но видитъ что слезы все льются, вырвала у меня письмо Г. и бросила его: Больше не дамъ, мама—Она чудный ребенокъ, сколько было у меня думъ, какъ мы будемъ мирно жить и вы будете меня наставлять какъ её свободно растить, какъ отвлечь отъ нея всѣ глупые интересы которыми занимаютъ дѣтей, какъ развить естественные—ваша любовь обоихъ къ ней дѣлала мнѣ её еще дороже—Когда она беретъ ваши портреты и съ серьезнымъ, кроткимъ лицомъ цалуетъ ихъ у меня слезы навертывались—Мнѣ хотѣлось воскресить Татину любовь къ ней, мнѣ хотѣлось поддержать нѣжную ихъ дружбу съ Ольгой вы говорите что не видите работы, я не высказывалась, вотъ и все, а не высказывалась потому что у меня большое недовѣріе къ вашей вѣрѣ и любви—и не даромъ въ тебѣ Огаревъ, есть смутное воспоминаніе прошедшаго, и сожалѣніе какъ объ ребенкѣ—а въ Г—право не знаю что осталось въ его душѣ—Я думала что если вы увидите меня въ моей семьѣ съ тремя счастливыми дѣтьми, вы воротитесь безъ всякой arrière-pensée—я думала что когда вы увидите меня не сумашедшую разсуждающую спокойно, вы увидите какъ мы близко стоимъ—наконецъ ваша дѣятельность и разговоры такъ мнѣ недостаютъ здѣсь, что вы бы и тутъ удивились какъ мы близки—но увѣрены ли вы въ моей искренности? не знаю.—Тихая гармонія была такъ возможна, такъ близка—но на вѣки отлетѣла, вотъ немѣзида—да, да, это должно было быть—и надо жить—

Я не боюсь уединенной жизни, нѣтъ ты и тутъ не понялъ—Саша меня тронулъ своей заботливостью обо мнѣ и объ Лизѣ—С. тоже видятъ мое изнуренное здоровье и страшатся совершеннаго упадка силъ, но я не боюсь, я не умру, я жизни даромъ не отдамъ—нѣтъ, нѣтъ буду жить или мы вмѣстѣ умремъ—

Прощай, Огаревъ, дай мнѣ себя крѣпко обнять, дай мнѣ еще разъ тебѣ сказать: Зачѣмъ я не умерла въ день нашего отъѣзда изъ Россіи—

За многое Г. могъ бы меня ненавидить, но говорить о симпатіи и дружбы и говорить что то чувство которое было прошло, я этого не понимаю—я не могу такъ легко сбросить съ себя—я страшусь нашей прошлой жизни, но еслибъ я видѣла совсѣмъ другое, я бы протянула руку отъ всей души—

Пошли ваши портреты M-elle Michel.

93.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

7 сентября 1860.

Помоги мнѣ Герценъ, объясни Огареву почѣму я бѣгу, почѣму я не могу переписываться даже съ нимъ. Выслушай меня еще разъ.—Уѣзжая изъ Россіи, у меня была одна мысль, одна мечта, дѣти Натали—сберечь ихъ, жить для нихъ—вотъ моя надежда—ты знаешь какое было исполненіе—я ѣхала къ вамъ съ чистой, покойной душой, печаль моей жизни была только болѣзнь Огарева и его упорное пренебреженіе своего здоровья—выше, достойнѣе не было для меня образа человѣческаго и вдругъ ты явился, ты это тотъ же онъ, но блестящій, еще болѣе энергичный, съ какой-то притягательной силой, помню еще въ St John's Wood—Огар. на меня пристально, очень пристально смотрѣлъ, моя рука лежала въ твоей, я три раза пробывала её отнимать и все таки она опять въ твоей рукѣ—я встала и ушла—Я чувствовала какъ любовь моя ростетъ и уноситъ меня, никто изъ васъ не знаетъ что это была у меня за борьба, я и его любила и тебя и чувствовала что я твоя и ужасомъ обдавало при мысли объ немъ—Потомъ я умоляла его отпустить меня въ Р. тамъ бы я испробывала свои силы, можетъ я сладила бы и воротилась бы къ вамъ изцѣленной. Теперь только я начинаю понимать наказаніе, мнѣ мало было его тихой, сосредоточенной любви, мнѣ мало было моихъ святыхъ обязанностей, такъ вотъ я одна, хуже чѣмъ одна, съ ребенкомъ которому я на вѣки испортила жизнь—но, другъ мой, войди въ себя и будь же справедливъ: могу ли я думать о семьѣ для Лизы, когда я уже тебѣ чужая—ты могъ негодовать, ты могъ ненавидѣть, но равнодушіе твое мнѣ больнѣе.—Нѣтъ, другъ мой, пойми кротко мои слова: между нами можетъ быть только полное примиренье или никакого—пока ты не напишешь мнѣ: Мнѣ больно что васъ нѣтъ у насъ съ Лизой, возвращайся въ свой домъ, моя Наташа,—то я не возвращусь—Писать тоже я не могу, убѣди Огарева—каждый годъ, въ Лизино рожденье я буду спрашивать что вы и какъ вы?

Отъ тебя зависитъ все теперь, если бы ты могъ понять мой ужасъ когда я думаю объ дѣтяхъ, но нѣтъ не будемъ говорить объ нихъ—я хотѣла доказать вамъ мою любовь на дѣлѣ, вы не хотѣли—

Дайте вашу руку, мое сердце не только беззлобно, но оно исполнено любви и желанья залечить, заживить все что было такъ больно, но если ты не вѣришь, если дѣйствительно любовь твоя прошла, я не ропчу, склоняю голову: что жъ дѣлать, будемъ жить съ Лизой если жизнь не оттолкнетъ насъ.

Прощай.

[Все дальнѣйшее въ подлинникѣ зачеркнуто, но поддается чтенію, кромѣ одной строки, которую замѣняемъ точками.]

Еще письмо отъ тебя, Герценъ, что жъ мнѣ отвѣчать? вы упорно не хотите понять меня, не хотите видѣть какую боль дѣластъ ваше невѣріе, невозможность убѣдить васъ дѣломъ а не словами,—не требуйте же ничего отъ меня, дайте мнѣ по-своему прійдти въ себя и успокоится; мнѣ для этого нуженъ новый міръ, молчаніе, тишина и работа—дайте мнѣ волю хоть издали. Мнѣ гораздо больнѣе за Ог. но Боже мой чѣмъ же я могу облегчить его мученье, право, Герценъ, я бы желала чтобъ онъ смотрѣлъ на меня съ твоимъ спокойствіемъ, я бы не хотѣла причинять ему ни малѣйшей тревоги..... выношу, каждый изъ васъ имѣетъ свои обязанности, стало вамъ легко понять что бывши всѣмъ для Лизы—мнѣ долгъ велитъ дорожить своими силами.

Что было, того топоромъ не вырубишь, стало чѣмъ же я могла бы поправить Лизину будущность, моего раскаянія вы не видите и никогда не захотите видѣть—что жъ я могу сдѣлать для нея? Само собой разумѣется что отчуждая меня, ты отчуждаешь её.—

94.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

12 Septembre.

France. Metz.

M-elle Caroline Michel.

6. Maison des Orphelines.
Rue Mauhant.

Знаешь, Герценъ, мнѣ кажется теперь я ничего не желаю, ни на что не надѣюсь—одно только меня гнететъ: Боже мой, когда же я перестану мучить Ог. что же сдѣлать для этого? если только умереть, я готова—лишь бы знать что онъ не мучится.

Онъ хочетъ переписки, право это сверхъ моихъ силъ теперь, дайте мнѣ прійти въ себя и успокоится и я готова извѣщать его объ Лизѣ.

Твоими письмами, признаюсь я не довольна, они какъ будто отъ чужаго къ чужому—ни страсти я въ нихъ ищу, а истинного чувства и чѣмъ болѣе я перечитываю твои письма, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь что ты никогда серьезно не смотрѣлъ на нашъ союзъ—иначе ты бы не ставилъ и будущее то въ какую то рамку — не знаю чего ты хочешь, братское чувство не менѣе серьезно и важно конечно, какъ бы люди не сблизились, близость ихъ дорога, а не та или другая форма но я отрицаю твою искренность, потому что ты можешь впередъ предопредѣлять—если нашъ союзъ былъ серьезный, и ты бы принялъ мое раскаяніе, тутъ нечего бы говорить объ формахъ чувства—оно само знаетъ по какой дорогѣ идти. Ты можешь тоже никогда мнѣ не повѣрить, не принять моихъ словъ, и тогда изъ уваженья къ себѣ и къ прошедшему, надо умереть другъ для друга. Конечно разрывъ со мной ведетъ къ совершенному отчужденію отъ Лизы—это ты предвидилъ, нельзя все согласить—но зачѣмъ же меня имъ упрекать? что я много винъ накопила на свою голову, Боже мой, неужели я этого не вижу, но что же я могу сдѣлать теперь—больше чѣмъ съ ужасомъ вскрикнуть: что я сдѣлала, я васъ измучила, я все и всѣхъ погубила, дайте, я простираю руки къ вамъ, дайте, я залечу прошлыя раны, взгляните на меня, я уже не та, въ лицѣ нѣтъ того выраженья которое оскорбляло васъ!—а мнѣ говорятъ—нѣтъ, ничего не надо. Ну я и это принимаю, хорошо я буду жить для одной Лизы, оставьте же меня, дайте мнѣ оправиться, дайте и морально и физически окрѣпнуть, и это вы считаете за эгоизмъ – О Герценъ, Герценъ – это понятный эгоизмъ—потомъ упреки за Лизу—да чтожъ мнѣ съ этимъ дѣлать что она будетъ отчуждена отъ васъ?

Читай мое письмо беззлобно, такъ какъ я пишу — не смѣшивай страшную грусть съ злобой.

Прощай—

Еще одна просьба: отошли къ M-elle Michel на мое имя мои письма къ тебѣ и мой портретъ, серьезно ты не уважаешь нашего союза и поэтому я не желаю чтобъ это было у тебя.—

Ог. скажи что я дамъ знать ему черезъ M-elle Michel когда доѣду, но это будетъ не скоро.

[На оборотѣ:]

England. A. Herzen Esq. Eagles Nest. Bournemouth. Hampshire.
[Почт. штемп.: Metz. 14 Sept. 60, и: Bornemouth. Sp. 16. 60.]

95.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

Я не могу не отвѣчать тебѣ на твои слова—какъ ты могъ меня такъ обвинять?

Если я тебѣ говорила, виня себя, то ты не могъ не понять что я говорила:

Я говорила что человѣкъ никогда свободенъ не бываетъ, что разполагая своей волей, я не могла видѣть цѣпи которая запутывала всѣхъ близкихъ мнѣ—Я не думала, не могла знать что они много вынесутъ непріятнаго за меня—что же ты мнѣ упрекаешь?—

Что же ты можешь упрекать въ отношеньѣ Огарева?—Я любила его страстно, но я пріѣхала измученная его себялюбивымъ одиночествомъ, его егоистическимъ пьянствомъ, которое губило его и унижало меня—и я бы этого не напомнила, но что же это за недостойныя, пристрастныя упреки?—развѣ я его обманывала? развѣ я не мучилась долго въ тихомолку, развѣ я не умоляла меня отпустить въ Россію?—Зачѣмъ вы не согласились?

Наконецъ развѣ за любовь мою я не довольно выстрадала—

Опомнись Герценъ, мы всѣ не далеки отъ могилы—я ѣду—вѣроятно мы не увидимся, ты принялъ это шутя, я слишкомъ тебя любила чтобъ увидать тебя послѣ этой разлукѣ—я не буду искать никакихъ сближеній, все что бы я хотѣла, это разстаться мирно—да еще хотѣлось бы чтобъ ты вычеркнулъ мое воспоминанье изъ твоей жизни.

Я ожесточена твоими обвиненьями, въ твоей записки одна горечь, что же я могу на нея сказать?—

96.

Н. А. Огарева — А. И. Герцену.

Прости меня, крикъ ужаса и отчаянія вырвался изъ груди — да, да, я ужасно несчастна—Я не могла спокойно слышать такое страшное предложенье, которое исполнено медленнаго яда, я думала что за неимѣніемъ любви въ тебѣ есть хоть жалость къ страданіямъ—а ты бы хотѣлъ ихъ удвоить—Какъ мнѣ понять тебя, ты хотѣлъ чтобъ я не возвращалась въ Р. потому что ты Лизу хочешь видѣть, я это понимаю и благословляю тебя за это чувство— Наша жизнь не можетъ дальше идти — она мѣшаетъ тебѣ и можетъ отравить любовь къ Лизи, я предлагаю замѣнить себя женщиной которая будетъ воспитывать Лизу при тебѣ, подъ твоимъ руководствомъ. Да, это жертва, я дѣлаю её безъ сожалѣнья для Лизы, если тебя не оскорбляетъ, для тебя—Я буду жить чтобъ быть тутъ когда Лизи нужно будетъ меня, что же въ этомъ оскорбительнаго для тебя?—Помоги мнѣ это устроить, ни жалобъ, ни упрековъ ты не услышишь, *я добровольно* поступаю, ты можешь мнѣ показать это письмо—я изстрадалась, Герценъ, я ничего не хочу, ни на кого не сержусь — но мнѣ надо жить совсѣмъ одной и на свободѣ, оставаться такъ я боюсь, сознанье что я Лизи вредна можетъ довести меня до слабаго поступка — прости меня, вѣдь я все таки тебя люблю, только не хочу больше быть чернымъ пятномъ въ твоей жизни.

97.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

19 Сент. [1860 г.]

Начинаю утро съ письма къ тебѣ. Для меня теоретическій штандпунктъ такъ дорогъ, что мнѣ кажется я его только изъ всего и выжимаю. Отъ этого кое въ чемъ надо съ тобой договориться. „Я больше резонеръ чѣмъ ты,“ пишешь ты, „ты фаталистъ покорный, я — бунтующій.“—Никакъ не могу согласиться съ этимъ. Если ты приравниваешь резонера съ фаталистомъ бунтующимъ, то ты злоупотребляешь словами. Резонеръ не можетъ быть ни покорнымъ, ни

бунтующимъ фаталистомъ; то и другое дѣлало бы его иллогичнымъ и слѣдст. не резонеромъ. Резонеръ—наблюдающій логикъ; его дѣло констатировать факты и сецировать ихъ такъ минуціозно, что чаще приходится ему останавливаться передъ антиноміей, чѣмъ дѣлать положительный выводъ. Откуда же ему бунтовать или покоряться—и въ томъ и въ другомъ равно теряется характеръ резонерства, потому что и въ томъ и другомъ теряется логичность. Если бы ты былъ резонеръ, ты поставилъ бы вопросы иначе:

Если Коммиссія земскихъ банковъ [1] пришла къ нелѣпости отъ того что хотѣла создать частный кредитъ во чтобъ ни стало (quand même), то это явленіе совершенно естественное. Quand même ничего не создается, все можетъ только сочетаваться изъ извѣстныхъ данныхъ; когда ихъ нѣтъ—и сочетанія нѣтъ. То же въ личной жизни съ покоемъ; когда нѣтъ для него данныхъ — нѣтъ и покоя. Стало вопросъ не въ томъ—какимъ образомъ создать себѣ покой, а какимъ образомъ сосредоточиться до той силы, чтобъ жить и дышать свободно и работать независимо отъ того что клюетъ коршунъ рану. Это трудно, но это возможнѣе, чѣмъ устроить покой, помимо данныхъ для покоя. Послѣднее кажется возможно, если бросить и растоптать все что мѣшаетъ покою; но тутъ человѣкъ почувствуетъ, что онъ уходитъ въ жесткій эгоизмъ, солгавши передъ собою, что это дѣлается ради общаго—и такимъ образомъ, унизивши и общее и самого себя, лишится покоя, и придетъ къ прежнему положенію, что создать покой изъ не существующихъ данныхъ—было невозможною задачей. Стало надо задать задачу: какимъ образомъ стать независимо отъ боли, т. е. стать выше собственной боли? Это возможно только, если есть довольно силы, чтобы бунтъ противъ чувства боли свести на степень контриціи. Контриція ячейка, изъ которой развиваются два дружныя направленія—преданность общей истинѣ и милосердіе къ людямъ. Одно вызоветъ на работу въ пользу общаго; эта работа легка, потому что жизнь рода составляетъ рядъ сочетаній *не замкнутый*, или покрайнѣй мѣрѣ его замкнутость *ускользаетъ* отъ нашего наблюденія; стало, тутъ возможно вносить новые элементы для сочетаній и служить развитію ряда (формулы) хотя бы это развитіе, или принятіе новыхъ элементовъ въ рядъ сочетаній,—и осуще-

[1] [Въ августѣ-сентябрѣ Ог. много занимался вопросомъ о земскихъ банкахъ; въ 81-мъ листѣ „Колокола“, отъ 15 сент. 1860 г., была напечатана его статья: „Труды Комиссіи для устройства земскихъ банковъ.“]

ствилось послѣ нашей смерти. Очевидно работа легка (т. е. легка въ смыслѣ трагедіи, въ смыслѣ страданія); она достигаетъ цѣли, т. е. мы вносимъ, или намъ кажется что мы вносимъ дѣйствительно новыя сочетанія въ развитіе формулы, и мы вознаграждены увѣренностью, что работа со временемъ окажется не безплодною.

Милосердіе къ людямъ *таже работа* внесенія новыхъ элементовъ для сочетаній въ формулу жизни *лица, какъ преданность истинѣ* внесеніе ихъ въ формулу *рода*. Но формула лица *замкнута*; лицо можетъ отжить раньше чѣмъ вносимые элементы взойдутъ въ формулу и работа можетъ остаться безплодною. Но отъ *этого* то чувство *преданности къ истинѣ* въ дѣлѣ общемъ, въ приложеніи къ лицу и называется *милосердіемъ*. И точно также какъ мы не можемъ отказаться отъ работы въ общемъ, какія бы ни предстояли затрудненія, мы не можемъ отказаться и отъ работы относительно лицъ, какъ бы ни была трудна работа, даже если она—чего не льзя знать впередъ—окажется безплодною; т. е. мы равно не можемъ и сознательно не имѣемъ права отказаться отъ преданности къ истинѣ, какъ и отъ милосердія. Если у человѣка найдется сила сочетать преданность истинѣ и милосердіе,—то—клюй коршунъ рану—человѣкъ стоитъ выше собственной боли. Если нѣтъ—то результатъ плохъ, потому что подчиненіе боли, рабство передъ болью также безплодно какъ бунтъ противъ боли, т. е. какъ противъ силы большей или даже равной. Выходъ возможенъ только если боль составляетъ силу меньшую, а это только возможно при полномъ сочетаніи преданности къ истинѣ и милосердія къ людямъ. Я не говорю, чтобъ кто нибудь изъ насъ могъ создать въ себѣ это сочетаніе изъ несуществующихъ данныхъ; я только говорю, что если эти данныя vorhanden то сочетаніе ихъ или возможно, или необходимо и жизнь поставится на высоту служенія постояннаго. Т. е. жизнь спасена и выше собственной боли.

Поставивши разъ навсегда это основаніе моей ивики, я совершенно устраняю, какъ невозможность и потому ненужность, вопросъ о личномъ покоѣ и той волѣ, подъ которою ты, просто говоря, разумѣешь независимость отъ непріятностей въ жизни и трагическихъ коллизій. И тѣ и другія такъ неизбѣжно входятъ въ сочетанія жизни, что ихъ устранить невозможно, и я не хочу ни бунта ни покорности, я хочу невозмущаемости сознанія, я хочу ясномыслія; бунтъ—какъ страсть, а покорность—какъ слабость, затмеваютъ. Ясномысліе

возможно только при преданности истинѣ и милосердіи къ людямъ. Отъ этого то пониманіе и есть нравственность. Милосердіе къ людямъ не можетъ быть отрицательнымъ, а дѣятельнымъ. Отрицательное милосердіе пуффъ или лицемѣріе. Стало милосердіе должно быть употреблено на спасеніе людей, съ которыми случай привелъ въ близость (съ иными невозможно по географическимъ и жизненнымъ границамъ). Съ чего же начнется это милосердіе, если близкій человѣкъ палъ? Паденіе (не объясняю этого слова чтобъ не впасть въ лишнюю ясность) явленіе двоякаго рода: или оно забвеніе, утрата нравственнаго чувства, или оно недоразвитіе. Въ первомъ случаѣ возстановленіе невозможно, такъ какъ въ горячкѣ невозможно выздоровленіе, если присутствіе болѣзненнаго элемента такъ сильно, что припоминаніе нравственнаго чувства невозможно. Во второмъ случаѣ невозможность возстановленія зависитъ отъ естественныхъ границъ индивидуальныхъ способностей. Ни въ какомъ случаѣ милосердіе не можетъ преслѣдовать падшаго какъ преступника. Изъ преданности къ объективной истинѣ человѣкъ не можетъ внести въ разсчетъ милосердія понятіе воли въ смыслѣ libre arbitre. Способность совершить поступокъ нельзя принять за волю, потому что поступокъ все же будетъ результатъ извѣстнаго склада условій, составляющихъ для него достаточную причину. Милосердіе можетъ обращаться съ падшимъ какъ съ больнымъ, и такъ какъ наша наука въ нравственномъ мірѣ, *еще меньше* чѣмъ въ мірѣ физико-патологическомъ, можетъ съ достовѣрностью указать на худой прогностикъ, то оно остановиться не въ правѣ, также какъ не въ правѣ сердиться. Оно можетъ только, по обстоятельствамъ, разсчитывать способъ врачеванія и не уставать до конца. Первая потребность милосердія обращаться съ больнымъ съ любовью, какой бы способъ врачеванія ни былъ употребленъ — экспектація или сильный реактивъ. Милосердіе — не можетъ сопровождаться разкаяніемъ о безплодно употребленныхъ усиліяхъ, также мало какъ медикъ можетъ разкаяться въ безплодно данныхъ лѣкарствахъ. Такое раскаяніе разрушало бы милосердіе и сводило бы его на сожалѣніе о самомъ себѣ, что вотъ де работалъ по напрасну, чувство лежащее внѣ ширн милосердія, чувство просто чуждое милосердію. Стало милосердіе должно работать безъ устали, т. е. безъ страха передъ чуждымъ для него разкаяніемъ, и идти къ своей цѣли возстановленія лица, пользуясь всѣми посильными средствами. Это милосердіе составляетъ такое нераздѣльное сочетаніе съ

преданностью къ истинѣ, какъ сочетаніе индивида съ родомъ. Они другъ безъ друга не возможны. Безъ милосердія — преданность къ истинѣ будетъ ложь; безъ преданности къ истинѣ не будетъ милосердія.

На основаніи этой иѳики я не отстану отъ Натали до конца, и увѣренъ, что это не помѣшаетъ моему служенію общей истинѣ; въ сущности задача, перенесенная съ *рода* на *лицо*, одна и таже, и оттолкнуть отъ себя одно—значитъ вытолкнуть самого себя изъ другого. Послѣ ея письма коротенькаго (о которомъ ты пишешь что на него надо молчать, а съ моей точки зрѣнія молчаніе было бы преступленіемъ, и слѣдст. я писалъ)—получено другое, и видно что то было писано въ торопяхъ. Это другое меня не утѣшило; я и на него писалъ Оно конечно лучше того, но — главная пружина желаніе страстнаго, ревниваго обладанія тобою, что составляетъ основу ея эгоистической любви, или просто эгоизма,—остается все та же. Она проситъ дать ей собраться съ силами, ergo нужна—экспектація. Что дальше будетъ—увидимъ. Но я не отстану. Я не выведу мою печаль въ бунтъ,—а въ милосердіе. Жертвы собою такой, что вотъ — поди брось въ воду—это спасетъ ее, и я пошелъ и бросился въ воду—я не сдѣлаю; это только иллогичные призраки. Милосердіе требуетъ иной жертвы—отсутствія оскорбляемости, терпѣнія, постоянной заботы издали и вблизи, письма и поѣздки, экспектаціи и дѣла. Я не остановлюсь ни передъ чѣмъ и не утрачу, а соединю служеніе общему съ милосердіемъ, и не разкаюсь если оно было бы безплодно. Во всякомъ случаѣ я спасу Лизу.

Что касается до Мери и до болѣзни недоразвитія, я не думаю, чтобъ ея границы личныя были такъ узки, что неспособны раздаться. А что касается до мальчика, то я увѣренъ, что если и по меньше талантливости чѣмъ у Ольги, то все же достаточно чтобъ развиться въ изящное существованіе. Ergo я и тутъ отъ милосердія не откажусь. Только милосердіе страсть пересоздаетъ въ любовь. Не откажусь я отъ него, потому что оно истинно и изящно. На счетъ Мери кажется судьба мнѣ начинаетъ помогать. Ея случайная встрѣча съ довольно образованной женщиной, у которой мужъ въ тюрьмѣ, и изъ 10 человѣкъ дѣтей 8 на рукахъ малъ мала меньше, все это полуодѣтое живущее въ одной кухнѣ, въ обладаніи одной постелью, иногда безъ обѣда, но собственной работой, гдѣ маленькіе дѣлаютъ игрушки для продажи—больше сдѣлаетъ для образованія чѣмъ я могъ,

хотя и я не безплодно работалъ. Мери съ ней раздѣлила обѣдъ и одежду, а теперь у ней учится грамотѣ. Если я мечтаю объ аристократической школѣ для Таты и Ольги, то здѣсь я мечтаю о демократической школѣ. Но ничего не предрѣшаю, ибо надо ближе познакомиться съ обстоятельствами.

Чтоже касается до того, что лучше было не принимать на себя обязанностей... что сказать? Можетъ да, а можетъ нѣтъ. Но сожалѣнія о томъ что случилось могутъ имѣть мѣсто какъ Fluggefühle, а не какъ постоянное чувство, потому что они безполезны, безцѣльны и ненужны. Слѣдственно резонерствовать о томъ что могло бы не быть больше толочь воду, чѣмъ принимать участіе въ томъ что есть.

Во всякомъ случаѣ, если бы общее дѣло потребовало личной жертвы иной, на пр. возстаніе въ Россіи и участіе въ немъ—безъ сомнѣнія я всякое чувство милосердія вырвалъ бы

blutend aus dem wundnen Herzen
Und weinte laut und gab sie hin.

Но чтобъ милосердіе къ лицамъ мѣшало учено-литературнымъ трудамъ—это вздоръ и слабость. Это было бы позорно. Слезы и скорбь по личнымъ отношеніямъ могутъ быть допущены какъ Fluggefühle, но бодрость служенія труду и милосердію должна всплывать надо всѣмъ.

Что касается до точекъ зрѣнія импотенціи и сатиріазиса, можетъ онѣ вводятъ нѣкоторыя разницы, какъ и вообще мы еще не выучились съ достовѣрностью разсчитывать абберрацію угла зрѣнія субъективнаго, отъ объективнаго положенія предметовъ, и потому можемъ блуждать оба. Я стану трудиться убить въ себѣ сатиріазисъ разнаго рода гигіеной. Вѣдь онъ же отсутствуетъ у меня всегда въ отношеніяхъ съ женщиной, которую я сколько нибудь люблю или уважаю и сводится съ патологическаго раздраженія на физіологическую функцію, $\overset{plus}{+}$ стыдливость, преобразующую все отношеніе въ отношеніе человѣческое. Слѣдственно я могу устранить это патологическое состояніе вообще вонъ изъ жизни. Мнѣ это трудно, но не невозможно.

Прочь углы зрѣнія патологическихъ состояній! Перейдемъ въ здоровое сочетаніе служенія истинѣ и милосердію—и на этомъ мы вѣроятно сойдемся нераздѣльно, не смотря ни на какія Fluggefühle.

Не каюсь что исписалъ два листа — не рви ихъ; можетъ они мнѣ черезъ годъ пригодятся для дальнѣйшихъ работъ.

вечеромъ.

Прибавляю еще къ моему письму. Я передъ вечеромъ видѣлъ эту бѣдную женщину; она дѣйствительно образованная женщина, хотя съ нѣкоторымъ религіознымъ оттѣнкомъ, вырощеннымъ страданіемъ. У дѣтей сегодня не было хлѣба (что впрочемъ поправлено) живутъ они въ подвальной кухнѣ; обуви нѣтъ. Работы мало, а на работу охоты вдоволь. Она была школьной governess, знаетъ по французски; англійскій языкъ знаетъ превосходно, и пишетъ стихи, но эта статья не очень талантлива, т. е. такъ ничего. Видъ добрый; дѣтей, при всей бѣдности, воспитала рачительно и мило. Хочешь ли пожертвовать фунтъ для того, чтобъ семья могла прожить мѣсяцъ и пріискать по больше работы. Теперь это возможно, потому что Мери ей дала платье, а то ей не въ чемъ было выходить. Мужъ поручился за кого то по векселю, самъ попалъ въ бѣдность и заложилъ чьи то вещи (кажется?) думая извернуться и попалъ въ тюрьму. Они съ isle of Wight. Для мальчика дѣти находка, потому что совершенно держаны не какъ уличные мальчишки, не смотря на то что босые, а маленькіе больные отъ недостатка пищи. На счетъ фунта напиши; ибо я дамъ фунтъ—а на 2 фунта они мѣсяцъ проживутъ и пріищутъ постоянную работу. Она же и портниха.

Теперь новость. Кстати къ долгамъ. Голицынъ вчера съ Юліей М. забравши свои вещи—бѣжалъ неизвѣстно куда, никому не заплативши. Кельсіевъ убѣжалъ въ типографію, и потомъ нашелъ квартиру (10 Argyle square, King's cross). Mme Tassinari плачетъ потому что у ней за Юл. М. пропадаетъ 8 фунтовъ. Tassinari бранитъ Голиц. и жалѣетъ, а жену бранитъ за то что она плачетъ безъ сожалѣнія.

Это главная новость въ Лондонѣ. Еще то, что Mr White, бѣгавшій въ обгонки съ другимъ мистеромъ, который обогналъ, пришелъ отъ этой неудачи въ такое отчаяніе, что пропилъ въ кабакѣ до 8 час. утра, а въ 8 час. отравился.—Экъ на что тратится людское и англійское отчаяніе!

А со [illegible]ее кажется ничего.

Жаль, что я вымаралъ въ предисловіи о войнѣ. Изъ прилагаемаго письма С. С. и изъ извѣстія о посылкѣ Толля звать Авст. императора въ Варшаву—слѣдуетъ, что надо объ этомъ говорить. Я опять пере-

правлю, хотя иначе, яснѣе. Мое дѣло сказать что какая бы война ни была въ Турціи или Венгріи — все равно правительство отъ нея лопнетъ. Я убѣжденъ что это говорить надо, ибо 1) или оно удержится отъ войны, или 2) въ публикѣ разпространится мысль, что при войнѣ правительство должно лопнуть, и слѣдств. получится направленіе заставить правительство лопнуть.

Посылаю тебѣ библіотеку для чт., книги и газеты. Пожалуйста Моск. вѣд. не рви, мнѣ въ нихъ нуженъ отчетъ за управленіе Польшей.

За симъ прощай, обнимаю васъ всѣхъ.

Да!.. Что ты пишешь о домѣ? Если ты хочешь, чтобъ не было кабака въ домѣ, надо, чтобъ обѣдъ былъ у дѣтей, а къ дѣтямъ никого не принимать лишняго; лишнихъ принимать у себя безъ ѣды. Тогда надо дѣтямъ квартиру отъ 5 до 6 фунт. и намъ отъ 2 до 3, (что безъ кухни совершенно возможно). Платить 5 въ a road и 8 за дѣтей— 13 фунт.—безобразно. Подумай объ этомъ. Напиши въ какомъ краѣ искать,—тамъ я и буду искать, и найду [1].

98.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

Понедѣльникъ утромъ.

Сей часъ получилъ твои 2 письма. Я сегодня буду у Miss Reeve, мнѣ хочется ей помочь письмомъ къ Mazzini; какъ ни глупо ихъ тревожить въ это время сплетнями, но вѣдь дѣло и ихъ касается: общество Швабское не отсылаетъ деньги Гарибальди, потому что Гариб. поручилъ имъ выслать ихъ Mario, а имъ извѣстно, что *Mario is a swindler*. Слѣдст. клевета и потеря денегъ касается ихъ, а письмо оттуда можетъ разрушить эти гаденькія паутинки и избавить Miss Reeve отъ борьбы, въ которую она вдалась да и не могла честнымъ образомъ не вдаться. При свиданьи стану говорить о Татѣ. Это задача трудная, но—если Miss Reeve сколько нибудь способна—отрадная задача. Ты пишешь что намъ осталась одна любовь—любовь къ дочери и пишешь какъ будто возражая мнѣ; между тѣмъ какъ все мое

[1] [Герценъ въ отсутствіи Н. А. искалъ квартиру; 15 ноября 1860 г. нов. ст. онъ переѣхалъ въ Orsett-house, Westborne terrace, Paddington.]

построеніе теоріи нѣжки не выходитъ изъ этого чувства. Тутъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія—это любовь старшаго къ младшему, будь этотъ младшій на пути изящнаго развитія (и тогда это легко) или будь на пути уклоненій (и тогда это трагическій трудъ), но все же это любовь старшаго къ младшему, любовь, во имя общей истины, къ лицу. Это то я и называю милосердіемъ; charité=милостынѣ. При уклоненіяхъ—трагическій трудъ дѣйствительно страшно тяжелъ и часто доводитъ до отчаянія. Мнѣ вотъ теперь страшно начать говорить тебѣ о письмѣ N. къ тебѣ. Все горькое встаетъ опять также огромно, что кажется съ нимъ не сладишь. Я—недѣлю не получалъ писемъ и не знаю—гдѣ она. Писать ли къ Mlle Michel и спросить? Чортъ знаетъ какъ коробитъ. Лучше подождать. Я увѣренъ, что на дняхъ напишетъ гдѣ она. Но ты замѣть, что дѣйствительное испытаніе только начинается, и потому надо выждать какой нибудь внутренней работы, изрѣдка помогая словомъ. Какъ ни горько, Герценъ,—а бѣда теперь намъ оскорбляться въ смыслѣ обиды, а не въ смыслѣ скорби *о ней*; тутъ уже совершенно terrain растеряешь и будешь сердиться и только. А это никого не спасетъ, ни даже Лизы, которая тутъ всего больше пострадаетъ. Если ты совершившееся рѣшился принять за фактъ, то нельзя уже не дѣйствовать въ смыслѣ моей теоріи. Ловко или не ловко станешь дѣйствовать—это другой вопросъ; это тотже вопросъ что трудность и умѣнье воспитывать.

Ни горечь ни идиллія жизни не даютъ права отбросить идеальный нравственный кодексъ, какъ принципъ дѣйствій; на сколько съумѣешь его выполнить—это другое дѣло; но кодексъ истиненъ, тѣмъ болѣе что онъ не новъ и проходитъ черезъ всѣ религіозныя и философскія системы (сколько нибудь раціональныя и гуманныя) измѣняясь больше въ словахъ чѣмъ въ понятіяхъ. Вѣдь жертвуемъ же мы не замкнутому ряду жизни *рода*—не смотря на то, что опытъ не доказываетъ, чтобъ *родъ* ушелъ много дальше *индивида*. Стало и приходится въ обоихъ случаяхъ жертвовать идеальной нѣжкѣ, помимо того, что родъ глупъ, а индивидъ бьетъ обухомъ по лбу. Не будь этой идеальной нѣжки, Герценъ, вѣдь не изъ чего жить; наша жизнь—это потребность втолкнуть нашу идеальную нѣжку въ родъ и въ индивиды, отъ этого на [sic] любовь—любовь къ младшимъ, отъ этого усталь—съ нашей стороны преступленіе.

А какъ ни разсуждай—все на тоже сводится: устроить обстоятельства такъ чтобъ можно было постоянно слѣдить за N. и Лизой. Я

уже думаю объ агентѣ. Подумай и ты—надо сознательно выждать, пока безуміе устанетъ. Девиль все мнѣ говоритъ: il faut fatiguer la valvule. При свиданіи переговоримъ.—Такъ ты сюда пріѣдишь. Ты говоришь, что я [о] поѣздкѣ въ Борнмусъ говорю какъ о рицин. маслѣ. Оно для меня такимъ бы и было. Но мнѣ кажется, что я подготовлю себѣ на столько матерьялу теперь, что увезя его въ Борнмусъ—могу продолжать тамъ безпрепятственно. А потому поѣду охотно. Я не думалъ, что я успѣю подготовиться и смотрѣлъ на поѣздку какъ на exil, а теперь вижу, что можно. Слѣдст. поѣду охотно 1 Октября. Если ты до тѣхъ поръ пріѣдишь—то поможешь издать Колоколъ. Если—не хочешь, то не тревожся; сладимъ. А если хочешь, а мнѣ кажется, что ты въ сосновой рощѣ соскучился—то пріѣзжай.—Какже это Касат.?—все сумашедшіе; я съ нимъ къ тебѣ письмо и Nордъ послалъ, Чернец. съ нимъ хотѣлъ ѣхать, что̀ меня заставило распоряжаться корректурой иначе,—а взяли да и не поѣхали... И хоть бы дали знать—а то ни слова.

Да будетъ проклятъ этотъ безумный родъ, вотъ письмо Елены ко мнѣ, въ немъ все есть, кромѣ того что нужно, т. е. не сказано гдѣ Натали. Я бы самъ поѣхалъ—но куда?—Что въ письмѣ подчеркнуто, я подчеркнулъ. Подумай—что̀ бы лучше сдѣлать—послать кого или поѣхать; напиши сей часъ или пріѣзжай посовѣтоваться—какъ тебѣ покажется лучше.... Безъ няньки! А я писалъ объ этомъ; а это Елена не могла понудить ее взять няньку.... Хотѣлъ что то еще писать, но забылъ что.—Силу, силу надо, Герценъ. Печатаю письмо и сажусь за логику и работу.

Прощай!

Кто то хохочетъ внутри меня.

99.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

[Осень 1860 г.]

Ты удивишся увидавъ мой почеркъ—я и сама дивлюсь, но я хочу поговорить съ тобой только объ Ог. Пожалуйста не оскорбляйся моими словами, тутъ нѣтъ arrière-pensée.

Огарева видъ на послѣднемъ портретѣ меня ужаснулъ, на долго ли онъ съ нами?—Послушай, не оставляй его такъ долго одного, я увѣрена что онъ вовсе не думаетъ объ себѣ и въ твоемъ отсутствіи слишкомъ много работаетъ за себя и за тебя. Воротись въ Лон. помогай ему или смѣни его, уговори его ѣхать, хоть въ Bournmouth, хоть въ Dovre—видъ его очень не хорошъ—заставь его отдохнуть, увези его куда нибудь изъ Лонд. а потомъ уговори тамъ пожить немного—я знаю, ты скажешь что не работа а я виновата, ахъ Боже мой, до того ли?—все же надо какъ нибудь на берегъ—а потомъ что же мнѣ дѣлать что я такъ несчастна что даже изъ дали должна его мучить, скажи что мнѣ дѣлать, мы не очень держемся за жизнь съ Лизой, намъ смѣшно ей дорожить—если Ог. будетъ покойнѣе когда насъ не будетъ, такъ въ чемъ же дѣло?—

Теперь еще вопросъ, еще деликатнѣе, пожалуйста не вздумай обидиться, между нами этого не должно быть: единственное счастіе Ог. это помогать этому семѣйству—не напоминай ему когда онъ лишнѣе тратитъ, въ добавокъ Ог. теперь остается совсѣмъ одинъ—а С. и Елена дали мнѣ честное слово сразу присылать ему 3 т. р. сер. стало онъ можетъ удвоить свой разходъ, я знаю напримѣръ что онъ страшно желаетъ купить фортопіано (можетъ 16 L.) и учить мальчика, а онъ стѣсняется—

Мы съ Лизой не нуждаемся ни въ чемъ—С. отошлетъ твои 40 ф. вмѣстѣ съ Ог. деньгами—и изъ Ог. денегъ я тоже брать не буду—мнѣ доставили работу, можетъ она насъ прокорметь, а нѣтъ такъ нѣтъ. Мы и такъ знаемъ что мы лишніи, но будетъ—Прощай, ради Бога хотѣла сказать, не сердись—ты иногда говоришь необдуманно объ тратахъ, а Ог. сжимается.

Прощай.

Я увѣрена что ты не скажешь объ этомъ Ог.—пишу изъ Франкфорта, но не отвѣчай сюда, я скоро уѣду въ противуположною сторону—пусть Ог. не мучится, мнѣ будетъ хорошо—можетъ я уѣду въ Россію—

100.

Н. А. Огарева — Н. П. Огареву.

Не хотѣла тебѣ писать, потому что провела глупый день и страшно устала, но все таки не могу заснуть непоболтавши съ тобой— Ну вотъ я ѣздила съ Лизой въ Жен.—на пароходѣ ей принесли ручную бѣлку и она была совершенно счастлива—самъ капитанъ приходилъ любоваться ей—tout est beau ds cet enfant, говорилъ онъ отрывисто стоя въ дверяхъ. Въ Жен. тоже ей былъ праздникъ, она любитъ Емму, но къ Жону у нея просто страсть, она плачетъ когда онъ уходитъ, за эту слабость холодная M-me Урихъ тоже любитъ Лизу—

Странная женщина M-me Урихъ, она такъ любезна, внимательна со мной, а я дышу свободно только когда дверь запирается за ней— не знаю что это, но я её не люблю—Она непремѣнно хотѣла чтобъ я переѣхала въ Жен. и дуется немного за Берлъ—

Емму я очень, очень люблю—будто она моя старшая Лиза и я съ радостью могла замѣтить что и она меня любитъ и даже имѣетъ довѣріе ко мнѣ—но въ ней очень много дѣтскаго—разъ она лежала у меня на колѣняхъ и болтала такой вздоръ, что я невольно ей сказала: Du bist ein Kind, Emma—Alle sagen so, отвѣчала она наивно— Она сдѣлала большія успѣхи въ франц. языкѣ—

— Досадно мнѣ было что туманъ помѣшалъ мнѣ много видѣть на пароходѣ—Женева мнѣ очень понравилась, что за видъ на озеро и какой милый городъ, это совершенная противуположность съ Лоз. Лоз. отвратительный городъ, за то окрѣстности прелесть — Я водила Сашу въ такую чудную дачу что онъ спросилъ продается ли она—

Вечеромъ были гости у Ури.[1] я сначала сконфузилась, а потомъ разговорилась объ музыкѣ, объ Россіи, богъ знаетъ объ чемъ—Одна дама очень хорошо играла на форт. но все вещи какого то новаго сочинителя Elber въ родѣ этого—одна вещица мнѣ понравилась, но когда она стала пѣть чувствительныя франц. романсы, я вспомнила какъ Г. ихъ пародируетъ и чуть громко не разхохоталась—Емма не хотѣла выпустить меня изъ Женев—она увела меня на рынокъ чтобъ

[1] [Урихи, родители Эммы, невѣсты А. А. Герцена.]

я опоздала, но я все таки уѣхала, потому что я по вашему приказанію назначила часъ для пріема нянекъ—однако не нашлось ни одной, и я печальная сидѣла съ Лизой за обѣдомъ, когда вдругъ *послѣдней* пом. кухарки является и говоритъ что она отходитъ и хочетъ ѣхать со мной, её очень хвалятъ—я согласилась. Мнѣ сдѣлали столько непріятностей и такъ много на меня насчитали что я пошла съ Лизой въ *Hotel des Alpes*, откуда и пишу—въ Жен. я исполнила Еленено порученье, купила ей часы, только 180 ф. и съ золотой крышечкой.

Вотъ наконецъ я и въ Бернѣ—Саша встрѣтилъ меня на желѣзной дорогѣ—Лиза такъ и бросилась къ нему—каждый разъ какъ онъ уходитъ, она плачетъ—Сегодня я была у Фохтовъ, люди хорошіе а все таки нѣмцы, чуждо мнѣ съ ними и Лизи тоже—она всѣмъ понравилась, а сама все домой просилась. Съ перваго дня я вижу что не поселюсь въ Бернѣ, а пробуду сколько могу чтобъ видѣть Сашу—а потомъ куда? куда ты хочешь, Огаревъ, или куда глаза глядятъ—

Саша сдѣлалъ для меня все что могъ, но надо войдти на три лѣсницы чтобъ добраться до моей комнаты, и все здѣсь не удобно—и потомъ я середь города—а съ моего пріѣзда сюда мнѣ стало еще хуже, еслибъ не зима, Огаревъ, я бы попросила тебя отпустить меня въ Р. мнѣ нужно не быть одной, вотъ ужъ двѣ недѣли какъ я лечу подъ гору съ такой быстротой что мнѣ самой страшно—

Совѣтываться съ докторами не поможетъ, мнѣ нуженъ отдыхъ и покой, можетъ даже немного и уходъ близкихъ, въ Россіи бы я все это нашла—

Если ты думаешь что не опасно ѣхать теперь съ Лизой, я рѣшусь—мнѣ очень *нехорошо* и при этой одинокой жизни будетъ все хуже и хуже—

101.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

Суббота.

Ты знаешь, я хотѣла чтобъ меня совсѣмъ забыли—но теперь это кончено—такъ тебѣ не нужно уговаривать меня принять дружески Сашу, я его искренно люблю, и думаю, онъ не сомнѣвается во мнѣ—

Сегодня меня еще обрадовали ваши письма—да, я поѣду въ

П[1].—но я не знаю истинно ли желаетъ того Му[2]. и одна ли она будетъ?—напиши.—Безконечно радуюсь видѣть Ольгу вмѣстѣ съ Лизой—жаль что Тата не пріѣдетъ къ намъ, хоть послѣ, хоть на короткой срокъ. Я говорила ей въ Гейд: Мнѣ больны наши отношенія, они пройдутъ я увѣрена, одна мысль объ Натали напоминаетъ мнѣ что это невозможно—Тата полюбитъ меня снова—

Я просила Ог. и тебя прошу тоже, написать мнѣ около какого времени онъ желаетъ чтобъ я ѣхала въ П—если скоро, то мы останемся въ Morion Dapples, а если долго еще, то я должна переѣхать, здѣсь Лизи слишкомъ нехорошо въ матерьяльномъ отношеньѣ—

Ты видишь я не спѣшу, принимаю слова Ог—ты правъ былъ, онъ не только нравственной источникъ моего бытія, но онъ и Лиза сила моей жизни—когда ихъ не будетъ и меня не будетъ. С. мнѣ говорилъ что Ог. исполненъ какихъ то предчувствій да и я, сознаюсь тебѣ, боюсь—если можно не длите слишкомъ долго моего изгнанья, я такъ жажду видѣть его и говорить съ нимъ, и тебѣ самому будетъ больно, если онъ съ нами не на долго—а потомъ мнѣ хочется чтобъ онъ видѣлъ Лизу, чтобъ я видѣла ихъ вмѣстѣ—Откровенно скажу тебѣ что Англія для меня такая печальная страна, что вездѣ лучше чѣмъ въ ней, одно непобѣдимое желаніе быть съ Ог. беретъ верхъ надъ моимъ отвращеньемъ.—

Больно мнѣ было видѣть что ты такъ скоро оставляешь его—зачѣмъ? онъ даже въ письмахъ сознается что слишкомъ напрегаетъ на какую то статью; ахъ, еслибъ ты могъ скорѣе веркуться и незамѣтно мѣшать по ночамъ работать—а потомъ увези его изъ Л. хоть на пять дней, скажи ему что это моя единственная просьба; не оставляй его на долго, Г. на прислугу нельзя считать, ну если съ нимъ будетъ припадокъ и никого не будетъ съ нимъ, онъ можетъ разбиться головой объ каминъ или сгорѣть какъ Девилева экономка—страшно и думать—

Здѣсь очень хорошо, но Ог. меня мучитъ и Елена—она уѣхала моремъ въ Р. и никакихъ извѣстій нѣтъ до сихъ поръ—

Ну прощай, безконечно рада я что перестаю быть черной полосой въ твоей жизни.

Писемъ моихъ не присылай, сожги ихъ когда переѣдишь въ Лондонъ.

---

[1] [Парижъ.]

[2] [Мейзенбугъ.]

102.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

Суббота.

Грозный опытъ долженъ былъ научить тебя не слѣдовать однимъ симпатіямъ и темнымъ влеченіямъ—ты можетъ не хотѣлъ мнѣ сдѣлать больно, спроси свое собственное сердце—

Съ старушкой Vogt я немного болѣе познакомилась, да, жизнь здѣсь серьезна; но, Герценъ, база въ ней крѣпкій союзъ между мужемъ и женой—видъ этой жизни еще разъ вызываетъ меня на сближеніе съ тобой, если ты отвергнешь и теперь мою открытую душу, да будетъ твоя воля, я дѣлаю это и для Лизы, и для общаго нашего счастья, и для себя—тогда только я могла бы примириться съ своей жизнею и покрыть её собственнымъ уваженьемъ—подумай объ этомъ; если ты чувствуешь что мы пойдемъ рука въ руку, что ты будешь тѣмъ близкимъ существомъ какимъ ты можешь быть, скажи это—Не пугайся моихъ словъ, вѣдь все отдается на твой судъ, на твою волю—я бы хотѣла чтобъ ты поговорилъ откровенно съ Татой, она ужъ не маленькая, я думэю что это возбудило бы въ ней чувство любви и долга къ Лизи, и воротило бы её мнѣ—на этой базѣ мы могли бы учредить такую семью какой еще не было—Если это возбудитъ только твое негодованіе, не говори Огареву, помни нашъ союзъ—

Не принимай дурно что я часто говорю объ Р. если есть возможность, я должна ѣхать во всякомъ случаѣ, я бы не хотѣла чтобъ папа пріѣхалъ ко мнѣ—потомъ часто я говорю отъ того что выбиваюсь изъ силъ—здоровье мое при малейшей помощи могло бы быстро поправиться, а здѣсь я совершенно одна, въ одной комнатѣ почти безвыходно съ Лизой; какой тутъ отдыхъ, это невольная иронія—цѣлые вечера (всѣ безъ изключенья) я провожу одна, я работаю и не скучаю вообще, но иногда хочется слышать человѣческій голосъ—я боюсь одичать въ этомъ совершенномъ уединеньѣ.

Посылаю это письмо со страхомъ, не знаю какъ дождаться твоего отвѣта.

Старушка Vogt кажется полюбила меня, покрайнѣй мѣрѣ она съ трудомъ отпускаетъ меня и даже предлогаетъ жить у нихъ, лишь бы я была безъ нянюшки, объ этомъ и думать нельзя при моемъ ны-

нешнимъ состояніи—Старушка чистая, благородная натура, я ей сказала что Ог. зоветъ меня прежде въ Парижъ, потомъ въ Лонд. она повидимому знаетъ кое-что объ насъ: она покачала головой: Нѣтъ, нѣтъ, не ѣздите такъ въ Лонд.—у Ольгѣ двѣ гувернанты да у Натали одна, столько постороннихъ въ домѣ, что вы сами будете посторонніе—Но пожалуйста не говори ни слова о томъ Сашѣ, я такъ боюсь сплетенъ. Я писала Ог. что во второй разъ когда я пришла къ нимъ, старушка только вошла и тотчасъ вышла. Она плакала въ своей комнатѣ и говорила Сашѣ: Не могу видѣть равнодушно М-me О. не могу видѣть этого чуднаго ребенка, какъ отецъ могъ разстаться съ нимъ! когда Саша мнѣ это передалъ, я цѣлый день проплакала сама—*но ни слова Сашѣ.*

Да, я думаю еслибъ ты поговорилъ серьезно съ Татой, какъ мнѣ и тебѣ больно что она удалилась отъ меня, можетъ она бы воротилась, еслибъ она знала какъ Лиза ей близка, я увѣрена что у нея бы сдѣлалась потребность её видѣть—Ог. начинаетъ говорить о Лон. но я и не думаю вернуться прежде чѣмъ увижу твое серьезное желанье да и Татино тоже, а если этого не будетъ? ну,—тогда Ог. пріѣдетъ повидаться и проститься съ нами.

Пиши же, не мучь меня.

[На оборотѣ написано: ч и т а й о д и н ъ....]

103.

Н. А. Огарева—Н. П. Огареву.

Ничего не дѣлается, хочется еще говорить съ тобой—Я тебѣ не разсказывала что въ первую ночь когда я легла въ hotel Bellevue, сосѣди мои, молодая пара, вдругъ заиграли Alpenhorn—у меня сердце такъ и упало—передъ глазами большая наша комната, мнѣ страшно было и между тѣмъ я рада была—я ли это, или то была не я?—

Вотъ и теперь усталая, измученная и думами и болѣзнею которая меня серьезно пугаетъ, я было легла чтобъ лежа поработать, ужъ я давно сидѣть не могу, пишу лежа—возлѣ насъ сосѣдка вдругъ заиграла Veber-valse—опять воспоминаньи, я слышала этотъ вальсъ болѣе двадцати лѣтъ назадъ; безпечно засыпая въ своей маленькой

кроваткѣ, сколько разъ я просила чтобъ оставили нашу дверь отворенную и засыпала подъ этотъ вальсъ—и теперь я опять слышу этотъ вальсъ—онъ не измѣнился—

Саша говоритъ мнѣ сегодня: Тебѣ Бернъ скученъ, потому что у тебя нѣтъ еще знакомствъ—Я невольно улыбнулась: Близкихъ мнѣ точно не дастаетъ, но съ каждымъ днемъ я менѣе тягащусь одиночествомъ. Когда Лиза спитъ, я или читаю или работаю или лежу да думаю, богъ знаетъ объ чемъ—часто объ новой лондонской жизни. Какъ бы мнѣ хотѣлось учредить её, я бы жила совсѣмъ одна, а ты бы приходилъ ко мнѣ—мы бы разговаривали, играли бы съ Лизой—никогда дурнаго слова бы не пало между нами и наконецъ ты бы мнѣ сказалъ что ты начинаешь забывать прежнюю горечь—вотъ все чего я добиваюсь съ страшнымъ нетерпѣньемъ—Ты бы водилъ ко мнѣ Henri, я хочу чтобъ Лиза знала его, да и сама я хочу видѣть его—ты не откажешь—Дѣти меня любятъ, еслибъ ты видѣлъ Жона и Емму со мной—одни тѣ которые должны бы быть самые близкіе ушли отъ меня, какъ это больно, Огаревъ; Ольга можетъ воротится, а Тата, мнѣ ужъ не вѣрится. Когда будетъ случай, пришли мнѣ англицкую исторію, это маленькая красная книжка съ большимъ чернильнымъ пятномъ, въ ней Тата записала рожденіе Лизы, мнѣ хочется имѣть это послѣднее, наивное доказательство ея прошлой любви ко мнѣ—какъ она радовалась Лизѣ—

Ну прощай другъ мой, пиши же, не забывай что писать и читать твои письма главное дѣло моей жизни—

Лиза пресмѣшная, зоветъ M-me Фохтъ: *Фофка*—Объ Сашѣ плачетъ каждый день—Дай мнѣ Сашу мама—Онъ съ друзьями—дай Сашу съ друзьями—

Саша водилъ насъ къ старшей дочери Фогтъ—Лиза очень веселилась въ саду, но вдругъ принесли меньшаго ребенка, прежалкаго, ровѣстникъ Лизѣ—Лиза была такъ тронута его видомъ, что требовала поцаловать его, но его быстро унесли, Лиза настаивала—но ребенка не воротили, тогда тотчасъ собралась домой и мы не могли её уговорить остаться.

Сегодня провожая Сашу, она говоритъ ему: Ты придешь — Приду — Придешь я буду довольна — Разъ она подбѣжала къ Сашѣ и говоритъ: Ты знаешь, Саша, я такая веселая, такая веселая —

104.

Н. А. Огарева—Н. П. Огареву.

Отчего ты мнѣ давно не присылалъ Колокола?—я читаю что попадается—недавно читала *le mal et le bien qu' on* a dit des femmes. Это страшно—одинъ изъ древнихъ греческихъ писателей говоритъ: la femme ne donne que deux beaux jours à son mari, celui où il l'épouse et celui où il l'enterre—а другой прибавляетъ mais le dernier n'est pas à comparer avec le premier, il est bien au dessus.

А что Огаревъ, вѣдь кромѣ рѣдкихъ изключеній, это не совсѣмъ ложь—

— Ахъ, Огаревъ, какъ бы мнѣ хотѣлось быть здоровой; такъ хочется работать и такъ много времени когда Лиза спитъ, но мнѣ такъ трудно сидѣть, а лежа неловко, карандашъ стирается а за пятны чернильныя было столько непріятностей въ Лозанѣ.

Я такъ нетерпѣливо желала окончить свой трудъ и если онъ удастся, спросить какъ ты думаешь—я ужъ давно ничего не читала по русски, что журналы? что новаго? спрашивала Аненк.[1] но онъ отвѣчалъ какъ то разсѣянно что ничего нѣтъ особеннаго—что Мар. Алек?[2] Я уважаю ея талантъ, но её не люблю—конечно Огаревъ я не нападаю на ея жизнь, но меня оскорбило ея поведѣнье съ мужемъ—она его пожертвовала своей привязанности, онъ любитъ её безконечно, она чувствуетъ что его роль выше и что же она сдѣлала? она очернила этого добраго и честнаго человѣка въ глазахъ всѣхъ близкихъ. Грековы, Станкевичи, Мар. Касп. всѣ говорятъ объ немъ съ отвращеніемъ и съ ненавистью и все съ ея словъ—ну, это просто неблагородно, никакой талантъ не заставитъ меня простить это.

Пиши побольше когда у тебя время есть—подумай объ Р.—Я теперь вижу какъ я хорошо сдѣлала что взяла эту кухарку съ собой, она все таки помогаетъ—а потомъ съ ней вовсе не стѣснительно, она желаетъ добраться до Парижа и если Лиза не привыкнетъ она найдетъ себѣ мѣсто кухарки—мнѣ кажется что Лизи бы надо непрѣменно русскую няню, она сейчасъ бы къ ней привыкла а съ этими разными языками черезъ пол-года она перестанетъ говорить

---

[1] [Н. А. встрѣтилась съ П. В. Анненковымъ въ Бланкенбергѣ.]

[2] [М. А. Маркевичъ—Марко-Вовчекъ.]

по русски, ужъ теперь она городитъ такую чепуху, пробуя говорить по французски—

Ну прощай Огаревъ, всѣхъ обними за меня и за Лизу—

M-elle Vogt предлагала мнѣ идти гулять, но я послала ей сказать что не могу потому что Лиза спитъ, а дѣло не въ Лизи, мнѣ ходить становится невозможно, такая боль въ боку и въ сочлененьѣ между ногой и бокомъ что я пишу къ тебѣ лежа—что это? со мной еще этого не было даже въ Лонд. еслибъ не крѣпкая воля, что равняется силѣ, я бы кричала при малейшомъ движеньѣ—

105.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

Ты не довольнъ моимъ письмомъ, мнѣ самой кажется что ты правъ, я писала подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ, я ожидала что Ог. согласится чтобъ я воротилась въ Л. не къ вамъ, я понимаю теперь что это можетъ рано еще, но мнѣ такъ хочется видѣть его, такъ много хочется говорить—переписка совсѣмъ не то—Крыльи мои минуту поднятые опустились снова—тяжело стало, безнадежно, на душѣ. Богъ знаетъ еще когда я его увижу—

Не знаю что тебѣ непонравилось въ записочкѣ къ Мейз. Она никогда не показывала мнѣ симпатіи, и съ нынешняго года еще меньше, напротивъ я откровенно говорила что она мнѣ больше нравится чѣмъ всѣ наши лондонскія знакомыя.—

Теперь объ Татѣ, это самое трудное, это требуетъ объясненія—я сама недовольна моимъ письмомъ къ ней, мнѣ не хотѣлось къ ней писать, я уступила только вашему желанью—я не знаю какъ мнѣ начать чтобъ воротить ея сердце, она была всѣхъ ближе, а теперь напротивъ—

Она не только далека отъ меня, она далека и отъ Лизы, не сердись, Г. это правда, во время нашего путешествія не разъ у меня внутренно навертывались слезы глядя на ея безпощадную жесткость къ Лизи—ни одной ласки, ни одной улыбки, ребенокъ который прежде предпочиталъ её мнѣ получилъ къ ней отвращеніе—Такъ мы разставались, разсѣянно провожала она насъ на желѣзной дорогѣ, но я не могла удержаться, слезы текли противъ моей воли—я разставалась быть

можетъ навсегда съ любимымъ ребенкомъ и что же, я сдѣлала его чужимъ. Лиза спала на моихъ рукахъ, я подозвала Тату къ вагону: поцалуй её, Тата, можетъ ты её долго не увидишь„—Я и теперь плачу вспоминая это—Изъ Дрездена письма были такъ ничтожны что трудно было писать, наконецъ собираясь уѣхать куда нибудь подальше, я ей написала прощальное письмо, Боже какъ мнѣ хотѣлось этимъ письмомъ вступить въ новую эру—она надъ нимъ плакала, говоритъ Саша, отвѣтъ ея былъ такъ тепелъ, что я почти сошла съ ума отъ радости, ахъ, какъ я её ждала! это было передъ самымъ ихъ пріѣздомъ—я уложила Лизу и побѣжала ихъ встрѣчать—и съ первой минуты я внутренно обомлѣла, какой учтивый и холодный тонъ! И точно бѣсъ какой нибудь шепталъ мнѣ слова изъ ея письма: Прими меня за свою Концуеллу и все пойдетъ хорошо—Что же это думала я? Однако я не охолодѣла къ ней, я слишкомъ рада была что вижу её, я просто не могла на нея насмотрѣться, но внутренная грусть щемила сердце. Такъ прошелъ день, вечеромъ я поѣхала за ней къ Урихамъ—едва мы воротились, она зѣвнула и сказала что пойдетъ спать, Саша изумился самъ: Погоди же, погоди—Нѣтъ—а по утру мы должны были разстаться—она спала возлѣ моей комнаты—дверь была открыта, я слышала каждое ея движенье—я не спала всю ночь, вотъ, думала я, она здѣсь теперь, та дѣвочка которая сама говоритъ что лицо ея измѣнилось и просвѣтлѣло съ моего пріѣзда къ вамъ, зачѣмъ она чужая, какже я сдѣлала её чужой, почѣму я не могу воротить ея сердца?—Рано она начала укладывать свой мѣшокъ, я тихо вошла и сѣла противъ нея, говорить я не могла, слезы меня душили, вотъ можетъ послѣдняя ночь проведенная вмѣстѣ—

Какъ ты уже встала, спросила она съ удивленіемъ—Я еще не ложилась Тата—Ахъ, Тата, Тата, твое письмо было слишкомъ хорошо, можетъ тебѣ было жаль меня, вотъ почѣму ты написала его—но ты, ты разлюбила меня—да, да, я это вижу—

Она заплакала и молчала—потомъ стала собираться—Въ ея пріѣздъ однако она была очень мила съ Лизой, Лиза долго спала и проснулась только середь обѣда, она обрадовалась Татѣ, пошла къ ней на руки и весь обѣдъ просидѣла у нея. Она и теперь вспоминаетъ это: Тата Хецена даетъ какофель, на колѣнки музетъ—

Мнѣ больно что въ письмахъ Таты никогда нѣтъ вопроса: почѣму меня не будетъ больше въ Л. Хоть бы слово: хотѣлось бы видѣть

Лизу, когда мы её увидимъ—Нѣтъ, еслибъ не знать что я съ вами жила, то можно бы думать по нашей переписки что мы всегда врозь жили—почѣму же это, Г? вѣдь она не знаетъ всѣхъ важныхъ причинъ по которымъ мы разстались, вѣдь сердце ея не можетъ быть такъ злопамятно—наконецъ неужели разлука не воскрѣсила въ ея воспоминаньѣ тѣ первые годы въ которые ты самъ говорилъ что ты не боишся за нея, даже въ случаѣ твоей смерти, помнишь ли ты это Г?—

Прочти это письмо безъ arrière pensée—мое полное откровеніе дастъ тебѣ можетъ средство помочь мнѣ, неужели дѣти N. будутъ чужіе?—это не можетъ быть—пиши, я помню нашъ союзъ и ничѣмъ не отступила отъ него: много надеждъ дала было мнѣ твоя записка о здоровьѣ Ог.

Одно твое вліяніе можетъ помочь, мнѣ кажется, пиши, я готова быть для нея тѣмъ чѣмъ я была когда мы пріѣхали—

106.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

Я думала всю ночь, думала все утро—я не могу рѣшиться ѣхать къ вамъ, твое письмо къ Сашѣ испугало меня, ты сознаешся самъ что боишся моего возвращенья, ты говоришь о твоемъ недовѣріи—признаюсь я не понимаю этого, если ты стеръ прошедшее, откуда недовѣріе?—Недовѣріе которое возбудило въ тебѣ твое прошедшее не можетъ относится ко мнѣ, ты слишкомъ хорошо чувствуешь какъ искренно я тебя люблю—Отказываясь возвратиться къ вамъ, я поступаю неегоистически, я не боюсь за себя, я буду безъ васъ вполнѣ несчастна, но по крайнѣй мѣрѣ несчастіе мое не будетъ отражаться на васъ—Ты говоришь что тебя надо пріучить вѣрить, я не надѣюсь на себя въ этомъ, еще въ Гейд.—ты писалъ мнѣ что твое чувство совсѣмъ измѣнилось, какъ же мнѣ надѣяться?

Буду ждать твоего письма, а тамъ стану собираться, въ Бернѣ я не могу оставаться, и Сашу не хочется больше вмѣшивать, да и участіе и укоръ постороннихъ измучилъ меня—

Не спрашивай куда я поѣду, я этого право не знаю сама, да зачѣмъ объ этомъ думать, не все ли равно.

Прощай

Твоя Натали.

Я ждала совсѣмъ иного—заботы и вопросы мѣшаютъ тебѣ радаваться, а я думую что наше послѣднѣе сближенье такъ важно, что оно не можетъ быть, если не свѣтло у обоихъ на душѣ—и наконецъ ѣхать и думать что ты со страхомъ ждешь меня, это выше моихъ силъ, лучше умереть—Можетъ, Герценъ, еслибъ я была моложе я бы легче приняла твои слова, я бы самонадѣяннѣе смотрѣла на себя, но мнѣ тридцать одинъ годъ—я не могу перешагнуть черезъ твой страхъ, я сама заразилась отъ тебя—

Скажи какъ можно мягче мое рѣшеніе Ог. больно мнѣ вносить одну печаль въ его жизнь, но что же дѣлать—въ замѣнъ живой и свѣтлой Лизы я пришлю ему ея портретъ—я берегла его, хотѣла отдать сама, но видно этому не бывать.

Пиши поскорѣй—мнѣ такъ тяжело и даже физически мочи нѣтъ.

Вотъ мой адресъ: Pension Herter № 3.

воскресенье

Я пришлю тебѣ въ другой разъ письмо Сер. Сол. къ Ог. но ты одинъ прочти его—Сер. Сол. не хочетъ видиться съ вами прежде чѣмъ вы узнаете его взглядъ на все это—

107.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

Понед.
3 дек.

Сер. Сол. будетъ у васъ на дняхъ или онъ уже съ вами—нечестно было бы съ моей стороны не переслать его письма, вотъ оно—но пожалуйста прочти одинъ, еслибъ ты зналъ какъ мнѣ больно печалить Огарева, Боже мой когда же я перестану даже невольно быть казней для него?—

Вмѣшательство Сер. Сол. мнѣ больно, но все таки съ нимъ нельзя поступать какъ съ постороннимъ—недавно я ему писала что скоро буду въ Л.—а потомъ что не знаю скоро ли, мнѣ необходимо было ему отвѣчать, потому что онъ непремѣнно хотѣлъ проводить меня—и такъ поступите съ нимъ какъ хотите, если можешь отстрони Огарева отъ всего непріятнаго.

Боже мой какъ я рвалась къ вамъ, какъ мы были бы счастливы, но твой страхъ парализируетъ меня, твое недовѣріе пугаетъ.

Еслибъ ты зналъ, Герценъ, какъ съ дѣтства я привыкла къ полнѣйшему довѣрію—я знаю, ты скажешь что твое недовѣріе относится къ жизни а не къ лицамъ, ты ошибаешся оно задеваетъ и лицы и отравляетъ и настоящее и будущее—недовѣріе и страхъ не могутъ быть базой для новой жизни, оттого я и остановилась, я хочу между нами совершенное пониманіе, совершенную гармонію, я считаю мое возвращеніе въ Л. такимъ важнымъ шагомъ что не могу взять это рѣшеніе когда данныя не всѣ—пусть ты прежде успокоишся, отстранишь немного заботы, рѣшишь вопросы которые тебѣ мѣшаютъ, я лучше стану ждать наисвѣтлѣйшую минуту чтобъ явиться къ вамъ, не Лизу одну, надо чтобъ и меня вы ждали радостно—а если этого не должно быть, разстанемтесь дружески и печально—

Прощай, пиши.

108.

Н. А. Огарева—Н. П. Огареву и А. И. Герцену.

Саша надо мной смѣется, говоритъ что я жду Лизины рубашки, а я совсѣмъ отъ другаго не поѣхала тотчасъ, мнѣ такъ это странно кажется, что я ни ѣсть, ни спать не могу, я бы хотѣла перечитывать каждую минуту ваше письмо чтобъ повѣрить что это не сонъ; я хотѣла бы чтобъ на улицѣ всѣ мнѣ кричали: да, да это правда—когда я засыпаю я думую: ну можетъ во снѣ увижу ихъ и они мнѣ тоже скажутъ—Я жду еще вашихъ писемъ и главное жду хоть строку отъ Таты, неужели она ненапишетъ?

Саша хотѣлъ бы тотчасъ меня отправить, а я все думую: можетъ они не ждутъ меня такъ скоро, можетъ имъ нужно сказать прежде что я пріѣду, а дни стали такіе долгіе—ахъ, Огаревъ, я не знаю что со мной дѣлается когда я думую что вы оба сидите а Лиза между вами—и все кажется что этого не будетъ, что это слишкомъ хорошо—

Вчера мы были у M-me Vogt, старушка жалѣетъ Лизу — Лиза была у нихъ такъ смѣшна и весела что всѣ хохотали цѣлый часъ, Саша прислонился къ стѣнѣ и до слезъ хохоталъ, Лиза была въ восторгѣ; она смотрѣла на него съ такой любовью: бѣдный Саша,

мама, бѣдный Саша—а Сашѣ еще смѣшнѣе—Теперь Лиза только и говоритъ: Ѣду въ Ондонъ—а мнѣ со дня полученья вашего письма, она стала говорить: Ты не бѣдная, мама, ты веселая, ты молоденькая—Она можетъ сказать: Чернецкій и даже Тхоржевскій—Въ ней къ счастію очень мало моего, только нетерпѣнье, но она въ самомъ дѣлѣ маленькій Герценъ, она любитъ говорить, занимать и когда находитъ сочувствіе въ публики, оно её пьенитъ и она становится все смѣшнѣе и смѣшнѣе—Саша часто жалѣетъ что она не мальчикъ—Вчера она стояла на столѣ, M-me Vogt ей сказала проститься съ Сашей, она такъ нѣжно и кокетливо нагнулась къ нему и когда онъ её поцаловалъ, она пришла въ такой восторгъ, такъ стала прыгать что чуть не уронила и столъ и все что было на столѣ—Старикъ Vogt не можетъ равнодушно смотрѣть на нея, онъ кажется восхищается съ медицинской точки зрѣнья—

Прощайте, пишите мнѣ еще хотя я не знаю гдѣ я буду—

Я могу сказать какъ Лиза часто говоритъ: Право, я съ ума схожу—

109.

Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену.

Ночью.

Герценъ, я не хотѣлъ, не перечитавши, отпустить послѣдняго листа „былое и думы"; я узналъ что онъ относится ко мнѣ, и на меня отъ него повѣяло такой весной, какой я давно не чувствовалъ. И тѣмъ больнѣе взглянулъ я на настоящее. Что мы остались вѣрны другъ другу и нашей святынѣ—объ этомъ и говорить нечего; отъ этого мы еще и способны чувствовать весну, отъ этого мы не состарѣлись еще и можемъ работать. Но все же настоящее одной ногой страдаетъ. Мысль что я невзначай внесъ въ твою жизнь страсти и страданія, безъ которыхъ ты былъ бы свѣтлѣе,—меня преслѣдуетъ. Почему я не уѣхалъ съ ней? За чѣмъ эта смѣсь, хаосъ чувствъ и мыслей? Какъ разомъ предаться: фантазіи тройнаго союза и расчитывать аналитически—что страсть непремѣнно требуетъ удовлетворенія и что ее не остановишь?.. Ну! а если, во время оно, мое согласіе, мое благословеніе — только увѣнчало растущее равнодушіе и усталь? Это страшно! Ну! а если увлеченіе, анализъ и смутный

эгоизмъ все такъ хаотически уживались вмѣстѣ, что обусловило неразумной поступокъ, который—въ такую то минуту кажется изящнымъ, а въ другую минуту заставляетъ спрашивать себя: да не изъ равнодушія ли я допустилъ все, не имѣлъ ли я темнаго чувства жажды личной свободы? И вдругъ меня обдастъ ужасомъ. Что я—брежу, съ ума схожу, или я былъ безсознательной смѣсью изящества съ подлостью? Вспоминая мою прошлую жизнь и Сазонова, которому я отдавалъ М. Л. а потомъ разсердился—я вижу—что, не смотря на всѣ мои изящныя стороны, я былъ способенъ на неимовѣрныя подлости. Одно меня спасаетъ отъ мучительнаго сомнѣнія въ собственной чистотѣ—это Лиза. Нѣтъ—я не могъ бы такъ любить ее, еслибъ мой поступокъ былъ не чистъ!

Но внезапная любовь, или быстрый переходъ въ любовь къ Мери—не доказываетъ ли, что во мнѣ была тогда потребность иной любви? И въ такомъ случаѣ—чтожъ я такое дѣлалъ? Придалъ, даже въ своихъ глазахъ, лоскъ любви и чистоты—простой жаждѣ перемѣны?...

Видно я еще не забылъ гнусную привычку производить надъ собой то что Кетчерь надъ друзьями—т. е. копаться пока докопаешься до мнимой или реальной подлости.

И все это меня такъ жестоко сильно взволновало сегодня по странному сцѣпленію психологической безсвязицы: она беременна! [1] Отъ чего это мнѣ грустно? Ужъ не ревность ли?... Или новый страхъ передъ усложненіемъ жизни—въ особенности твоей жизни?... и мысль: что въ этомъ виноватъ я, да ну какъ еще изъ эгоизма, а не изъ преданности?—Признаться—лихорадку вынести легче чѣмъ эту странную мысль. Таковъ ли былъ я разцвѣтая!...

Разрѣши самъ мою внутреннюю задачу—но во всякомъ случаѣ—глупое или черное отыщешь—прости, прости за ту примѣсь къ тому или другому дѣйствительной любви и къ тебѣ и къ ней. Не удивляйся этому разсужденію, не оскорбляйся имъ: человѣкъ—если не потёмки—то такая сложная машина, что мнѣ всѣ колесы подозрительны, а не умѣть стать самому себѣ объектомъ—тоже будетъ трусость и жмурки.

Что любовь моя къ тебѣ такъ же дѣйствительна теперь какъ на воробьевыхъ горахъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь; отъ этого я и не со-

[1] [Младшія дѣти Герцена и Н. А—ны, близнецы Алексѣй и Елена, родились 23 ноября нов. ст. 1861 г.]

— Non ! Qu'en dites-vous de cette correspondance !!!

мнѣваюсь, что мое первоначальное побужденіе было чисто, но чтобъ послѣ не пришло заднихъ мыслей, за это я не поручусь. Вскорѣ послѣ того времени, даже какъ то очень близко—не припомню когда, гораздо прежде Мери — я имѣлъ страсть влюбиться, но не удалось. Съ чего эти страсти въ мои лѣта? Если я былъ больше огорченъ и ревнивъ, чѣмъ преданъ поэтичности союза, за чѣмъ я не сказалъ? А тутъ то можетъ и всплыло несознанное чувство свободы отъ всякаго долга!... Вѣдь я внутренно дикъ, отъ этого мое пьянство, и отъ этого я себя подозрѣваю....

Я не отдамъ тебѣ этой записки. Съ чего я нанесу тебѣ еще огорченіе? Я пишу взволнованный.... Ну! а если въ этомъ волненіи есть литературная потребность, что вотъ де у меня какое волненіе и хорошо написано...

Ужасно гадко, Герценъ! какъ бы хотѣлось молча склонить голову на твое плечо. Но мое спасенье математика и борьба.

110.

Н. А. Огарева — А. А. Тучкову.

Turquay
2 августа н. с. 1861.

Ваше письмо меня очень обрадовало, cher papa, по крайнѣй мѣрѣ видно что все покойно у васъ—очень больно что мы такъ давно не видались и не знаю когда это будетъ, а очень бы хотѣлось на васъ посмотрѣть и Лизу вамъ показать, она смѣшная, здоровая дѣвочка, но немного блажная; одиночество вредно для дѣтей, оно пріучаетъ ихъ дѣйствовать слишкомъ независимо, а когда бываютъ дѣти, такъ ужъ привычка такъ велика что нельзя ни въ чемъ уступить — но я надѣюсь что это не очень важно и пройдетъ, я часто встрѣчаю одинокихъ дѣтей и во всѣхъ замѣчаю тотъ же недостатокъ.

Мы теперь у моря мѣсяца на два въ Turquay — но что то постоянно холодно и дождь идетъ почти безпрестанно, за то видъ на море превосходенъ и что рѣдко очень встрѣчается, очень много зелени и деревьевъ близь моря—но дѣтямъ здѣсь не весело потому что нѣтъ песку у моря, а только огромныя камни по которымъ больно ходить—Мы здѣсь только дамы, т. е. дѣти и Мейз., остальные остались въ Л.—можетъ пріѣдутъ насъ навѣстить.—

Что вы подѣлываете, cher papa, что заводъ, что дѣла?—Должно быть банкиръ ошибся, прислалъ не всѣ деньги M-lle M.—она говоритъ что не достаетъ 47 р. сер.

Адреса я вамъ не пришлю теперь, потому что мы еще не наняли дома, да и боюсь, письма такъ долго ходятъ, что пожалуй отвѣтъ на это застанетъ меня въ Л. а тамъ у насъ есть кому переслать.

Прощайте, cher papa, крѣпко васъ обнимаю, будьте здоровы не забывайте

вашу Натали.

Chère maman, гдѣ вы теперь, въ Акшенѣ или дома, такъ бы хотѣлось хоть издали взглянуть на васъ и на все старое, милое, дорогое для меня. Лиза часто говоритъ: Поѣдимъ мама въ Россію—пойдемъ—нѣтъ сейчасъ поѣдимъ, говоритъ она съ нетерпѣньемъ. — Я съ ней очень много бываю, потому что боюсь что она забудетъ говорить по русски; она такъ быстро выучилась говорить по англицки, а по франц. начинаетъ забывать.

Что дѣлаетъ моя Тата [1], скажите ей что я все также люблю ее, много объ ней думаю и безконечно желаю её видѣть—я думаю если возможно вы бы её еще больше полюбили, еслибъ видѣли съ Лизой—какъ она была съ ней трогательно мила—вотъ Лиза самое близкое молодое сердце, а жизнь велитъ другое, велитъ расти въ дали и не знать какое сокровище таится для нея въ этомъ молодомъ существѣ—я пристально слѣдила за Татой и дивилась и плакала иногда глядя на ея постоянную, терпѣливую любовь, это не было чувство новизны, оно было одно и тоже отъ перваго до послѣдняго дня.

Что бы вамъ сказать объ Лизи, она большой плутъ—вчера гуляя такъ часто просилась на руки къ нянюшки, что та ей сказала: Нѣтъ, Лиза, идите сами, я васъ понесу тамъ гдѣ камни, а тутъ хорошо—и Лиза пошла, но черезъ минуту она опять стала приставать къ нянюшкѣ. Да зачѣмъ же васъ нести? спросила нянюшка. Затѣмъ что тутъ камни, сказала смѣясь Лиза и подала ей крошечный камушекъ.

Прощайте, chère maman, крѣпко васъ обнимаю за себя и за Лизу—Лиза иногда говоритъ: бабушка меня очень балуетъ—и почти всегда она думаетъ что новое платье прислано вами или Еленой. Я ей разставила мордовку и она её носитъ все лѣто, это любимое платье Ем. и Ог.—Поцалуйте Елену и дѣтей за меня —она получитъ библію для M-me T.

[1] [Дочь Сатиныхъ.]

111.

Н. А. Огарева — А. И. Герцену и Н. П. Огареву.

[Лѣто 1861 г.]

Понедѣльникъ вечеръ.—

Вотъ вамъ мой журналъ—Когда мы разстались, Лиза была сконфужена, но взглянула на Ольгу и улыбнулась, какъ будто чувствуя что что-то остается,—я пошла заказать обѣдъ, а Саша взялъ мѣста, надо ѣхать въ восемь часовъ утра—потомъ мы воротились домой, Саша намъ читалъ объ охотѣ дикихъ козъ—вслѣдъ за тѣмъ мы отправились купаться, Лиза играла на пескѣ, я съ Татой и съ Ольгой купалась, мы обѣ плавали, а Ольга прыгала держась за веревку, но не плакала и была очень рада что я её держала—завтра я заставлю её окунуться съ головой—послѣ мы пошли обѣдать домой, обѣдъ нашъ былъ веселъ, изрѣдка Ольга поддразнивала Тату, но я и Саша тотчасъ возстановляли тишину—послѣ Лиза легла спать безъ меня, а мы опять стали читать—Ольга играла съ дѣтьми на пескѣ—Потомъ Саша съ Татой пошли что-то купить, а вскорѣ я взяла Ольгу и Лизу и пошла покончить разныя скучныя дѣла и посмотрѣть на Булея, онъ совершенно здоровъ теперь, но я его возьму только въ середу вечеромъ.—Саша и Тата пили чай сегодня у Пульскихъ а Ольга со мной, она была очень весела и мила—вечеромъ ѣздила на ослѣ, жалуется что оселъ не бѣжитъ какъ лошадь—я разговаривала съ ней по русски, но её это очень стѣсняетъ—Лиза сегодня цѣлый день блажна, скучаетъ ли она безъ Г. или нездоровится, не знаю—у насъ такъ что-то тихо и хотя я очень довольна всѣми моими дѣтьми, но васъ недостаетъ—все хорошо идетъ но на душѣ печально, дѣти не могутъ васъ совсѣмъ замѣнить—смотришь на нихъ, слушаешь ихъ балтовню и хорошо а потомъ такъ и кажется что вотъ сейчасъ вы оба взойдете, и больно что этого нѣтъ—Я думала что не буду писать, а вотъ ужъ сколько написала, я не могу жить не воображая что я съ вами—съ Сашей мнѣ тоже хорошо, но это совсѣмъ другое дѣло, онъ славный, очень благородный молодой человѣкъ—Г. увидитъ что ему никогда не придется краснѣть за него. Завтра еще напишу—Ольга велѣла благодарить Ог. за духи и сказать ему что одну бутылочку папа кому то отдалъ, а Г. она начала

Father and daughter in mistake about that!!!

было письмо о своемъ отличномъ купаньѣ—все это время умъ ея очень занятъ деньгами, такъ что выходя изъ воды она вскрикнула: Напишу папѣ чтобъ онъ прислалъ мнѣ десять шил. чтобъ я тебѣ что нибудь купила за то что ты меня такъ хорошо выкупала.

Вторникъ—сегодня мы купались до завтрака, Ольгу два раза окунали съ головой, она не плакала—за то Лиза очень блажна—Ну прощайте, завтра вечеромъ мы совсѣмъ приготовимся—все идетъ хорошо—дайте ваши руки

ваша N.

[Дальше рукою А. А. Герцена:]

Вчера вечеромъ я съ Татой пилъ чай у Пульскихъ—ну это дѣйствительно былъ чай: были у нихъ двѣ англичанки: Misses Drury—malheureusement elles prennent des airs а то были бы просто дуры (безъ ρ) Одна занимается латынскимъ, другая греческимъ языкомъ; и вотъ замѣчательный примѣръ вліянія занятій на человѣка: онѣ обѣ похожи на переодѣтыхъ приватъ-доцентовъ.—Въ четверегъ утромъ ѣдемъ—Прощайте.

112.

Огаревы—Тучковымъ.

[Конецъ ноября н. ст. 1861 г.][1]

[Рукою Н. А. Огаревой:]

Не хотѣла васъ тревожить, я здорова, дѣти тоже, обнимаю крѣпко всѣхъ, всѣхъ, какъ позволятъ, напишу больше.

[Рукою Н. П. Огарева:]

Все славу богу, дѣти здоровы, кричатъ и сосутъ и Натали здорова, но лежать ей надо недѣли три, чтобъ покончить прежніе недуги. Лихорадка была едва замѣтная. То есть такъ счастливо и легко кончилось, какъ я даже и не предполагалъ. Цалую ваши ручки, и обнимаю васъ крѣпко.

---

[1] [Рожденіе близнецовъ Lola-boy и Lola-girl, Алексѣя и Елены. Сохранились метрики обоихъ дѣтей, совершенно тожественныя исключая именъ. Вотъ полный текстъ ихъ. Набранное здѣсь курсивомъ въ подлинникахъ вписано отъ руки въ печатный текстъ.

113.

Н. П. Огаревъ — А. А. Тучкову.

[1862 г.]

Ты хочешь, другъ мой, чтобы я писалъ тебѣ о здоровьи жены и дѣтей,—да это для меня сердечная потребность, и конечно не лѣнь мѣшала мнѣ. По моему—здоровье дѣтей необычайно счастливо; они растутъ, кричатъ, ѣдятъ и ничего такого, что бы можно назвать болѣзнью. Натали, какъ человѣкъ нетерпѣливый, иногда принимаетъ крикъ за болѣзнь, но я положа руку на сердце могу сказать, что до сихъ поръ они совершенно здоровы; я думаю о другомъ—о привитіи оспы, чтобъ не вышло какъ съ Лизой, у которой до сихъ поръ, послѣ пяти прививаній, оспа не привилась. Лиза—прелесть. Она ужасно умна и страшно капризна; но когда забываетъ о томъ какъ условія воспитанія создаютъ капризность, то является милая, свѣтлая, интеллигентная натура.—Натали здорова, но нѣтъ той гигіеничности въ жизни, которая бы привела окончательно въ порядокъ органическія девьяціи. Мнѣ кажется, что все должно бы придти въ нормальное состояніе, но для этого условіе—покой тѣлесный. Если она возметъ на себя устроить себѣ покой, здоровье ея будетъ совер-

---

1862. Birth in the District of *Saint Mary Paddington* in the County of *Middlesex*

№.	When Born	Name (if any).	Sex.	Name and Surname of Father.	Name and Maiden-Surname of Mother.	Rank or Profession of Father.	Signature, Description, and Residence of Informant.	When Registered.	Signature of Registrar.
56	*Twenty third November 1861 6 p. m. Orsett House Orsett Place*	*Alexis (Helen)*	*Boy (Girl)*	*Nicolas Ogareff*	*Natalie Ogareff formerly Tuchkoff*	*Editor of the Bell Russian Newspaper*	*Nicolas Ogareff Father Orsett Place Paddington*	*Second January 1862*	*Cha. Brown Registrar*

I certify that the above written is a true COPY of an ENTRY in the REGISTER BOOK of BIRTHS in the District of *Saint Mary Paddington* in the County *of Middlesex.*

Book № *29* Extracted *this 3-rd* day of *January 1862.*

Cha. Brown. Registrar.]

шенно хорошо.—Докторъ у насъ новый, бѣднаго Девиля посадили въ сумашедшій домъ, ибо онъ, кажется, окончательно рѣхнулся; 3 года назадъ у него былъ параличъ глазной вѣки, видно тогда уже было размягченіе мозга. Жаль его, хотя онъ въ сумашествіи дѣлалъ намъ кучу гадкихъ непріятностей.

И такъ—мы всѣ здоровы и васъ обнимаемъ. Если ты задумаешься надъ этими строчками, то ты поймешь какъ глубоко сердечно я тебя обнимаю. Ну! прощай.

114.

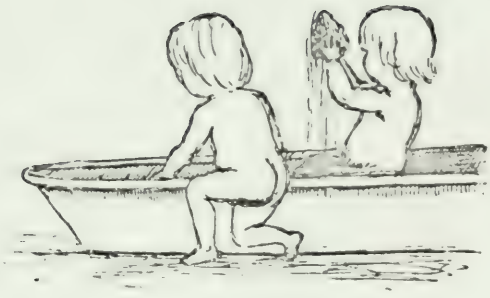
Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

15. Brayton's House.
[О. Уайтъ, лѣто 1862 г.]

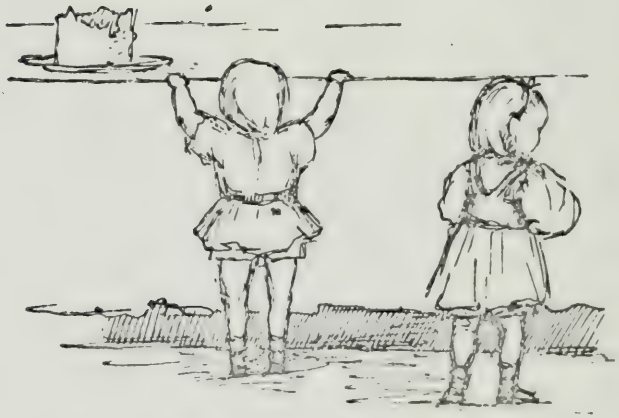
Читала я ваши письма и перечитывала—да, я уѣхала въ темномъ разположеньѣ—и никакъ не могла переломить его—мнѣ очень грустно и теперь—и какъ то тяжко какъ передъ бѣдой—но это внутреннее состояніе въ которомъ человѣкъ не воленъ, я принимаю тобою протянутую руку и жду дѣтей и хочу чтобъ имъ было хорошо—и надѣюсь—но все внутри есть страхъ за мою необдуманность—

—Дѣтьми я не очень довольна, т. е. своими, Лиза купается очень храбро, но все еще часто плачитъ безъ причины, а главное ничѣмъ не хочетъ заниматься—на дняхъ будетъ два мѣсяца ея испугу, а что сдѣлалось съ нервами въ это короткое время—У маленькихъ дѣтей режутся зубы и отъ этого, Леля капризничаетъ, а мальчикъ и мочится и все остальное дѣлаетъ походя, это невыносимо—и ничего не помогаетъ—

Вчера я такъ струсила, что чуть не выписала кого нибудь изъ васъ, Леля шла на верхъ съ Лизой я стояла на лѣсницѣ и смотрѣла—вдругъ у нея упалъ мячикъ изъ рукъ и она сразу за нимъ скотилась, ступень десять будетъ, къ счастью на ней было пальто и бѣлая шляпа съ воротникомъ, вообрази что она плакала не объ ушибѣ а только объ мячикѣ и какъ скоро ей дали, она успокоилась тутъ же и увѣряла что ничего не ушибла, однако ночью она много плакала и жаловалась что вездѣ больно, и тяжело спала—я признаюсь ждала утра съ лихорадочной дрожью, но кажется все прошло бла-



I want some cheese. Give some cheese



Give me a big cheese.

гополучно—а Лиза бѣдная такъ испугалась что вмѣсто того чтобъ поднять её, бросилась на верхъ крича: Мама, мама, Леля—

Погода здѣсь такъ себѣ—очень часто шелъ дождь, и не такъ то тепло.—Лиза зябнетъ да и я тоже—Я взяла билеты для купанья 6 для себя и 12 для дѣтей—Вотъ какъ разположились, Ог. поставили кровать внизу—на верху въ салонѣ я думаю ты будешь работать, возлѣ дѣти Тата и Ольга—[далѣе набросанъ планъ верхняго этажа—расположеніе комнатъ] ты понимаешь что я не могла занять для дневной дѣтской комнату возлѣ Мейз.—а ночью они очень тихи, только плачутъ по утру за одѣваньемъ.

Кажется домъ ничего, всѣмъ будетъ довольно мѣста—но не знаю какъ тебѣ понравится садъ, тутъ ходятъ больше по воскресеньямъ—и мужщины лежатъ на травѣ какъ въ паркѣ—

Ну прощай—крѣпко жму вамъ обоимъ руки—и буду ждать когда напишите—а Черн. то ненужно было брать безъ нея, я бы прожила недѣлю въ лодж. это было 3 ф. экономіи а потомъ выбрала бы домъ на досугѣ—неужели нѣтъ въ Born. другаго агента?—

Ну еще разъ прощайте и пріѣзжайте съ свѣтлыми лицами и мы постараемся также васъ встрѣтить—

Лиза была ужасно рада твоему письму и собиралась отвѣчать, но все не собралась, а письмо пора бросить на почту—

Твое письмо пришло сегодня въ девять.

115.

Н. А. Огарева — Н. П. Огареву.

Teddington
1 марта [1864 г.]

Наконецъ то сажусь писать къ тебѣ—у насъ тихо, но внутри чувствуется какая то грусть, какое-то недоумѣнье и въ частномъ и въ общемъ—а между тѣмъ чувствуя это, нужнѣе сжаться въ одну кучку съ полной взаимной любовью и вѣрой—думай, думай больше объ Гер.—ты былъ единственное, и самое близкое существо которое, какъ онъ мнѣ говаривалъ тысячу разъ, не дало ему ни единой, дурной минуты—помни это, Огаревъ, береги его—еслибъ N. была жива и она бы тебѣ сказала тоже и тѣмъ болѣе что и она принесла

Les petits diables sont des anges. —

aperçoivent
Les petits anges
N. et deviennent de nouveau
des petits diables.
Natalie cherche ses
petits diables.
Thomson
Simpleton Esq.

ему много горя, а я, обо мнѣ нечего и говорить, я можетъ принесла *только* горе—остаешся ты одинъ—какъ тяжело было бы обоимъ, еслибъ остатокъ жизни, а мы ужъ на другой сторонѣ, вамъ пришлось бы не такъ идти рука объ руку какъ прежде—можетъ я преувиличиваю, Огаревъ, ты не сердись на меня, но мнѣ кажется что съ отъѣзда Г. въ Италію все что-то не клеится—можетъ ты дѣйствовалъ немного подъ вліяніемъ раздраженныхъ виномъ нервовъ—Во всякомъ случаѣ я говорю тебѣ это, потому что вашъ союзъ необходимѣе всего въ мірѣ—Г. болѣе страдаетъ чѣмъ онъ это показываетъ, онъ страдаетъ всячески и за ваше отношенье и за твое здоровье—со мной онъ много объ немъ говоритъ, вся его надежда на эту поѣздку—тебѣ нужно окрѣпнуть физически и морально, безъ тебя не можетъ быть истиннаго примиренья и семьи—будемъ же всѣ работать—я это хочу со всей силой—

Г. тебѣ писалъ объ проектѣ послать Госуд. письмо по случаю смерти Пав. А.[1] что ты думаешъ объ этомъ? если да, то надо спѣшить: куй железо пока горячо—бѣдный папа, я за него страшно боюсь, до сихъ поръ нѣтъ ни строки изъ Яхонт.

Ты вѣрно видѣлъ какъ Станс. травили въ парламентѣ, это не совсѣмъ успокоительно, Мац. не въ Л.

Ну прощай цалую тебя

твоя N.

Пришла книги для Н. но я не знаю адреса—

116.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

[Послѣ смерти близнецовъ, декабрь 1864 г. н. ст.]

Мнѣ страшно Герценъ, я не могу примириться съ ея смертью, не могу забыть что *я* убила её, я жажду мщенія, наказанья, конца—Мнѣ хотѣлось бы идти босикомъ, съ веревкой на шеи, мнѣ хотѣлось бы чтобъ толпа кричала мнѣ: убица, убица—хотѣлось бы такъ дойдти до эшафота, взойдти на него спокойной поступью, крѣпко пожать руку палача избавителя, положить голову—

[1] [П. А. Тучковъ, дядя Н. А-ны, ум. 21 января 1864 г.]

Тогда я буду счастлива и покойна, помоги мнѣ, научи какъ дойдти до этого конца. Вѣдь ты дивился что бѣднаго Грабе товарищи не покончили, когда они видили что онъ не излечимъ и въ страшныхъ мученіяхъ—давай думать какъ устроить дѣтей, и когда это будетъ сдѣлано, если ты мнѣ не поможешь, то ты и мѣшать не можешь.

Дай твою руку и прощай.

117.

Н. А. Огарева — А. А. Тучкову.

21 Д. 1864.
Hotel Nevet.
Montpelier.

Дорогой другъ папа,

Не безпокойтесь за меня—Я жива и Лиза тоже—изъ моей дорогой семьи никого болѣе не уцѣлѣло—оба оставили меня навсегда—какъ это тяжко—не умѣю вамъ сказать, жизнь разтворенный ядъ—

Говорятъ что надо жить для Лизы, не знаю право такъ ли это, на что я ей—Я не съумѣла ихъ сберечь, можетъ и ей только будетъ вредъ отъ меня—я боюсь себя, дорогой папа—

Обнимите крѣпко maman, пусть она не плачетъ, я не стою ея слезъ—вѣрьте, все заслуженно

Ваша Натали

Перешлите это письмо тетенькѣ Мар. Алек. не знаю ея адреса.

Бѣдные, бѣдные вы оба, я вамъ только горе шлю и издали—простите меня—

118.

Н. А. Огарева — А. И. Герцену.

28 [т. е. 28 дек. 1864]
Hotel Nevet
Montpelier.

Вчера было солнце, мы гуляли съ Лизой, но не смотря на мячикъ и на дѣтей графини которые съ ней играли, Лиза не играла, жалась ко мнѣ и все просилась домой—она потресена по своему—

вечеромъ пришелъ Gault. говорилъ много—оттого Лиза заснула въ одинадцатомъ часу, а встала рано—

Обо мнѣ не спрашивай, каждый день, каждая ночь какъ будто несутъ свою тяжесть чтобъ прибавить къ остальнымъ—нечего мнѣ жаловаться на судьбу—я сама судьба—Дай мнѣ твою руку—крѣпко, крѣпко. Крѣпись, не думай слишкомъ много объ насъ, съ нами ничего не случится.

Твоя N.

Лиза сама къ тебѣ пишетъ—Поклонись Фогту, напомни ему разговоръ въ Тед. объ кру.—Смотрю на Татинъ альбомъ, и не вѣрится—что̀ сонъ—то что они были со мной три года—или это страшный сонъ—иногда кажется дверь отворится и вбѣгутъ они, и бросится ко мнѣ мое дитя: Darling мама, I like you so mutch.

119.

Н. А. Огарева — А. А. Тучкову.

29 Д. 64.
Hotel Nevet
Montpelier.

Дорогой другъ папа,

Простите что не писала—Теперь вы знаете второе несчастіе—мальчика нѣтъ на свѣтѣ—одна Лиза и та спасена чудомъ—потомъ насъ выгнали изъ Парижа чтобъ она не занемогла. Я здорова—сильна—Первый ударъ былъ такъ силенъ, что можетъ я менѣе чувствовала второй, не знаю—право, въ эту страшную минуту я ждала все дурное; ахъ, еслибъ вы её видѣли, вы бы поняли что эта потеря сверхъ силъ человѣческихъ—

Неужели вы пріѣдете, мнѣ ужъ не вѣрится—вамъ не нужно ѣхать въ Парижъ, изъ Лиона въ Montpelier прямо. Здѣсь я буду мѣсяцъ—потомъ можетъ приближусь къ Ниццѣ, гдѣ будутъ жить мои бѣдные, убитые мной самой—какъ это тяжко—Ем. была со мной, Ог. пріѣхалъ когда Лели ужъ не было въ домѣ—

Хочется устроить Лизу, а жить, ахъ, папа, другъ мой, это такая пытка. Обнимаю Елену, я знала какъ она примитъ мое горе, бѣдная maman крѣпко жмусь къ вамъ—да, я думала объ васъ и объ

вашемъ горѣ—Она тоже была какъ сестра—головой выше всего земнаго—Лиза не замѣнитъ её—никто—

Крѣпко обнимаю васъ всѣхъ, не тревожтись обо мнѣ, смерть отвернулась отъ меня, да это правда, умереть было бы вовсе не наказанье, а жить—а Лиза, ахъ, да что же я за мать когда я ихъ не сберегла—я мачиха—о, но за то я наказана—память—совѣсть ломаютъ сердце день и ночь—

Вотъ взмъ ея портретъ послѣ смерти, послѣ пришлю maman и Еленѣ, а теперь больше нѣтъ, смотрите какая красавица—боже, боже я заслужила—

120.

Е. А. Сатина — родителямъ.

20. воскресенiе

Cher papa et chère maman, нынче по утру пріѣхалъ Сатинъ; съ этой стороны успокоилась!—Но Натали, бѣдная Натали, еще несчастіе, вчера получила письмо, мальчикъ пошелъ за сестрою, 3 Дек. её не стало, 11 его; что она вынесла, это непостижимо;—болезнь такъ заразительна, что она, чтобы спасти Лизу, должна была невидѣть Лёлю boy; она не могла ухаживать за нимъ, не могла проститься съ нимъ живымъ, не могла проститься съ нимъ послѣ смерти!—Какъ еще она жива, откуда хватило силы перенести все.—Я не могу разстаться съ её письмомъ, она пишетъ напиши сама папа и maman, скажи имъ что тѣломъ я крѣпка, слишкомъ крѣпка!--Скажи чтобы онѣ не боялись за меня;—на другой день кончины Лёлѣ boy (который скончался 29 Нояб.)—это было воскресенiе!—на другой день въ понедельникъ Natalie съ Лизою бѣжали изъ Парижа въ Montpelier, доктора умоляли её уѣхать, говоря что жизнь Лизы въ опасности въ Парижѣ.—Граф. Саліасъ проводила её до Дижона, переначивала съ нею и воротилась въ Парижъ,—Natalie же съ Лизою, одна продолжала путь въ Montpelier;—первой день въ Montpel. прошелъ себѣ такъ, но въ ночь у Лизѣ сдѣлался жаръ;—Натали телеграфировала въ Парижъ, Ем. и Мари сей-часъ-же прискакали.—Лизѣ стало лучше, горло болело но не такъ страшно какъ у другихъ.—Натали пишетъ неделю послѣ кончины Лёлѣ boy и на пятый день какъ Лиза занемогла, ей было уже лучше!—Но все же страшно за неё,

это одна нитка которая привязываетъ её къ жизни, и если и эта послѣднія нитка оборвется, то все кончено для Натали, хоть живой въ гробъ лечь!—Боже, боже какъ страшно.—За мальчикомъ ходила Мари все время, Ог. Ем. и еще какой-то другъ;—но болезнь считается такою заразительною что даже они всѣ боялись ходить въ hôtel гдѣ жила Натали, и она изрѣдка имѣла извѣстіе о немъ.—Вы поимете все что она перенесла несчастная Натали!—Что-то будетъ съ будущей почтою.—

Что папа дѣла?—Боже и съ этой стороны скверно, хоть бы дѣла уладились. Вотъ теперь надо вмѣстѣ переговорить съ Сатиномъ, авось-ли что придумаемъ.—

Сахаръ поставили въ теплую комнату.

Прощайте, крѣпко васъ обнимаю обоихъ.

Вся ваша
Е. Сатина.

[Дальше рукою Н. М. Сатина:]

Вотъ и я возвротился благополучно, дорогой Алексѣй Алексѣевичь и Наталья Апполоновна! Но не благополучно нашелъ Елену: страшное горе Натали убиваетъ ее какъ свое собственное. Что если и Лиза послѣдуетъ за маленькими! А она уже больна, хотя ей и лучше! Ни Натали, ни Огаревъ не перенесутъ этого, да и за Елену я боюсь! Страшно и подумать!

Увѣдомьте пріѣдете ли Вы къ намъ 26-го? Всё лучше погоревать вмѣстѣ. Если-же нѣтъ, то я пріѣду къ Вамъ. И такъ, до скораго свиданья! Обнимаю Васъ обоихъ.—

Особенныхъ новостей нѣтъ; дѣла по прежнему скверны!

Весь Вашъ
20 Дек. [ст. ст.] Н. Сатинъ.

121.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

1 Янв. 1865.

Вотъ тебѣ письмо отъ Мейз. новаго ничего—мы живы—вчера concierge принесла Лизи конфекты отъ M-lle Dupré—сегодня Адольфъ вошелъ съ букетомъ для Лизы—всѣ хотятъ сдѣлать ей праздникъ—

вчера дама какая-то прислала свою дѣвочку играть съ Лизой--дѣвочкѣ этой *3 года*—Щѣмило сердце глядя на нея, но Лиза обрадовалась—это сходство возраста её страшно обрадовало—она чуть не разплакалась когда та ушла и ни съ кѣмъ болѣе не хочетъ играть—

Вчера она вдругъ говоритъ: Смерть лучше жизни, а не родиться еще лучше—страшно это въ дѣтскомъ ротикѣ.

Ну прощай—крѣпко жму твою руку--обними за меня Сашу—крѣплюсь—но тяжело быть разбросаннымъ въ такое страшное время—хотѣлось бы Лизу окружить близкими—хотѣлось бы вдоволь погрустить и уйдти—

Когда же мы всѣ будемъ вмѣстѣ, мнѣ пора—пора—

M-me Salias не отвѣчала, если будешь писать къ ней скажи что я писала и спроси нѣтъ ли у нея Лизиныхъ двухъ книгъ англицкой и франц.

122.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

4 J. 1865 Hotel Nevet
Montpellier.

Отъ Ог. письмо наконецъ и отъ Тхор. трогательное.—Я стараюсь беречь Лизу, минутами она очень весела—но иногда головка ея работаетъ слишкомъ много, тогда она садится на мои колѣни:

Мама, зачѣмъ въ мірѣ такъ много дурнаго, горе, болѣзни, смерть—и все въ этомъ родѣ—Зачѣмъ ты не хочешь отравиться со мной, это лучше чѣмъ меня оставить, я все таки не буду жить безъ тебя—

Будь остороженъ на счетъ гувернанты я мало надѣюсь на Бернъ—тамъ совсѣмъ не тѣ люди что намъ надо—

Слажу или нѣтъ съ жизней, все таки я все Татѣ отдала Лизу—не лучше ли съ ней посовѣтываться—я жду съ нетерпѣньемъ ея отвѣта—

На счетъ Флор. ничего не знаю—надо же дѣтей увезти изъ Парижа--мнѣ больно ѣхать такъ далеко отъ нихъ, что бы я хотѣла, это въ самомъ скоромъ срокѣ соединиться всѣ въ одну семью—не бойся меня, Герценъ, я съ каждымъ днемъ менѣе понимаю земныя радости и печали, я ужъ чужая—а любви ко всѣмъ бездна и передъ смертью хотѣлось бы ей окружить все что я должна была любить

всю жизнь—и такъ мнѣ хотѣлось бы посмотрѣть на всѣхъ и на Лизу, я думаю ея нервная любовь ко мнѣ успокоится и тогда я буду свободна—еслибъ была малейшая опасность для нея въ моемъ освобожденьѣ, я бы стала ждать—но кто меня хоть каплю любитъ долженъ работать для моего освобожденья—я не преувеличиваю, эта пытка сверхъ силъ—меня поддерживаетъ только мысль что она не можетъ долго продолжиться, вотъ почѣму не хотѣлось бы терять слишкомъ много времени—кто знаетъ кто изъ насъ уже въ дорогѣ подумай объ этомъ, бѣдный, жаль мнѣ тебя, но вѣдь лучше предвидѣть и дѣйствовать разумомъ—

123.

Н. А. Огарева — А. И. Герцену.

1 ф. 1865. Hotel Nevet.

Я все продолжаю перебирать бумаги, вотъ отрывокъ, посылаю тебѣ, видишь какъ иногда я ясно понимала себя—боже, какъ я была виновата—какъ я вамъ всѣмъ портила жизнь, о себѣ не говорю—это было заслужено—Живая или мертвая, Леля должна была меня спасти, не даромъ ты звалъ её конщуелой—только еслибъ я очнулась при ней, какое счастье ждало меня—а теперь дай мнѣ стать во весь ростъ, дай мнѣ твою руку, я знаю что была и ея и руки Огарева недостойна, но я буду достойна—собирайтесь, друзья, мнѣ хочется чтобъ вы всѣ были около меня, хочу чтобъ преображенье мое было на землѣ, хочу окруженная мною страстно любимыми но мученными существами нести мой крестъ медленно если вамъ хочется дольше видѣть меня—Лелино отсутствіе, Лелино мученье одни торопятъ меня, а то бы мнѣ хотѣлось видѣть новую жизнь нашу, гдѣ только будутъ печаль и любовь.

Прощай, больше писать не хочу.

Твоя Натали.

Больно, но цѣлебно возвращаться на прошлое—ни однаго лоскута не оставлю гдѣ есть жалоба на меня.

Не можешь ли прислать нѣсколько Лизиныхъ портретовъ, мнѣ бы нужно—

Отъ Тхорж. славное письмо—онъ отказывается пока можетъ жить трудомъ.

Не присылай ключа, я сдѣлала ключъ на свой счетъ.

Вчера была буря, пожалуйста не ѣздей въ бурю на пороходѣ—

Медаліонъ мальчика вышелъ гораздо лучше Lele.—Онъ очень старается—Купи Лизи и Ольги медальоны, не очень дорогіе, если можно бы черненные—не меньше этого—особенно для Лизы надо по больше, а Татѣ надо какъ мнѣ—Мейз. мнѣ [мы] купимъ въ Швейцаріи—

Ну прощай—

124.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

5 ф. 1865 г. Hotel Nevet
Montpellier.

Перечитываю адресъ дворянъ и не понимаю, нѣтъ, онъ написанъ не аристократически „en remplaçant les droits séparés de quelques unes de ses parties par des droits communs à tous„—кто же этотъ Голохвастовъ?

Ты видишь что я читаю что до Россіи касается—ты не отвѣчалъ на письмо объ щелѣ которая разкрывается въ Одессѣ—

Мнѣ хотѣлось бы чтобъ ты скорѣй попалъ въ Англію, потому что по всѣму видно что тебѣ придется опять провезти недѣлю въ П. на обратномъ пути—Здѣсь цѣлую недѣлю погода была очень дурна—разъ даже Лиза пріѣхала изъ азиля—сегодня, воскресенье Лиза дома—на дворѣ свѣжо и солнца нѣтъ—Когда Лиза дома, я не знаю что дѣлать, тяжело на нея смотрѣть, трудно переламывать внутреннюю боль, а когда её нѣтъ, я такъ страдаю что хожу, хожу какъ сумашедшая по комнатѣ, все что-то хочется воротить—читать совсѣмъ не хочется—въ добавокъ вечеромъ почти ничего не вижу, глаза болятъ—слабы—

Съ каждымъ днемъ отсутствіе ея больнѣе, очевиднѣе—и его, какъ ея спутника—о, я много объ немъ думаю тоже, и это не натянуто—въ моемъ безвыходномъ положеньѣ должно быть очень хорошо быть сосланной на каторгу—чувствовать мѣдвежью лапу которая тебя гнетъ въ бараній рогъ, мститъ каждую минуту—

Хоть бы что нибудь болѣло у меня—но у меня ничего не болитъ, когда сердце болитъ это только бываетъ отъ избытка внутренней боли и думы—

Что мнѣ дѣлать? Да и ты не скажешь, никто не скажетъ—бѣдная Лиза, жаль мнѣ её, но не привязываюсь я къ жизни даже изъ любви къ ней—

—Она становится странный философъ—недавно я читаю ей Berang. là-bas, là-bas—„Смѣшно, говоритъ, счастье, за счастьемъ бѣгать, какъ будто есть счастье, когда живешь.—Не знаю хорошо ли я сдѣлала, но видя что привычка эгоизма и грубости очень глубока въ Лизи, я ей сказала разъ: „Лиза, тѣ которыя умираютъ не возвращаются никогда—но мы тоже умремъ когда нибудь. Есть люди которые думаютъ что умершіе на небѣ, въ этихъ звѣздочкахъ живутъ и что если мы будемъ очень, очень добрые, ничего дурнаго не сдѣлаемъ, то можетъ мы будемъ тамъ вмѣстѣ—тогда мы будемъ счастливы—Лиза плакала и обѣщала—но ты не бойся, я не буду часто ей раздражать нервы—мнѣ хочется только чтобъ она сдѣлалась хорошимъ человѣкомъ—

Ну прощай, Ог. не писалъ съ тѣхъ поръ какъ я переслала тебѣ его записку къ Левиц.—Лиза все думаетъ о тебѣ, она отсутствіе понимаетъ лучше чѣмъ отъѣздъ—

Вотъ нѣсколько словъ отъ Ог. ему лучше—Завтра недѣля что ты уѣхалъ. За листки присланныя тобой съ кладбища обнимаю тебя—Не живется мнѣ безъ Лели, гдѣ она, неужели она не чувствуетъ да, не знаетъ какъ жизнь превратилась въ ядъ съ ея уходомъ—ахъ, Герценъ, какъ безпощадно её взять, а меня оставить—

На Тату я не сержусь, но больно что она разсѣянно отвѣчаетъ на письма съ болью вырванныя изъ сердца—

И Мартинсъ, буржуа—ему только хочется чтобъ имъ было легче дышать, а внизу, все равно.

Шарикъ боленъ, плохо ѣстъ—пожалуй будетъ Лизи горе—

Присылайте Колоколъ, теска Весаріона берется черезъ Турц. доставлять въ Одессу, а на счетъ книгъ справится—

Не знаю поймешь ли ты меня—мнѣ надо какое нибудь дѣло, какъ въ *heart labor* чтобъ въ спину такъ талкало что надо идти, идти до упада—читать зависитъ отъ моей воли, не хочется, не читаю—а можетъ это все вздоръ.

Было письмо изъ Р. говорятъ что С. поѣхалъ въ Пензу и оттуда вышлетъ деньги.

125.

С. Тхоржевскій—Н. А. Огаревой.

20 February 1865.
1. Macclerfield Street Soho.

Почтеннѣйшая
Наталія Алексѣевна

Посылаю Вамъ по почтѣ Колокола № 46, 47, 48, 49, 50 и № 8 Подъ Судъ которыхъ недоставало и едва нѣсколько номеровъ я нашелъ у Трюбнера—Александръ Ивановичь Вамъ переслалъ полный счетъ а теперь если кто нибудь будетъ платить то нужно прибавить 2 шил: и 6 пенсовъ—если есть господа требующіе еще полныхъ коллекцій Колокола, то я могу имъ доставить еще только нѣсколько и книгъ тоже, особенно изданій за послѣдніе годы.—

Съ великой радостью для себя, долженъ Вамъ донести Добрѣйшая Наталія Алексѣевна что наконецъ серьезно рѣшено что и я переѣзжаю въ Женеву и то кажется очень скоро—и если Николай Платоновичь не уѣдетъ раньше то я съ нимъ пріѣду—еще не знаю что буду дѣлать—но искренно Вамъ говорю что мысль объ этомъ что я опять буду бывать въ Вашемъ домѣ, что не одинъ останусь въ Лондонѣ, прибавила мнѣ много здоровья.—

Милліонъ разъ благодарю Васъ за счастіе, которое по Вашему желанію наступило для меня.—

Недѣля прошла отъ пріѣзда Александра Ивановича—я нѣсколько разъ уже Его видѣлъ—живетъ вмѣстѣ съ Николаемъ Платоновичемъ, но кажется пріѣдетъ и въ Лондонъ для окончанія своихъ дѣлъ—Здоровье Н. П. по старому но теперь сталъ весѣлѣе и по немножку собирается въ дорогу.—

Лизки портретъ получилъ очень хорошъ—растетъ шибко какъ видно и учится по словамъ А. И. хорошо — вотъ видите Наталія Алексѣевна прійдетъ время и будете гордиться Вашей Лизкой.—

Жму ей ручки а Вамъ душевно желаю спокойствія и самого лучшаго здоровья и остаюсь какъ всегда съ

великимъ почтеніемъ
Вашъ искренній другъ
С. Тхоржевскій.

126.

А. А. Тучковъ—Е. А. Сатиной.

$\frac{2 \text{ Avril}}{14 \text{ Av.}}$ 1865.

Montpellier
Vendredi. Hôtel Nevet.

Chère Helène. Je suis ici depuis deux jours—Je suis arrivé le 31 Mars ou le 12 avril n. s.—J'ai fais savoir à Nath. à Cannes que j'étais ici—et demandais où faut-il que j'aille.—Réponse le même soir (12 av.) attendez demain vs recevrez une lettre. Je viens de recevoir cette lettre un jour plus tard qu'on ne promettait, car le même jour 12. Nath. est allée voir la tombe de ses pauvres enfans, déjà enterrés. Comme ce n'est qu'à 1. heure de distance par le chemin de fer de Cannes elle doit être aujourd'huit de retour à Cannes, et demain matin ou dans la journée elle va à Marseille—Elle arrivera dans cette ville à 9 h. 20 m. du soir et moi je pars demain à 11 heures de l'avant midi pour arriver à Marseille à 4 heures après midi. Donc Samedi ns ns embrassons. Lise, dit Nathalie dans sa lettre saute de joie et chante de plaisir de me voir.—De là ns allons ensemble à Genève où se trouve son mari, qui se porte très bien, ainsi comme on m'assure Nath. et Lise. Dieu soit loué. Tout va bien—Nath. dit-on a beaucoup repris—Je ne sais si cette secousse de l'enterrement n'a pas encore eû de l'influence sur la santé de Nath, mais une autre lettre d'aujourd'huit me dit qu'elle se porte très bien.

Je Vs embrasse tous, tous. de tout mon coeur. Je suis très pressé pour envoyer cette lettre et une autre à maman.

Je dois faire encore une visite à Madame Marès, qui a eû tant de bonté pour Nathalie. Je suis enchanté du D-r Costo. Quel excellent homme.

Adieu—J'écrirais de Genève.

Ton ami et ton père

Al. T.

J'embrasse Satine, les enfans et tout le monde. Je pleure de joie de revoir Nathalie.

[Переводъ.]

Милая Елена,

Я здѣсь третій день—я пріѣхалъ 31 марта или 12 апрѣля н. ст. Я далъ знать Наташѣ въ Каннъ о своемъ прибытіи и спрашивалъ, куда мнѣ ѣхать. Отвѣтъ пришелъ въ тотъ же вечеръ (12 апр.): ждите, завтра получите письмо. Это письмо я получилъ только-что, съ опозданіемъ на день, потому что въ тотъ же день, 12-го, Наташа ѣздила на могилу своихъ бѣдныхъ дѣтей, уже похороненныхъ. Такъ какъ туда отъ Канна—всего часъ ѣзды по желѣзной дорогѣ, то она сегодня должна вернуться въ Каннъ, и завтра утромъ или днемъ поѣдетъ въ Марсель, куда пріѣдетъ въ 9 ч. 20 мин. вечера, я же ѣду завтра въ 11 утра, чтобы прибыть въ Марсель въ 4 ч. дня. Итакъ, въ субботу мы обнимемъ другъ друга. Наташа пишетъ въ своемъ письмѣ, что Лиза прыгаетъ и поетъ отъ радости, что увидитъ меня. Оттуда мы вмѣстѣ поѣдемъ въ Женеву, гдѣ находится ея мужъ. Онъ вполнѣ здоровъ; Наташа и Лиза, какъ меня увѣряютъ, тоже здоровы. Слава Богу, все идетъ хорошо. Наташа, говорятъ, очень поправилась. Не знаю, какъ отразилось на ея здоровьѣ потрясеніе похоронъ, но полученное мною сегодня второе письмо сообщаетъ, что она здорова.

Обнимаю васъ всѣхъ, всѣхъ отъ всего сердца. Очень спѣшу отправить это письмо и другое мамá. Мнѣ надо еще побывать у г-жи Марэсъ, оказавшей такое участіе Наташѣ. Я въ восторгѣ отъ д-ра Косто. Прекраснѣйшій человѣкъ.

До свиданія. Напишу изъ Женевы.

Твой другъ и отецъ

Ал. Т.

Обнимаю Сатина, дѣтей и всѣхъ остальныхъ. Плачу отъ радости, что увижу Наташу.

127.

Н. А. Огарева — А. И. Герцену.

2 сент. 65 года
Boissière

Скажи мнѣ Герценъ что ты хочешь, я не понимаю тебя—

Женщина которая любила тебя (ты въ этомъ не сомнѣвался) умоляла тебя сдѣлать то что считала нужнымъ и для Лизы и для того

чтобъ современемъ честно разкрыть жизнь нашу передъ старшими—иначе уваженіе и можетъ любовь *за тебя* не могутъ вернуться—Ты не могъ принять этого—я не возражаю болѣе—Дай же мнѣ идти спокойно по другой дорогѣ—здѣсь жизнь невозможна, для Лизы раздоръ и холодъ вредны—для меня, она всегда была страшно тяжела, но ея шероховатости смегчало присутствіе дѣтей—теперь когда я одна съ моими воспоминаньями, ложь къ окружающимъ, фальшивое положенье, твоя необходимая даль, твоя официальная холодность мнѣ слишкомъ тягостны, я чувствую что не соберу здѣсь силъ даже для Лизы. Ты принялъ мое рѣшеніе—оно мнѣ дорого стоитъ, я тебя любила какъ могла—разрывъ съ тобой мнѣ мучителенъ—ты хочешь его длить—зачѣмъ? что тебѣ въ моихъ страданіяхъ?—Ты говоришь Лизи (при Тхор.) съ упрекомъ: Тебя увозятъ отъ насъ. Это дурно, Герценъ—Лиза можетъ сдѣлаться фальшивой между нами, дадимъ руку другъ другу чтобъ её сберечь, а не губить—не будемъ смотрѣть на нея какъ на игрушку—Я должна ѣхать, ты на отъѣздъ мой легко согласился, я повторяю: вы можете видѣть Лизу, т. е. ты и Огаревъ когда хотите, какъ бы это мнѣ не было тягостно—я бы желала пожить одна хоть короткое время, чтобъ прійдти въ себя, сладить на столько съ собой чтобъ начать работать болѣе серьезно и на столько чтобъ переработать въ себѣ прошлое, и наложить на все печать которую ужъ не буду срывать—Но это только мое желаніе—Рѣшеніе мое отрѣшаетъ меня отъ всего за исключеніемъ Лизы, я прошу тебя, имѣй доблесть уважать чужую муку и не разстравлять её—Зачѣмъ эти разговоры—буду ли я пріѣзжать въ Ж.?—Зачѣмъ мнѣ пріѣзжать? Еслибъ намъ было хорошо, мы бы жили вмѣстѣ—мы никого не обманемъ—а мнѣ лично конечно чѣмъ рѣже буду въ Ж. тѣмъ лучше будетъ. Я не могу принять нашъ разрывъ такъ легко какъ ты, мнѣ больно смотрѣть на тѣ черты которые въ страшную минуту сливались съ другими—и знать что ты не утрешь ни одной слезы—нѣтъ больше—что ты упрекнешь меня любовью къ тебѣ—Чтобъ унизить меня твоя злоба унизила мое прошедшее, всю мою жизнь—въ дребезги безумной рукой разбилъ ты то чувство которое еще сильнѣе возрадилось въ страшный часъ для обоихъ. Надъ твоими словами я стояла ошеломленная—Послѣдній мостъ рухнулся—Герценъ, дай свободно говорить, мы ничего не можемъ возвратить, но ты можешь понять какъ ужасно мнѣ въ жизни,—и пожалѣть меня—т. е. дать зажить временемъ, Лизой тѣмъ ранамъ которыя ты нанесъ и которыхъ ты

ужъ не можешь залечить.—Я отъ тебя прошу только послѣдовательности, послѣ нашего разговора, ты только одно можешь сдѣлать, нарушать какъ можно меньше мой внутренній міръ — не раздражать его ни упреками, ни намёками, если не можешь забыть прошлаго, я умоляю тебя тѣмъ что насъ такъ тѣсно сблизило, не поминать о немъ—Я стала внутренно раздражительна, я стара, Герценъ, я хочу сама себя уважать, дай же мнѣ слово даже во всемъ наружномъ быть осторожнымъ — я готова даже ты перемѣтить на вы — чтобъ смягчить нашу угловатость—фамильярность безъ близости оскорбленіе. Остатокъ жизни мы проведемъ въ внутренней дали, я искренно тебѣ говорю, я не вѣрю въ твою любовь и не желаю никакихъ сближеній, но я бы хотѣла чтобъ за прошлое мы воспитали другъ къ другу уваженіе—Еслибъ ты могъ на досугѣ обдумать мою жизнь, можетъ ты бы увидалъ и прошлое въ совсѣмъ другомъ свѣтѣ—я признаюсь тебѣ еслибъ думала какъ ты, не пережила бы этого—а еслибъ думала о тебѣ это, то не носила бы это десять лѣтъ въ сердцѣ, чтобъ бросить тебѣ это въ лицо въ минуту разлуки и послѣ 4 дек. 64 года.—Но мы во всемъ разно смотримъ—Мои обвиненьи только въ томъ на тебя, что ты не на столько любишь вторую семью чтобъ и её не выбросить—еслибъ у тебя былъ другъ, онъ бы тебѣ сказалъ что конечно можно скорѣе тѣхъ отпустить которые этого желаютъ, чѣмъ женщину въ горѣ которую *прежде* ты одинъ могъ бы на ноги поставить и ребенка за котораго она боится—Еслибъ у тебя въ семьѣ было одно горячее, любящее сердце, я бы Лизу вамъ оставила—не упрекайте же за то что я не могу её остазить, я съ жизнею покончила лично, не смѣйся, Герценъ, о я слишкомъ дорогой цѣной купила ненависть къ жизни, утратой мертвыхъ и живыхъ; можетъ при ней я вынесла твою потерю, да, да я вынесла бы—но одна за другой—будь же доволенъ, ни одна женщина не была такъ наказана—

Разъ ты меня упрекалъ что у меня слезы на глазахъ при постороннихъ—да, это правда—середь вздорнаго разговора, я вижу такія страшныя вещи (ты ихъ видѣлъ) что мнѣ хочется вскрикнуть—за обѣдомъ я беру кольцо и читаю двадцать разъ свое имя чтобъ сладить съ собой—это не легко—Еслибъ ты могъ видѣть мою боль—какъ иногда я стою съ мольбой на губахъ—хочу и не смѣю и не знаю—и вдругъ я съ ужасомъ руки поднимаю къ верху и прошу о пощадѣ, прошу чтобъ наказаніе мое длилось долго-долго—Ребенокъ вотъ боецъ противъ егоизма—Онъ меня заставляетъ выносить нево-

образимыя, невѣдомыя прежде муки—ты силенъ, притомъ жизнь наша неравна, у тебя твоя семья, Огаревъ, твоя дѣятельность—а у меня Лиза.

Дай же руку на отпущеніе обоюдныхъ грѣховъ въ прошедшемъ и на мирную, *загробную* жизнь въ дали другъ отъ друга.

128.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

[1865—1866 г.]

Пера нѣтъ, а хочется написать тебѣ нѣсколько словъ—Боже, почѣму же у насъ размоловки, разгадай какъ можетъ быть такая противуположность?—а еслибъ ты могъ подумать на сколько бы я была лучше, еслибъ чаще твой голосъ, твой взглядъ ласково относился ко мнѣ—Какъ Огаревъ попалъ на странную мысль которая иногда мелькала въ моей головѣ—послушай, ты плохо это время помнишь, мы жили на Трубѣ въ Терскомъ домѣ—ужъ M-elle Michel была съ нами, помню какъ теперь папа жилъ на верху, у него болѣло ухо и ты пріѣзжалъ читать ему Кто виноватъ—а я была едва ли такая какъ Ольга, папа много намъ о тебѣ разсказывалъ, и мы объ считали тебя чѣмъ то *особеннымъ* какъ Огарева. Помню какъ мы въ полукороткихъ платьяхъ, въ черномъ фартучкѣ, заслыша стукъ твоихъ дрожекъ, говорили, Ахъ, это Герценъ—вѣрно читать папа—И быстро бѣжали мы на верхъ, хоть знали что уйдемъ какъ ты взойдешь—но такъ что то влекло встрѣтиться глазами, сконфузится и убѣжать—

Ахъ, Герценъ, еслибъ тогда кто нибудь мнѣ шепнулъ: вотъ отецъ твоихъ дѣтей—какъ странно и страшно это.—

И потомъ я вспоминаю это дѣйствительно странное и чудное время въ Италіи, сказачное, невѣроятное теперь—Еслибъ ты зналъ какъ я тебя любила тогда, я бы тебя до безумія полюбила, но возлѣ стояла женщина которая мнѣ также дорога была, а она, она знала лучше меня что я тебя люблю, а мнѣ еще то мѣшало что я любила Огарева, умъ мой юный, мало мыслящій не могъ постичь этой тройной любви а она была всегда, съ тѣхъ поръ какъ я стала любить—

N. говорила въ Парижѣ не разъ: Когда меня не будетъ, живи съ Ал. ты любишь его, да и онъ тебя полюбитъ, вы похожи, можетъ за то я тебя такъ люблю—но я пугалась этихъ словъ, я отвѣчала шуткой, а думала: Да, я слишкомъ его люблю тоже; даже были дѣтскія проявленія что ты говорилъ врѣзывалось въ мозгъ навсегда, твои самыя ничтожныя записки хранились какъ кладъ; помню наше путешествіе изъ Рима въ Неаполь—оно мнѣ дорого повсѣму—Неужели ты забылъ какъ ты разбудилъ насъ чтобъ взглянуть на скалу и какъ тебѣ хотѣлось никого другого не будить, и это не вполнѣ удалось и ты съ досадой такъ комично сказалъ: Экія любознательныя какія—такъ что мы всѣ разсмѣялись—А я проснулась весело, я помню до сихъ поръ сонъ и пробужденье твоимъ голосомъ—такъ хорошо проснуться такъ что никогда не забудешь—Тебѣ было холодно, и я дала тебѣ свою шинель, Боже мой, какъ я берегла эту шинель—какъ я её любила, но все таки я подавляла это чувство, и еслибъ она была тутъ, я вѣрю что ты никогда бы этого не узналъ—N. говорила: Я больше похожа на Ог.—еслибъ я не любила Ал. я любила бы Огарева, и тогда мнѣ приходила странная мысль что мы какія то четыре звѣздочки и что какъ ихъ не сложи, все выходитъ хорошо—почѣму же это не осталось такъ до конца?—Я не хочу говорить о дурномъ, но вѣрь мнѣ искренно хотѣла бы чтобъ ты на меня смотрѣлъ дружески, хотѣлось бы устроить Лизу, много работать (помогай въ этомъ, придумывай работу) и все таки умереть поскорѣй, какъ скоро все будетъ налажено—мои воспоминанья не дадутъ мнѣ воскрѣснуть, только бы покоя и смерти—

129.

Н. А. Огарева—А. И. Герцену.

[1865 г.]

Пожалуйста пришли мнѣ письма М. ты забылъ отдать ихъ—они мнѣ нужны.

Во вторникъ Ольга будетъ съ вами, не лучше ли ждать чтобъ она сама просилась къ намъ, свиданье ничего не значитъ и ничего не поддержитъ—свиданье отъ души можетъ сблизить. Если она бу-

детъ просить насъ видѣть, надо бы её разпросить не пустое ли это желаніе, думаетъ ли она что она насъ любитъ—впрочемъ это только запросъ тебѣ, а ты можешь поступить какъ хочешь—

На счетъ Мейз. кажется нечего бояться, но еслибъ она сказала что хочетъ видѣть Лизу, ты можешь сказать что не думаешь чтобъ это было мнѣ пріятно, скажи ей: M-me O. сближаясь такъ съ вами хотѣла сблизить дѣтей и при вашей помощи поправить многое, она ошиблась въ васъ—самолюбіе и зависть потушили всякое человѣческое чувство въ васъ—она только увидитъ васъ когда вы захотите просить у нея прощенья за ваше странное повѣденіе съ ней, за вашу зависть разпространенную даже на несчастьѣ—тогда она все забудетъ и протянетъ вамъ руку.

Я думаю, ты смѣешся, думая: Вотъ еще, этого никогда не будетъ—Пусть—Я потеряла больше чѣмъ М. Я теряла живыхъ и мертвыхъ. На счетъ Таты я бы хотѣла нѣсколько мѣсяцевъ не видить её, чтобъ прежде устроиться, успокоиться—и тогда съ кротостью въ душѣ, съ примирившемся сердцемъ, опуская занавѣзь на прошлыя мученья, увидать её какъ дочь близкой мнѣ женщины. Отложимъ свиданье съ ней пока я не напишу къ тебѣ что готова её принять, что сердце успоконлось въ своемъ вѣчномъ страданьи, не ищетъ ничего въ внѣшнемъ мірѣ, спокойно смотритъ на былое и уже ничѣмъ не потресется—вотъ до чего мнѣ хочется дойдти поскорѣй—дойду ли я?—Мнѣ кажется.

Ну прощай, дай твою руку, желаю всѣмъ всего хорошаго и очень серьезно желаю—

Наталья.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 1

1. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. 20 марта 1838 г. 5
2. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. Середина 1840-хъ гг. 7
[Переводъ] 8
3. Н. П. Огаревъ—Н. и Е. Тучковымъ. 3 октября 1848 г. 9
[Переводъ] 10
4. Н. П. Огаревъ—Н. и Е. Тучковымъ 11
[Переводъ] 12
5. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой 12
[Переводъ] 14
6. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 7 декабря 1848 г. 15
[Переводъ] 18
7. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 11 декабря 1848 г. 22
[Переводъ.] 25
8. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 12 декабря 1848 г. 27
9. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 15 декабря 1848 г. 29
[Переводъ.] 33
10. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 20 декабря 1848 г. 36
[Переводъ.] 39
11. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 22 24 декабря 1848 г. 41
[Переводъ.] 47
12. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 24 декабря 1848 г. 53
[Переводъ.] 55
13. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 1—3 января 1849 г. 58
[Переводъ] 63
14. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 3 6 января 1849 г. 68
15. Н. П. Огаревъ—Н. А. Тучковой. 7 января 1849 г. 76
16. Н. П. Огаревъ Н. А. Тучковой. 9 января 1849 г. 78
17. Н. П. Огарева и Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ. 2 февраля 1849 г. . 81
18. А. Я. Панаева—М. Л. Огаревой. 3 августа 1848 г. 83
19. Н. А. Некрасовъ—М. Л. Огаревой 85
20. А. Я. Панаева и Н. А. Некрасовъ—М. Л. Огаревой. 15 марта 1849 г. . 85
21. Н. А. Тучкова—Герценамъ. Весна 1849 г. 87
22. Н. П. Огаревъ—Герценамъ 88
23. Н. А. Тучкова—Герценамъ 88
24. Н. А. Тучкова—Герценамъ 90

Стр.

25. Н. А. Тучкова—Герценамъ. Изъ Крыма 92
26. Договоръ И. М. Сатина съ Н. П. Огаревымъ. 24 іюня 1849 г. . . 93
27. А. Я. Панаева—М. Л. Огаревой. 19 іюля 1849 г. 95
28. И. И. Панаевъ—М. Л. Огаревой. 26 іюля 1849 г. 96
29. Н. А. Тучкова—Герценамъ 98
30. Н. А. Тучкова и Н. П. Огаревъ—Герценамъ. 24 августа 1849 г. . . 99
31. Н. П. Огаревъ—И. М. Сатину. 27 августа 1849 г. 100
32. Н. П. Огаревъ—И. М. Сатину. 31 августа 1849 г. 102
33. Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ 102
34. Н. П. Огаревъ—И. М. Сатину. 4 января 1850 г. 104
35. Изъ записной книги Н. А. Огаревой 105
36. Л. Дубельтъ—А. А. Тучкову. 29 апрѣля 1850 г. 111
37. Н. П. Огаревъ и Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ 112
38. И. М. Сатинъ—А. И. Герцену. 31 мая 1850 г. 113
39. Т. А. Астракова—Н. А. Тучковой. 5 іюля 1850 г. 114
40. А. Я Панаева—М. Л. Огаревой. 24 августа 1850 г. 117
41. А. А. Тучковъ—гр. А. Ѳ. Орлову. 28 августа 1850 г. 117
[Переводъ] 121
42. Гр. А. Ѳ. Орловъ—П. А. Тучкову. 29 ноября 1850 г. 125
43. Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ 126
44. Н. А. Тучкова—Н. А. Герценъ 127
45. Н. А. Тучкова—А. И. Герцену 128
46. Н. А. Тучкова—А. И. Герцену. 4 августа 1852 г. 129
47. Н. А. Тучкова—А. И. Герцену 129
48. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову 132
49. Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной 132
50. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. 14 ноября 1854 г. 133
51. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. 22 октября 1855 г. 139
52. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. 5 декабря 1855 г. 140
53. Изъ писемъ Н. А. Огаревой къ ея роднымъ. 26 ноября 1855 г. — 8 января 1856 г. 141
54. Неизвѣстный—Н. А. Огареву. 16 января 1856 г. 146
55. Я. Сабуровъ—Н. М. Сатину 147
56. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову и Н. М. Сатину. 21 марта 1856 г. . 147
57. Огаревы—Тучковымъ. 2 апрѣля 1856 г. 150
58. Огаревы—Тучковымъ. 18 апрѣля 1856 г. 151
59. Огаревы—Тучковымъ. 25 апрѣля 1856 г. 154
60. Н. П. Огаревъ—Н. М. Сатину 155
61. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. 6 іюля 1856 г. 156
62. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. 1 октября 1856 г. 157
63. Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной. 27 ноября 1856 г. 157
64. Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной. 1856—57 гг. 161
65. Н. А. Огарева—отцу 163
[Переводъ.] 164
66. Н. А. и Н. П. Огаревы—Н. М. Сатину 165
67. Дневникъ Н. А. Огаревой. Іюнь—августъ 1857 г. 167
68. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 4 сентября 1857 г. 185
69. Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной 186
70. Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной. 10 декабря 1857 г. 187

Стр.
71. Дневникъ Н. А. Огаревой. 1849 и 1857—1858 г. 188
72. Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной 191
73. Н. П. Огаревъ, „Бедламъ или День нашей жизни" 194
74. Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной 201
75. Нат. Аполл. Тучкова—А. А. Тучкову 201
[Переводъ] 203
76. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. Январь 1859 г. 203
77. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. 26 января н. ст. 1859 г. 205
78. Дневникъ Н. А. Огаревой. Іюль 1859—1861 г. 206
79. Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной 209
80. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену 210
81. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену 214
82. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену. Октябрь 1859 г. 216
83. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену 218
84. Н. А. Огарева—Е. А. Сатиной. 17 декабря н. ст. 1859 г. 220
85. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену. 1 января 1860 г. 222
86. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. Іюнь 1860 г. 222
87. Н. А. Огарева—Герцену и Огареву. Іюль—августъ 1860 г. 223
88. Н. П. Огаревъ—Н. А. Огаревой. 28 августа н. ст. 1860 г. 225
89. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену 228
90. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену. 29 августа н. ст. 1860 г. 230
91. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену. 31 августа н. ст. 1860 г. 232
92. Н. А. Огарева—Н. П. Огареву 234
93. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 7 сентября н. ст. 1860 г. 236
94. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 12 сентября н. ст. 1860 г. 237
95. Н. А. Огарева—А. И. Герцену 239
96. Н. А. Огарева—А. И. Герцену 240
97. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену. 19 сентября н. ст. 1860 г. 240
98. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену 247
99. Н. А. Огарева—А. И. Герцену 249
100. Н. А. Огарева—Н. П. Огареву 251
101. Н. А. Огарева—А. И. Герцену 252
102. Н. А. Огарева—А. И. Герцену 254
103. Н. А. Огарева—Н. П. Огареву 255
104. Н. А. Огарева—Н. П. Огареву 257
105. Н. А. Огарева—А. И. Герцену 258
106. Н. А. Огарева—А. И. Герцену 260
107. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 3 декабря н. ст. 1860 г. 261
108. Н. А. Огарева—Огареву и Герцену 262
109. Н. П. Огаревъ—А. И. Герцену 263
110. Н. А. Огарева—А. А. Тучкову. 2 августа н. ст. 1861 г. 266
111. Н. А. Огарева—Герцену и Огареву. Лѣто 1861 г. 269
112. Огаревы—Тучковымъ. Ноябрь 1861 г. 271
113. Н. П. Огаревъ—А. А. Тучкову. 1862 г. 272
114. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. Лѣто 1862 г. 273
115. Н. А. Огарева—Н. П. Огареву. 1 марта 1864 г. 276
116. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. Декабрь 1864 г. 278
117. Н. А. Огарева—А. А. Тучкову. 21 декабря н. ст. 1864 г. 279
118. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 28 декабря н. ст. 1864 г. 279

Стр.

119. Н. А. Огарева—А. А. Тучкову. 29 декабря н. ст. 1864 г. 280
120. Е. А. Сатина—родителямъ. 20 декабря ст. ст. 1864 г. 281
121. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 1 января н. ст. 1865 г. 282
122. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 4 января н. ст. 1865 г. 283
123. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 1 февраля н. ст. 1865 г. 284
124. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 5 февраля н. ст. 1865 г. 285
125. С. Тхоржевскій—Н. А. Огаревой. 20 февраля н. ст. 1865 г. 287
126. А. А. Тучковъ—Е. А. Сатиной. 2 апрѣля ст. ст. 1865 г. 288
[Переводъ] 289
127. Н. А. Огарева—А. И. Герцену. 2 сентября н. ст. 1865 г. 289
128. Н. А. Огарева—А. И. Герцену 292
129. Н. А. Огарева—А. И. Герцену 293

Рисунки перомъ изъ семейнаго альбома Герценовъ [1].

1. Н. П. Огаревъ, лѣтомъ 193
2. А. И. Герценъ 265
3—4. Лѣтомъ 1861 г. у моря: Н. А. Огарева, М. Мейзенбургъ и Ольга, ниже—А. И. Герценъ и неизвѣстный 268
5. А. И. Герценъ и Н. А. Герценъ-дочь 270
6—9. Близнецы Lola-boy и Lola-girl . . . . . 274—275
10. Лѣтомъ 1863 или 64 г.: вверху Н. А. Герценъ-дочь съ близнецами, ниже Н. А. Огарева и неизвѣстный 277

[1] Линіи профилей въ №№ 1, 2 и 3 высвобожены съ подлинниковъ.

PG
3201
G46
t.4

Gershenzon, Mikhail Osipovich (ed.)
Russkie propilei

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY